947.005
RUSK
1910
no.1

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. ЯНВАРЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Житейскія встрѣчи.** (Изъ воспоминаній судебнаго дѣятеля). А. О. Кони. . . . 3—21
II. **Переписка Карла IX-го съ самозванцами.** П. Пирлинга. . . . . 22—24
III. **Встрѣчи на жизненномъ пути.** Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Н. М. Ковалевскаго. . . . 25—45
IV. **Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.** Николая Полевого. . . . . 47—63
V. **Воспоминанія о Гоголѣ.** С. Глѣбова. . . . . 65—74
VI. **Аракчеевская премія.** С. Никольскаго. . . . 75—80
VII. **Какъ возникла въ гор. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офинниваетъ Карелію.** В. П. Крохина. 81—92
VIII. **Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.** (Изъ воспоминаній Ирины Ивановны Оннорé, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. И. Оннорé. . 95—108
IX. **Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ.** (Воспоминанія запаснаго). Н—чъ. 109—131
X. **Памяти О. В. Поповой.** . 132
XI. **Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).** Ивана Янжула. . . . . 133—148
XII. **На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.** Д. А. Скалона . . . . . 149—169
XIII. **Высочайшее повелѣніе, неисполненное „по недоумѣнію“.** Сообщ. А. Е. К. 170—176
XIV. **По Вальтеръ-Скотту.** А. Жиркевича. . . . . 177—189
XV. **Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.** (Біографическія свѣдѣнія объ А. Н. Поповѣ). Ал. Попова. . . . . 191—204
XVI. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 205—233
XVII. **Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I.** В. В. Тимощукъ. . . . 234—240
XVIII **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **„Я это давно зналъ“.** (Изъ воспоминаній о шестидесятыхъ годахъ). А. А—ха. 64
б) **Два повелѣнія Петра Великаго.** Сообщилъ Ал. Алекс. Лебедевъ. . . 93—94
в) **„Лѣсные“ кадеты — на парадахъ.** Сообщ. Мих. Соколовскій. . . . 190
XIX. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Павелъ Осиповичъ Пирлингъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.
2) Факсимиле рукописи Тернера: мнѣніе Бисмарка о необходимости новаго раздѣла Польши.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

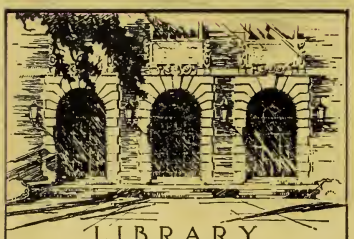
Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“, Знаменская, 27.
1910.

Т-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1910 года.

1979

05
Р89
№ 4696 ж.ф.
Русск. старина
1910, № 1 3-20



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
947.005
RUSK
1910
no. 1

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 5 1976
JUL 27 1976
OCT 18 1989

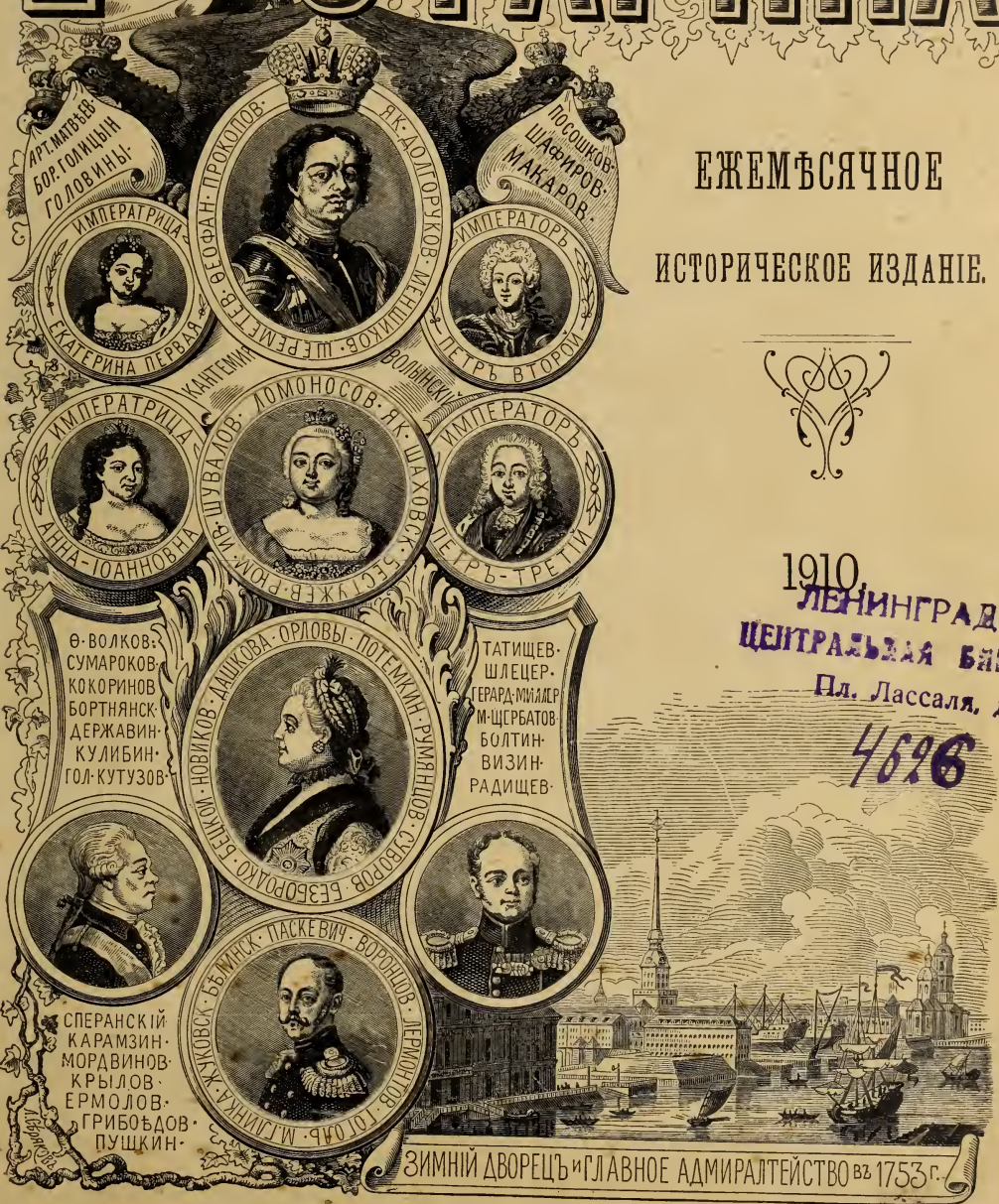
JUL 16 1991

L161—O-1096

Landesbibl. Kiel

РУССКАЯ СТАРИНА

Рюриковичи
Романовы



ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1910
ЛЕНИНГРАДСК
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛ
Пл. Лассаля, д
4696

Рис. К. Брожъ.

ИЮЛ 1939

Пирлингъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“.—„Поѣздка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова. П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевскаго. Д. А. Скалонъ**—„Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ѳ. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея.“—„Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ—** „ Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

05
Р-89

РУССКАЯ СТАРИНА

Р-89

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1910.

ЯНВАРЬ,—ФЕВРАЛЬ,—МАРТЪ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

№ 4826

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

947.085
RUSK
1910
v.1

Житейскія встрѣчи.

(Изъ воспоминаній судебнаго дѣятеля).

III.

Оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей Петербургскаго окружнаго суда, вынесенный ими 31 марта 1878 г. по дѣлу Вѣры Засуличъ, произвелъ на нервно настроенное—вслѣдствіе множества разнообразныхъ причинъ—общество чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ и оффиціальныхъ кругахъ цѣлую бурю негодованія на судъ и, конечно, на предсѣдателя по этому дѣлу. Когда эта буря зашумѣла вокругъ меня съ особенной силой, мною почувствовалась потребность уйти на время отъ тягостныхъ впечатлѣній петербургскаго служебнаго міра, чтобы хоть немного отдохнуть среди далекихъ друзей въ иной обстановкѣ—и я рѣшился поѣхать въ Харьковъ, гдѣ протекли первые годы моей публичной судебной дѣятельности, и съ которымъ у меня былъ связанъ рядъ теплыхъ воспоминаній. Хотя со времени оставленія мною Харькова прошло восемь лѣтъ той кипучей личной жизни, которая окружаетъ человѣка въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ его существованія, но я зналъ, что Харьковъ меня еще помнитъ и любитъ, считая *своимъ*. Можно было быть увѣреннымъ, что тамъ я найду атмосферу симпатій, которая хоть на время заставитъ смягчиться душевную боль, вызванную во мнѣ предложеніемъ о выходѣ въ отставку, предъявленнымъ несмѣняемому судьѣ за то, что онъ былъ слугою правосудія, въ условіяхъ начертанныхъ Судебными Уставами, а не услужливымъ пособникомъ осуществленія предвзятыхъ рѣшеній;—вы-

званную также и беззастѣнчивымъ предательствомъ, которое меня окружило со всѣхъ сторонъ подъ вліяніемъ травли вліятельныхъ газетъ и предположеній, что я, въ служебномъ отношеніи, несомнѣнно „сломилъ себѣ шею“. Я выѣхалъ въ пятницу на Страстной съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской дороги, получивъ въ вагонѣ II-го класса крайне неудобное мѣсто противъ стѣнки, что̀ мѣшало вытянуть ноги и среди ночи оказалось очень мучительнымъ, такъ какъ мѣсто рядомъ было занято какимъ-то грузнымъ господиномъ, усѣвшимся на двухъ третяхъ скамейки и прижавшимъ меня въ уголъ. Его нафабренные усы на морщинистомъ лицѣ, подкрашенные рѣдкіе волосы „съ височками“ и тугой высокій галстукъ давали поводъ думать, что это отставной военный. Ко мнѣ онъ относился строго, задавъ мнѣ два или три лаконическихъ вопроса въ теченіи пути, тѣсня меня во время мучительной желѣзнодорожной ночи и говоря мнѣ, при попыткахъ моихъ перемѣнить положеніе, строго и внушительно: „м—м—молодой человѣкъ! в—в—вы меня толкаете“. Но я былъ оглушенъ „шумомъ внутренней тревоги“ и не обращалъ вниманія на его отношеніе ко мнѣ.

Утромъ, когда мы подъѣзжали къ Москвѣ, мой спутникъ досталъ изъ картонки цилиндръ, пригладилъ его, надѣлъ взамѣнъ старой фуражки и положилъ въ ротъ гвоздичку. Ея ароматъ очевидно смягчилъ его сердце. Онъ въ первый разъ благосклонно взглянулъ на меня и, двинувъ бровями по направленію къ окну, сказалъ многозначительно: Кунцево!—Нѣтъ—отвѣчалъ я—Останкино.—Вы это навѣрно знаете?—Да, навѣрно.—Вы хорошо знаете Москву?—Да, хорошо.—Учитесь тамъ?—Нѣтъ, кончилъ.—Служите?—Да, служу.—Въ самой Москвѣ?—Нѣтъ, въ Петербургѣ.--А—а!—протянулъ собесѣдникъ, взглянувъ на меня еще болѣе благосклонно—въ Петербургѣ служба чистая, благородная.—Всякая есть! Какъ кто смотритъ! —А хорошій городъ! Я въ деревнѣ прожилъ 20 лѣтъ, выйдя въ отставку, а теперь вотъ пробылъ два мѣсяца въ Петербургѣ. Много нашелъ новаго. Невскій-то какимъ сталъ! Прежде бывало за „вшивой биржей“, противъ Троицкаго переулка и смотрѣть было не на что; Николаевская, помнится тогда—еще Грязно̀ю называлась и была немощеная,—да вотъ и конки тоже... совсѣмъ новое дѣло! Интересный городъ! Богъ знаетъ, когда попаду опять. Хотѣлось всего насмотрѣться. Только вотъ въ судъ не могъ попасть, на дѣло Засуличъ. Слышали, вѣроятно? Билеты надо было у предсѣдателя получать, ну а я съ нимъ не знакомъ. Да и гдѣ ужъ тамъ? Вѣроятно, желающихъ было безъ конца. А вы видѣли кого-нибудь, кто тамъ былъ? —Я былъ самъ на этомъ дѣлѣ—отвѣчалъ я, стараясь скрыть невольную улыбку.—И попали?—Попалъ.—Ну, и что же, я думаю

наканунѣ съ ночи пришлось придти сторожить себѣ мѣсто?—Нѣтъ, я пришелъ въ 11 часовъ.—Ну, такъ я думаю публики, какъ сельдей въ боченкѣ было? Ни дохни, ни повернись?—Я сидѣлъ не въ публикѣ, а по ту сторону судейскаго стола.—Эге, батюшка! Да у васъ, видно, дядя сенаторъ, что вамъ такое мѣсто устроилъ. Ну, ужъ я думаю тутъ сиди, какъ прикованный и вставать не моги: сейчасъ займутъ мѣсто!—Нѣтъ, моего мѣста—сказалъ я—никто бы въ этотъ день не занялъ, да и едва-ли и пожелалъ бы занять...

Мой собесѣдникъ взглянулъ на меня удивленно и высокомѣрно спросилъ меня: „любопытно знать, какое же это такое мѣсто у васъ было, молодой человѣкъ?“. Молодой человѣкъ, которому было уже 34 года, потупился и скромно сказалъ, что онъ — предсѣдатель Петербургскаго окружнаго суда и, ведя процессъ, сидѣлъ на принадлежащемъ ему главномъ мѣстѣ за судейскимъ столомъ. — „Неправда! Не можетъ быть“!—воскликнулъ его собесѣдникъ. Но, затѣмъ, должно быть убѣдясь, что присвоивать себѣ званіе предсѣдателя Петербургскаго суда едва-ли кто станетъ, сразу перемѣнилъ тонъ, сдѣлался любезенъ до приторности, помогъ завязать ручной багажъ и сталъ усердно рекомендовать остановиться въ Москвѣ на какомъ-то подворьѣ. „Очень дешево, тихо—и клоповъ—прибавилъ онъ многозначительно—ни, ни, ни!“

На другой день, т. е. въ Пасхальное воскресенье, въ настоящее свѣтлое воскресенье по погодѣ, я выѣхалъ изъ Москвы, когда ликованью пробуждавшейся природы вторилъ несмолкаемый и радостный гулъ московскихъ колоколовъ. Меня провожалъ на станцію курской желѣзной дороги мой покойный другъ—благородный, суетливый и несчастный Александръ Ивановичъ Барановскій, бывшій Петербургскій столичный мировой судья. Поѣздъ былъ почти пустой. Кондукторы были подъ хмѣлькомъ, и въ купе для некурящихъ I-го класса былъ лишь одинъ пассажиръ, съ которымъ Барановскій поздоровался, позабывъ мнѣ сказать, съ кѣмъ мнѣ приходится ѣхать. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, съ мягкими чертами задумчиваго и мыслящаго лица, въ золотыхъ очкахъ, сквозь которыя глядѣли добрымъ и вмѣстѣ серьезнымъ взглядомъ сѣрые глаза. Въ очертаніяхъ лица сквозилъ отдаленный татарскій типъ, но русая съ просѣдью густая борода придавала ему, вмѣстѣ съ мягкой складкой губъ, славянскій характеръ. Мы долго ѣхали молча, — онъ читалъ какую-то рукопись, а я погрузился въ чтеніе только что вышедшаго II-го тома „Les origines de la France contemporaine“ Тэна, не предчувствуя еще, что мнѣ, въ перелицовкѣ на русскіе нравы, придется пережить кое-что изъ этого, да пожалуй и изъ слѣдующихъ томовъ, замѣчательнаго труда

Тэна. На одной изъ большихъ станцій, — кажется въ Серпуховѣ — я вышелъ изъ вагона и когда вернулся, то засталъ своего спутника съ моей книжкой Тэна въ рукахъ, на первой страницѣ которой были написаны мое имя и фамилія. Онъ извинился и, сказавъ, что не читалъ еще этой книги, спросилъ мое объ ней мнѣніе. Мы разговорились. Онъ оказался человѣкомъ разносторонне-образованнымъ, живымъ и вдумчивымъ, съ чрезвычайно привлекательнымъ складомъ умной и содержательной рѣчи, и мы провели въ пріятной и оживленной бесѣдѣ почти все время до ночи. Разговоръ касался главнымъ образомъ литературы, поводомъ къ чему послужило мое указаніе на удивительную книгу того же Тэна „Essais sur Tite Live“, которая представляетъ собою непревзойденный, на мой взглядъ, образецъ литературно-исторической критики. Собесѣдникъ очевидно принадлежалъ къ высоко-образованному кружку московскаго общества, имѣя обширныя знакомства и связи въ Москвѣ, тогда еще не пріобрѣтшей нѣкотораго оттѣнка богатаго коммерческаго самодовольства, покрытаго лишь тонкимъ слоемъ легко стираемаго европейскаго лака. Онъ разсказалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о даровитой писательницѣ Кохановской, о М. П. Погодинѣ и между прочимъ о моемъ дядѣ Вельтманѣ и объ оригинальномъ кружкѣ, собиравшемся у послѣдняго въ казенномъ домѣ, гдѣ была квартира директора Оружейной Палаты, у Покрова въ Левшинѣ.

Назидательная бесѣда моего спутника перешла затѣмъ на вопросы искусства, педагогіи и философіи, но онъ тщательно избѣгалъ говорить о современныхъ намъ дѣлахъ, несмотря на мои попытки вызвать его на подобный разговоръ. Только о славянскомъ вопросѣ по поводу книги Спасовича и Пыпина по исторіи славянскихъ литературъ онъ нѣсколько распространился, но вскорѣ перешелъ къ воспоминаніямъ объ оригинальномъ Московскомъ профессорѣ Бодянскомъ. Наконецъ объяснилось, почему онъ избѣгалъ касаться злобы дня. На его вопросъ, куда я ѣду, я отвѣчалъ, что ѣду въ Харьковъ, нуждаясь въ нравственномъ отдыхѣ послѣ всего пережитого мною въ послѣднее время.—„По дѣлу Засуличъ?“—спросилъ онъ, давая мнѣ понять, что знаетъ, кто я. Назвалъ ли ему меня Барановскій, или онъ прочелъ мое имя на книгѣ, но повидимому онъ имѣлъ основаніе предполагать, что и я знаю, кто онъ такой. Мнѣ же было какъ-то неловко его спросить объ этомъ. — „Извините меня,—сказалъ онъ мнѣ — я не принадлежу къ вашимъ сторонникамъ въ этомъ процессѣ, хотя и не раздѣляю тона и характера нападокъ на васъ Каткова. Какъ могли вы допустить присяжныхъ произнести оправдательный приговоръ“?

Объяснивъ ему *законную* роль, права и обязанности предсѣда-

толя на судѣ присяжныхъ, не могущаго быть отвѣтственнымъ за ихъ приговоръ, произносимый по внутреннему убѣжденію,—и въ то же время не имѣющаго права ни играть съ ними въ *прятки*, ни ихъ заставлять играть въ *жмурки*, при чемъ онъ грубо нарушилъ бы святой долгъ судьи, если бы сталъ оказывать давленіе на ихъ совѣсть, голосъ которой долженъ звучать въ *свободно* выработанномъ рѣшеніи,—я разсказалъ ему вкратцѣ всю исторію возникновенія и разбора этого дѣла. Она изложена мною въ особыхъ воспоминаніяхъ и повторять ее здѣсь не у мѣста. Онъ слушалъ чрезвычайно внимательно, изрѣдка прося разъясненій техническаго свойства, и когда я кончилъ, сказалъ мнѣ, предварительно на нѣсколько минутъ задумавшись: „да, я вижу, вы—правы и вели себя, какъ подобаетъ судьѣ. Я беру назадъ мой упрекъ, но судьба поставила васъ въ положеніе по-истинѣ трагическое, возложивъ на вашу нравственную отвѣтственность тяжелую задачу“.—Я это сознаю—отвѣчалъ я ему—и сознавалъ всегда. Но если бы мнѣ снова пришлось вести это дѣло, то и тогда, несмотря на все тяжелое, уже мною пережитое и на то, что вѣроятно еще придется пережить, я не считалъ бы согласнымъ съ закономъ вести его иначе, добиваясь обвинительнаго приговора путемъ скрыванія отъ присяжныхъ того, что было или казалось невыгоднымъ для обвиненія.—Наступала ночь. Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами, мы собирались лечь спать, когда мой спутникъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Кіевъ къ больной матери и завтра утромъ въ 6 часовъ долженъ въ Курскѣ пересѣсть въ Кіевскій поѣздъ, такъ что мы пожалуй не увидимся. „Мнѣ крайне пріятно было съ вами встрѣтиться и узнать васъ ближе—прибавилъ онъ. Позвольте обратиться къ вамъ съ одною просьбою: вы, кажется, уже дочитываете Тэна, а мнѣ очень хотѣлось бы съ нимъ познакомиться до возвращенія въ Москву, гдѣ я буду черезъ недѣлю. Не можете ли вы мнѣ дать эту книгу, а по пріѣздѣ вашемъ въ Москву, я вамъ ее завезу или быть можетъ вы найдете минутку, чтобы заѣхать ко мнѣ, чѣмъ доставили бы мнѣ большое удовольствіе“. Я отвѣчалъ полною готовностью исполнить его просьбу и вновь почувствовалъ крайнюю неловкость отъ того, что не знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

На другой день, рано утромъ въ Курскѣ, выйдя на платформу, я увидѣлъ его уже сидящимъ у окна Кіевскаго поѣзда. Онъ дружески привѣтствовалъ меня. Необходимость разрѣшить вопросъ о томъ, кто онъ такой, предстала передо мною съ особою ясностью, и я схватился за его заявленіе: „такъ въ Москвѣ мы увидимся!“—какъ за якорь спасенія.—Да, конечно, сказалъ я. Но, я не знаю вашего адреса.—Вотъ моя карточка съ адресомъ.—Я положилъ ее въ карманъ, не читая и тѣмъ поддерживая въ немъ иллюзію, что я знаю,

съ кѣмъ такъ чудесно провелъ въ долгой бесѣдѣ первый день Пасхи. Зазвучалъ первый звонокъ, съ томительными переливами засвисталъ оберъ-кондукторъ, и поѣздъ, медленно погромыхивая, какъ будто нехотя выговаривая какое-то многозначительное слово своими колесами, двинулся въ Кіевъ. Я вынулъ карточку и прочелъ на ней: *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ*... Боже мой! воскликнулъ я невольно! и я этого не зналъ!... и въ воспоминаніи моемъ внезапно возникъ разсказъ, слышанный мною отъ другого Ивана Сергѣевича... Тургенева.

„Однажды въ Парижѣ, въ половинѣ 60 годовъ—разсказывалъ онъ—мы отправились вмѣстѣ съ Герценомъ къ старику Литтрé. Онъ былъ искренно обрадованъ нашимъ посѣщеніемъ и, сказавъ намъ: je vais vous régaler de bon vieux vin,—позвалъ свою bonne pour tout faire и далъ ей подробныя указанія о томъ, какъ найти въ погребѣ завѣтную бутылку. Но, покуда она приносила покрытую пылью и какою-то плѣсенью бутылку съ краснымъ виномъ, у Герцена съ оника загорѣлся съ хозяиномъ горячій споръ по поводу какого-то изъ словъ въ академическомъ словарѣ, составляемомъ Литтрé. Герценъ очень горячился, нервно ходилъ по комнатѣ и залпомъ выпилъ два стакана бережно разлитого хозяиномъ вина. Наконецъ, споръ утихъ, и мы стали собираться уходить. А какъ вамъ понравилось мое вино? спросилъ Литтрé.—Да, недурное petit vin отвѣтилъ, очевидно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ пилъ, Герценъ.—Какъ petit vin?! воскликнулъ съ горестнымъ изумленіемъ хозяинъ. Да вѣдь это Chambertin, которому тридцать лѣтъ!! Вѣдь, это драгоцѣнность, которую я много, много лѣтъ не рѣшался раскупоривать!.. Лицо его омрачилось, губы сложились въ сарказтическую усмѣшку, и онъ холодно простился съ нами. Когда мы вышли отъ него и проходили по улицѣ, я сказалъ Герцену: а вѣдь старикъ-то очень обидѣлся.—А чортъ его возьми!—отвѣтилъ Герценъ, зачѣмъ же онъ не сказалъ, какое это вино и какого года: я бы его совсѣмъ иначе пилъ“...

Боже мой,—сказалъ я себѣ—зачѣмъ не зналъ я, что это Аксаковъ. Я бы его *совсѣмъ иначе пилъ*. Я говорилъ бы съ нимъ о политикѣ, о славянофилахъ, о его отцѣ и братѣ и на его слова о важной отвѣтственности, принятой мною на себя веденіемъ дѣла Засуличъ, отвѣтилъ бы вопросомъ: ну, а вы, Иванъ Сергѣевичъ, съ вашими статьями, сыгравшими такую вліятельную роль предъ сербской и русско-турецкой войнами, развѣ не неизмѣримо большую отвѣтственность принимали на себя передъ Россіей? Наша встрѣча вызвала со стороны Аксакова, какъ оказалось впослѣдствіи, лестный для меня, хотя и совершенно не заслуженный отзывъ. „До Курска ѣхалъ я съ К.—писалъ онъ своей супругѣ 18 апрѣля 1878 г. изъ Кіева—

предсѣдателемъ Петер. Окр. Суда, замѣчательно умнымъ, даровитымъ и очень хорошимъ человѣкомъ. Его разсказы были въ высшей степени интересны. Онъ оставилъ мнѣ книгу Taine „la Révolution“, которой по дорогѣ отъ Курска до Кіева я и прочелъ слишкомъ 200 страницъ. На Ѳоминой недѣлѣ, на обратномъ пути заѣдетъ къ намъ“. Но въ Москвѣ намъ видѣться не удалось, и мы лишь размѣнялись визитами. Я его встрѣтилъ во второй и послѣдній разъ лишь въ апрѣлѣ 1881 г., тоже на Пасхѣ, у Александра Ивановича Кошелева, на одномъ изъ оригинальныхъ вечеровъ послѣдняго, куда сходилась почти вся интеллигенція Москвы, и гдѣ подавали ужинъ на ломберныхъ, ничѣмъ не покрытыхъ, столахъ. Аксаковъ былъ подавленъ трагической кончиной Царя-Освободителя, былъ неразговорчивъ и съ мрачнымъ видомъ слушалъ шумныя выходки старика Сергѣя Андреевича Юрьева, позабывшаго, идя въ гости, надѣть галстухъ, и говорившаго съ чрезвычайной горячностью, не глядя на собесѣдника и брызжа при этомъ слюною. Аксаковъ пробылъ не долго и ушелъ все въ томъ же грустномъ и тревожномъ настроеніи. А одинъ изъ москвичей, видя, что я очень заинтересованъ оригинальною личностью Юрьева, разсказалъ мнѣ про феноменальную разсѣянность послѣдняго нѣсколько случаевъ. Два остались у меня въ памяти. Въ *одномъ*,—положивъ въ передней на столикъ свою зимнюю мѣховую шапку, Юрьевъ, уходя и попрощавшись съ хозяевами, второпяхъ и не глядя схватилъ рукою то, что считалъ своею мохнатой шапкою. Но шапка, поднятая въ воздухѣ, вдругъ фыркнула, испустила вопль и мяуканье и впилась ему въ руку когтями и зубами. Въ *другомъ*,—идя гдѣ-то въ переулкѣ около Сухаревой башни, онъ горячо спорилъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей и такъ брызгался слюной, что тотъ потихоньку отсталъ и отойдя въ сторону слѣдовалъ за нимъ. Юрьевъ ничего не замѣчалъ и, размахивая руками, продолжалъ споръ. „Нѣтъ, я тебѣ докажу, я тебѣ докажу“—кричалъ онъ—и вдругъ долженъ былъ остановиться. Предъ нимъ стоялъ пьяный мужикъ, широко разставивъ ноги и смотря на него мутнымъ взоромъ, говорилъ ему, съ трудомъ поворачивая языкъ: „ну, и что ты мнѣ, лохматый чортъ, доказать можешь?!“

IV.

Въ четвертомъ классѣ второй (нынѣ Александровской) Петербургской гимназіи, куда я поступилъ изъ нѣмецкой школы при церкви св. Анны, у меня былъ товарищъ Н. Г. П... воспоминаніе о

знакомствѣ съ которымъ связано у меня съ одною изъ тѣхъ житейскихъ перемѣнъ въ человѣкѣ, къ которой примѣнимы стихи Некрасова:

„Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи
„Вчерашній другъ, поникнувъ головой...

Юный П—... былъ добрый, отзывчивый и способный мальчикъ, но съ чрезвычайно развитымъ самолюбіемъ, переходившимъ въ смѣшное тщеславіе. Онъ носилъ длиннѣйшіе ногти, длинные волосы и чуждался нашихъ дѣтскихъ игръ и забавъ, относясь къ нимъ презрительно и стараясь дать намъ понять, что онъ гораздо выше насъ по умственному развитію. А мы, какъ нарочно, были почти всѣ большими шалунами, хотя большинство изъ насъ училось прекрасно. Иногда эти шалости соединялись у насъ съ увлеченіемъ какимъ-либо изъ преподаваемыхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, на насъ имѣлъ большое вліяніе учитель исторіи, незабвенный Владиміръ Ѳедоровичъ Эвальдъ. Его доброе и отчасти насмѣшливое отношеніе къ ученикамъ было соединено съ увлекательнымъ изложеніемъ предмета. Мы ждали его урока и слушали его съ радостнымъ чувствомъ. Однажды мы, мальчики, очень желавшіе быть взрослыми, написали на доскѣ: „gaudeamus igitur, juvenes dum sumus“. Эвальдъ вошелъ въ классъ и сталъ разсказывать свой урокъ, по привычкѣ ходя по классу. Увидѣвъ написанное на доскѣ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на насъ добрымъ и смѣющимся взглядомъ, взялъ губку стеръ слово „juvenes“ и написалъ „pueri“... Особенно увлекательно разсказывалъ онъ Крестовые походы, и нарисованная имъ картина душевнаго состоянія крестоносцевъ, узрѣвшихъ послѣ многихъ битвъ и долгихъ страданій Святой градъ и преклонившихъ предъ нимъ колѣна, до сихъ поръ—по прошествіи пятидесяти лѣтъ—стоитъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ. Мы тотчасъ же объявили себя крестоносцами, при чемъ маленькій горбунъ Майеръ, ходившій съ крючковатой палкой, былъ произведенъ въ Петры Пустынники, а я пожалованъ въ Готфриды Бульонскіе,—сосѣдній же классъ былъ признанъ сарацинами, и ему объявлена жестокая война. Надо сознаться, что наши крестовые походы, продолжавшіеся цѣлый мѣсяцъ въ большую перемѣну между уроками, окончились для крестоносцевъ весьма плачевно: сосѣдній классъ оказался численно сильнѣе, да и у насъ произошелъ внутренній расколъ: нынѣшній тайный совѣтникъ и юрисконсультъ министерства внутреннихъ дѣлъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ поднялъ знамя бунта и объявилъ себя султаномъ Килиджъ-Арсланомъ... Петръ Аміенскій былъ захваченъ въ плѣнъ, а Готфридъ Бульонскій, бывшій „старшимъ“ въ классѣ и обязанный наблюдать за порядкомъ, былъ посаженъ въ карцеръ послѣ

одной неудачной атаки, окончившейся разбитіемъ стеколъ въ дверяхъ сосѣдняго класса. Ко всѣмъ этимъ происшествіямъ П... относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, чѣмъ возбудилъ общее противъ себя недовольство, такъ что нѣкоторыми рѣшено было его „проучить“.— Cet âge est sans pitié. Однажды онъ былъ крѣпко схваченъ, и его длинные, чуть не въ вершокъ, ногти, которыми онъ отчаянно царапался, сопротивляясь, были насильственно обстрижены. Операція прекратилась лишь съ приходомъ учителя, но все время урока П..., блѣдный и закусивъ нижнюю губу, бросалъ на меня свирѣпые взгляды, почему-то (и при томъ совершенно несправедливо) считая меня зачинщикомъ всей этой затѣи. Съ этихъ поръ онъ преисполнился ненавистью ко мнѣ и еще болѣе замкнулся въ своемъ отчужденіи. Но, очевидно, его доброе сердце сильно страдало отъ этого, тѣмъ болѣе, что я пользовался почему-то нѣкоторой любовью товарищей и даже своего рода авторитетомъ, можетъ быть, потому, что охотно принималъ участіе во всѣхъ производимыхъ сообща шалостяхъ.

Лѣтомъ 1859 года мы жили на дачѣ въ Петергофѣ. Въ одинъ прекрасный день, во время завтрака, горничная подала мнѣ письмо, сообщивъ, что податель ожидаетъ отвѣта на улицѣ. Въ письмѣ заключалось восторженное объясненіе въ любви со стороны П... и предложеніе дружбы до гроба. Я выбѣжалъ къ нему, мы обнялись, оба расплакались, и въ залогъ нашей дружбы онъ мнѣ тутъ же поднесъ ракету собственнаго издѣлія, которую мы въ тотъ же вечеръ спустили на дворѣ, чуть не спаливъ всю дачу. Съ этихъ поръ мы стали часто видѣться, и онъ сдѣлался участникомъ общихъ предпріятій въ пятомъ классѣ, принявшихъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ году. Мы стали издавать журналъ „Заря“ съ эпиграфомъ изъ Рылѣева: „Повѣрь, мой другъ, взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья—Россія вспрянетъ ото сна“... Журналъ однако былъ самаго невиннаго свойства и преимущественно наполнялся статьями по физикѣ и математикѣ. Въ этомъ же классѣ былъ великовозрастный воспитанникъ Ивановъ, круглый сирота, жившій изъ милости и по какимъ-то отношеніямъ у чиновника П—кова. Онъ потѣшалъ насъ стихами и комическими разсказами своего сочиненія и часто плакался на свою судьбу, разсказывая, какъ нерѣдко П—ковы заставляли его исполнять самыя черныя работы по квартирѣ. Однажды Ивановъ прибѣжалъ въ классъ, послѣ двухдневнаго отсутствія, до крайности разстроенный и со слезами разсказалъ намъ, что его благодѣтели заперли его за какую-то неисправность по хозяйству на ночь въ темную комнату, гдѣ былъ положенъ въ ожиданіи погребенія трупъ старухи-бабушки. Ивановъ плакалъ, говорилъ, что

скорѣе бросится въ воду, чѣмъ вернется домой на новыя моральныя истязанія, и былъ въ полномъ отчаяніи. Мы, мальчики 13 и 14 лѣтъ, рѣшили его поддержать во что бы то ни стало и помочь ему приготовиться къ поступленію въ Театральное училище, куда онъ ужедавно и безнадежно, по сильному призванію, стремился. Мы дали другъ другу нѣчто вродѣ клятвы отдавать Иванову всѣ деньги, которыя у насъ будутъ, и отправили депутацію къ директору А. С. Власову съ просьбой о заступничествѣ за Иванова. Я былъ избранъ ораторомъ этой депутаціи. Власовъ отнесся къ намъ очень сочувственно, вызвалъ къ себѣ Иванова, подробно разспросилъ его, поѣхалъ затѣмъ къ оберъ-полицеймейстеру—и чрезъ нѣсколько дней Ивановъ, котораго Власовъ покуда пріютилъ у себя, былъ освобожденъ навсегда отъ своихъ благодѣтелей, получивъ право свободнаго проживанія, гдѣ онъ хочетъ. Онъ поселился въ Тарасовомъ переулкѣ въ Измайловскомъ полку въ довольно большой комнатѣ пятаго этажа. Раза два въ мѣсяцъ мы всѣмъ классомъ ходили его навѣщать и приносили ему нашу посильную лепту и разные гостинцы, которые тутъ же сообща и съѣдались. Однажды, во время такого посѣщенія, съ нами случилось трагическое происшествіе. Въ это время всѣхъ интересовали опыты гипнотическаго сна, вызываемаго пристальнымъ и упорнымъ взглядомъ на отраженіе свѣта на двухъ перекрещивающихся металлическихъ пластинкахъ. Мы вздумали продѣлать этотъ опытъ надъ однимъ изъ нашихъ товарищей Николаемъ Беромъ (однимъ изъ имѣвшихъ впослѣдствіи отношеніе къ ужасному несчастію на Ходынкѣ во время коронаціи 1896 г.), и онъ дѣйствительно скоро заснулъ. Но когда мы стали пробовать его разбудить, то онъ не просыпался, несмотря на тормошеніе, уколы, щипки и крики въ ухо. Мы пришли въ совершенное отчаяніе и рѣшили, что лишили товарища жизни. Юному уму нашему представилось, что для насъ нѣтъ ни оправданія, ни извиненія, и что мы погибли. Съ ужасомъ въ сердцѣ рѣшено было, что трое изъ насъ отправятся въ полицію и отдадутъ себя въ „руки правосудія“, а остальные останутся ожидать рѣшенія своей судьбы у „трупа“. Несчастные убійцы уже уходили, когда кому-то вздумалось плеснуть въ лицо убитому водой. Онъ вздохнулъ и раскрылъ глаза... Ивановъ поступилъ въ Театральное училище и лѣтъ черезъ десять я его слышалъ въ Александринскимъ театрѣ поющимъ въ „Орфеѣ въ аду“ куплеты про Аркадскаго принца.

Николай П... собиралъ къ себѣ довольно часто товарищей въ свою маленькую комнатку на антресоляхъ, гдѣ-то въ 5-ой или 6-ой ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ своего брата Г. Г. П. моложаваго отца семейства, имѣвшаго уже взрослую дочь. Онъ былъ преподавателемъ русской словесности въ институтахъ и читалъ

иногда безцвѣтно-сентиментальныя публичныя лекціи по литературѣ въ залѣ нашей второй гимназіи. Къ концу нашей полуребяческой бесѣды обыкновенно онъ поднимался къ своему брату и приносилъ съ собою „Колоколъ“ и „Полярную звѣзду“, проповѣдуя намъ необходимость ниспровергнуть государственный строй и утопить въ крови существующій порядокъ, льстиво доказывая развѣсившимъ уши мальчикамъ, что въ этомъ состоитъ задача подростающаго поколѣнія, и что эту задачу оно одно въ состояніи и должно выполнить. Онъ дѣлалъ это въ то время, когда правительство искренно шло впереди общества, и когда ежедневно ковались великія реформы Александра II. Льстя незрѣлымъ умамъ, онъ подзадоривалъ насъ тѣмъ, что декламировалъ намъ революціонные стихи и пѣсенки, нѣкоторые изъ которыхъ мы съ его словъ и заучили... Предъ выходомъ моимъ въ университетъ изъ шестого класса бѣдный Коля П. заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, но впослѣдствіи онъ поправился, былъ замѣтнымъ и преданнымъ своему дѣлу педагогомъ, но предъ смертью, послѣдовавшею въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, какъ я слышалъ, потерялъ зрѣніе.

Прошло много лѣтъ, и я былъ уже прокуроромъ Петербургскаго окружнаго суда. Въ декабрѣ 1872 года возникло слѣдствіе по дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги и о приготовленіи къ отравленію нѣкоего Александра Ярошевича, въ которомъ были заподозрѣны акушеръ Колосовъ и докторъ Никитинъ, библіотекарь Медико-Хирургической академіи. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ увѣдомила,—къ качествѣ свѣдущаго лица,—судебнаго слѣдователя о томъ, что способъ поддѣлки акцій, найденныхъ при обыскѣ въ Академіи, есть тотъ же самый, который былъ употребленъ при поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ съ политической цѣлью, дѣло о чемъ разбиралось въ 1869 году. При этомъ по справкамъ оказалось, что вещественныя доказательства сданы въ архивъ знаменитаго III Отдѣленія. Желая сличить кредитныя бумажки съ акціями и ближе ознакомиться со способомъ поддѣлки, а также съ нѣкоторыми обстоятельствами, сопровождавшими ея открытіе, слѣдователь обратился за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ къ начальнику III Отдѣленія, но никакого отвѣта на двукратное обращеніе не получилъ. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ ко мнѣ какъ къ прокурору—и я рѣшился „взять быка за рога“, т. е. не вступая въ переписку, поѣхать къ шефу жандармовъ графу Шувалову и лично съ нимъ объясниться. Шуваловъ встрѣтилъ меня очень любезно, но заявилъ, что, согласно секретному Высочайшему повелѣнію, никакія дѣла и справки изъ архива никому рѣшительно не выдаются. „Самое большее,—сказалъ онъ мнѣ,—что я могу сдѣлать—

это, въ видѣ особаго исключенія, допустить лично васъ, по довѣрію къ вамъ, къ обозрѣнію дѣла въ архивѣ". На мое возраженіе, что свѣдѣнія нужны не мнѣ, а слѣдователю, Шуваловъ сказалъ, что пришлетъ ко мнѣ своего чиновника, которому я, переговоривъ со слѣдователемъ, могу указать, что именно намъ нужно, и тогда тотъ доставитъ частнымъ образомъ намъ требуемыя свѣдѣнія. „Этотъ чиновникъ,—добавилъ человѣкъ, которому завистливая молва присвоивала опасное наименованіе „Петръ IV",— очень способный и образованный; онъ у меня состоитъ заграничнымъ агентомъ по надзору за русской эмиграціей и пишетъ интересныя и очень полезныя для насъ донесенія. Но теперь я его выписалъ на нѣкоторое время сюда и пришлю его къ вамъ. Вы останетесь довольны его понятливостью и умѣніемъ освоиться со всякимъ дѣломъ"... Черезъ два дня курьеръ доложилъ мнѣ, что въ камеру мою явился чиновникъ отъ шефа жандармовъ, и на мое приглашеніе ко мнѣ вошелъ человѣкъ, какъ казалось, среднихъ лѣтъ съ моложавой наружностью и геморроидальнымъ цвѣтомъ бритаго лица, рекомендуясь посланнымъ „графомъ Петромъ Андреевичемъ". Я пригласилъ судебнаго слѣдователя, и мы общими силами выяснили пришедшему, оказавшемуся, дѣйствительно, очень понятливымъ, сущность и связь тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ нужны. Когда слѣдователь ушелъ, я извинился передъ чиновникомъ, что мы его побезпокоили и отрываемъ отъ занятій, о которыхъ мнѣ говорилъ шефъ жандармовъ. „Мои главныя занятія за границей,—словоохотливо отвѣчалъ онъ,—а здѣсь я занятъ мало и потому радъ быть вамъ полезнымъ по очень интересному, какъ я слышалъ, дѣлу. Для меня же здѣсь, въ Петербургѣ, нѣтъ теперь серьезной задачи; иное дѣло руководить надзоромъ за этими заграничными негодяями, которые устроились удобно и безопасно и подстрекаютъ несчастную молодежь итти на революціонныя затѣи и погибать затѣмъ въ ссылкѣ и на каторгѣ. Вотъ съ кѣмъ надо бороться и кого не слѣдовало бы щадить!". Въ манерахъ, голосѣ и чертахъ его бритаго лица мнѣ почудилось что-то знакомое, и я сталъ пристально въ него всматриваться, силясь припомнить, гдѣ и когда я могъ его видѣть. Онъ это замѣтилъ и, любезно улыбнувшись, сказалъ мнѣ: А вѣдь вы меня не узнали! Я—Григорій Григорьевичъ П...—„Какъ?—воскликнулъ я невольно— „вы Григорій Григорьевичъ! да не можетъ быть!"—„Отчего же—отвѣтилъ онъ, немного смутившись,—что же тутъ удивительнаго? вѣдь взгляды съ лѣтами мѣняются. Когда мы съ вами встрѣчались у брата, я былъ молодъ, увлекался.—Но вамъ, кажется, было весьма за тридцать лѣтъ?—Ничего не отвѣчая на это замѣчаніе, онъ съ дѣланнымъ умиленіемъ сказалъ: а какое славное время было тогда, помните? Вы были такой юный, всѣмъ интересовались. Думалъ ли я, что

встрѣчу васъ на такомъ важномъ посту?—Да и я не думалъ, что мы *такъ* встрѣтимся. Я вѣдь до сихъ поръ помню, какъ вы тогда, разъ встали передъ нами, малыми юнцами, на столъ и декламировали:—„Я нашелъ, друзья, нашелъ—кто источникъ безтолковый—нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ“ и т. д., и потомъ учили насъ кровожадному четверостишью: „Себя, друзья, мы позабавимъ“ и т. д.—Да, да,—сказалъ онъ, кисло улыбаясь,—молодость, молодость!—Ну, извините еще разъ, что я отнялъ васъ отъ вашихъ важныхъ занятій относительно тѣхъ подстрекателей юной молодежи, которыхъ вы съ такимъ презрѣніемъ называете негодями“...

Мы встрѣтились затѣмъ чрезъ два мѣсяца въ гимнастическомъ павильонѣ, гдѣ господинъ П..., упершись въ бока, очень искусно присѣдалъ подъ команду учителя. Онъ сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня, и я не считалъ нужнымъ напоминать ему о себѣ: мнѣ вообще не нравились его гимнастическія упражненія.

V.

Въ 1861 году я и четверо моихъ товарищей (Кобылкинъ, Лукинъ, Сигель и Штюрмеръ) рѣшились выдти изъ 6-го класса гимназіи прямо въ университетъ, который насъ давно манилъ своими лекціями, доступными тогда почти для всѣхъ. Уже со школьной скамьи мы ходили слушать блестящія чтенія Н. И. Костомарова и лучшими мечтами души жили въ университетскихъ стѣнахъ. Для того однако, чтобы въ нихъ скорѣй попасть, нужно было оставить гимназію и держать экзаменъ, въ качествѣ лицъ, получившихъ домашнее воспитаніе, въ особой испытательной комиссіи при университетѣ. Она засѣдала съ 19-го по 26 мая, и въ теченіе этихъ семи дней нужно было выдержать экзамены по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, выбирая для этого любые дни и любые предметы. Экзаменъ производился учителями гимназіи подъ предсѣдательствомъ профессоровъ и былъ довольно строгъ.

Всѣхъ державшихъ было человѣкъ двѣсти и каждый день съ девяти часовъ утра пестрая и разношерстая толпа ихъ разсыпалась по аудиторіямъ, при чемъ имѣвшійся у каждаго экзаменный листокъ съ перечисленіемъ предметовъ, графою для отмѣтокъ и подписей учителей постепенно заполнялся словами: „удовлетворительно“, „неудовлетворительно“ и „весьма удовлетворительно“. Вторая гимназія, въ которой я учился, считалась по преимуществу математической, и эта ея слава въ значительной степени поддерживалась талантливыми

преподавателями, среди которыхъ первое мѣсто занималъ по праву Егоръ Христіановичъ Рихтеръ, здравствующій и понынѣ. Я много занимался математикой и *увѣрилъ себя*, что люблю ее, смѣшивая трудолюбіе со способностью. Уже съ 6-го класса я началъ давать уроки алгебры и геометріи готовившимся поступать въ высшіе классы гимназіи, такъ что пріобрѣлъ нѣкоторый педагогическій навыкъ. Вступительные экзамены въ университетѣ шли у меня очень успѣшно, а мои отвѣты изъ тригонометріи доставили мнѣ даже маленькій тріумфъ нѣсколько комическаго характера. Я былъ очень моложавъ, имѣя на видъ не болѣе 14 лѣтъ, былъ сухощавъ и маленькаго роста, такъ что обращалъ на себя общее вниманіе собравшихся на экзаменъ своимъ почти дѣтскимъ видомъ. Знаменитый профессоръ и академикъ Сомовъ, вслушавшись въ мои отвѣты на экзаменѣ, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ внѣ программы, на которые мнѣ удалось отвѣтить довольно удовлетворительно. Сомовъ почему-то пришелъ въ великій восторгъ и, сказавъ мнѣ—„нѣтъ, васъ надо показать ректору“—подошелъ ко мнѣ сзади, крѣпко охватилъ меня руками за локти и поднявъ на воздухъ воскликнулъ: „я васъ снесу!“ Это мнѣ—будущему студенту—показалось чрезвычайно неумѣстнымъ и, увидѣвъ мое обиженное лицо, онъ оставилъ меня въ покоѣ. Съ этихъ поръ между экзаменующимися прошла обо мнѣ слава, какъ о человѣкѣ, который на математикѣ „собаку съѣлъ“.

26-го мая мнѣ оставалось выдержать экзамены у нѣмца и француза. На нихъ я шелъ, въ виду домашняго воспитанія и трехлѣтняго пребыванія въ Annenschule, спокойно. Толпа экзаменующихся въ этотъ послѣдній день была особенно оживлена. Изъ нея вышелъ ко мнѣ навстрѣчу молодой стройный человѣкъ высокаго роста съ едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стальнаго цвѣта и коротко остриженной головой. На немъ, по модѣ того времени, были широчайшія сѣрыя брюки, длинный бѣлый жилетъ и коричневый однобортный сюртукъ, а на шеѣ, тоже по модѣ того времени, былъ повязанъ узенькій черный галстухъ съ вышитыми на концахъ цвѣточками. Манеры его были изысканно вѣжливы и обличали хорошее воспитаніе, которое впрочемъ въ то время еще не было рѣдкостью. „Извините—сказалъ онъ мнѣ—я знаю, что вы отличный знатокъ математики, а у меня—и онъ слегка покраснѣлъ—вотъ какая бѣда: я не приготовилъ двухъ послѣднихъ билетовъ изъ тригонометріи, да и вообще слабъ по этой части и самъ себѣ помочь не могу. Не можете ли вы мнѣ объяснить ихъ“?.. Я съ удовольствіемъ согласился; мы сѣли въ сторонкѣ за край большого стола, и я „преподалъ“ моему неожиданному ученику два тревожившіе его билета, повторилъ свое объясненіе и предложилъ

ему попробовать мнѣ отвѣтить. Отвѣтъ обличилъ его чрезвычайную понятливость, и я сказалъ ему:—теперь идите и берите тотчасъ же билетъ, на полъ-часа вы заряжены, а тамъ пожалуй позабудете.—Мы разстались, и я пошелъ къ своимъ иноземцамъ. Когда я вышелъ отъ послѣдняго изъ нихъ въ пріемную передъ аудиторіей, гдѣ происходилъ экзаменъ, изъ двери другой аудиторіи вышелъ мой незнакомецъ. Его красивое лицо было радостно взволновано. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, протягивая обѣ руки для крѣпкаго рукопожатія, воскликнулъ: „представьте! Послѣдній билетъ! Послѣдній!! И—весьма удовлетворительно! Какъ я вамъ благодаренъ! Мы конечно будемъ встрѣчаться. Вы вѣдь, безъ сомнѣнія, юристъ?—Нѣтъ, я иду на математическій факультетъ по чисто математическому разряду.—Но, все-таки, мы будемъ встрѣчаться. Неправда ли? — Конечно, отвѣчалъ я. Но, какая-то странная застѣнчивость помѣшала мнѣ спросить его фамилію. Встрѣчаться намъ однако въ университетскомъ коридорѣ не пришлось. Осенью университетъ былъ закрытъ на два года, и я, послѣ безплодныхъ занятій математикой на дому въ теченіе года, перешелъ на второй курсъ юридическаго факультета Московскаго университета.

Лѣтомъ 1881 года послѣ тяжелаго огорченія, пережитаго мною вслѣдствіе ужасной смерти моего стараго и испытаннаго друга доктора Левковича, утонувшаго, при самой трагической обстановкѣ, въ водопадѣ на Иматрѣ, я поѣхалъ за границу, чтобы хоть немного привести въ порядокъ свои нервы. Въ одномъ купэ со мною сидѣла дама среднихъ лѣтъ, съ которой мы разговорились. Въ ея манерахъ, способѣ выражаться, достоинствѣ и изящной простотѣ, съ которыми она себя держала, чувствовалась ея принадлежность не только къ высшему обществу, но и къ высокоразвитому кругу людей. Въ ея словахъ сквозили—разностороннее образованіе и вдумчивость въ такіе вопросы, про которые нашъ народъ говоритъ съ презрительной ироніей, что „это не женскаго ума дѣло“. Изъ мимолетныхъ ссылокъ ея на свои житейскія встрѣчи явствовало, что она подолгу живетъ въ чужихъ краяхъ и при томъ не какъ простая туристка или любительница „заграницы“, подобно многимъ изъ безпечальныхъ россіянъ, но играетъ тамъ въ политическихъ и литературнымъ кругахъ нѣкоторую роль, въ качествѣ защитницы достоинства и достоинствъ—иногда понимаемыхъ нѣсколько своеобразно—своей родины, Россіи. Живя довольно долго въ Англіи, она изъ своего „далека“ видѣла многое въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ и не обо всѣхъ выдающихся людяхъ и важныхъ обстоятельствахъ русской жизни высказывала вѣрные взгляды, но искренность и горячность убѣжденій, сквозившія въ ея рѣчи, заставляли мириться съ этимъ стремленіемъ повѣрить въ „насъ возвышающій об-

№4626 ж.ф.

ЛЕНИНГРАДС
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБ
Пл. Лассаля, д
4626

манъ". Это была супруга одного изъ петербургскихъ сановниковъ, много писавшая о Россіи на англійскомъ языкѣ. Раздѣляя взгляды Каткова на наши внутреннія дѣла и его предвзятый взглядъ на людей, съ нимъ не единомышленныхъ, она была немало удивлена, узнавъ, что ея спутникъ, котораго она со словъ „Московскихъ Вѣдомостей" представляла себѣ „потрясателемъ основъ", при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ таковымъ не оказывался и былъ чуждъ всякой партійной окраски. Мы должны были разстаться въ Вержболовѣ, такъ какъ она упустила визировать свой паспортъ, что тогда требовалось со стороны Пруссіи въ видѣ нѣкоторой репрессаліи,—и должна была остаться на границѣ впредь до полученія вида изъ ближайшаго губернскаго города Ковно. Мы обмѣнялись письмами, а осенью, пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись въ Hôtel de France, она просила меня посѣтить ее. Придя на это приглашеніе, я засталъ ее въ оживленномъ разговорѣ съ молодымъ еще, красивымъ и стройнымъ генералъ-адъютантомъ съ Георгіемъ на шеѣ. Въ отвѣтъ на мой поклонъ, онъ протянулъ мнѣ руку, что, вѣроятно, дало хозяйкѣ поводъ думать, что мы знакомы, и она не назвала насъ одного другому.

Я вспоминаю, по этому поводу, что въ Москвѣ временъ моей молодости, въ нѣкоторыхъ кругахъ существовалъ странный обычай не представлять другъ другу гостей, и это вызывало иногда недоразумѣнія, не лишенныя комизма. Такъ, я помню, что за ужиномъ у извѣстнаго писателя Писемскаго, въ его пріемный вечеръ, одинъ изъ гостей сталъ весьма рѣшительно и ѣдко критиковать барельефы на памятникѣ Императора Николая работы Рамазанова, не зная, что противъ него сидитъ и его съ болѣзненнымъ вниманіемъ слушаетъ самъ Рамазановъ. Я былъ свидѣтелемъ и другого случая, относящагося къ категоріи тѣхъ, въ которыхъ страшно жалѣешь, что не отсутствуешь, дабы не быть очевидцемъ неловкаго, чтобъ не сказать болѣе, положенія, въ которое иногда попадаютъ люди. Во времена моего студенчества—въ Москвѣ жилъ довольно извѣстный романистъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, написавшій серію романовъ подъ названіемъ „Приключенія изъ моря житейскаго" и занимавшій должность директора Оружейной палаты. Онъ приходился мнѣ двоюроднымъ дядей со стороны матери, былъ чрезвычайно интересный и разносторонній человѣкъ,—занимался между прочимъ санскритскимъ языкомъ и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ,—переложилъ „Слово о полку Игоревѣ" и доказывалъ болѣе своеобразно, чѣмъ убѣдительно, что не только вся Германія—славянская земля, но что даже и Аттила былъ великій князь Кіевскій („Аттила и Русь

V вѣка“). Въ его обширномъ кабинетѣ въ казенномъ домѣ въ Левшинскомъ переулкѣ собирались его старые боевые сослуживцы (онъ учился въ школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ), военные сенаторы баронъ Ховенъ и Колюбакинъ, и писатели. Изъ послѣднихъ чаще всего бывали Михаилъ Петровичъ Погодинъ, Чаевъ и Даль. Однажды зимой 1863 года жена дяди, Елена Ивановна Вельтманъ, урожденная Сабанѣева—очень умная и развитая женщина, авторъ двухъ историческихъ романовъ,—написала мнѣ, что вечеромъ у нихъ будетъ ея старый знакомый докторъ, пріѣхавшій изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, разсказывающій очень интересныя вещи объ этомъ, тогда еще очень мало извѣстномъ краѣ. Она звала меня послушать пріѣзжаго къ восьми часамъ вечера, но я, занятый даваніемъ уроковъ, опоздалъ и пришелъ въ то время, когда докторъ окончилъ свой разсказъ. Я засталъ тотъ психологическій моментъ, когда разсказчикъ, очутившись впервые среди незнакомыхъ дотолѣ людей, чувствуетъ и сознаетъ, что заинтересовалъ всѣхъ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе. Докторъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, въ непринужденной позѣ, съ оживленнымъ лицомъ и блестящими глазами. Противъ него, въ разстояніи аршина съ небольшимъ, сидѣлъ глубоко ушедшій въ кресло, съ костылемъ въ рукахъ, московскій старожилъ, извѣстный русскій историкъ и публицистъ М. П. Погодинъ, съ клинообразной, безпорядочной бородой на умномъ лицѣ съ крупными чертами. Это было въ томъ году, въ которомъ съ 1-го января „Московскія Вѣдомости“ начали издаваться подъ редакціей Каткова и пріобрѣли необыкновенное вліяніе въ обществѣ, національное сознаніе котораго было приподнято и встревожено яркими и сильными статьями новаго редактора по поводу польскаго возстанія. Въ этихъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Погодинъ сталъ помѣщать своеобразные фельетоны, подписывая ихъ „русской“. Въ нихъ, отрывистымъ и quasi-народнымъ языкомъ, онъ высказывался по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ общественное мнѣніе, съ паѳосомъ болтливаго прямодушія. Помнится,—хотя и не дословно—что, напримѣръ, одинъ изъ такихъ фельетоновъ онъ оканчивалъ обращенной къ Монарху просьбой бросить гнилое болото Петербурга и переселиться въ Москву, восклицая отъ лица москвичей: „Ужъ какъ бы мы Тебя, батюшка—Царь, встрѣтили! поднесли бы хлѣбъ-соль и кашу—мать нашу! Э! да что тутъ много толковать: мы Твои, а Ты нашъ! Ура!“.. —„Это очень интересно, все что вы намъ разсказали—прервалъ молчаніе Погодинъ, обращаясь къ доктору—очень интересно,— я очень благодаренъ Еленѣ Ивановнѣ, что она меня пригласила“. — Онъ помолчалъ.—„А скажите, какъ у васъ тамъ, въ Сибири, приняты

„Московскія Вѣдомости“ подъ редакціей Каткова? нравятся?“—„Да! конечно,—отвѣчалъ сибирскій гость,—ихъ читаютъ съ большимъ сочувствіемъ и имъ можно предсказать прочный успѣхъ, если только Катковъ поведетъ дѣло разумно и не будетъ, напримѣръ, помѣщать у себя шутовскихъ фельетоновъ этого стараго безумца Погодина! (онъ выразился еще сильнѣе)“.—Хозяйка поблѣднѣла, какъ полотно,—наступила мертвая тишина, такая тишина, при которой, какъ говорятъ нѣмцы „man hört wie die Wolken ziehen“. Погодинъ уставился глазами на доктора, потомъ мотнулъ головой, машинально скомкалъ рукою бороду и опустилъ голову на свой костыль. Среди внезапно наступившаго зловѣщаго молчанія почувствовалось, что многіе изъ присутствующихъ предпочли бы лучше на нѣсколько минутъ провалиться сквозь землю, чѣмъ созерцать создавшееся положеніе, особенно тяжкое для пріѣзжаго доктора, позабывшаго, въ увлеченіи успѣха, что „блаженъ, кто словомъ твердо правитъ“... Взглянувъ въ лицо хозяйки, онъ понялъ, что сказалъ что-то совершенно недопустимое, и конечно догадался въ чемъ дѣло. Растерянно посмотрѣвъ кругомъ, онъ пробормоталъ что-то невнятное, поднялся, взялъ свою фуражку съ сосѣдняго стола, поспѣшно вышелъ изъ комнаты и совсѣмъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. „Пойдемте, господа, пить чай!“ сказала хозяйка дрожащимъ и упавшимъ голосомъ, и всѣ поднялись...

Возвращаюсь однако къ незнакомому мнѣ генералу, встрѣченному мною въ Hôtel de France.

„Вотъ—сказала хозяйка генералу, очевидно продолжая начатый разговоръ—однако какія вещи пишетъ въ Англіи лэди (она назвала фамилію, которую я въ точности не могу припомнить) о генералѣ Гурко. Очень непріятно, если это хоть отчасти правда. Она пишетъ, будто Гурко, занявъ Адріанополь въ прошлую войну, велѣлъ очистить бывшій въ ея завѣдованіи англо-турецкій госпиталь, а ей, когда она пришла объясняться, плюнулъ въ лицо. Неужели это правда? Англичане, къ сожалѣнію, этому вѣрятъ!—О, нѣтъ, сказалъ холоднымъ тономъ генералъ-адъютантъ. Лэди—и онъ пріостановился—вошла въ противорѣчіе съ истиной. Дѣло было такъ: войдя въ Адріанополь и имѣя массу раненыхъ людей, Гурко просилъ очистить для нихъ часть госпиталя, постѣснивъ нѣсколько другихъ больныхъ, но Lady.., явилась къ нему, наговорила ему массу дерзостей и потребовала конвоя до румынскихъ аванпостовъ, бросивъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ больныхъ на произволъ судьбы. Гурко былъ съ нею отмѣнно вѣжливъ и долготерпѣливъ, и въ лицо ей плевать и не думалъ. Я конечно его въ этой исторіи не одобряю“.—„Какъ!—воскликнулъ я невольно,—не одобряете? Но, что же онъ дур-

ного сдѣлалъ? Его, кажется, ни въ чемъ упрекнуть нельзя, судя по вашему разсказу".—Генералъ повернулъ ко мнѣ свое красивое, выхоленное лицо и сказалъ съ утонченною мягкостью и любезностью: „вы меня не совсѣмъ поняли: я не одобряю потому, что самъ поступилъ бы совершенно иначе"—и глаза его блеснули недобрымъ свѣтомъ и длинные, красивые пальцы судорожно сжались. „Я выбросилъ бы всѣхъ турокъ изъ лазарета и взялъ бы его подъ своихъ людей, а эту лэди за всѣ ея недопустимыя и дерзкія выходки приказалъ бы арестовать и возилъ бы въ своемъ арріергардѣ до конца войны"... Послѣднія слова были сказаны такимъ тономъ, что мнѣ показалось, что красивый генералъ внезапно выпустилъ когти, какъ проснувшійся левъ—и снова ихъ спряталъ... Затѣмъ онъ всталъ и собрался уходить. „А вы давно знакомы съ Михаиломъ Дмитріевичемъ?"—спросила меня хозяйка. Тутъ только, услышавъ это имя и отчество, я понялъ, что вижу предъ собою Скобелева, котораго, судя по весьма популярнымъ карточкамъ и портретамъ, я рисовалъ себѣ плечистымъ, полнымъ и меньшаго роста. „Я въ первый разъ имѣю честь встрѣчаться съ Михаиломъ Дмитріевичемъ". —Будто въ первый? сказалъ Скобелевъ, улыбнувшись—и на мой недоумѣвающій взглядъ — прибавилъ: а помните экзаменъ изъ тригонометріи въ университетѣ?.. вѣдь это былъ я"!.

А. Ѳ. Кони.

Переписка Крала IX-го съ самозванцами.

Г. В. Форстенъ очень мѣтко назвалъ поведеніе Швеціи въ Смутное время политикою выжиданій [1]). Эти выжиданія, какъ обыкновенно случается, сопряжены были съ полною готовностью примкнуть къ той партіи, которая, одолѣвъ другихъ, сдѣлала бы самыя выгодныя условія для Швеціи. Доказательствомъ высказаннаго мнѣнія могутъ служить письма Карла IX-го къ обоимъ самозванцамъ, Димитрію I и II. Были ли они отосланы по назначенію или нѣтъ, и, въ случаѣ доставленія, какія они имѣли послѣдствія, трудно опредѣлить. Письма эти хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Стокгольмѣ. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они не только открываютъ политику Карла IX-го, но и выясняютъ положеніе самозванцевъ внѣ Россіи.

Шведскій король, какъ и многіе другіе правители, сильно интересовался Димитріемъ. Недоумѣвая на его счетъ, онъ поручилъ своимъ коммиссарамъ въ Финляндіи навести справки объ этой загадочной личности. Врядъ-ли имъ удалось доставить королю убѣдительныя свѣдѣнія о царскомъ происхожденіи перваго самозванца, но Карлу IX было на-руку почитать его достовѣрнымъ, и онъ ничѣмъ не стѣснялся.

Самъ Димитрій, въ качествѣ польскаго посаженика, не могъ мирволить Карлу IX-у, сопернику Сигизмунда III и злѣйшему его врагу. Онъ былъ связанъ данными въ Варшавѣ обѣщаніями и долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени ихъ придерживаться. Имѣется даже на лицо и въ итальянскихъ архивахъ часто встрѣчается посланіе Димитрія къ Карлу IX-у. Оно до такой степени дерзко, что становится даже крайне подозрительнымъ. Во всякомъ случаѣ, надо предположить, что оно осталось неизвѣстнымъ

[1]) *Балтійскій Вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, т. II, стр. 67.

шведскому королю, ибо онъ дважды обращался къ Димитрію, 2-го августа и въ октябрѣ 1605-го года, и оба раза въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ [1]).

Начать съ того, что онъ признаетъ за новымъ московскимъ правителемъ царскій титулъ, которымъ такъ возмущался Сигизмундъ III, и преклоняется передъ истиннымъ якобы сыномъ царя Ивана IV, счастливо избавившимся отъ Бориса Годунова.

Заручившись такимъ образомъ благорасположеніемъ Димитрія, Карлъ IX приступаетъ къ главному предмету своего письма и проситъ Димитрія подтвердить заключенный въ 1595-мъ году тявзинскій миръ. Условіями этого договора онъ очень дорожилъ. Въ силу ихъ вся Эстляндія съ городами и замками переходила къ шведамъ. Московскій царь терялъ какое-либо право на нее, ему возвращали лишь Кексгольмъ съ своимъ округомъ. Кромѣ того свободная якобы торговля между Швеціею и Россіею такъ разграничивалась, что всевозможныя льготы предоставлялись первой къ немалому ущербу второй. Иностранцы ловко отстранялись отъ сношеній съ русскими, и торговля сосредоточивалась въ рукахъ шведовъ, которые впрочемъ обѣщали не препятствовать въѣзду въ Россію иноземныхъ докторовъ и всякаго рода ремесленниковъ [2]).

Русскіе полномочѣнные согласились на эти условія, но въ Москвѣ къ нимъ отнеслись осторожнѣе. Карлъ IX-й жалуется, что Борисъ Годуновъ отвергалъ этотъ договоръ, и, глухо ссылаясь на обѣщанія царя Ѳедора, проситъ прислать уполномоченныхъ въ Систербекъ для обоюднаго окончательнаго соглашенія. Послѣдствіемъ подтвержденія тявзинскаго мира было бы установленіе взаимной дружбы на вѣчныя времена.

Первое посланіе вѣроятно не дошло до Димитрія, ибо въ октябрѣ того же 1605-го года Карлъ IX снова обращается къ нему съ тождественнымъ посланіемъ.

Слѣдовъ отвѣта опять-таки не имѣется. Повидимому, Димитрій не успѣлъ усвоить себѣ особой, личной политики касательно Швеціи. Данныя Сигизмунду обѣщанія онъ не спѣшилъ приводить въ исполненіе и отлагалъ рѣшеніе вопроса до пріѣзда шведскихъ пословъ, который однако-жь, какъ извѣстно, не состоялся.

Признавъ перваго Димитрія въ 1605 году, Карлъ IX-й, бывшій союзникъ Василія Шуйскаго, не усумнился признать и втораго или даже третьяго, ибо посланіе его отъ 27-го февраля 1611-го года писано послѣ убіенія одного и передъ появленіемъ другаго [3]). Очень

[1]) Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, *Riksregistraturet för 1605.*

[2]) Форстенъ, *loco citato*, т. II, стр. 53.

[3]) Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, *Muscovitica* 1594—1632.

можетъ быть, что вѣсть о кровавой калужской развязкѣ тогда еще не дошла до него. Изъ самаго посланія не видно, почиталъ ли шведскій король московскаго государя за новаго царя или за возвратившагося на престолъ перваго Димитрія. Здѣсь опять встрѣчается то же обиліе титуловъ и кромѣ того предлагается союзъ противъ общаго врага Сигизмунда III-го. „Царю и Самодержцу“ Карлъ IX-й разоблачаетъ коварные планы поляковъ и литовцевъ, которые вмѣстѣ съ испанцами, папою и іезуитами, мечтаютъ о совершенномъ подчиненіи себѣ Россіи. И, не довольствуясь общими намеками, онъ положительно заявляетъ, что къ Николину дню многочисленное польско-испанское войско вторгнется въ московскіе предѣлы. Для отраженія испанскаго десанта онъ готовъ пустить въ ходъ весь шведскій флотъ, пусть только Димитрій пришлетъ своихъ пословъ для предварительныхъ переговоровъ. Только теперь Карлъ IX-ый уже не ссылается на тявзинскій миръ, а на болѣе выгодный для него выборгскій договоръ, заключенный съ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ февралѣ 1609-го года. Королевское посланіе осталось безъ отвѣта, но это не помѣшало Якову Делагарди захватить Новгородъ въ томъ же 1611-мъ году.

П. Пирлингъ.

Встрѣчи на жизненномъ пути.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

Это было въ Римѣ, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. На Монте-Пинчіо, залитомъ декабрьскимъ солнцемъ, прогуливалось двое русскихъ. Одинъ былъ средняго роста, худощавъ, съ жидкою остроконечною темною бородкою на болѣзненно- желтомъ лицѣ, съ карими, не безъ лукавства,—глазами. На ходу онъ подавался нѣсколько впередъ, особенно подавалась сухая шея, а голова откидывалась назадъ и чуть-чуть покачивалась. Другой, гораздо выше, плотный, съ крупнымъ носомъ на толстомъ лицѣ, крошечными свѣтлыми глазками и такими же усиками, держался прямо и выступалъ твердою военною поступью. На немъ было сѣрое офицерское пальто (первой реформы новаго царствованія), съ клапаномъ позади, только безъ металлическихъ пуговицъ. Первый мнѣ былъ знакомъ по Петербургу, второго я въ первый разъ видѣлъ.

Они поровнялись съ моею скамьею.

— Да это Ковалевскій!—проговорилъ сиплымъ голосомъ знакомый.

— Здравствуйте, Николай Алексѣевичъ.

— Здравствуйте, отецъ! Вотъ гдѣ встрѣтились! Хорошо у васъ тутъ!.. А его знаете?

И Некрасовъ указалъ на незнакомаго.

— Не имѣю удовольствія...

— Ну, такъ имѣйте: это Фетъ, Аѳонасій Аѳонасьевичъ, а понашему Фетушка. Любите и жалуйте.

Кого угодно только не автора изящнѣйшихъ и воздушныхъ стиховъ ожидалъ я увидѣть въ такомъ воплощеніи!..

Съ этихъ поръ началось мое знакомство съ Фетомъ и закрѣпилось съ Некрасовымъ.

Остановился Некрасовъ въ одномъ изъ первыхъ отелей на Испанской площади, гдѣ я и навѣстилъ его на другой же день. Встрѣтила меня нарядная и эффектная брюнетка, тоже извѣстная мнѣ по Петербургу,—его самого не было дома... Эта неожиданная встрѣча, этотъ отель и эта красивая женщина, вызвали невольно изъ памяти первую мою встрѣчу Некрасова на Невскомъ проспектѣ, дрогнущаго въ глубокую осень въ легкомъ пальто и ненадежныхъ сапогахъ, помнится, даже въ соломенной шляпѣ съ толкучаго рынка... То былъ и не совсѣмъ еще Некрасовъ, а только Перепельскій, передѣлыватель водевилей съ французскаго, котораго онъ не зналъ, или Н. Н.—авторъ „статеекъ въ стихахъ безъ картинокъ“... Потомъ я встрѣчаю его на обѣдахъ у моего дяди Егора Петровича,—совсѣмъ Некрасовымъ,—сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ по всѣмъ отдѣламъ, даже рецензентомъ, отбивающимъ работу у Бѣлинскаго, потому что работалъ сходнѣе,—а редакторъ Краевскій сходную работу предпочиталъ всякой другой. Пріѣзжали они, сходный сотрудникъ и любитель сходныхъ сотрудниковъ вмѣстѣ, „на его коштъ“, говорилъ онъ. Редакторъ уже тогда былъ чугунно-монументаленъ и невозмутимо твердъ (такимъ онъ, должно быть, и родился); придерживался онъ людей и разговоровъ солидныхъ. Сотрудникъ тотчасъ послѣ обѣда убѣгалъ отъ тѣхъ и другихъ къ нашей братіи молодежи, протягивался въ креслѣ и ноги укладывалъ на столъ. Онъ говорилъ намъ стихи, зачеркнутые цензурой, пародіи, куплеты, подсмѣивался надъ монументальностью „Андрея“,—иначе онъ не называлъ Краевскаго; былъ вообще молодо-сообщителенъ и простъ, не взирая на начинавшуюся извѣстность, далеко превзошедшую Андрееву.

Вслѣдъ затѣмъ я видѣлъ его въ коляскѣ, щеголявшаго модными жилетами и красивою нарядною женою Панаева. На коштъ послѣдняго онъ осуществилъ расколъ съ Андреемъ, отъ котораго всѣ лучшія силы „Отечественныхъ Записокъ“ перешли въ „Современникъ“, арендованный у Плетнева на заложенныя въ опекунскомъ совѣтѣ Панаевскія крѣпостныя души. А далѣе онъ самъ ѣздилъ въ той же коляскѣ, которая уже была коляскою не Панаева, вдвоемъ съ красивой женой Панаева, которая тоже перестала быть женою Панаева...

Теперь Некрасовъ вмѣстѣ съ нею пріѣхалъ въ Римъ,—„помирать“, пронизировалъ онъ надъ собою: „лѣкаря за этимъ самымъ послали. Ну, да авось либо еще надуемъ,—не умремъ...“ И онъ дѣйствительно надулъ: отъ горловой чахотки, которую у него от-

крыли въ Петербургѣ, вылѣчился на Монте-Пинчіо въ Римѣ и воротился здоровымъ домой.

Его спутникъ „Фетушка“ пріѣхалъ не лѣчиться, даже не могъ заболѣть въ невозможной темной и холодной квартирѣ, какую онъ одинъ способенъ былъ нанять въ совершенно темномъ и холодномъ какъ погребъ переулкѣ, но сохранилъ привезенное съ собою вожделѣнное здоровье. На Пинчіо онъ выходилъ только передъ закатомъ солнца, да и то потому, что тамъ гремѣла въ это время военная музыка. Восходъ солнца Фетъ наблюдалъ изъ своей спальни.

— Вижу, — разсказывалъ онъ, — солнце всходитъ. Протираю глаза,—а это оно въ оконную щель... да такъ таки какъ слѣдуетъ, вотъ какъ на Риги всходитъ... Котята тоже въ щели лазаютъ, ей-Богу.

Разумѣется, холодъ въ такой спальнѣ былъ страшный.

— Вотъ толковали,—тепло, а у насъ не въ примѣръ теплѣе,— вывелъ заключеніе Фетъ.

По вечерамъ сходились у Некрасова или у меня.

— И отчего это у васъ тепло?—удивлялся назябшійся дома Фетъ:—у меня холодъ просто гиперборейскій.

— Оттого, что у насъ солнце грѣетъ цѣлый день, а у васъ только всходитъ и вдобавокъ въ щели... У насъ ни котятъ, ни солнечныхъ восходовъ нѣтъ, оттого, что нѣтъ щелей...

— Ну, ужь будто бы и оттого?—не довѣрялъ онъ.—Я вотъ съ утра до вечера жарю чугунку, и то не теплѣетъ, только голова трещитъ. Нѣтъ, у насъ лучше...

Но благодушный поэтъ писалъ и подъ этотъ угаръ прелестные стихи, большею частью самъ того не подозрѣвая.

— А нуте-ко, Фетушка, похвастайте, что вы сочинили сегодня,— обращался къ нему за вечернимъ чаемъ Некрасовъ.

И Фетъ вынималъ изъ бокового кармана свою записную книжечку.

— Должно быть, ерунда!—опасался онъ.

— Прочитайте, скажемъ, коли ерунда, не утаимъ.

Оказывалось удивительное по гармоніи и изяществу лирическое стихотвореніе. Мы хвалимъ, Фетъ удивляется,—онъ ждалъ, что обругаемъ.

Другой разъ онъ доволенъ,—оказывается—ерунда.

— Вотъ подите же, угадайте!—недоумѣваетъ онъ.

Точно ли Фетъ всегда не зналъ, что будетъ пѣть, какъ выразился въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“), или притворялся, чтобы вызвать смѣхъ, которымъ обыкновенно сопровождалось его присутствіе въ близкомъ кругу; но только онъ выдерживалъ это исправно.

Спокойное наивное выраженіе его лица въ такихъ случаяхъ дополняло комизмъ того, что онъ говорилъ. А говорилъ онъ вещи уморительныя: напримѣръ, передавалъ подвиги кавалеристовъ по морской части во время блокады англійскимъ флотомъ нашихъ береговъ. Служилъ онъ тогда въ уланахъ. Вотъ получаетъ онъ приказъ: собрать эскадронъ,—топить суда въ Ревелѣ.

— Собралъ я эскадронъ. Привелъ къ морю. Людей спѣшилъ и велю по командѣ топить суда.

— „А какъ ихъ топить?—разсказывалъ Фетъ,—ни я, никто не знаетъ".

— Велите, вашскородіе, по бортамъ окошки рубить надъ водой,—посовѣтовалъ вахмистръ.

— „Рубить"—скомандовалъ я. Стали рубить. Рубятъ, а судно не тонетъ.

— Раскачать надо,—вода набѣжитъ, безпремѣнно потопитъ,—совѣтуетъ опять вахмистръ.

— „Раскачивай, ребята". И весь эскадронъ принялся качать судно, все не тонетъ. Что тутъ дѣлать. А нѣмцы шельмы стоятъ на берегу и смѣются.

— „Взять сюда нѣмца! привести!"—скомандовалъ я. Привели.

„Какъ топить судно слѣдуетъ"?—спрашиваю.

— Да не такъ, какъ вы топите! Вы людей-то, пожалуй, потопите, а судно нѣтъ,—ломается нѣмецъ.

— „Фухтелей ему", командую:—„говори, нѣмецъ!"

— „Провертите въ днѣ дыру, разомъ потонетъ, только убѣжать успѣвайте",—испугался, научилъ, спасибо, нѣмецъ.

— „И точно, какъ только провертѣли, такъ судно и пошло на нашихъ глазахъ ко дну,—насилу мои уланы удрать успѣли"...

Или повѣствованіе о необычайной образованности артиллеристовъ.

Въ Елизаветградѣ знакомая цѣлому ряду поколѣній офицеровъ жидовка содержитъ трактиръ у самаго въѣзда. Никто изъ военныхъ его не минуетъ. Даже корпусный командиръ и тотъ непремѣнно отобѣдаетъ и непремѣнно поразспроситъ у еврейки: что новенькаго? Какія проходили команды, и что дѣлали офицеры. Вотъ еврейка и примется разсказывать.

— Проходили, ваше превосходительство! много проходило,—и офицеровъ много было... На дняхъ были артиллеристы. Ахъ какіе милые, какіе образованные молодые люди. Такіе милые, такіе образованные, что того и сказать нельзя.

— Что же они такое, особенное дѣлали?—любопытствуетъ генералъ.

— Ахъ, ваше превосходительство! Они тутъ *всэ* дѣлали: и ѣли—много ѣли! и пили—ахъ, какъ только они много пили, просто *прелисти*!!. Потомъ *тарэльки, румки, путильки—всэ* разбили—*за всэ заплатили*!!. Ахъ, какіе милые, какіе образованные молодые люди!!.

— Надо бы перетащить Тургенева сюда!—не разъ говорилъ Некрасовъ и наконецъ поѣхалъ за нимъ въ Парижъ; но засталъ Тургенева больнымъ, при чемъ даже умилился и даже отчасти въ прегрѣшеніяхъ своихъ покаялся.

— Живетъ бѣдный въ третьемъ этажѣ, даже лучшій докторъ не хочетъ его лѣчить: выше второго, говоритъ, не поднимаюсь. А мы-то на его счетъ наживаемся! Онъ намъ подписку дѣлаетъ, а самъ чуть не на чердакѣ больной лежитъ... Это выходитъ какъ бы ужъ и безсовѣстно...

Я знаю, что Тургеневу были высланы вслѣдъ за тѣмъ деньги изъ редакціи „Современника“, не знаю только, была ли то замедленная уплата за выполненную работу, или выдача за будущую...

У Некрасова такія движенія случались. Писателямъ далеко не такимъ крупнымъ, между прочимъ, Пальму, онъ выдавалъ впередъ довольно часто и по-долгу ждалъ отдачи рукописями. Смѣнившій его Салтыковъ гнѣвно принялся требовать отдачи, и самъ не ссужалъ впередъ...

Лучшаго редактора, какъ Некрасовъ, я не зналъ; едва-ли даже былъ у насъ другой такой же. Были люди свѣдущѣе его, образованнѣе: Дружининъ, напримѣръ; но умнѣе, проницательнѣе и умѣлѣе въ сношеніяхъ съ писателями и читателями никого не было. Краевскій былъ просто толковымъ хозяиномъ литературной лавки со значительной приправой кулачества; литературнаго вкуса у него и духу не было. Некрасовъ былъ тонкаго обонянія редакторъ, эстетикъ, какихъ мало (хоть онъ и обязанъ былъ скрывать этотъ порокъ отъ столповъ своей редакціи, Чернышевскаго и Добролюбова). Эстетическую контрабанду онъ одинъ умѣлъ проносить въ журналъ черезъ такія таможенныя заставы, какія воздвигнуты были отрицаніемъ искусства,—въ то время, когда..... „Рукописи съ направленіемъ“ стояли ему поперекъ горла.

— Нынче, жаловался онъ—развѣ лѣнивый пишетъ безъ направленія: а вотъ чтобы съ дарованіемъ, такъ не слыхать что-то...

Статья и помимо содержанія должна читаться. Она обязана быть литературной,—и читаться въ таковомъ видѣ будетъ.

Знаніе вкусовъ читателей у него выражалось не безъ своеобразнаго юмора.

— Читатель вѣдь чего хочетъ. Онъ хочетъ, чтобы повѣсть была

поскучнѣе; серьезная, дескать, повѣсть, не какая-нибудь,—а ученая статья чтобъ была повеселѣе: онъ прочитать ее можетъ...

Никогда онъ не ошибался въ выборѣ рукописей: „читаться будетъ“!—скажетъ и напечатаетъ. Смотришь, читаютъ точно. Ошибся онъ одинъ разъ, за то сильно, нехорошо и неразсчетливо ошибся, съ повѣстью Достоевскаго „Село Степанчиково“, которая была точно слаба, но которую тотъ привезъ съ собой изъ ссылки, и которую редакторъ „Современника“ ужь по одному этому обязанъ былъ взять.

— Достоевскій вышелъ весь. Ему не написать ничего больше,— произнесъ Некрасовъ приговоръ—и ошибся: Достоевскій въ отвѣтъ взялъ да и написалъ „Записки изъ Мертваго Дома“ и „Преступленіе и Наказаніе“. Онъ только дѣлался „весь“. Некрасову на этотъ разъ чутье измѣнило.

Печальный случай этотъ имѣлъ и послѣдствія печальныя. Что „Современникъ“ добровольно потерялъ тѣ перлы, которые могли украсить его книжки, еще горе не особенное: онъ подбиралъ ихъ въ изобиліи у Льва Толстого, у Тургенева, Писемскаго, Островскаго... Но въ судьбѣ Достоевскаго, разбитаго каторгой, больного падучей болѣзнью, озлобленнаго, щекотливаго и обидчиваго, отсюда пошелъ поворотъ, надѣвшій на весь остатокъ его жизни кандалы нужды и срочнаго труда... А онъ только что избавился отъ другихъ кандаловъ.

— Если такъ, рѣшилъ онъ,—я заведу свой собственный журналъ.

И тоже ошибся.

При помощи родного брата Михаила Михайловича, собралъ онъ кое-какія средства: взялъ на себя отдѣлъ полемики: нападалъ, отбивался, грызся и грызъ; но положилъ въ это дѣло и свое здоровье и послѣднія средства свои и брата (человѣка семейнаго), остался за барьеромъ съ долгами, съ смертельнымъ недугомъ, нажитымъ въ Сибири, развившимся въ редакціи. Онъ сердился, а его противники смѣялись,—и смѣхъ побѣдилъ. Его журналъ „Эпоху“ Салтыковъ прозвалъ „юпкой“, а членовъ редакціи „стрыжами“; самъ Некрасовъ помѣстилъ въ „Свисткѣ“ нѣсколько смѣшныхъ куплетовъ на счетъ „Сухихъ тумановъ“ и „Жителей луны“, по цѣлымъ мѣсяцамъ населявшихъ книжки журнала.

Когда же о сухихъ туманахъ
Статейку тиснешь невзначай,
Внезапно засвиститъ въ карманахъ.
Тогда ложись и умирай

повѣствовалъ „Свистокъ“.

Надъ жителями луны издѣвались еще больше, даже не прочитавши статей; а онѣ затѣмъ именно и писались, чтобы доказать, что на лунѣ никакихъ жителей нѣтъ. Бѣдный Достоевскій отъ всего

этого страдалъ глубоко; слѣды непріязни „Современника“ видѣлъ тамъ, гдѣ ихъ быть могло не болѣе, чѣмъ жителей на лунѣ. Сломался въ типографіи какой-то валъ какъ разъ къ выходу сезонной книжки: рука „Современника“ и тутъ была,—она сломала валъ! безъ нея онъ не сломался бы!...

— Но вѣдь валы не въ одной вашей типографіи ломаются,— старались его успокоить.

— Ломаются, да-съ, но не къ выходу книжки! А тутъ именно къ выходу! и именно сезонной, передъ подпиской. Нѣтъ, тутъ не безъ руки „Современника“! нѣтъ! Для меня это совершенно ясно!

Больно и жалко было видѣть въ это время Достоевскаго. Онъ походилъ на затравленнаго, но все еще огрызающагося звѣря...

По возвращеніи изъ Италіи Некрасовъ не нашелъ еще въ Россіи начала первыхъ вольностей литературныхъ; онѣ пришли годомъ—двумя позже. Но когда онѣ пришли, пришло и окончательное его возвышеніе, какъ поэта и редактора. Только звонъ „Колокола“ изъ Лондона въ силахъ былъ покрывать собою „Свистокъ“ „Современника“, а руководящими статьями критическими, внутренняго обозрѣнія и иностранной политики руководствовалось, чуть не все отъ мала до велика, читающее общество...

Имя Панаева еще стояло на сиреневой оберткѣ журнала, но редакторство его ограничивалось держаніемъ корректуры и фельетономъ новаго поэта. Панаевъ еще жилъ на общей съ Некрасовымъ квартирѣ; но въ ней онъ занималъ уже одну комнату во дворѣ, а рядъ большихъ комнатъ на улицу принадлежалъ Некрасову. У послѣдняго была шапка—боярка,—мода, появившаяся съ конца пятидесятыхъ годовъ,—изъ такого темнаго и сѣдого соболя, что бѣдный Панаевъ, теперь обреченный на муки Тантала при видѣ всего роднаго, ему болѣе недоступнаго, готовъ былъ, по собственному сознанію, отдать нѣсколько лѣтъ жизни за эту шапку! Самый модный англичанинъ портной облекалъ теперь въ самыя отборныя издѣлія англійскихъ мануфактуръ тѣло Некрасова, когда-то довольствовавшееся произведеніями съ толкучаго рынка, и самые тонкіе обѣды подавались по нѣсколько разъ въ недѣлю самому разнообразному составу гостей когда-то голодавшимъ Некрасовымъ... Благодаря почти Чичиковской способности съ каждымъ говорить и обходиться соотвѣтственно его значенію, Некрасовъ дѣлилъ и гостей своихъ соотвѣтственно значенію обѣдовъ, или обѣды задавалъ соотвѣтственно значенію гостей. Такъ у него были обѣды для людей свѣтскихъ, преимущественно игроковъ, ничего общаго съ литературой не имѣвшихъ. Это были самые тонкіе обѣды. За ними слѣдовали обѣды для знаменитыхъ литераторовъ, вносителей беллетристическихъ перловъ

въ сокровищницу „Современника“, съ редакціей имѣвшихъ мало общаго; потомъ обѣды редакціонные, собиравшіе къ столу постоянныхъ сотрудниковъ журнала; такіе давались рѣдко, въ случаяхъ исключительныхъ; наконецъ, обѣды, которые можно было назвать эстетическими, гдѣ Некрасовъ, не сдерживаемый препятствіями „направленія“, позволялъ себѣ являться эстетикомъ по душѣ, отводя эту душу отъ обѣдовъ редакціонныхъ, для которыхъ эстетика запрятывалась такъ, чтобы и подозрѣнія о ней не было.

На эстетическихъ обѣдахъ бывало по два, по три человѣка, не болѣе: Дружининъ, Гончаровъ, иногда Григоровичъ. Тутъ хозяинъ читывалъ тѣ задушевныя изліянія своей поэзіи, какимъ суждено было долго не появляться на свѣтъ. Для своего „Рыцаря на часъ“ онъ позвалъ только Дружинина и меня и прочелъ со слезами въ голосѣ этотъ покаянный вопль своей грѣховной души...

Читалъ онъ всегда все (кромѣ самыхъ крупныхъ вещей) наизусть. Память у него была удивительная, а писалъ онъ необыкновенно легко.

— Я запрудилъ бы стихами литературу, —говаривалъ онъ,— если бы только далъ себѣ волю.

Изъ обѣдовъ, задававшихся вносителямъ перловъ, мнѣ остался памятнѣе другихъ тотъ, на которомъ я познакомился съ Тургеневымъ. Обѣдъ этотъ могъ бы быть названъ выставкою цвѣта русской литературы. Выбившись изъ подъ Николаевскаго снѣга сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, она отходила теперь на весеннемъ солнышкѣ первыхъ вольностей воцарившагося Александра. Тутъ были: печатавшій своего „Обломова“ Гончаровъ—кругленькій, пухлый, съ сонливо-спокойнымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ изъ-подъ широкихъ вѣкъ въ ячменяхъ; Писемскій,—съ лицомъ, какъ самоваръ изъ красной мѣди, и черными на выкатѣ, какъ уголья, глазами,—Писемскій —„Тысячи Душъ“ и „Горькой судьбины“; рыжеватый и бѣлый, какъ банщикъ, или молодецъ изъ лабаза,—Островскій—„Любима Торцова“, огромный Тургеневъ—„Дворянскаго гнѣзда“, которое уже набиралось для „Современника“; сухой, длинный, съ длиннымъ лицомъ, висячими волосами и бородою Полонскій—„Кузнечика-Музыканта“, тоже длинный, но пооткормленнѣе или брюзглѣе, съ подслѣповатыми вѣчно потупленными глазками Дружининъ, редактирующій „Библіотеку для чтенія“; похожій на маркера Панаевъ—новый поэтъ „Современника“; прозванный имъ „critique fin“ Анненковъ, пучеглазый, съ кувшиннымъ рыломъ, получившій свой свѣтъ отъ большихъ солнцъ литературы, около которыхъ неустанно вращался: Московскій краснобай, остроумный и стародавній, теперь заново реставрированный писатель, Павловъ, въ высокомъ, намотанномъ вокругъ шеи

галстухѣ по модѣ тридцатыхъ годовъ: наконецъ два самыхъ яркихъ представителя только-что народившейся породы „новыхъ людей“—будущихъ нигилистовъ,—Чернышевскій, маленькій, блѣдный и худой, въ золотыхъ очкахъ, съ тонкими чертами лица и длинными свѣтлыми волосами, и Добролюбовъ,—высокій съ волосами довольно темными, крупными чертами лица (строгаго педагога или протестантскаго пастора)—тоже въ очкахъ. Оба съ ироническимъ отношеніемъ къ окружающему. Молчаніе было съ ихъ стороны отвѣтомъ на все, что ни говорилось. Одинъ разъ только пошутилъ вслухъ Добролюбовъ и то по адресу своего сосѣда Чернышевскаго, когда заговорили о какомъ-то стихотворцѣ, который писалъ оды Николаю и ходатайствовалъ о переименованіи его настоящей фамиліи въ фамилію Николаевскаго.

— Какъ переименовали Грязную улицу,—вставилъ Добролюбовъ.

Улица эта недавно была изъ Грязной переименована въ Николаевскую.

Анненковъ увидѣлъ возможность совершить вращеніе въ сторону восходящихъ солнцъ: поднялъ надъ тарелкою ладони и изобразилъ ими рукоплесканіе. Но тамъ это не было даже замѣчено.

Некрасовъ разливалъ супъ въ головѣ длиннаго стола, Панаевъ,—въ хвостѣ накладывалъ щи. Разговоромъ съ понаторѣлостью москвича и свѣтскаго человѣка, завладѣлъ Павловъ, не стѣсняясь сосѣдствомъ Тургенева, первенство котораго, на то время безпрекословно признанное, такимъ образомъ какъ бы упразднялось. Иванъ Сергѣевичъ дѣлалъ видъ, что тѣмъ лучше для него, пусть эту тяготу берутъ на себя другіе. Онъ прижималъ високъ концами пальцевъ и жаловался на мигрень. Напрасно пытались его развлечь и увлечь разговоромъ, который, по общей участи разговоровъ русскихъ людей, будь они сама соль земли,—никакъ не переходитъ въ увлекательный. Тщетно подносили Тургеневу вазу съ буше-дедамъ, которые лакомый Панаевъ называлъ „усладою жизни“: онъ ото всего отказывался, капризничалъ, какъ женщина, и пришепетывалъ, какъ дитя. Послѣ обѣда онъ повалился на широчайшее кожаное пате, усадилъ рядомъ Полонскаго и принялся разспрашивать, что его жена? Полонскій привезъ тогда изъ Парижа свою прелестную первую жену, веселую и щебетавшую, какъ птичка.

Знакомство наше съ И. С. на этотъ разъ ограничилось обмѣномъ тѣхъ пошлостей, отъ которыхъ не краснѣютъ только потому, что онѣ говорятся при первомъ знакомствѣ. Началось же оно и не совсѣмъ благополучно, съ того достопамятнаго вечера, когда В. П. Анненкову вздумалось сюрпризомъ привесть Тургенева къ намъ.

Павелъ Васильевичъ былъ своего рода литературнымъ оруже-

носцемъ Ивана Сергѣевича и въ этомъ качествѣ несомнѣнно перейдетъ въ потомство, вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ испанскимъ собратомъ. Онъ отвелъ въ себѣ помѣщеніе для всего, что касалось его рыцаря; часто самъ Тургеневъ отсылалъ къ нему за разрѣшеніемъ своихъ личныхъ вопросовъ: „спросите у Анненкова, онъ это лучше знаетъ“.

Анненкову не терпѣлось показать Тургенева поближе, и вотъ онъ привелъ его прямо вечеромъ, когда у насъ собирались запросто. Сидѣли Фетъ, Григоровичъ и Дружининъ. Вдругъ вбѣгаетъ Анненковъ, съ глазами, ужь и въ спокойномъ-то состояніи достаточно выпученными, но теперь просто выскакивавшими изъ головы и, въ томъ возбужденіи, въ какомъ находится носитель чего-то необычайнаго,—восклицаетъ: „кого я съ собою привелъ!. Угадайте. Пари держу, не угадаете!“

— Разумѣется, *Тургеньева*!—протянулъ мягкимъ своимъ произношеніемъ Дружининъ.

— Ивана Сергѣевича! Да, дорогого гостя! кричалъ радостно Анненковъ:—онъ поднимается себѣ потихонько, а я такъ залпомъ взбѣжалъ на лѣстницу.

— Какъ оно и подобаетъ въ ваши молодые годы—вставилъ Дружининъ.

Анненковъ былъ лѣтъ на десять старше Тургенева.

Онъ суетился. Ему хотѣлось весь домъ поднять на ноги.

— Дорогой гость! Вотъ ужь дорогой-то гость!—возбуждалъ онъ присутствующихъ. Наконецъ таки не выдержалъ,—выбѣжалъ въ прихожую и оттуда съ торжествомъ ввелъ Тургенева.

Но домъ ли недостаточно поднялся, или не было той стѣны женскихъ юпокъ, которая тотчасъ возникала вокругъ, куда онъ ни показывался (ахъ, Иванъ Сергѣевичъ! cet adorable И. С.! очаровательный И. С!.. ахъ, И. С!.. охъ И. С!..“),—только лицо дорогого гостя приняло сразу выраженіе неудовлетворенное, не то усталое, опять угрожающее мигренью.

На всѣхъ точно капля горькая упала. Анненковъ даромъ растрачивалъ свою игривость; наивныя выходки Фета, которыя въ другое время удостоивались даже перехода цѣликомъ на страницы произведеній И. С., едва снискивали его снисходительное прощеніе. Долѣе другихъ не истощался вообще неистощимый Григоровичъ. Онъ пробовалъ пустить въ ходъ, кромѣ самого себя, наши альбомы, стараясь придать рисункамъ значеніе преувеличенное, но и тѣ не получили ничего, кромѣ снисхожденія. За чаемъ И. С. находился уже окончательно во власти мигрени, не отрывалъ рукъ отъ висковъ, почти не слушалъ обращаемыхъ къ нему словъ и довольно

рано всталъ и церемонно распростился. Огорченный Анненковъ послѣдовалъ за нимъ.

Тѣмъ, которые остались, вдругъ сдѣлалось стыдно,—точно они провинились чѣмъ-то; невольное чувство при видѣ неловкости или несправедливости другого.

— Чортъ знаетъ, право, что за человѣкъ этотъ Иванъ Сергѣевичъ!— первый заговорилъ Дружининъ. Милѣйшее въ мірѣ существо, а надѣлаетъ вдругъ такихъ пакостей, какъ никто! И вѣдь всегда почти для перваго знакомства. Просто даже досадно. Вы вправѣ о немъ думать теперь, какъ о величайшемъ невѣжѣ. И все оттого, что никакъ не можетъ спроста,—непремѣнно надо для начала поломаться.

Вслѣдъ за Дружининымъ заговорили другіе, и всякій привелъ нѣсколько случаевъ такихъ же шероховатыхъ началъ знакомства съ Тургеневымъ, переходившихъ потомъ въ самыя задушевныя... Отъ человѣка обратились къ писателю. И здѣсь опять Дружининымъ обнаружена была храбрость, несвойственная—соприкасавшимся къ Тургеневу. Онъ дерзко замѣтилъ въ великомъ писателѣ способность „изгадить“, какъ выразился, самый лучшій сюжетъ въ мірѣ, благодаря безхарактерности и лѣни. Въ появившемся тогда романѣ „Наканунѣ“—(романъ только для лѣнивѣйшаго Ивана Сергѣевича,)—добавилъ онъ,—это было особенно поразительно. Отсюда же прямо перешли на статью о „Наканунѣ“ Добролюбова, составлявшую дневную злобу литературныхъ кружковъ. Она должна была появиться въ „Современникѣ“, но покуда не появлялась. Въ ней устами критика впервые говорилось гласно то, о чемъ до сихъ поръ проговаривались тайно. Некрасовъ, по дружбѣ, еще висѣвшей на ниточкѣ, послалъ автору корректурные листы, предоставляя указать мѣста непріятныя и обѣщая ихъ сгладить или совсѣмъ выбросить. Тургеневъ, къ удивленію, отъ такого права не отказался. Однако, какъ Некрасовъ ни стригъ Добролюбовскихъ ногтей, а они все-таки царапали самолюбіе избалованнаго писателя.

Я выразилъ мнѣніе, что Тургеневу слѣдовало бы просто возвратить корректурные листы, не читая, и сказать, что онъ прочтетъ статью, когда она появится въ журналѣ. Поспорили, посудили,— кой-кому такой взглядъ показался слишкомъ радикальнымъ,—довольно поздно разошлись и позабыли о томъ, что было. Какъ вдругъ по утру входитъ мой дядя Егоръ Петровичъ Ковалевскій и испуганно спрашиваетъ: что у насъ такое вышло съ Тургеневымъ.

— Ты его смертельно обидѣлъ,—говорилъ дядя:—прибѣжалъ ко мнѣ чуть свѣтъ, жалуется, что у васъ его осуждали, и ты всѣхъ больше. За что это, объясни Бога ради? онъ проситъ моей защиты... Только еще дуэли не доставало...

Трагическій оборотъ вчерашняго вечера дѣлался смѣшонъ. Я въ такомъ смыслѣ и объяснилъ происходившее дядѣ. Онъ не разъ захлебывался своимъ смѣхомъ.

— Я васъ помирю!—рѣшилъ онъ.

Такимъ образомъ, все разъяснилось и уладилось. Оставалось неразъясненнымъ одно: кто могъ передать Тургеневу и когда успѣлъ? Разошлись такъ поздно, что надо было позаботиться только о томъ, какъ бы поскорѣе уснуть.

Прошла недѣля. Собрались опять. Первымъ явился Григоровичъ и еще на порогѣ, прижимая руки къ груди на ходу, сталъ божиться.

— Клянусь Богомъ, это не я!.. Я ничего не передавалъ!.. Клянусь, это не я!..

И этимъ себя выдалъ. Посмѣялись еще. Трагедіи такъ-таки и не вышло.

О происшедшемъ Тургеневъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвливался. И мы всегда встрѣчались, какъ будто никогда этого и не было.

Въ натурѣ Тургенева было столько женственнаго, что не могло не быть и мелкаго; въ ней по тому же самому много было и обаятельнаго. Вѣдь и его дарованіе имѣетъ обаятельность женщины. И не было ли преобладаніе мелкихъ чертъ одною изъ причинъ притягательности Ивана Сергѣевича? Къ такимъ обыкновенно боятся и приступиться. А кто же боялся приступиться къ милѣйшему Тургеневу. Ему, напротивъ, случалось бояться, и совершенно напрасно, какихъ-то исполиновъ искусства, которыхъ онъ самъ же открывалъ.

— „Пропали мы всѣ! пропали!“—кричитъ онъ, бывало, по поводу выкопаннаго имъ стихотворца или беллетриста:—„всѣхъ насъ лоскомъ положитъ“. И при этомъ падаетъ ничкомъ на диванъ и даже совершенно несоотвѣтственно своему росту дрыгаетъ ногами...

Разумѣется, не пропадалъ никто, кромѣ тѣхъ, которые лоскомъ должны были класть другихъ, и И. С. успокаивался—до новаго открытія.

Зато было у него чутье тамъ, гдѣ другіе ничего не чуяли. Помню его замѣчательныя слова при появленіи Льва Толстого: „вотъ, наконецъ, преемникъ Гоголя и, какъ и слѣдовало ожидать, нисколько на него не похожій“.

Совокупите всѣ эти черты, и только тогда предстанетъ нѣкоторый обликъ Тургенева. Говорю „нѣкоторый“, потому что сужу по его облику живописному, который не переданъ никѣмъ сполна. Даже у такихъ мастеровъ, какъ Перовъ, К. Маковскій, Рѣпинъ,

Тургеневъ еще не Тургеневъ. У одного онъ почти монументально строгъ, у другого до приторности сладокъ, у третьяго какъ бы и тотъ, да не тотъ. Портрета Харламова я не видѣлъ, но слышалъ, что и онъ не передаетъ Тургенева. Прочтите, наконецъ, описаніе его наружности во множествѣ появившихся воспоминаній, записокъ. О ней говорятъ или какъ о необычайно изящной, или какъ о наружности великана. Французы такъ-таки и называютъ его великаномъ (un géant). А между тѣмъ о ней всего ближе можно выразиться, что она была изящно-груба, барски-аляповата въ смыслѣ стараго настоящаго барства, еще по-русски здороваго, на привольѣ наслѣдственныхъ тысячъ десятинъ и тысячи душъ, мускульно развитаго и только покрытаго французскимъ лакомъ... Тургеневъ былъ изященъ по манерамъ, тонокъ по обращенію (когда не ломался), по вкусамъ, но ужь отнюдь не по чертамъ лица, которыя были крупны всѣ, кромѣ глазъ, не по складу тѣла тяжелаго и мѣшковатаго. За улыбку этихъ маленькихъ свѣтлыхъ подслѣповатыхъ глазъ женщины обожали его, какъ мужчину, мужчины,—почти какъ женщину. И точно улыбались эти глаза совсѣмъ особенно по-Тургеневски: такъ ни у кого они не улыбались... У такого большого человѣка, а все самое маленькое и было-то самое лучшее, глаза, и „Записки охотника“ и „Первая любовь“ и такъ называемыя „Стихотворенія въ прозѣ“...

Послѣдняя моя встрѣча съ Тургеневымъ была осенью 1881 г., въ Петербургѣ, въ магазинѣ Овчинникова, гдѣ онъ покупалъ для Парижа серебряныя вещи въ русскомъ стилѣ. Никогда еще я не видѣлъ его въ такомъ цвѣтѣ здоровья. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова розовый, отлично выкормленный, моложавый старикъ, съ блестѣвшими жизнью глазами, которому готовилась Гетевская старость, что я ему и выразилъ.

— Да, я таки понабрался черноземнаго здоровья въ деревнѣ,—хвалился онъ,—и совершенно собою остаюсь доволенъ...

— А набрались ли еще чего другого?—спросилъ я.

Онъ улыбнулся своею улыбкою глазъ.

— Я, знаете ли, какъ губка: пріѣду въ Россію и напиваюсь, сколько могу. Потомъ жму себя. Иной разъ пожмешь,—окажется, напился недурно,—потечетъ; а другой разъ выцѣдишь нѣсколько капель...

— Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ потекутъ цѣлые потоки...

— Гдѣ ужь намъ о потокахъ помышлять.

Могъ ли я думать, что года два спустя, въ чудное осеннее утро, какія разстилаются во всей своей красѣ надъ Комскимъ озеромъ, я прочту въ числѣ извѣстій, до которыхъ мнѣ не было никакого дѣла

въ какой-то газетѣ, валявшейся на столикѣ трактирной террасы въ Балляджіо,—что Тургеневъ умеръ. Краски чисто тургеневскаго пейзажа лежали на водѣ, на горахъ и въ воздухѣ... Пейзажъ этотъ стоялъ передо мною живой и стоитъ онъ теперь живой, и всегда будетъ стоять... и его будутъ видѣть другіе, а художникъ, его такъ чудно передавшій, ужъ никогда не увидитъ!..

Но возвратимся къ прерванному повѣствованію объ обѣдахъ Некрасова.

Чуть-ли не самые многолюдные были обѣды редакціонные, а ужь самые разношерстные были несомнѣнно они. Помню огромные глаза Салтыкова, перепуганно-озирающіеся на сотрапезниковъ, между которыми дикообразный Рѣшетниковъ производилъ на него какое-то удручающее впечатлѣніе.

— Сядемте пожалуйста рядомъ. Ей-Богу даже не безопасно, уговариваетъ бывало Салтыковъ.

Если когда кормъ бывалъ не въ коня, то ужь конечно на этихъ обѣдахъ. Порціонные цыплята, зимою и лѣтомъ, выставка бутылокъ разнообразныхъ винъ передъ каждымъ приборомъ,—являлись тутъ почти насмѣшкою. Собирались, напримѣръ, сотрудники обсудить вопросъ: по сколько копѣекъ вычитать изъ ихъ гонорара, чтобы собрать сумму на случай крайней нужды одного изъ нихъ, не прибѣгая къ пособію „литературнаго фонда“, и тутъ же издерживалась сумма въ цыплятахъ и дорогихъ винахъ, въ которыхъ никто не нуждался. Многіе напротивъ страдали отъ замѣны ими простой водки.

Салтыковъ особенно занимался такими страдальцами.

— Посмотрите, посмотрите! Видите, какъ страдаетъ!—толкалъ онъ меня локтемъ, указывая на преслѣдовавшаго его Рѣшетникова.

Тотъ выбиралъ между бутылками, чего бы влить въ себя посущественнѣе; но въ сравненіи съ водкой, существеннымъ ничто не представлялось. Онъ поднималъ бутылку повыше, смотрѣлъ на свѣтъ, что въ бутылкѣ содержится, пытался получать указанія отъ ярлыковъ, но они были иностранные; наконецъ, вздохнувши наполнялъ до краевъ стаканъ хересомъ и вливалъ себѣ въ горло, какъ въ трубу.

Тутъ ужь Салтыковъ не выдерживалъ: „какое животное“—шипѣлъ онъ злобно.

Некрасовъ благодушно усмѣхался во всѣ стороны.

— Пусть ихъ полакомятся!—говорили его каріе съ лукавствомъ глаза:—не всякій день получаютъ.

Не всякій день получались тутъ и тѣ мнѣнія, какія высказывалъ хозяинъ по разнымъ предметамъ. Болѣе чѣмъ когда они были чичиковски привѣтливы къ составу обѣдавшихъ.

Нельзя не упомянуть еще объ обѣдахъ спеціальныхъ съ глазу на глазъ съ одними редакторами,—обѣдахъ сперва для цензора, а впослѣдствіи для члена управленія по дѣламъ печати, приставленнаго ходить за журналомъ. Эти исключительные обѣды не допускали для себя полной гласности, подобно людямъ, для которыхъ они предназначались. Какъ-то я, ничего не подозрѣвая, пришелъ къ Некрасову въ послѣобѣденный часъ. Со стола еще только убирали. Было это уже по запрещеніи „Современника“, когда Некрасовъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ редактировали „Отечественныя Записки“, откупаясь отъ Краевскаго его подписью на задней оберткѣ журнала, за которую онъ получалъ отъ нихъ не менѣе ста рублей съ буквы каждый мѣсяцъ. И каково же было мое удивленіе при видѣ слѣдующей картины: маленькій Фуксъ—тотъ самый Фуксъ, котораго Салтыковъ, въ качествѣ Щедрина, печатно называлъ Фуксенкомъ, да еще съ эпитетомъ „поганаго“, закуриваетъ сигару о сигару Михаила Евграфовича, уста въ уста, и Михаилъ Евграфовичъ хоть мрачно, но поддается этому Іудину лобзанію сигаръ.

— Прикармливаемъ звѣря, — объяснилъ мнѣ Некрасовъ: — приставленъ ходить за нами...

Салтыковъ злобно взглянулъ на меня и такъ мотнулъ шеей, какъ даже онъ обыкновенно не моталъ. Его совсѣмъ перевернуло.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— А вы ужь и рады!—брякнулъ онъ, по его мнѣнію тихонько, но такъ, что всѣмъ было слышно.

— Вѣдь онъ дьячекъ, — объяснилъ Некрасовъ, провожая меня потомъ въ прихожую:—по селамъ такіе водятся: злобные и съ косою. Поискать у Салтыкова подъ сюртукомъ хорошенько, такъ у него непремѣнно эта самая коса на загривкѣ окажется...

— А крѣпко не любитъ, чтобы его въ такомъ видѣ знали. Все норовитъ, какъ бы въ наилучшемъ!—подсмѣивался онъ.

Некрасовъ откровеннѣе совершалъ то, чего не могъ дѣлать въ наилучшемъ видѣ. Разъ мнѣ довелось также неожиданно зайти къ нему въ самый разгаръ игры, продолжавшейся нѣсколько сутокъ. Остатки не то ужина, не то завтрака на тарелкахъ, на блюдахъ, на подносахъ, стоявшихъ въ безпорядкѣ, гдѣ ни попало: по стульямъ, диванамъ, на корректурныхъ листахъ, — бутылки, стаканы и нѣсколько человѣкъ играющихъ, въ такомъ же безпорядкѣ, заставили меня попятиться назадъ. Но Некрасовъ меня увидѣлъ и предупредилъ.

— А, это вы, отецъ! куда же вы! Дайте, я къ вамъ вылѣзу.

И точно вылѣзъ, и повелъ въ другую комнату.

— Это мы „освѣжаемъ“ новичка,—объяснилъ онъ мнѣ. Третью ночь не ложимся. Кто послабѣе, вздремнетъ на диванѣ... И ничего.

Нервы только это отлично размотаетъ: какъ покончимъ, стихи писать стану.

Онъ увѣрялъ, что никогда такъ хорошо не пишетъ, какъ послѣ „освѣженій“.

— А то заснишь, заѣшь совсѣмъ ихъ, проклятые (нервы), ходишь, какъ дубина!

И этого человѣка посылали умирать когда-то въ Италію!

— А что значитъ „освѣжать“?—полюбопытствовалъ я.

— Это, отецъ, хорошее слово. Я ему выучился у нашего повара. Когда онъ потрошитъ птицу, такъ говоритъ, что ее „освѣжаетъ“. Вотъ и мы тоже, когда потрошимъ горячаго игрока, то говоримъ, что освѣжаемъ его...

Искренность это или цинизмъ,—что хотите; но во всякомъ случаѣ не притворство.

Притворялся Некрасовъ не въ жизни,—онъ былъ слишкомъ по-русски смѣтливъ, чтобы притворяться тамъ, гдѣ шила въ мѣшкѣ не утаишь,—притворялся онъ гораздо хуже: въ искусствѣ, въ дѣлѣ, на которое природа благословила его особымъ даромъ. Онъ родовое свое достояніе сдалъ въ пожизненную аренду подъ чужія ученія, которыхъ даже ясно не сознавалъ, потому что ихъ хорошенько и не зналъ, а принялъ на вѣру отъ другихъ. Какъ человѣкъ недюжиннаго ума и смекалки необыкновенной, онъ привыкъ къ этимъ ученіямъ и, не сроднясь съ ними душой, пребылъ имъ умственно вѣренъ до конца. Онъ сдерживалъ вдохновеніе, когда оно рвалось не въ ту сторону, и завидовалъ тѣмъ, кто не былъ обязанъ его сдерживать.

— Да кто же васъ-то обязалъ?—бывало спросишь его:—за что вы на себя цѣпи-то кладете?

— Кто обязалъ, отецъ? Все мое литературное прошлое и тѣ люди, которые идутъ со мною. Развѣ я вправѣ отъ нихъ отдѣлиться? Вы-то вольны, а я не воленъ... нѣтъ.

Онъ не рѣшился напечатать въ „Современникѣ“ одного стихотворенія (которое ему очень нравилось) за то, что въ немъ говорилось о косьбѣ, какъ о забавѣ и веселье мужика въ ведро, а не какъ о тягостномъ трудѣ.

— Да вѣдь это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Вѣдь мужики даже въ праздничныя рубахи одѣваются для этого!

— Такъ-то оно такъ, отецъ! Только мнѣ-то нельзя въ моемъ журналѣ такъ разговаривать. Скажутъ: Некрасовъ мужика жалѣть пересталъ: гдѣ забаву нашелъ, въ косьбѣ!..

— Значитъ, надо говорить неправду: что косьба—мука?

— Надо, отецъ! Дѣлать нечего. Я-то отлично знаю, что не мука

она, а доподлинно забава и есть для мужика. Да, нѣтъ не велятъ нашему брату такимъ манеромъ разговаривать-то.

Совершенно эпически начатую поэму „Кому на Руси жить хорошо“ онъ дальше принялся портить дидактическими вставками потому что тѣ, которые „не велятъ такимъ манеромъ разговаривать“, нашли добродушно-шутливое отношеніе къ мужику неуважительнымъ. Никуда негодныя сатиры онъ писалъ смѣло, а лучшія лирическія вещи украдкой, въ родѣ того, какъ ученики сочиняютъ стихи подъ классной скамьей.

Отдавши себя въ неволю въ томъ, что должно было составлять раздолье и отраду жизни, свободный только въ средствахъ матеріальныхъ, которыя лились на него дождемъ и съ литературно-журнальнаго и съ игорнаго горизонта (онъ былъ необычайно счастливъ въ картахъ и такъ сдержанъ, что всегда оставался въ выигрышѣ),— Некрасовъ вполнѣ свободно предавался только страсти къ охотѣ, да къ своей черной лягавой „Кадошкѣ“, которую любилъ, какъ человѣка. По свидѣтельству старика Дюма, „le grand poète russe“ любилъ еще и Григоровича; но я этого уже не засталъ и могу свидѣтельствовать только о любви его къ „Кадошкѣ“...

Ему позволялось вскакивать на столъ за обѣдомъ и лакать воду изъ хрустальныхъ кувшиновъ; для него подавалась жареная куропатка или жареный рябчикъ, и онъ ихъ съѣдалъ на коврѣ, иногда заносилъ на диванъ и трепалъ на дорогой обивкѣ. („Надо замѣтить этотъ диванъ!“ говаривалъ аккуратный Гончаровъ, „чтобы никогда на него не садиться“). Когда собака была больна, лѣкарства она получала отъ знаменитаго врача, лѣчившаго самого Некрасова. Трагическая ея кончина (ее подстрѣлили нечаянно на охотѣ) вызвала въ Некрасовѣ сознаніе, что онъ только тогда испыталъ истинное горе и понялъ отчаяніе отъ утраты дорогихъ существъ, когда увидѣлъ Кадошкинъ трупъ. Онъ упалъ на него и рыдалъ истерически. Послѣ того онъ долго не заводилъ собаки и бросилъ на время самую охоту.

Изъ разсказаннаго пожалуй можно бы вывести заключеніе, что редактору сперва „Современника“, а потомъ „Отечественныхъ Записокъ“ на занятія по редакціи и времени не оставалось. А между тѣмъ это было не такъ: редакція руководилась имъ неуклонно, какъ оркестръ хорошимъ капельмейстеромъ. Такъ какъ хорошій капельмейстеръ набираетъ хорошихъ музыкантовъ и, убѣдившись въ ихъ умѣньи дѣлать свое дѣло, требуетъ одного вниманія къ движеніямъ своей палочки, такъ и Некрасовъ умѣлъ подобрать сотрудниковъ, которымъ довольно было сказать: „отцы, маленечко потише!..“ или „пріударить позволяется, отцы—валяйте“, и редакціонный оркестръ

исполнялъ литературныя симфоніи и фуги, какихъ въ другихъ редакціяхъ не исполнялось. При этомъ деликатность Некрасова была такъ велика, что не только въ дѣло первой скрипки или віолончели, какими были Чернышевскій съ Добролюбовымъ, онъ никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться, но составителя фельетона онъ оставлялъ самостоятельнымъ въ игрѣ на своей дудкѣ: въ какія-нибудь не имѣвшія значенія статейки, перемѣшанныя на половину шуточными стишками и пародіями (приписанными, кстати сказать, Ефремовымъ Некрасову въ посмертномъ изданіи сочиненій послѣдняго), одинъ разъ только редакторъ, и то съ моего согласія, вставилъ свои собственные стихи по случаю поднесенія Каткову чернильницы съ тѣмъ, чтобы тотъ „мокалъ въ разумъ“ [1]). До лирическихъ же стихотвореній этотъ первый поэтъ своего времени никогда не позволялъ себѣ дотронуться, и только если его вызывали на замѣчанія, онъ ихъ дѣлалъ.

— А то какое же я имѣю право ихъ дѣлать, отецъ! Развѣ вы не такой же писатель, какъ я. Вы не ученикъ, я вамъ не учитель...

Редакція Некрасова не была тѣмъ журнальнымъ департаментомъ, гдѣ редакторы, маракующіе съ грѣхомъ пополамъ только въ грамматикѣ, цѣпенѣютъ передъ всякимъ живымъ словомъ или оборотомъ и исправляютъ писателей, какъ директоры своихъ столоначальниковъ. Этихъ скопческихъ скитовъ журналистики еще не существовало въ тѣ времена, да и литература еще не была перечислена по счетной части. Отношеніе къ календарю, составляющее единственную сердечную сторону послѣдующихъ редакторовъ, было у Некрасова самое холодное; ему не было никакого дѣла до перваго числа; если тридцатаго попадалась живая статья или матеріалъ для нея,—первое число могло случиться хоть пятнадцатаго.

— Книжка должна свѣжимъ человѣкомъ выйти въ свѣтъ,—говаривалъ онъ.

— И жаркое то хорошо, которое съ пылу; зажаренное за полчаса не годится.

Зато при немъ книжки журнала въ самомъ дѣлѣ были живыми. Не тѣмъ, такъ другимъ способомъ, а онъ вдыхалъ въ нихъ жизнь. Когда воздвигались строгости цензурныя, онъ находилъ средство „не кормить сѣномъ“, какъ выражался, а пускалъ въ ходъ прибереженныя про черный день связи съ писателями—эстетиками, или прибѣгалъ къ тѣмъ скучнымъ, но цензурно-невиннымъ повѣстямъ, которыя „читатель любитъ“, какъ глубокомысленныя, и къ ученымъ

[1]) Статейки печатались подъ рубрикой: „Письма въ глушь“.

статьямъ „повеселѣе“. Это все-таки было не сѣномъ и могло сходить за посредственный овесъ, впредь до возможности всыпать хорошій.

Какъ уже упомянуто, Некрасовъ довелъ до самоотверженности свое служеніе направленію. Самоотверженностью, которая перешла на этотъ разъ въ самооплеваніе, объяснялъ онъ и прискорбный случай съ Муравьевымъ въ англійскомъ клубѣ. Извѣстно, что Муравьевъ былъ одно время чѣмъ-то вродѣ руки Всевышняго, которой суждено было отечество спасти,—отъ чего? Да просто отъ всего: отъ толстыхъ журналовъ до стриженныхъ женщинъ включительно. Отсюда—совершенно понятное общее уныніе и трепетъ въ области журналистики, представляемой Некрасовымъ, какъ редакторомъ толстаго „Современника“ [1]). Трепеталъ ли редакторъ и за Некрасова, не берусь рѣшать; между трепетными, во всякомъ случаѣ, я его не считаю на одномъ ряду съ Салтыковымъ. Такъ или иначе, но онъ рѣшается на самозакланіе и кладетъ себя искупительною жертвою на алтарь Муравьевскаго всемогущества. Чтобы спасти направленіе, онъ погубитъ себя...

И вотъ послѣ одного изъ обѣдовъ въ англійскомъ клубѣ, онъ подходитъ къ современному Аттиллѣ толстой журналистики и стриженныхъ женскихъ головъ,—становится передъ нимъ и, при свидѣтеляхъ, произноситъ стихи, благословляющіе на подвигъ отрощенія волосъ и остриженія журналовъ... Аттилла окидываетъ его презрительнымъ взглядомъ и поворачиваетъ ему спину.

Спасено ли хоть направленіе? Ничуть. Журналъ немного погодя запрещается...

Я помню угнетенный видъ бѣднаго Некрасова послѣ совершеннаго имъ подвига.

Сдѣлать подлость, но умно сдѣлать,—еще за это простить могутъ; а сдѣлать подлость и глупость разомъ,—непростительно. Можетъ быть мнѣ измѣняетъ память, но съ тѣхъ поръ самый образъ жизни Некрасова потерпѣлъ перемѣну: домъ его сталъ менѣе открытымъ, обѣды не такъ часты и гораздо проще. Тѣ угощенія, которыя прежде являлись по манію невидимой руки вдовы Панаева, отошли въ преданіе вмѣстѣ съ нею и съ поваромъ, „освѣжавшимъ“ дичь и карманъ Некрасова. Обѣдали больше за-просто; готовила кухарка,

---

[1]) Я имѣлъ на глазахъ образчикъ того, какъ относилась цензура къ этому журналу. По поводу какой-то моей статьи, съ которой я поѣхалъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета Турунову, онъ сказалъ мнѣ безъ обиняковъ: печатайте во всякомъ, какомъ угодно журналѣ, вамъ ее пропущу; но въ „Современникѣ“—ни за что.

хотя отличная: у стола служилъ бородатый охотникъ „Никандръ“ въ платьѣ съ Некрасовскаго плеча и если его кто-нибудь называлъ Никандромъ, то Некрасовъ непремѣнно прибавлялъ: „Никандра, отецъ, онъ иначе себя не понимаетъ“. На обѣдахъ присутствовала уже для всѣхъ видимая другая хозяйка,—бѣлокурая Зиночка, столько же соотвѣтствуя простотѣ новой обстановки, столько старая обстановка соотвѣтствовала остроумной и блестящей брюнеткѣ Авдотьѣ Яковлевнѣ... Редакція арендованнаго уже другого журнала („Отеч. Записокъ“) не кормилась и не поилась вовсе. Бывалъ одинъ Салтыковъ, да и тотъ больше, когда случалось „прикармливать“ какого-нибудь рѣдкаго цензурнаго звѣря... Вносители перловъ беллетристики или перестали совсѣмъ нестись, или клали свои яйца въ другіе журналы. Одинъ Островскій остался неизмѣненъ и пилъ шампанское, начиная съ супа. Другого вина онъ не пилъ, или ужь если пилъ, то „зеленò-вино“.

Потомъ Некрасовъ пошелъ болѣть. Неизлѣчимая болѣзнь (ракъ въ кишкахъ), мучительная, долгая, за-живо похоронила его для всѣхъ, кромѣ двухъ не оставлявшихъ его ни на минуту женщинъ: этой самой Зиночки и родной сестры. Онѣ соперничали въ самоистязаніяхъ: каждая не давала себѣ спать, чтобы услышать первый его стонъ и первой подбѣжать къ постели. Для этого Зиночка, которая была моложе и со сномъ справлялась труднѣе садилась на полъ и уставлялась на зажженную свѣчу:

Двѣсти ужь дней,
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются:
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются,
Двѣсти ужь дней,
Двѣсти ночей.
Темные зимніе дни,
Ясныя зимнія ночи...
Зина! закрой утомленныя очи.
Зина! усни...

Но Зина не закрывала очей и не давала себѣ уснуть.

Зато, по истеченіи этихъ двухсотъ дней и ночей она изъ молодой, бѣленькой и краснощекой женщины превратилась въ старуху съ желтымъ лицомъ, и такою осталась

Недобрые люди давали свое толкованіе самоотверженности этихъ женщинъ: у больного было большое состояніе...

Состояніе Некрасова было дѣйствительно велико. Онъ изъ него

могъ отдѣлить цѣлое барское имѣніе въ Ярославской губерніи, купленное за значительныя деньги, въ которомъ онъ проживалъ лѣтніе мѣсяцы, подарить брату; въ состояніи былъ заказать походную церковь, чтобы въ своемъ кабинетѣ обвѣнчаться съ Зиночкой передъ смертью, и выписалъ изъ Вѣны знаменитаго оператора, чтобы вслѣдъ затѣмъ умереть, заплативши за это чуть ли не двадцать тысячъ рублей: наконецъ, онъ не скрывалъ незадолго до смерти, что у него не одна сотня тысячъ въ процентныхъ бумагахъ. И двѣсти дней болѣзни, хотя бы усугубленныхъ не двумя или тремя врачебными знаменитостями Петербурга и одною Вѣны, но цѣлымъ ихъ десяткомъ,—хотя бы онѣ лѣчили не иначе, какъ пилюлями изъ литого золота, а порошками изъ толченаго алмаза,—не въ силахъ были бы залѣчить такую кучу денегъ. Однако денегъ послѣ покойника не осталось. Зиночка даже продала съ публичнаго торга его носильное платье, и сама осталась бѣдною Зиночкой...

А кто остался богатъ,—для всѣхъ тайна. Сестра покойнаго тоже не разбогатѣла; ей досталось одно право собственности на сочиненія брата. Или состояніе опять принесено въ жертву „направленію"—скрыто, а съ тою же цѣлью показано только незначительное имущество для основанія народной школы имени народнаго поэта?.. И здѣсь тайна...

Всю жизнь скрывать врожденное эстетическое чувство; выражать въ поэтической формѣ голоданье и холоданье простонародья, и въ то же время жить бариномъ въ полномъ смыслѣ слова; наконецъ, умереть, не оставивъ ничего,—чтобы хоть было подозрѣніе въ чемъ-то общемъ съ бѣднымъ народомъ: какой добровольный крестъ и для чего!..

Послѣдніе дни жизни, забота о прославленіи себя за гробомъ возложила на Некрасова новый крестъ: онъ началъ допускать къ своей постели людей, которые прежде никогда не получили бы доступа къ его креслу: разныхъ газетныхъ глашатаевъ, публицистовъ пошустрѣе, изъ грязи вылѣзшихъ редакторовъ и всякую пресмыкающуюся литературную тварь. Они его утомляли до изнеможенія; развѣдывали, разспрашивали, выворачивали ему душу, чтобы пересказать, чѣмъ она подбита; что-то записывали и, не дождавшись, чтобы онъ хорошенько закрылъ глаза, пустились взапуски платить по медвѣжьему за переданныя (и еще переданныя ли?) откровенія...

Мнѣ довелось однажды попасть на слѣдующую сцену. Некрасовъ лежалъ спиной къ окнамъ, лицомъ къ стѣнѣ, съ которой смотрѣлъ сосланный въ деревню Пушкинъ, читающій Пущину стихи (картина Гэ). Приподнятое острое колѣно Некрасова торчало подъ про-

стыней, какъ на портретѣ Крамского. Сбоку, у самой кровати, на стулѣ сидѣлъ взбудораженный и алчный газетчикъ, прислушиваясь къ тому, что черезъ силу протягивалъ сиплымъ совсѣмъ уже беззвучнымъ голосомъ больной.

Какъ только я подошелъ, онъ разомъ замолкъ.

— Усталъ, отецъ. Довольно,—обратился онъ къ газетчику.

— Какъ-нибудь позвольте въ другой разъ?—заегозилъ тотъ.

Некрасовъ отмахнулся рукой, какъ отъ комара, и закрылъ глаза. Газетчикъ удалился, но прежде записалъ-таки что-то въ книжечку.

— Вотъ такъ-то: на нихъ и суда не найдешь. Какъ оводы лѣтомъ,—протянулъ Некрасовъ и усиленно принялся стонать. Зиночка такъ и налетѣла.

Я видѣлъ, что ему было совѣстно. Мнѣ за него тоже: „не въ лучшемъ видѣ засталъ я его“.

Многое происходило не въ лучшемъ видѣ на глазахъ подбиравшейся каждый часъ смерти. Не въ лучшемъ видѣ были и возложенія на гробъ вѣнковъ, во время погребальнаго шествія по улицамъ, переодѣтыми въ бабъ женщинами съ направленіемъ. Вѣнки,—бабы,—какъ это одно съ другимъ не ладится!

Впрочемъ, вѣнки и бабы за гробомъ, тонкія вина и голодные сотрудники за обѣдомъ,—это только двѣ разныхъ сцены, но изъ одной и той же комедіи...

П. М. Ковалевскій.

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

I.

Вильна въ 1864 году.

Въ январѣ 1864 года, смоленскій губернаторъ Бороздна сообщилъ мнѣ, какъ кандидату мирового посредника Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи, что министръ внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ кандидатамъ мировыхъ посредниковъ, окончившимъ свои занятія въ Смолейской губерніи по провѣркѣ уставныхъ грамотъ, принять должности мировыхъ посредниковъ въ Сѣверо-и Юго-Западномъ краѣ. Въ 1864 году во всемъ Западномъ краѣ продолжалось еще возстаніе поляковъ. Желая поставить русское правительство въ затруднительное положеніе, поляки-чиновники придумали: усилить анархію и безначаліе въ краѣ, отказавшись отъ исполненія занимаемыхъ ими должностей. Всѣ мировые посредники, въ числѣ прочихъ чиновниковъ-поляковъ, отказались отъ исполненія своихъ обязанностей; а такъ какъ всѣ должности мировыхъ посредниковъ въ этихъ губерніяхъ были заняты поляками, то весь Западный край оказался безъ мировыхъ посредниковъ, а крестьяне безъ всякаго начальства. Въ это время генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западныхъ губерній былъ уже Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Желая облегчить ему выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, военный министръ Милютинъ исходатайствовалъ Высочайшее распоряженіе: командировать въ Западныя губерніи тѣхъ мировыхъ посредниковъ изъ офицеровъ, которые возвращались въ то время изъ своихъ командировокъ по повѣркѣ уставныхъ грамотъ въ своихъ родовыхъ уѣздахъ, съ сохра-

нонѣмъ имъ всѣхъ тѣхъ льготъ по военной службѣ, которыя были предоставлены имъ при командированіи ихъ въ свои уѣзды, то есть они оставались во все время исполненія обязанностей мировыхъ посредниковъ офицерами тѣхъ военныхъ частей, гдѣ служили; они считались тамъ на дѣйствительной службѣ и могли во всякое время возвратиться въ свои части, на свои вакансіи. Командировки эти могли однако состояться только въ случаѣ желанія этихъ офицеровъ принять должность мировыхъ посредниковъ въ Западныхъ губерніяхъ.

Получивъ такое предложеніе, я не затруднился принять его и избралъ Сѣверо-Западный край, увлеченный уваженіемъ къ энергической, самостоятельной дѣятельности Михаила Николаевича Муравьева. Служебныхъ выгодъ я не предвидѣлъ отъ этой командировки никакихъ, сознавалъ всѣ затрудненія и лишенія, ожидавшія меня въ этомъ возставшемъ краѣ; но я желалъ послужить отечеству и содѣйствовать погашенію мятежа. Три года занятій крестьянскимъ дѣломъ заставили меня полюбить его, разъяснили мнѣ: какую громадную пользу можно принести на должности мирового посредника. Наконецъ, меня интересовалъ весь этотъ мятежный польскій край, который я не зналъ, и увлекала слава М. Н. Муравьева, главнаго начальника этого края, о которомъ ходило тогда такъ много толковъ, и сложились уже цѣлыя легенды.

Въ концѣ января 1864 года, я выѣхалъ изъ Вяземскаго уѣзда въ Вильну. Въ то время не было и помину о желѣзной дорогѣ въ этомъ направленіи. Я ѣхалъ на Смоленскъ, Оршу, Могилевъ, Минскъ въ Вильну, на почтовыхъ лошадяхъ, въ саняхъ; санный путь былъ прекрасный. Тотчасъ за Смоленскомъ, какъ только я въѣхалъ въ Могилевскую губернію, я попалъ въ новый міръ. Явились поляки, бѣлоруссы, евреи съ ихъ чуждыми мнѣ языкомъ, нравами и враждебнымъ ко всему русскому настроеніемъ. Я, русскій гвардейскій офицеръ, своей формой обнаруживалъ свою національность и тотчасъ почувствовалъ злобное настроеніе, враждебность всѣхъ этихъ людей. Они умышленно говорили со мною по-польски, хотя всѣ прекрасно говорили и понимали русскій языкъ. Они затрудняли меня во всемъ: въ покупкѣ хлѣба, баранокъ, въ счетѣ денегъ, считая на злоты и гроши; а часто отказывали и вовсе въ чемъ можно, говоря: „не разумемъ!“ Гдѣ лаской, гдѣ окрикомъ или шуткой, я кое-какъ устраивался и подвигался быстро. Уже съ самой границы Смоленской губерніи, замѣтно было военное положеніе края. Въ мѣстечкахъ видны были войска; на почтовой дорогѣ стояли мѣстами заставы и военный караулъ при нихъ. Здѣсь и на станціяхъ провѣряли мою подорожную. Но когда я въѣхалъ въ Минскую губернію,

военное положеніе оказалось во всей своей силѣ и строгости. На заставѣ въ городѣ Борисовѣ меня остановилъ военный караулъ; военный писарь забралъ мою подорожную и объяснилъ мнѣ, что я долженъ ожидать, пока онъ отнесетъ мою подорожную для повѣрки и записи военному начальнику, и что я могу ѣхать дальше только, когда получу разрѣшеніе военнаго начальника Борисовскаго уѣзда.

Эта строгость нисколько не смутила меня. Я немедленно, какъ былъ—въ пальто, шашкѣ черезъ плечо, съ револьверомъ на поясѣ, въ теплыхъ валенкахъ, сказалъ писарю, чтобы онъ велъ меня къ этому военному начальнику. Писарь очень одобрилъ мою рѣшимость и сказалъ, что дѣло пойдетъ такъ гораздо скорѣе, и начальникъ тотчасъ дастъ мнѣ разрѣшеніе на дальнѣйшій путь.

Не помню фамиліи военнаго начальника, но знаю, что это былъ командиръ пѣхотнаго полка, расположеннаго въ городѣ Борисовѣ, человѣкъ дѣловой и боевой, усмирившій повстаніе въ Борисовскомъ уѣздѣ, все время сражавшійся съ повстанцами и наведшій на нихъ острастку своими смѣлыми, рѣшительными и разумными дѣйствіями. Онъ очень любезно принялъ меня и конечно не затруднился дать мнѣ пропускъ на дальнѣйшій путь. Покуда что-то прописывали и записывали, я бесѣдовалъ съ нимъ и въ первый разъ услышалъ живой разсказъ о повстаніи отъ очевидца и дѣятеля — борца съ повстаніемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ много о своей дѣятельности, увѣрилъ меня, что я могу теперь смѣло, безъ опаски, ѣхать по пути въ Минскъ; одобрилъ, что я ѣду съ шашкой на перевязи и револьверомъ на поясѣ; справился даже: отточена ли моя шашка, и заряженъ ли револьверъ? „Я ручаюсь вамъ, сказалъ онъ, что вы не встрѣтите до Минска никакой шайки повстанцевъ; но никакъ не могу ручаться, что какой-нибудь озлобленный негодяй не попробуетъ напасть на беззащитнаго русскаго и выместить на немъ свою злобу за неудачный исходъ повстанья“.

Уже давно принесли мнѣ мою подорожную и какой-то пропускъ; у крыльца давно побрякивалъ колокольчикъ почтовой тройки; но разсказы полковника такъ увлекли меня, что я слушалъ и разспрашивалъ его. Онъ напоилъ меня чаемъ, далъ мнѣ закусить, приказалъ привезти мои сани съ своему крыльцу, и отъ него прямо, съ радушными его пожеланіями, я поѣхалъ дальше. Позднимъ вечеромъ я пріѣхалъ въ Минскъ и остановился тамъ ночевать. Я предполагалъ, что въ такомъ большомъ центрѣ, какъ Минскъ, губернскій городъ, строгости военнаго положенія еще сильнѣе, чѣмъ въ маленькомъ городкѣ Борисовѣ. Оказалось, что тутъ дѣло было поставлено совершенно иначе. Какъ только я проснулся, денщикъ мой разсказалъ мнѣ, что какой-то еврей, факторъ, предлагаетъ, за

50 копѣекъ, устроить мнѣ исполненіе всѣхъ необходимыхъ формальностей; что мнѣ не надо будетъ являться ни военному губернатору, ни даже въ его канцелярію; онъ брался все устроить. Новичекъ Западнаго края, я удивился этому предложенію; позвалъ фактора и, выслушавъ его увѣренія, отдалъ ему свою подорожную. Не прошло и часу, какъ торжествующій еврей вручилъ мнѣ мою подорожную, съ подписями всѣхъ, кому слѣдовало явить ее, и съ особымъ разрѣшеніемъ на свободный проѣздъ до Вильны. Черезъ полчаса я выѣхалъ изъ Минска.

На пути между Минскомъ и Вильною военное положеніе было замѣтно во всей силѣ. Въ Молодечнѣ видно было много войскъ. Я встрѣтилъ даже на пути два отряда войскъ, двигавшихся въ боевомъ порядкѣ, очевидно шедшихъ на разысканіе повстанческихъ шаекъ. Въ Сморгони стояло нѣсколько батарей артиллеріи. Проѣзжая по улицѣ, я увидѣлъ знакомаго офицера, оглянулся на него; онъ остановилъ меня, зазвалъ къ себѣ обѣдать на перепутьѣ. Обѣдали въ офицерской артели; опять пошли оживленные разсказы о повстаніи, о стычкахъ съ повстанцами, въ которыхъ эти офицеры только-что участвовали. Всѣ офицеры восторженно говорили о Муравьевѣ, разсказывали мнѣ цѣлый рядъ мудрыхъ и смѣлыхъ его распоряженій. Бесѣда была такъ занимательна для меня, хозяева такъ радушны, что я остался ночевать у нихъ. Тутъ настроеніе духа было уже совсѣмъ бодрое; увѣренность въ успѣхѣ подавленія мятежа полная, негодованіе на возставшихъ поляковъ сильнѣйшее. Я съ удивленіемъ замѣтилъ однако у этихъ русскихъ людей, только-что дравшихся съ поляками, отсутствіе всякаго озлобленія; у нихъ господствовало презрѣніе къ „неблагоразумнымъ“, повстанцамъ „полякамъ“, какъ они называли ихъ.

На другой день я въѣзжалъ утромъ въ Вильну. Первое впечатлѣніе этого города было тягостное. Вильна, Западный край, Польша со всѣми ихъ тенденціями и полонизмомъ были мнѣ совершенно незнакомы. Я родился въ Москвѣ, учился и служилъ въ Петербургѣ; посѣщалъ Малороссію, Финляндію, Прибалтійскія губерніи, но никогда не бывалъ въ польской сторонѣ. Чѣмъ-то чуждымъ, непривѣтливымъ, повѣяло на меня отъ Вильны. Въ Гельсингфорсѣ, въ Ревелѣ, Ригѣ, я видѣлъ города западнаго типа, иные, чѣмъ наши русскіе; но это были не католическіе, а протестантскіе города. Въ Ревелѣ больше всего сохранился древне-германскій типъ: каменныя стѣны старинной крѣпости, узкія улицы, башни, старинныя церкви очень типичны, серьезны, но уютны; нѣмецкое населеніе серьезно, но привѣтливо. Гельсингфорсъ городъ новый; все тамъ не такъ, какъ у насъ; но дома, улицы, церкви веселые, новенькіе; жители, финны,

молчаливы, не шумны, но привѣтливы [1]). Нѣмцы, финны плохо понимаютъ по-русски, но, разговаривая съ русскимъ человѣкомъ, не требуютъ и отъ него знанія своихъ языковъ; стараются понять его рѣчь и вообще вѣжливы, привѣтливы со всѣми.

Въ Вильнѣ все совершенно иначе. Въ предѣлахъ русской Имперіи нѣтъ города болѣе мрачнаго, непривѣтливаго и негостепріимнаго для русскихъ, какъ Вильна. Прибавлю еще: нѣтъ и города болѣе католическаго, болѣе польскаго. Варшава менѣе польская и менѣе фанатически-католическая, чѣмъ Вильна; по крайней мѣрѣ, она менѣе заботится выказать себя такою. Варшава городъ веселый, дѣятельный, коммерческій; на улицахъ толпы шумно движутся, хлопочутъ. Церкви не выдвигаются на первый планъ. Варшавянинъ прежде всего дѣловой человѣкъ, или безпечный человѣкъ; затѣмъ уже онъ заявляетъ о своемъ полонизмѣ и католичествѣ. Виленскіе поляки прежде фанатики католики, затѣмъ фанатики поляки, и послѣ всего люди. Западный край бѣденъ, но посмотрите, какіе огромные костелы онъ воздвигъ въ Вильнѣ: монастыри занимаютъ по цѣлымъ кварталамъ города, и въ 1864 году были полны многочисленной братіи, монаховъ и монахинь. Въ Варшавѣ мірская жизнь одолѣваетъ церковную, въ Вильнѣ католичество давитъ все.

Нельзя судить о Вильнѣ 1864 года по теперешней; тогда существовали еще всѣ монастыри, теперь закрытые и обращенные въ гимназіи, присутственныя мѣста, казармы. На улицахъ толкалась масса монаховъ, ксендзовъ, монахинь; русскія церкви, можно сказать, не существовали, онѣ были совершенно закрыты, какъ великолѣпный соборъ Пречистой Матери Божьей, или стояли полуразрушенныя, застроенныя разными частными домами, какъ всѣ остальныя православныя церкви. Теперешнія лучшія части города: Георгіевская улица, Погулянка, были изрѣдка застроены небогатыми домиками, а больше тамъ тянулись огороды.

Я въѣхалъ въ Вильну утромъ, черезъ Остробрамскія ворота. Меня поразила толпа людей, стоявшихъ на колѣняхъ вдоль улицы, у Остробрамскихъ воротъ, загораживавшихъ проѣздъ по ней, что-то пѣвшихъ, злостно глядѣвшихъ на меня. „Что это такое?“ спросилъ я ямщика. Онъ объяснилъ мнѣ, что надъ воротами устроена католическая каплица, въ которой помѣщена икона Божіей Матери; а стоящіе по улицѣ люди католики; они поютъ свои псалмы и молятся. Боже мой! подумалъ я; у насъ въ Москвѣ тоже есть чудотворная икона Иверской Божіей Матери; она то же помѣщена въ самомъ

---

[1]) Въ тѣ годы Финляндія еще не болѣла сепаратизмомъ, и русскому человѣку жилось тамъ хорошо.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

людномъ мѣстѣ города; часовня ея устроена въ воротахъ; тамъ тоже цѣлый день толпы молящихся; черезъ ворота у часовни цѣлый день непрерывной цѣпью тянутся проѣзжающіе экипажи, но все это дѣлается тихо, благоговѣйно. Въ часовнѣ непрерывно служатъ молебны; молящіеся не загораживаютъ проѣзда, не злятся, а смиряются во время молитвы и не орутъ на всю улицу. Чуждо, не симпатично показалось мнѣ все это, особенно молитва напоказъ, демонстративно.

Артиллеристы въ Сморгони совѣтовали мнѣ остановиться въ „Европейской гостиницѣ", гдѣ, по ихъ словамъ, помѣстились русскіе, пріѣхавшіе съ Муравьевымъ, и гдѣ польскій духъ не давитъ русскаго человѣка. Я такъ и поступилъ, и почувствовалъ себя тамъ очень хорошо. На лѣстницѣ, въ корридорахъ, встрѣчались русскіе люди, слышалась русская рѣчь. Въ швейцарской, взглянувъ на списокъ постояльцевъ, я прочиталъ нѣсколько знакомыхъ фамилій; почти всѣ эти лица дѣйствительно оказались знакомыми моими. За обѣдомъ, въ табльдотѣ, я встрѣтилъ еще нѣсколько знакомыхъ и даже близкихъ мнѣ людей. Всѣ они пріѣхали сюда служить, занимали уже разныя мѣста, одобрили меня и научили: кому надо являться, какъ дѣйствовать.

На другой день я явился, прежде всего, чиновнику, завѣдывавшему личнымъ составомъ мировыхъ посредниковъ. Должность эту занималъ Левшинъ; но онъ былъ въ отпуску, и его замѣнялъ Николай Абрамовичъ Зубковъ. Это былъ тверской помѣщикъ, служившій тамъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, если не ошибаюсь, въ должности члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Это былъ человѣкъ серьезный, дѣловой, мало разговорчивый, знатокъ крестьянскаго дѣла, съ либеральнымъ гуманнымъ направленіемъ. Я встрѣчался съ нимъ не разъ въ Петербургѣ и слышалъ тамъ о немъ отъ тверитянъ прекрасные отзывы, полные уваженія. Онъ припомнилъ наши встрѣчи и отнесся ко мнѣ радушно. Онъ сказалъ мнѣ, что въ тотъ же день доложитъ о моемъ пріѣздѣ начальнику края, М. Н. Муравьеву, и испроситъ его указаній о моемъ назначеніи; что мнѣ конечно придется представиться Михаилу Николаевичу. До моего представленія Михаилу Николаевичу, онъ, Зубковъ, не можетъ сказать мнѣ ничего о мѣстѣ, куда мнѣ придется ѣхать; это вполнѣ зависитъ отъ Михаила Николаевича. Муравьевъ очень дорожитъ лицами, уже знакомыми съ крестьянскимъ дѣломъ, и что обо мнѣ получены отъ смоленскаго губернатора самые лестные, одобрительные отзывы. Когда Зубковъ докладывалъ это Муравьеву, тотъ включилъ меня въ списокъ лицъ, назначеніемъ которыхъ желаетъ самъ распорядиться.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я получилъ повѣстку, что на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, я долженъ явиться во дворецъ и представиться начальнику края, при общемъ представленіи служащихъ лицъ.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ помѣщался во дворцѣ. Это старинное зданіе, въ которомъ нѣкогда, въ 1812 году, останавливался Императоръ Александръ I, затѣмъ Императоръ Наполеонъ I. Муравьевъ занималъ весь дворецъ. Въ части обширныхъ залъ онъ размѣстилъ канцеляріи и кабинеты лицъ, въ близости, подручности которыхъ нуждался. Для ежедневнаго, служебнаго пользованія, назначенъ былъ боковой подъѣздъ, въ концѣ зданія, выходящій на улицу противъ бывшаго университета. Теперь этотъ выходъ задѣланъ, и на томъ же концѣ дворца пробиты двери и устроено крыльцо во дворѣ, подлѣ воротъ. У крыльца этого конечно стояли парные часовые.

Войдя въ швейцарскую, я увидѣлъ множество народа, снимавшаго верхнюю одежду, шумно разговаривавшаго. Неужели, думалъ я, всѣ они будутъ представляться генералъ-губернатору, какъ я? По широкой лѣстницѣ я поднялся во второй этажъ, гдѣ увидѣлъ рядъ обширныхъ залъ, наполненныхъ самымъ разнообразнымъ людомъ. Тутъ была толпа генераловъ, множество офицеровъ, и среди нихъ не одинъ десятокъ блестящихъ гвардейцевъ; затѣмъ множество чиновниковъ, важныхъ, въ лентахъ и звѣздахъ, и смиренныхъ въ вицмундирахъ. Ко мнѣ, какъ офицеру, подошелъ дежурный адъютантъ, записалъ подробно: кто я, по какому поводу представляюсь начальнику края. Гражданскихъ чиновниковъ такимъ порядкомъ записывалъ особый чиновникъ особыхъ порученій. Оглядѣвшись немного, я съ удивленіемъ увидѣлъ себя въ средѣ лицъ знакомыхъ мнѣ по Петербургу. Изъ нихъ очень немногіе являлись Муравьеву въ первый разъ, какъ я; большинство состояло уже на службѣ здѣсь, занимали прекрасныя должности въ самой Вильнѣ, около Муравьева, и явились въ эти залы по обычаю; они бывали тутъ ежедневно, чтобы дѣлать Михаилу Николаевичу личные свои доклады, выслушивать его личныя распоряженія и быть у него подъ рукою, на случай надобности, при представленіяхъ. Я съ радостью увидѣлъ, что среди этихъ лицъ, особенно изъ числа генераловъ и высшихъ чиновниковъ, были люди съ выдающимися способностями и блестящей репутаціей. Значитъ, подумалъ я, Муравьевъ хорошо обставленъ! Всѣхъ ихъ вызвалъ въ Вильну Муравьевъ.

Вскорѣ изъ внутреннихъ комнатъ вышли какіе-то важные люди, съ портфелями и дѣлами, что-то сказали адъютанту, и тотъ принялся располагать насъ, военныхъ, по порядку записи у него, а чи-

новникъ особо располагалъ такъ же гражданскихъ лицъ. Въ числѣ ихъ были священники, какой-то монахъ, ксендзы и крестьяне. Живя въ Петербургѣ, я видалъ Муравьева на Высочайшихъ выходахъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ театрахъ, на улицѣ; но, признаюсь, никогда не всматривался въ него. Онъ не представлялъ тогда ничего замѣчательнаго и былъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ многихъ министровъ, не болѣе. Говорить съ нимъ и представляться ему мнѣ не случалось. Теперь я увидѣлъ Михаила Николаевича во всемъ сіяніи и блескѣ славы власти. По чину поручика, я стоялъ въ хвостѣ представлявшихся, и мнѣ было время всмотрѣться въ историческую фигуру усмирителя повстанія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Михаилъ Николаевичъ былъ уже не молодъ: небольшого роста, широкоплечій, плотный, даже толстоватый, съ медленными движеніями. Лицо широкое, славянское; лицо человѣка пожилого, но выражало непоколебимую волю, и казалось, неспособно было улыбаться. Вѣроятно отъ болѣзни, цвѣтъ лица его былъ желтый; лицо суровое, но не злое. Говорилъ онъ не громко, но ровно, ясно, не возвышая голоса, и очень спокойно, даже безпристрастно. Онъ останавливался передъ каждымъ изъ представлявшихся, задавалъ нѣкоторымъ вопросы, выслушивалъ внимательно и кратко высказывалъ свои резолюціи, обращаясь къ одному изъ составлявшихъ его свиту сановниковъ адъютантовъ, ординарцевъ. Резолюцію эту тотчасъ записывало то лицо свиты, къ которому онъ обращался. Лица, окончившія свое представленіе, не удалялись, а оставались на мѣстахъ, такъ что до конца обхода всѣхъ толпа была не подвижна.

Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ. Я выговорилъ извѣстную фразу: „поручикъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Полевой, командированъ въ распоряженіе Вашего Высокопревосходительства, для занятія должности мирового посредника“. Онъ молча, внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, устремилъ свои суровые глаза на мое лицо и медленно сказалъ: „Вы уже были мировымъ посредникомъ на родинѣ? Долго?“ Я отвѣтилъ. „Что заставило Васъ покинуть гвардію и пріѣхать сюда?“ Вопросъ этотъ крайне оскорбилъ меня, какъ намекъ на то, будто я ушелъ изъ гвардіи не по доброй волѣ, но я спокойно, не смущаясь, отвѣтилъ: „я потому именно пріѣхалъ сюда и согласился занять должность мирового посредника, что могу сдѣлать это, не покидая гвардіи, оставаясь въ почетномъ званіи офицера гвардейской артиллеріи, и во всякое время возвратиться въ мою батарею. Три года занятій крестьянскимъ дѣломъ показали мнѣ, какую огромную пользу можно принести на этой должности, и какое серьезное это дѣло. А въ Сѣверо-Западный край я явился потому, что, какъ мнѣ объявилъ то бывшій мой начальникъ, смо-

ленскій губернаторъ, здѣсь нужны русскіе люди и у Вашего Высокопревосходительства не достаетъ мировыхъ посредниковъ". Михаилъ Николаевичъ молча, вперивъ въ меня свой пронзительный взоръ, выслушалъ меня, кивнулъ головою и сказалъ: „Зубковъ объявитъ Вамъ назначеніе Ваше". Я почтительно поклонился; тѣмъ и кончилось мое представленіе. За мной стояло еще человѣкъ 10 представляющихся, съ которыми онъ говорилъ такъ же кратко, и черезъ полчаса представленіе кончилось. Муравьевъ вышелъ на середину зала, сдѣлалъ общій поклонъ, сказалъ: „до свиданія, господа!" и ровно, медленно шагая, удалился въ свой кабинетъ. По уходѣ Михаила Николаевича, толпа зашевелилась, заговорила, но не сразу стала расходиться.

Стоялъ на мѣстѣ и я, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только-что выслушаннаго мною оскорбительнаго вопроса. Оскорбленный до глубины души несправедливымъ намекомъ Муравьева, я въ умѣ уже рѣшилъ: немедленно подать рапортъ объ отказѣ принять должность мирового посредника въ Сѣверо-Западномъ краѣ, возвратиться въ строй въ мою батарею, и тѣмъ ясно опровергнуть клевету.

Еще во время разговора со мною Муравьева я замѣтилъ въ свитѣ его генерала Ратча, дружески кивавшаго мнѣ головою, изъ-за спины Михаила Николаевича. Я зналъ Ратча по службѣ моей въ гвардейской артиллеріи, гдѣ онъ занималъ выдающійся служебный постъ. Это былъ очень образованный человѣкъ, ученый артиллеристъ. Мнѣ пришлось два мѣсяца, подъ его руководствомъ производить на Красносельскомъ военномъ полѣ практическую провѣрку таблицъ для стрѣльбы изъ нарѣзныхъ орудій. Я вынесъ изъ этой двухмѣсячной работы глубокое уваженіе и искреннее расположеніе къ генералу Ратчу; а онъ полюбилъ меня и относился ко мнѣ дружески.

Когда я стоялъ въ раздумьѣ въ пріемномъ залѣ Виленскаго дворца, генералъ Ратчъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и улыбаясь сказалъ: „не ожидалъ видѣть Васъ здѣсь! Что? озадачилъ Васъ старикъ нашъ?" Я очень обрадовался встрѣчѣ съ Ратчемъ и тотчасъ излилъ ему все свое огорченіе, и высказалъ ему свою рѣшимость уѣхать въ Петербургъ, возвратиться въ свою батарею. Онъ съ улыбкою выслушалъ меня, дружески обнялъ и сказалъ: „Все тотъ же! Люблю Вашу гордость и обидчивость! Но Боже Васъ сохрани исполнить Ваше неблагоразумное рѣшеніе. Вы не знаете Михаила Николаевича, и потому такъ приняли слова его. У него замашка озадачивать людей и такимъ образомъ испытывать ихъ. Я убѣжденъ, что онъ замѣтилъ Вашу обиду, понялъ ее и составилъ себѣ о Васъ хорошее мнѣніе, Вы хорошо, сдержанно, но смѣло, отвѣтили

ему". Ратчъ разсказалъ мнѣ, что живетъ въ Вильнѣ, занимаетъ тамъ должность начальника артиллеріи Виленскаго военнаго округа, и дружести пригласилъ меня къ себѣ, въ тотъ же день, обѣдать. Онъ взялъ съ меня слово до подробной бесѣды съ нимъ послѣ обѣда не дѣлать никакого шага относительно службы моей мировымъ посредникомъ и даже постараться не видѣться съ Зубковымъ.

Вечеромъ, сидя въ кабинетѣ Ратча, я разсказалъ ему: съ какимъ патріотическимъ одушевленіемъ я ѣхалъ въ Вильну; высказалъ ему, что по моему убѣжденію я поступилъ самоотверженно, обрекая себя, вмѣсто пріятной жизни въ Петербургѣ, блестящей, легкой службы въ гвардіи, на жизнь гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городкѣ Западнаго края и тяжелый трудъ успокоенія бунтующихъ. А ему, какъ одному изъ моихъ начальниковъ по гвардейской артиллеріи, конечно извѣстно мое положеніе тамъ, и что уходить изъ гвардіи мнѣ нѣтъ никакой нужды. Я разсказалъ ему, какъ наканунѣ Зубковъ сообщилъ мнѣ, что о службѣ моей въ Вяземскомъ уѣздѣ полученъ отъ смоленскаго губернатора самый лестный отзывъ; а потому я рѣшительно недоумѣваю: что могло побудить Муравьева сдѣлать мнѣ публично такое оскорбленіе? Если же здѣсь обычай такъ презрительно и дерзко обходиться съ подчиненными, то мнѣ, офицеру гвардейской артиллеріи, здѣсь не мѣсто. Ратчъ повторилъ мнѣ: „это его манера узнавать людей! Что станешь съ нимъ дѣлать! Привыкъ такъ третировать подчиненныхъ на гражданской службѣ. А впрочемъ у него есть и оправданіе. Въ числѣ претендентовъ на разныя должности, здѣсь набралось столько людей темныхъ, что ему приходится внимательно всматриваться въ нихъ. Наконецъ, надо быть снисходительнымъ къ такому замѣчательному человѣку. Примите въ соображеніе, что̀ онъ сдѣлалъ, что̀ вынесъ! Какая на немъ лежитъ отвѣтственность и какія у него заботы! Знаете ли Вы, что онъ сдѣлалъ прошлую ночь? Какія выслушивалъ донесенія отъ толпы людей съ портфелями, которые вышли съ нимъ изъ его кабинета, передъ представленіемъ". Онъ разсказалъ мнѣ, что въ предыдущую ночь былъ сдѣланъ внезапный обыскъ богатѣйшаго, обширнѣйшаго женскаго монастыря въ г. Вильнѣ, одной изъ уважаемыхъ католическихъ святынь. Тамъ нашли скрывавшихся преступниковъ повстанцевъ, и напали на слѣды обширной революціонной организаціи. Вся католическая Вильна въ эту минуту въ ужасѣ и волненіи отъ этого событія, такъ какъ предвидятъ большіе аресты, и пожалуй закрытіе этого уважаемаго, стариннаго монастыря. Въ Петербургъ полетѣло уже нѣсколько вліятельныхъ польскихъ аристократокъ защищать монастырь, кричать о варварствѣ, притѣсненіи христіанской религіи. „Скажите: должно ли человѣку,

ведущему все это, проведшему прошлую ночь въ обдумываніи, въ исполненіи этого историческаго, смѣлаго поступка, извинить, если онъ сегодня въ нервномъ состояніи и рѣзко испытывалъ молодого гвардейскаго офицера?“ Онъ совѣтовалъ мнѣ развлечься, отправиться въ театръ. „Завтра я увижу Зубкова на пріемѣ; разспрошу его и пришлю Вамъ извѣстіе“! сказалъ онъ мнѣ, прощаясь.

Я послѣдовалъ совѣту добраго генерала и прямо отъ него пошелъ въ театръ. Театръ помѣщался въ томъ же небольшомъ городскомъ зданіи, гдѣ находится и теперь. Муравьевъ выписалъ нѣсколько хорошихъ русскихъ актеровъ и актрисъ, поручилъ завѣдываніе театромъ дирекціи изъ русскихъ чиновниковъ, любителей театра, далъ имъ субсидію и водворилъ въ Вильнѣ русскую сцену. Театръ небольшой, былъ чистенько и весело отдѣланъ. Играли, разумѣется, исключительно русскія пьесы, и составъ труппы былъ очень недуренъ. Главныя дѣйствующія лица, артисты, были всѣ русскіе; второстепенные актеры, а особенно актрисы, были набраны изъ говорящихъ по-русски поляковъ и полекъ. Кажется, принимая ихъ въ труппу, дирекція болѣе всего заботилась подобрать красивыхъ, бойкихъ женщинъ, и добилась этого. Представленіе шло ровно, бойко, хотя польскій акцентъ красивыхъ актрисъ рѣзалъ мое непривычное къ этому великороссійское ухо. Вѣдь я, недѣли двѣ назадъ, сидѣлъ въ Московскомъ Маломъ театрѣ и слышалъ Ермолову, Ѳедотову! Скучающей русской публикѣ, еще не обжившейся и не оглядѣвшейся въ Вильнѣ, на чужбинѣ, это развлеченіе дѣйствительно было отдыхомъ. Въ ложахъ видны были русскія дамы; партеръ былъ полонъ русской молодежи. Мѣстныхъ уроженцевъ—поляковъ, евреевъ—не было никого. Я не могъ не обратить вниманія на интимныя, почти семейныя отношенія публики къ артистамъ. Молодежь называла актеровъ и актрисъ по именамъ, дѣлилась на партіи поклонниковъ избранныхъ красавицъ и поддерживала своихъ любимцевъ и любимицъ. Касательно актрисъ, восхищались конечно особенно красивыми, шикарными. Очевидно было, что публика усердно посѣщаетъ театръ, поддерживаетъ его. Объ артистическомъ, серьезномъ искусствѣ тутъ не могло быть рѣчи; это было пріятное развлеченіе.

На другой день утромъ, я отъ бездѣлья пошелъ бродить по Вильнѣ, познакомиться съ городомъ. Я увидѣлъ при этомъ, что евреи составляютъ едва-ли не значительнѣйшую часть жителей Вильны. Весь центръ города густо заселенъ ими; всѣ магазины, лавки принадлежатъ имъ. Польскихъ магазиновъ было нѣсколько, на перечетъ, а еврейскихъ сотни; очевидно было, что вся торговля въ рукахъ евреевъ. Богатыхъ, хорошо обставленныхъ магазиновъ было мало;

остальные всѣ были наполнены самымъ посредственнымъ, второстепеннымъ товаромъ. Я забрелъ въ такіе переулки, въ которыхъ, казалось, человѣкъ могъ, протянувъ руки, загородить всю улицу и касаться одной рукой лѣвой стѣны переулка, а другой рукой правой стѣны. Какая грязь, вонь, царствовали въ этихъ притонахъ, предоставляю всякому вообразить. Не нарядна была тогда Вильна!

Полиціи на улицахъ было не много, но встрѣчалось множество военныхъ командъ, ведущихъ кучки арестованныхъ лицъ, очень разнообразнаго состава. Мнѣ объяснили, что это водятъ арестованныхъ, для допросовъ, въ разныя слѣдственныя комиссіи и суды; а въ этотъ день ихъ было видно особенно много, такъ какъ въ предыдущую ночь заарестовали очень много лицъ, вслѣдствіе обыска женскаго католическаго монастыря. На меня, да повидимому и на всѣхъ идущихъ по улицамъ лицъ, эти конвоируемыя солдатами съ ружьями партіи арестантовъ производили удручающее впечатлѣніе. На улицахъ, вообще, не было оживленія; при видѣ же этихъ военныхъ отрядовъ, лица прохожихъ становились еще мрачнѣе, они жались къ стѣнамъ домовъ, а торговцы скрывались въ лавки. Признавая въ этихъ арестантахъ преступниковъ, осуждая ихъ образъ дѣйствій, я самъ не могъ безъ скорби смотрѣть на нихъ. Тяжело расплачивались эти люди за свои безумныя увлеченія! Не веселы были тогда улицы Вильны!

За обѣдомъ въ табльдотѣ, молодой знакомый офицеръ передалъ мнѣ краткое письмо Ратча. Всего было написано: „Все благополучно; не волнуйтесь“. Тутъ же, за табльдотомъ, обѣдающіе условливались собраться вечеромъ въ клубѣ, на маскарадѣ. Съ удивленіемъ я спросилъ: „Какой клубъ? какой маскарадъ?“ Мнѣ объяснили, что въ здѣшнемъ (кажется) дворянскомъ собраніи помѣстился русскій клубъ; что на поддержку онъ получаетъ субсидію, и что на устраиваемыхъ тамъ маскарадахъ бываетъ весело. Мнѣ совѣтовали сходить туда, и обѣщали записать тамъ гостемъ. Два лица дали мнѣ даже свои карточки съ надписями: „прошу считать Н. Кс. Полевого моимъ гостемъ въ русскомъ клубѣ“. Дѣлать мнѣ было нечего, и вечеромъ, часовъ въ 12, я пошелъ въ клубъ. Знакомые мои исполнили свое обѣщаніе. Швейцаръ клуба, при входѣ моемъ, посмотрѣлъ на представленную мною карточку, вѣжливо пригласилъ меня войти, словами: „пожалуйте!“ Помѣщеніе было роскошное; залы, гостиныя, просторныя, высокія; освѣщеніе яркое. Публики было много. Въ большомъ, двухсвѣтномъ залѣ гремѣла музыка, шли оживленные танцы. Къ удивленію моему, было много женщинъ, и очень изящныхъ; всѣ онѣ были въ домино, въ маскахъ. Когда я вошелъ, танцовали мазурку, и танцовали ее съ увлеченіемъ, лихо, изящно.

Танцовали какіе-то приличные кавалеры во фракахъ и дамы въ домино, по большей части красивыя. Изъ отрывистыхъ фразъ танцующихъ, перехваченныхъ мною, я услышалъ, что танцоры и дамы ихъ поляки. Это изумило меня. Неужели, думалъ я, поляки такъ безпечны, мало развиты, безчувственны, вѣтрены, что могутъ такъ беззаботно веселиться теперь? Мнѣ представились видѣнные мною, нѣсколько часовъ назадъ, арестанты въ цѣпяхъ, конвоируемые солдатами. Я обратился съ такимъ вопросомъ къ знакомымъ моимъ, которые обжились въ Вильнѣ. Они разъяснили мнѣ, что всѣ танцующіе, надо предполагать, дѣлаютъ это по найму. Среди нихъ не видно никого порядочныхъ людей, а дамы, большею частью веселыя дамы, коихъ промыселъ таковъ; а приглашаютъ ихъ, вѣроятно, за плату танцовать въ клубѣ, такъ какъ это оживляетъ общество. Они обратили мое вниманіе на то, какъ лихо, изящно танцуютъ мазурку. Дѣйствительно, нельзя было не любоваться этимъ зрѣлищемъ. Я самъ любилъ танцовать, самъ любилъ мазурку; но, можно сказать, не имѣлъ понятія о той *Варшавской* мазуркѣ, которую исполняли въ эти минуты передо мною. Мы, въ тѣ времена, привыкли въ Петербургѣ небрежно выдѣлывать въ мазуркѣ какое-то однообразное па, и видѣли въ мазуркѣ болѣе всего счастливую возможность уединиться со своей дамой, на свободѣ поговорить съ ней. Здѣсь же танцоры выдѣлывали самыя разнообразныя, лихія па, сплетали и расплетали красивыя, полныя жизни и огня фигуры, невольно увлекались сами своимъ любимымъ танцемъ. Дамы летали въ ихъ рукахъ, какъ бабочки, а хладнокровная русская толпа, окружавшая ихъ, была увлечена ихъ танцами, не могла оторваться отъ изящнаго зрѣлища.

Наконецъ мазурка кончилась, публика разбрелась по гостинымъ и въ буфетъ. Проходя по гостинымъ, я видѣлъ большую часть красавицъ, танцовавшихъ мазурку, весело болтающими уже съ русскими чиновниками, офицерами. Скоро я наткнулся на серьезнаго Зубкова. Онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что только-что былъ съ докладомъ у Муравьева; назначеніе мое состоялось; завтра онъ отнесетъ ему къ подписи приказъ объ этомъ, а послѣ завтра я долженъ представиться Муравьеву, а затѣмъ уѣхать въ Минскъ.

— „Но куда же назначенъ я?“—спросилъ я.

— Въ Бобруйскій уѣздъ Минской губерніи, въ третій участокъ. Муравьевъ самъ указалъ мнѣ ваше назначеніе; у него есть тутъ какая-то мысль.

Я не могъ удержаться, чтобы не сказать; „Объясните мнѣ, пожалуйста, что значатъ его слова“—я повторилъ ему сказанное мнѣ Муравьевымъ наканунѣ.

Зубковъ удивленно посмотрѣлъ на меня и спросилъ: „Онъ сказалъ Вамъ это? Да ничего не значитъ!“

Я закипятился и сталъ ему высказывать свое убѣжденіе объ этомъ обидномъ вопросѣ Муравьева. Зубковъ послушалъ меня нѣсколько мгновеній, махнулъ рукою и сказалъ: „Полно Вамъ привередничать! Приходите завтра ко мнѣ, переговоримъ. А теперь идемте ужинать; а то не найдемъ и мѣста за нашимъ мировымъ крестьянскимъ столомъ“.

Въ столовой было шумно, весело; всѣ столы были заняты; ужинало много дамъ, конечно, въ обществѣ молодежи. Слышались хохотъ, веселая болтовня; дамы сидѣли уже безъ масокъ и исправно попивали шампанское.

Зубковъ подошелъ къ длинному столу, гдѣ не было дамъ, хотя также было весело. Онъ подвелъ меня къ этому обществу и сказалъ: „Господа! новый нашъ мировой посредникъ — Г. Полевой. Бывалый человѣкъ; въ Смоленской губерніи служилъ съ 19 февраля!“ Мнѣ радушно протянули руки; потѣснились, дали мѣсто за своимъ столомъ. Среди сидящихъ было нѣсколько знакомыхъ, и даже одинъ смолякъ, тоже мировой посредникъ Гжатскаго уѣзда. Оказалось, что за этимъ столомъ собираются лица, служащія по крестьянскому дѣлу, чтобы быть въ своей компаніи. Весело поужинавъ, я часа въ три воротился въ гостиницу.

На другой день, въ 10 часовъ утра, я былъ у Зубкова. Онъ разсказалъ мнѣ, что Муравьевъ самъ, по личнымъ своимъ соображеніямъ, назначилъ меня въ Бобруйскій уѣздъ. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, по словамъ Зубкова, не было до сихъ поръ ни одного русскаго мирового посредника; тотъ мировой посредникъ, на мѣсто котораго я назначенъ, полякъ; уѣздный предводитель дворянства тамъ полякъ, губернскій предводитель дворянства полякъ. Два другіе мировые посредника Бобруйскаго уѣзда недавно назначены Муравьевымъ изъ мѣстныхъ русскихъ помѣщиковъ; но онъ ими очень недоволенъ. При дѣйствіяхъ повѣрочной коммиссіи, они держатъ руку польскихъ помѣщиковъ; я отнюдь не долженъ слѣдовать ихъ образу дѣйствій. Бобруйскій уѣздъ глухой, особенно та часть его, въ которой расположенъ мой участокъ; тамъ до сихъ поръ бродятъ шайки повстанцевъ. Михаилъ Николаевичъ надѣется, что я сумѣю успокоить крестьянъ, что не устрашусь борьбы; онъ сказалъ обо мнѣ: „Это человѣкъ съ волею, онъ выдержитъ; его не смутишь“.

Вечеромъ я получилъ форменный приказъ о назначеніи меня мировымъ посредникомъ 3 участка Бобруйскаго уѣзда и повѣстку, приглашавшую меня явиться на другой день къ генералъ-губернатору. Я опять вошелъ въ просторную пріемную Виленскаго дворца; опять

тамъ собралась та же разнообразная толпа; опять дежурный адъютантъ записалъ меня, но передалъ свою запись чиновнику особыхъ порученій и сказалъ: „Это ужь теперь по вашей части; г. поручикъ теперь мировой посредникъ“. Меня помѣстили въ особую группу лицъ, вызванныхъ Муравьевымъ; насъ было человѣкъ 12, почти все сановники, я самый младшій, не сановный.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ подошелъ прежде всего къ нашей группѣ. Съ большинствомъ онъ говорилъ очень не долго; но какого-то генерала разспрашивалъ очень долго о чемъ-то. Мы стояли около одного изъ огромныхъ оконъ залы: толстыя стѣны дворца образуютъ углубленія, какъ комнаты; Михаилъ Николаевичъ удалился туда съ своимъ собесѣдникомъ. Наконецъ очередь дошла до меня. Движеніемъ руки онъ подозвалъ меня къ себѣ; онъ стоялъ спиною къ свѣту и, не ожидая моей форменной фразы представленія, обратился ко мнѣ, какъ человѣку извѣстному ему. Я стоялъ передъ нимъ; свѣтъ окна падалъ мнѣ на лицо; глаза Муравьева такъ же внимательно, пронзительно были устремлены на меня. Онъ сказалъ примѣрно слѣдующее:

„Я назначилъ васъ мировымъ посредникомъ въ Бобруйскій уѣздъ; подробную инструкцію вы получите отъ Зубкова. Я, съ своей стороны, скажу вамъ, что поручаю вамъ постъ трудный. Вы будете въ этомъ уѣздѣ совершенно одинокимъ; тамъ нѣтъ никого, съ кѣмъ вы могли бы посовѣтоваться, на кого опереться. Два ваши сослуживца, хотя русскіе люди, усвоили себѣ взглядъ на дѣло мѣстныхъ уроженцевъ — поляковъ; держитесь отдѣльно отъ нихъ. Бандъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ теперь уже нѣтъ, но мятежное направленіе тамъ всеобщее, даже между крестьянами. Дѣйствуйте осторожно, но смѣло. Я вижу въ васъ человѣка образованнаго, развитого, съ хорошимъ направленіемъ; три года провѣрки уставныхъ грамотъ ознакомили Васъ съ крестьяниномъ; а крестьяне вездѣ тѣ же самые; здѣшній безхарактернѣе, лживѣе нашего великоросса. Повторяю: дѣйствуйте самостоятельно, пробивайте себѣ путь, идите впереди толпы. Вы русскій гвардейскій офицеръ и конечно не оробѣете. За вашей дѣятельностью я буду слѣдить; разумную дѣятельность я вознагражу щедро. Прощайте! Богъ въ помощь вамъ!“

Онъ кивнулъ мнѣ головою, вышелъ изъ амбразуры окна и пошелъ дальше. Во время этой аудіенціи я не промолвилъ ни слова; и слушалъ, и самъ внимательно вглядывался въ лицо Михаила Николаевича. На этотъ разъ я замѣтилъ въ глазахъ его какъ будто искру добродушія, а при прощаніи, мнѣ показалось, что на устахъ его появилось мягкое выраженіе. Добрый генералъ Ратчъ разыскалъ меня, подробно разспросилъ обо всемъ, призналъ все весьма хоро-

шимъ, блестящимъ. Тутъ же подошелъ ко мнѣ Зубковъ и сказалъ, чтобы завтра я пришелъ получить бумаги, подорожную, и могу ѣхать.

На другой день, явившись къ Зубкову, я сказалъ ему, что Муравьевъ приказалъ мнѣ получить отъ него подробную инструкцію. Зубковъ улыбнулся, подалъ мнѣ подорожную и сказалъ: „Вотъ вамъ инструкція! Поѣзжайте, дѣйствуйте! Какія инструкціи могу я дать вамъ, если я никогда не былъ въ Минской губерніи, никогда не видалъ Бобруйскаго уѣзда, его болотъ и лѣсовъ? Я не знаю тамъ ни одного человѣка! Поѣзжайте, и вы дайте намъ указанія; скажите, какъ и что тамъ надо дѣлать. Здѣсь, въ Вильнѣ, меньше всего знаютъ Минскую губернію!“

На этомъ мы и разстались съ этимъ разумнымъ, дѣловымъ человѣкомъ. За табльдотомъ меня поздравляли съ назначеніемъ, и мы условились вечеромъ собраться опять въ Русскомъ клубѣ, гдѣ кстати опять былъ назначенъ маскарадъ.

Во время этого вечера со мною случилось оригинальное происшествіе. Съ нѣсколькими знакомыми я стоялъ, любовался мазуркою. По привычкѣ я лѣвой рукой оперся на рукоять шашки, а правую руку заложилъ за спину и держалъ въ ней фуражку. Когда кончилась мазурка, я двинулся съ мѣста и перенесъ правую руку впередъ, я замѣтилъ въ ней какой-то полулистъ бѣлой бумаги, я вынулъ его, развернулъ и прочиталъ слѣдующее:

„Сегодня состоялось преступное назначеніе Васъ мировымъ посредникомъ, вопреки распоряженію и манифесту Народной Воли. Если вы примете это назначеніе, Народная Воля не допуститъ васъ до исполненія возложенной на васъ тираномъ должности и прикажетъ казнить васъ. Опомнитесь! Немедленно исполните требованіе Народной Воли!“

Приложена была черная печать съ польскимъ орломъ.

Озадаченный этимъ документомъ, я показалъ его своимъ собесѣдникамъ, и тѣ посовѣтовали мнѣ показать его полицеймейстеру, стоявшему невдалекѣ. Полицеймейстеръ взглянулъ на этотъ листъ и равнодушно сказалъ: „Это шестую такую повѣстку мнѣ предъявляютъ сегодня! Нахалы!“ Онъ разспросилъ меня: кто стоялъ подлѣ меня, не замѣтилъ ли какой-нибудь маски около себя. Я отвѣчалъ, что я никого и ничего не замѣтилъ, что я пришелъ въ клубъ отдохнуть, а не сторожить прохожихъ. Полицеймейстеръ объяснилъ мнѣ, что большинство лицъ, занимающихъ должности, съ которыхъ удалены поляки, получаютъ такіе смертные приговоры; но, слава Богу, всѣ живы, здоровы. Онъ взялъ мой приговоръ и сказалъ: „завтра доложу объ этомъ начальнику края. Пожалуйста, если узнаете что-нибудь,

или съ вами случится что-нибудь, имѣющее малѣйшее отношеніе къ этому документу, немедленно сообщите мнѣ".

Я пошелъ ужинать, весело провелъ вечеръ и на другой день утромъ выѣхалъ по дорогѣ въ Минскъ.

Сидя въ саняхъ, я перебиралъ впечатлѣнія нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Вильнѣ; несимпатичныя, тяжелыя воспоминанія вывезъ я оттуда. Не понравился мнѣ самый городъ; грубъ, не цивилизованъ показался мнѣ весь бытъ его. Колѣнопреклоненная демонстрація богомольцевъ у Острой Брамы, въ сущности думающихъ не о молитвѣ, а злобно вопіющихъ, чтобы злить тирана, не рѣшающагося разогнать ихъ, и прохожихъ русскихъ; вспомнились мнѣ несчастные арестанты на улицахъ; разсказъ о женскомъ аристократическомъ монастырѣ, устроившемъ у себя притонъ повстанцевъ и заговорщиковъ; жалкіе лицедѣи, за деньги отплясывающіе въ это самое время въ собраніи, жадно пожирающіе ужинъ, предложенный имъ ненавистными имъ москалями; польки, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, публично, чуть не въ объятіяхъ тѣхъ же ненавистныхъ имъ людей! Лживый, гадкій, отвратительный міръ! Осудилъ я и свою собственную рѣчь, и роль легкомысленныхъ русскихъ на этомъ пиру!

Мнѣ вспомнились безпечные итальянцы, живущіе на склонахъ огнедышащаго Везувія, и стихотворное произведеніе Пушкина „Пиръ во время чумы". Какъ апоѳеозъ, среди этихъ воспоминаній, явилась фигура Муравьева, мрачнаго, суроваго руководителя всѣхъ этихъ маріонетокъ, издали приглядывающагося ко всему происходящему вокругъ него, устраивающаго все и, презрительнымъ взмахомъ руки, заставляющаго двигаться подобострастную толпу. Я вспомнилъ рѣзкій вопросъ его и спрашивалъ себя: благоразумно ли поступилъ я, перетерпѣвъ эту обиду? Не предвѣщаетъ ли она мнѣ въ будущемъ фальшивое положеніе? Не повторится ли это? Я сознавалъ, что не могу получить здѣсь никакихъ особенныхъ выгодъ, а въ Петербургѣ меня ждетъ спокойная жизнь, вѣжливое обращеніе и даже больше матеріальныхъ выгодъ.

Тутъ вспомнились мнѣ послѣднія, прощальныя слова отца моего, съ которымъ мы взвѣшивали, обсуждали все это, и который благословилъ меня ѣхать сюда. Онъ говорилъ: „Никакихъ особенныхъ выгодъ ты не можешь получить въ томъ краѣ; но твоя нравственная обязанность ѣхать туда. Отечество, Россія въ опасности".

Николай Полевой.

„Я это давно зналъ“.

(Изъ воспоминаній о шестидесятыхъ годахъ).

Въ шестидесятыхъ годахъ жилъ въ N помѣщикъ, настоящую фамилію котораго я не помню, но который всѣмъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ „Ноздрева“, по сходству его съ Гоголевскимъ Ноздревымъ, и такъ я его и буду называть въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ. Этотъ Ноздревъ отличался между прочимъ тѣмъ, что считалъ долгомъ никогда ничему не удивляться, и что бы вы ему ни разсказали, онъ обязательно отвѣтитъ:—„я это давно зналъ“. За эту привычку говорить, что онъ это все зналъ, онъ разъ жестоко поплатился. Въ 1866 году произошло событіе, которое потрясло всю Россію, а именно покушеніе Каракозова на жизнь Государя Императора Александра Николаевича. Телеграмма, съ извѣщеніемъ объ этомъ ужасномъ событіи, была получена въ тотъ же день вечеромъ, въ то время когда губернаторъ находился въ клубѣ, куда она и была ему доставлена, и гдѣ находилось въ этотъ день почти все мѣстное общество. Губернаторъ, прочитавъ телеграмму, взволнованнымъ голосомъ громко сказалъ:

— Господа, слушайте, какое ужасное извѣстіе я получилъ.

Моментально вся публика собралась кругомъ губернатора, и онъ вслухъ прочиталъ полученную имъ телеграмму. Всѣ такъ были потрясены полученнымъ извѣстіемъ, что никто не произнесъ ни слова. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній гробового молчанія, вдругъ раздается обычная фраза Ноздрева:—„я это давно зналъ“. Разумѣется, всѣ присутствовавшіе при этомъ отлично знали, что Ноздревъ въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, ровно ничего не зналъ, а сбрехнулъ это такъ, по глупой привычкѣ, а потому никто на его слова никакого вниманія не обратилъ; но, тѣмъ не менѣе, присутствовавшіе при этомъ прокуроръ и жандармскій полковникъ, хотя и не сомнѣвались во вздорности словъ Ноздрева, но изъ опасенія, какъ бы эти слова стороной не дошли до ихъ начальства, взяли да каждый по своему начальству и донесли, что такой-то Ноздревъ, при чтеніи телеграммы о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора, заявилъ, что онъ зналъ объ этомъ покушеніи. Въ отвѣтъ на это донесеніе пришло изъ Петербурга распоряженіе арестовать Ноздрева и доставить его немедленно въ Петербургъ. Забрали раба Божьяго, препроводили въ обществѣ двухъ жандармовъ въ Петербургъ, продержали его въ крѣпости мѣсяца три и, убѣдившись, что онъ ровно ничего не зналъ, а что онъ просто глупый брехунъ, отпустили его восвояси; но послѣ этой исторіи, окончившейся для Ноздрева сравнительно еще довольно благополучно, онъ сразу отвыкъ отъ своей привычки говорить, что онъ это давно зналъ.

А. А—хъ.

Воспоминанія о Гоголѣ.

Мы приводимъ воспоминанія объ ученическихъ годахъ Н. В. Гоголя, друга Пушкина, В. И. Любича-Романовича, воспитывавшагося въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія вмѣстѣ Н. В. Гоголемъ въ Нѣжинскомъ Безбородковскомъ лицеѣ, въ то время еще называвшемся гимназіею высшихъ наукъ.

Воспоминанія эти мы составляемъ, какъ изъ личныхъ нашихъ бесѣдъ съ Любичемъ-Романовичемъ, такъ и изъ его обширныхъ мемуаровъ, оставшихся послѣ его смерти въ 1888 году у пишущаго эти строки, друга В. И.

— Брезгливое чувство поднимаетъ во мнѣ воспоминаніе о Н. В. Гоголѣ,—говорилъ мнѣ, пишущему эти строки, В. И. Любичъ-Романовичъ, когда я спросилъ его о томъ, при какихъ условіяхъ состоялось его знакомство въ Нѣжинскомъ лицеѣ съ Н. В., и какую окраску оно приняло во время ихъ совмѣстной жизни въ учебномъ заведеніи, на лекціяхъ, въ прогулкахъ и на ученическихъ собраніяхъ, которыя тамъ бывали въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія, когда всѣ русскія школы вообще того времени были заражены „Пушкиновщиной“, какъ вольнодумствомъ или либерализмомъ, проникнутымъ однако байроновщиной, т.е. духомъ гуманизма, поэтизма и пуританизма.

— Но отчего вы такъ брезгливо относитесь къ нашему великому писателю?—спросилъ я Любича-Романовича, когда замѣтилъ на его лицѣ кислую гримасу, напоминающую не то презрѣніе къ предмету, ему ненравящемуся, не то отвращеніе къ человѣку, ему противному по какимъ-либо дурнымъ его прошлымъ поступкамъ.—Гоголь былъ однодворецъ, а вы—аристократъ, замѣтилъ я, В. И.,—сынъ „екатерининскаго генерала“, привыкшаго къ большому обществу, къ лоску, къ изысканнымъ манерамъ,—а Н. В. всего этого чуждался, бѣжалъ

отъ тонкостей высшей среды и любилъ простое, безыскусственное отношеніе ко всѣмъ людямъ одинаково, какого бы ранга они ни были и какое бы положеніе въ обществѣ ни занимали.

— Не думаю, чтобы эти причины вызывали въ васъ брезгливое чувство къ Гоголю?—добавилъ я.

— О, нѣтъ!.. Онъ мнѣ казался противнымъ совершенно по другимъ причинамъ, чисто органическимъ, внѣшнимъ, но не классовымъ... Не то было время 20-хъ годовъ XIX столѣтія, чтобы пренебрегать плебеемъ...

Причина тутъ была совершенно иная, открытая для всѣхъ и всѣмъ одинаково казалась противной... Вотъ судите сами... Гоголя привезли къ намъ въ лицей поздней осенью на волахъ, въ простой бричкѣ, закутаннаго въ одѣяла, какъ шаръ масла... При немъ находился одинъ „дядька“, хохолъ, усачъ съ чубомъ на макушкѣ, какъ у Тараса Бульбы или у всякаго запорожца, казака екатерининскихъ временъ, сражавшагося съ крымскими татарами...

Дядька этотъ былъ дикъ, грубъ и не опрятенъ, носилъ вѣчно одно и то же не смѣняемое бѣлье, сдѣланное изъ суроваго бѣлаго холста и просмоленное до того, что если онъ гдѣ-либо побудетъ нѣсколько минутъ, то оставитъ послѣ себя запахъ, который не вывѣтривался цѣлыми недѣлями: все бывало „Тишкой пахло“...

Таковъ же былъ и самъ Гоголь... Представьте вы себѣ мальчика четырнадцати лѣтъ, какимъ былъ привезенъ Н. В. въ лицей, худого, какъ ободранная кошка, съ вѣчными прыщами на лицѣ и съ гноемъ, текущимъ изъ ушей... Это былъ Гоголь...

Какъ иначе можно было отнестись къ нему какъ не съ чувствомъ брезгливости?.. Вѣдь это оказывалось нѣчто невозможное!.. Человѣкъ заживо разлагался... И съ этимъ-то юношей намъ приходилось жить въ одномъ корпусѣ, встрѣчаться на лекціяхъ, бывать на прогулкахъ, сидѣть въ интернатѣ за однимъ столомъ, читать въ библіотекѣ однѣ и тѣ же книги...

Противно было смотрѣть на него. И при всемъ томъ еще онъ постоянно жевалъ сладости: его карманы всегда были набиты медовыми пряниками, дешевыми конфектами и моченными грушами, и онъ, по временамъ вынимая все это въ классахъ изъ кармана, быстро жевалъ и глоталъ... Тошно было смотрѣть на него въ это время...

Особенно онъ былъ отвратителенъ въ то время, когда забывался въ своемъ увлеченіи при жеваніи сладостей и чавкалъ ртомъ такъ, какъ свинья надъ корытомъ, а носомъ сопѣлъ, точно паровой котелъ... Только замѣчаніе учителей выводило его изъ этого транса, и онъ переставалъ на время сопѣть носомъ... Но потомъ опять та же

исторія... И такъ всегда и вездѣ: и въ классахъ, и на прогулкахъ, и за столомъ, и въ библіотекѣ, и въ обществѣ вообще...

— Что же у него было въ носу?—спросилъ я Любичъ-Романовича.

— Полипъ что-ли... Или залотушныя папули, мѣшавшія ему свободно дышать носомъ... И вообще это былъ человѣкъ грязный, неряшливый, вѣчно ковырявшій пальцами въ носу и растиравшій въ рукахъ извлеченное оттуда... Платковъ носовыхъ онъ никогда съ собой не носилъ, рукъ не мылъ, платья не чистилъ, ушей отъ гноя не протиралъ.

Судите поэтому, каковъ это былъ сюжетецъ... А между тѣмъ съ нимъ повсюду приходилось намъ, ученикамъ лицея, встрѣчаться, говорить, жать ему руку... Но я избѣгалъ всего этого въ виду того, чтобы не заразиться отъ него какой-нибудь нечистоплотностью, грязью... Особенно противно было подавать ему руку въ то время,когда я зналъ, что его рука постоянно что-то растираетъ между грязныхъ пальцевъ... Ну какъ тутъ не быть брезгливымъ? Какъ не отворачиваться бывало отъ такого ученика?! Вѣдь это хуже Діогена, жившаго въ бочкѣ... Тотъ хоть солнце любилъ и просилъ Александра Великаго не загораживать ему его... А этотъ и свѣта-то небеснаго бѣжалъ... Сидитъ, бывало, по цѣлымъ днямъ безвыходно въ своей комнатѣ и строгаетъ съ своимъ дядькой разныя деревянныя игрушки... Привычка эта у Гоголя была пріобрѣтена еще въ своемъ домѣ, на хуторѣ, въ мѣстечкѣ Великіе-Сорочинцы Миргородскаго уѣзда, гдѣ онъ родился...

Въ концѣ-концовъ наше отвращеніе къ Гоголю стало ему понятно, и онъ самъ началъ всѣхъ избѣгать насъ такимъ образомъ, что въ классы приходилъ послѣ всѣхъ и, оставаясь гдѣ-нибудь на задней скамейкѣ, забивался въ уголъ такъ далеко, что его мало кто и замѣчалъ во время лекцій, и потомъ, не дождавшись конца уроковъ, также не замѣтно ни для кого уходилъ изъ аудиторіи...

Это былъ дикарь въ прямомъ значеніи слова. Его никто не могъ сбить съ пути жизни. И если ему замѣчали иногда о нечесанныхъ волосахъ на его головѣ, то развѣ только наше классное начальство... Но это его нисколько не исправляло. Исполнивъ разъ замѣчаніе, сдѣланное ему, онъ вновь его забывалъ очень скоро...

Но пренебрежительное отношеніе къ нему его товарищей по классамъ онъ, однако, сталъ помнить довольно твердо и потому воспитывать въ себѣ къ нимъ затаенную злобу, проявленіе которой обнаружилось впослѣдствіи въ его стихотворной сатирѣ, написанной на товарищей въ своемъ періодическомъ тайномъ журналѣ, подъ названіемъ „Навозъ Парнасскій“.—Журналъ этотъ былъ писанный...

Впослѣдствіи въ немъ помѣщались произведенія пера всѣхъ же-

лавшихъ въ стихотворной формѣ отличиться своимъ юморомъ, остротой или сатирой воспитанниковъ училища... Но Гоголь всегда побивалъ рекордъ своимъ неподдѣльнымъ юморомъ... Его сатира была неистощима потому, что она бралась имъ прямо изъ жизни, изъ той именно среды, изъ которой онъ вышелъ самъ... Но у другихъ учениковъ лицея, по преимуществу аристократовъ, не знавшихъ жизни вообще, выходило все блѣдно, не сочно, мало юмористично, и это роняло ихъ во мнѣніи Гоголя, и онъ смѣялся надъ ними въ своей сатирѣ еще ядовитѣе, острѣе и образнѣе...

Въ юмористическомъ смыслѣ „Навозъ Парнасскій“ имѣлъ большой успѣхъ среди своихъ читателей, и каждый выходъ его ожидался учениками лицея съ большимъ любопытствомъ.

Это давало намъ,—говоритъ Любичъ-Романовичъ въ своемъ воспоминаніи о прошломъ Нѣжинскаго лицея,—большой матеріалъ для дружескихъ бесѣдъ въ ученическихъ собраніяхъ, и мы были насыщены тѣмъ, что писалось въ журналѣ, до гомерическаго хохота. Особенно много смѣялись мы надъ юморомъ Гоголя, дотолѣ намъ совсѣмъ неизвѣстнымъ, такъ какъ никому изъ насъ, жителей столицъ и городовъ вообще, не было понятнымъ то, въ чемъ именно заключалась главнымъ образомъ жизнь русскаго народа, пребывавшаго на русской Украинѣ, какою была Малороссія. Но Гоголь ввелъ насъ въ нее своимъ описаніемъ быта полтавскихъ однодворцевъ и украинскихъ казаковъ.

Красота его языка обнаруживалась передъ нами не въ изящной формѣ литературнаго творчества, котораго не было у него въ то время, но въ образности рѣчи, перемѣшанной русскими словами съ малорусскими. Надъ этой-то смѣсью двухъ нарѣчій, намъ не извѣстныхъ дотолѣ въ отечественной литературѣ, мы и смѣялись до упаду... Какъ Гоголь ни былъ для насъ занятенъ съ этой стороны, но мы все-таки же къ нему относились съ брезгливымъ чувствомъ вслѣдствіе того, что онъ и въ старшихъ классахъ лицея не покидалъ своихъ дѣтскихъ привычекъ и по-прежнему жевалъ сладости и ковырялъ въ носу...

На предложеніе ему нами завести себѣ носовые платки, онъ отвѣтилъ въ журналѣ язвительнымъ стишкомъ, напоминавшимъ намъ о своемъ носѣ, который должно держать по вѣтру, а не на квинтѣ...

Это замѣчаніе среди насъ долго оставалось ходячимъ мнѣніемъ таковаго рода, что не слѣдуетъ опускать носъ на квинту и должно держать его по вѣтру... Что означало: не быть никогда грустнымъ и вынюхивать для себя лучшій воздухъ, т. е. знать, гдѣ можно лучше провести время безъ скуки и безъ горя... Этотъ вѣчно угрюмый, постоянно убитый своимъ какимъ-то внутреннимъ горемъ,

человѣкъ всегда вкладывалъ въ насъ духъ смѣха и веселья... Смѣялся же онъ не лицомъ, а словами, своимъ внутреннимъ чувствомъ...

Но въ обыденной жизни, въ кругу своихъ товарищей Гоголь не былъ юмористомъ, онъ даже мало говорилъ, предпочитая больше слушать и молчать...

Онъ былъ только плодовитъ на слова и на юморъ въ тиши своего кабинета, гдѣ писалъ разныя колкіе вирши, всегда, однако, занимательные для насъ, его товарищей... Во всякомъ случаѣ это былъ занятный стихослагатель, но скучный собесѣдникъ... Даже среди своихъ искреннихъ друзей, впослѣдствіи имъ пріобрѣтенныхъ въ кругу воспитанниковъ Нѣжинскаго лицея, онъ былъ мало занимателенъ, совсѣмъ неразговорчивъ, хотя и держалъ себя свободно, не стѣсняясь, какъ бывало прежде, когда ему приходилось переносить на каждомъ шагу его жизни разныя насмѣшки отъ своихъ школьныхъ товарищей...

Однажды, напримѣръ, былъ у насъ съ нимъ такой случай. Гоголь читалъ среди учениковъ лицея одно изъ своихъ стихотворныхъ произведеній юмористическаго характера. Оно было изъ не удачныхъ. Но ему поаплодировали, а потомъ порѣшили преподнести за это одинъ фунтъ медовыхъ пряниковъ, которые онъ любилъ и безъ которыхъ никогда не могъ никакъ обойтись. Для передачи ему этого подарка была избрана особая депутація изъ трехъ учениковъ лицея старшихъ классовъ.

На случай этого торжества была приготовлена депутатами соотвѣтствующая рѣчь. Но лишь только эта рѣчь была закончена, какъ Гоголь тотчасъ же вырвалъ коробку съ пряниками изъ рукъ державшаго и бросилъ ее въ лицо говорившаго рѣчь... Послѣ этого случая онъ уже болѣе двухъ недѣль не появлялся въ классахъ, сказываясь больнымъ. Да и потомъ, когда началъ посѣщать лекціи, то никому не показывался на глаза, а такъ, придя въ аудиторію послѣ всѣхъ, садился гдѣ-нибудь на задней скамейкѣ никѣмъ не замѣченный, и уходилъ изъ классовъ раньше другихъ... Это обстоятельство почти совсѣмъ отдалило его отъ всѣхъ своихъ школьныхъ товарищей, и сдѣлало его навсегда затворникомъ... Что онъ дѣлалъ у себя въ комнатѣ, чѣмъ онъ занимался, никто изъ насъ не зналъ...

Только развѣ по временамъ его можно было замѣтить гуляющимъ въ одиночку въ Лицейскомъ саду или идущимъ на нѣжинскій базаръ грушевый квасъ пить,—что онъ дѣлалъ почти каждый день, считая это для себя большимъ лакомствомъ, такъ какъ въ лицеѣ полагался только одинъ хлѣбный квасъ...

Любимымъ времяпровожденіемъ Гоголя еще было выходить на большую дорогу и, встрѣчаясь здѣсь съ хохлами, ѣдущими на

волахъ въ Нѣжинъ, бесѣдовать съ ними на родномъ ему малорусскомъ нарѣчіи... Всѣ эти бесѣды, какъ мы узнали потомъ, онъ заносилъ въ свои „памятныя тетрадки“ и облекалъ ихъ въ литературную форму, давая имъ впослѣдствіи то или другое бытовое назначеніе въ своихъ писательскихъ твореніяхъ...

Какъ говорили тогда, Гоголь на этихъ діалогахъ учился отождествлять свои литературныя мысли... Возникшія потомъ его крупныя писательскія произведенія также здѣсь имѣли мѣсто своего зарожденія въ умѣ поэта... Сколько было зачато Гоголемъ въ лицеѣ его литературныхъ произведеній, видно было потомъ изъ его дневника, оставленнаго послѣ смерти—въ 1853 г. Но помимо своего писательскаго труда, Гоголь былъ не чуждъ также и ботаники... Его постоянно можно было видѣть въ свободные часы дня гуляющимъ по Лицейскому саду и бесѣдующимъ съ мѣстными садовниками о развитіи того или другого плодового дерева... У себя на хуторѣ такъ онъ собственными руками развелъ цѣлый садъ фруктовыхъ деревьевъ и дождался ихъ плодовъ... Садъ этотъ, говорятъ, и до сихъ поръ еще существуетъ въ имѣніи Гоголя...

Но мы никакъ не подозрѣвали, чтобы въ этомъ угрюмомъ дикарѣ, какъ говоритъ Любичъ-Романовичъ о Гоголѣ—скрывался такой крупный русскій писатель... Даже и въ то время, когда уже появился его „Ревизоръ“ и былъ поставленъ на казенной сценѣ въ Петербургѣ,—какъ того пожелалъ самъ Государь Императоръ Николай Павловичъ,—мы еще не вѣрили, что это было произведеніе Гоголя: такъ мало онъ внушалъ намъ довѣрія къ себѣ, какъ къ такому крупному писателю, какимъ онъ оказался... Если бы Гоголь велъ въ школѣ менѣе замкнутую жизнь, чѣмъ та, которую мы знали, то что мудренаго, мы могли бы знать его литературныя дарованія значительно раньше, чѣмъ узнали ихъ...

Въ роли чтеца своихъ драматическихъ произведеній, говоритъ Любичъ-Романовичъ, я узналъ Гоголя только въ Петербургѣ, когда уже онъ пріѣхалъ сюда ставить своего „Ревизора“ на казенной сценѣ Александринскаго театра... И читалъ Н. В. свою пьесу, нужно сказать, изумительно хорошо, талантливо, съ артистическимъ пошибомъ... Гдѣ онъ научился этой сценической декламаціи, мы такъ и не узнали своевременно... Въ чтеніи Гоголя „Ревизора“ можно было слышать весь сценическій ансамбль со всѣми его оттѣнками рѣчи и характеровъ... Такъ артистически читалъ Н. В. свою пьесу... Мы думали при этомъ, что Гоголь зналъ всѣхъ своихъ героевъ „Ревизора“ лично, по собственному своему знакомству съ ними, и потому, изучивъ ихъ характеры и говоръ, передалъ потомъ все это въ своемъ чтеніи... Но на сценѣ „Ревизоръ“ шелъ менѣе харак-

терно въ своихъ тонахъ и репликахъ и потому слушался не такъ интересно, какъ въ чтеніи самого Гоголя. Это сопоставленіе я могъ произвести самъ лично, какъ слушавшій пьесу въ чтеніи ея автора и какъ видѣвшій ее потомъ на сценѣ!.. Здѣсь, въ театрѣ, я не чувствовалъ подлѣ себя живыхъ лицъ, говорившихъ передо мною своимъ собственнымъ классовымъ, имъ однимъ присущимъ языкомъ... Но у Гоголя все это было слышно въ чтеніи „Ревизора“, всѣ герои его пьесы ходили живыми передъ нами, а не говорящими манекенами, какъ то было видно на сценѣ... Замѣчательное чтеніе своихъ драматическихъ произведеній Гоголемъ на голоса давало слушателю его полное представленіе о томъ, что онъ слушаетъ цѣлую гармонію жизни въ лицѣ многихъ, различныхъ между собою классовъ, ведущихъ общественную бесѣду... Словомъ, Гоголь былъ артистъ въ прямомъ значеніи этого слова, и метода его чтенія своихъ пьесъ на голоса была принята потомъ и другими авторами, но только она мало имѣла успѣха, такъ какъ не всякій изъ нихъ обладалъ такимъ голосовымъ органомъ, при помощи котораго можно было бы произвести передъ публикою полную картину жизни даннаго общества, ведущаго между собою ту или другую оживленную бесѣду... Но у Гоголя во всемъ этомъ была полная гармонія... Нужно было удивляться только тому, что откуда это у него, такого тщедушнаго человѣка, какимъ онъ былъ, взялся такой голосовой органъ, посредствомъ котораго можно было производить передъ слушателями всѣ голоса его пьесы... Это былъ какой-то чревовѣщатель, говорившій одновременно языкомъ городничаго и Хлестакова, вдовы Пошлепкиной и купцовъ-самоварниковъ, и все это въ непринужденной и не дѣланной формѣ, а такъ естественно, какъ будто-бы всѣ эти герои его пьесы сидятъ у него въ груди, и самостоятельно каждый изъ нихъ говоритъ, когда ему подана та или другая реплика...

Послѣ Гоголя мнѣ не случалось болѣе слышать такого искуснаго декламатора своихъ литературныхъ произведеній вообще — говоритъ Любичъ-Романовичъ...

Какъ ни противенъ онъ былъ мнѣ по школьнымъ воспоминаніямъ о немъ, добавляетъ В. И., но тутъ я полюбилъ его за это артистическое чтеніе „Ревизора“... Но что все-таки мнѣ казалось страннымъ въ Гоголѣ, такъ это его постоянная застѣнчивость во всемъ, нежеланіе показать себя крупнымъ декламаторомъ своихъ драматическихъ произведеній... И чтобы упросить его прочитать что-нибудь изъ своихъ литературныхъ твореній, — такъ на это требовалось не мало времени и страшныхъ усилій: онъ все чего-то боялся, чего-то робѣлъ, хотя, видимо, и сознавалъ все свое декламатическое превосходство надъ другими... Была ли это общая его скромность дер-

жать себя среди своихъ друзей и знакомыхъ ниже ихъ всѣхъ, или же еще что другое, сказать трудно, но тѣмъ не менѣе однако застѣнчивость Гоголя для насъ всѣхъ была совершенно очевидна... Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого оказалась данная ему кличка—„нелюдима“.—Этотъ титулъ въ то время могъ легко заслужить всякій, кто былъ въ своемъ обществѣ не разговорчивъ, молчаливъ и застѣнчивъ. А Гоголь именно былъ такимъ всегда и вездѣ, гдѣ ему случалось быть въ обществѣ. Это было въ немъ природное качество, всосанное съ молокомъ матери... Хохолъ по рожденію, почти плебей по воспитанію, могъ ли онъ чувствовать себя хорошо, какъ дома, среди столичной знати, въ которую онъ вошелъ по пріѣздѣ въ Петербургъ по дѣламъ своей новой, еще не снившейся ему тогда карьеры, на которую онъ былъ приглашенъ... Но онъ и тутъ струсилъ, какъ и всегда, и съ первой же лекціи по исторіи,—каѳедру которой ему предложили въ С.-Петербургскомъ университетѣ, — онъ сбѣжалъ, какъ сконфуженный мальчикъ, не выдержавшій экзамена...

Тутъ не повезло ему потому, что онъ чувствовалъ себя хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ только у себя въ кабинетѣ, дома, но не въ общественномъ мѣстѣ, гдѣ на него смотрятъ сотни глазъ, слушаютъ тысячи ушей... Гоголь для такой аудиторіи считалъ себя непригоднымъ... Тутъ требовалось холодное присутствіе духа, ловкая находчивость, отсутствіе мысли на тотъ счетъ, что его слушаютъ, на него смотрятъ...

И все это было создано не для Гоголя, человѣка нервнаго, замкнутаго въ самомъ себѣ, привыкшаго къ жизни уединенной, затворнической, но не общественной, аудиторной, открытой для всѣхъ...

Душою Гоголя было его одиночество, а не университетская каѳедра съ ея сотнями глазъ и тысячею ушей... Онъ чуждъ былъ общественности, его натура привыкла къ затвору со школьной скамейки, съ тѣхъ именно дѣтскихъ дней его, какъ я сталъ знать его,—съ Нѣжинскаго лицея 20-хъ годовъ минувшаго столѣтія, говоритъ Любичъ-Романовичъ... Во всякомъ случаѣ Гоголь могъ быть плохимъ профессоромъ, потому что онъ не рожденъ былъ для открытой университетской аудиторіи, а его призваніемъ была аудиторія скрытая, кабинетская, литературная, гдѣ онъ всегда чувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ общественныхъ сужденій, и самъ являлся судьею всего общества, его окружавшаго... Вотъ что побудило Н. В. бѣжать изъ университета съ первой своей лекціи, читанной имъ по каѳедрѣ русской исторіи... Эту свою закрытую кабинетскую аудиторію Гоголь возлюбилъ еще со школьной скамейки, когда онъ въ своемъ „Навозѣ Парнасскомъ“ осмѣивалъ насъ, учениковъ лицея

и другихъ, причастныхъ къ этому учебному заведенію лицъ, въ тиши своего уединенія, а не съ университетской каѳедры...

Эта отличительная черта жизни Гоголя останется за нимъ навсегда, какъ его особенная психика, присущая людямъ замкнутымъ, пребывающимъ въ самихъ себѣ и не любящимъ никакую общественность... Если бы онъ пережилъ свой средній возрастъ и не умеръ бы сорока четырехъ лѣтъ отъ роду, то его конечнымъ пунктомъ жизни былъ бы монастырь...

Вотъ почему онъ и впалъ въ мистицизмъ въ послѣдній годъ своей жизни, когда почувствовалъ за собою приближеніе смерти, и отдался всецѣло дружбѣ своего духовника, пришедшаго къ нему съ словомъ напутствія... Эта черта склонности къ мистицизму была замѣтна въ Гоголѣ еще съ его дѣтскаго возраста, когда онъ воспитывался у себя на родномъ хуторѣ въ Миргородскомъ уѣздѣ и былъ окруженъ людьми богобоязливыми и вполнѣ религіозными... Но его задержала на нѣкоторое время внѣ монастыря высшая школа, гдѣ онъ отчасти забылся отъ дѣтской религіозности своей и предался на время научнымъ познаніямъ... А какъ только этотъ пылъ литературнаго увлеченія погасъ въ немъ, такъ онъ вновь уже впалъ— въ свой первоначальный мистицизмъ и готовъ былъ замѣнить свою свѣтскую жизнь монастыремъ, тихимъ пристанищемъ его вѣчно мятущейся души... Это мнѣніе всѣхъ выдающихся людей того времени, когда жилъ Гоголь, говоритъ Любичъ-Романовичъ,— и я только привожу его въ моихъ воспоминаніяхъ о Н. В., но своего здѣсь я ровно ничего не прибавляю... Этимъ мнѣніемъ не воспользовались біографы Гоголя своевременно потому, что каждый изъ нихъ боялся взять на себя такую большую отвѣтственность, какъ раскрытіе души поэта передъ современнымъ ему обществомъ и показаніе его обнаженнаго сердца передъ всѣми людьми: въ то время это считалось кощунствомъ и отступленіемъ отъ обычныхъ правилъ не говорить ни о комъ ни одного лишняго слова... Но эта застѣнчивость біографовъ Гоголя привела его читателей къ тому, что они стали смотрѣть на Н. В. какъ на сумасшедшаго человѣка, когда онъ готовъ былъ сжечь всѣ свои литературныя произведенія передъ его смертью... Тогда какъ это было вовсе не сумасшествіе, а только возвратъ къ прошедшему времени, когда ему все казалось „суетою суетъ“...

Во всякомъ случаѣ это было большою ошибкою біографовъ Гоголя не заглянуть въ душу поэта и не сказать о немъ сущей истины... И сатира-то Н. В. вся была проникнута духомъ отрицанія земного бытія, если строго разобрать его смѣхъ, идущій черезъ льющіяся слезы, или „Мертвыя души“, взятыя Чичиковымъ за жи-

выя лишь потому, что въ нихъ рѣяла въ небесахъ та же жизнь, что и на землѣ—въ образахъ человѣческихъ... Въ этомъ смыслѣ только и можно было понимать Гоголя въ его отрицаніи всей культурности во всей интеллигенціи города, гдѣ появился ревизоръ—Хлестаковъ...

А „Женитьба"?.. Развѣ это не то же отрицаніе земного?..

Все это въ сатиру было обращено Гоголемъ только потому, что вѣдь иначе трудно же было ему выразить все его отрицаніе земли... Во всякомъ случаѣ онъ думалъ, что его поймутъ и отведутъ ему здѣсь подобающее мѣсто...

Но онъ ошибся въ этомъ, и его не поняли... И понять этого не хотятъ даже и до сихъ поръ, когда уже общество давно сбросило съ себя всякую личину лицемѣрія и говоритъ обо всемъ одну свою непритворную правду...

Такъ чтобы оправдать Гоголя въ его предсмертомъ мистицизмѣ, принятомъ называть сумашествіемъ поэта, намъ необходимо утвердить здѣсь ту основную мысль за обществомъ, которую мы высказали тутъ о Н. В., какъ о человѣкѣ, послѣ средняго періода своей жизни готовомъ быть монахомъ. И оно такъ бы и кончилось, если бы преждевременная смерть не скосила его слабой природы...

Вѣдь онъ вѣчно физически былъ боленъ и никогда не чувствовалъ себя вполнѣ жизнерадостнымъ человѣкомъ... Было ли это главной причиной того, что Гоголь отъ первыхъ дней своей жизни сталъ мистикомъ, или что другое, сказать трудно, но фактъ тотъ, что онъ никогда не готовился быть карьеристомъ, подтверждается уже его скорымъ бѣгствомъ съ университетской каѳедры, на которую было его возвели ближайшіе поклонники дарованій поэта...

Все это такъ было понятно для насъ, знавшихъ Гоголя со школьной скамейки, но не понятно для тѣхъ, кто его знаетъ только по отзывамъ историковъ... Но послѣдняя мѣрка очень слабая для характеристики личности Н. В., какъ человѣка, какъ мыслителя, какъ мистика, способнаго закончить дни своей земной жизни въ монастырѣ, у тихой пристани, гдѣ духъ поэта могъ обрѣсти для себя покой и уединеніе, которыхъ онъ искалъ во всю свою непродолжительную жизнь...

С. Глѣбовъ.

Аракчеевская премія.

Черезъ пять лѣтъ, т. е. въ началѣ 1915 года, со стороны Академіи Наукъ и Государственнаго Банка должно быть напечатано, въ газетахъ русскихъ и иностранныхъ, объявленіе о духовномъ завѣщаніи графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, который въ 1833 году, за годъ до своей смерти, внесъ въ тогдашній Государственный Заемный Банкъ 50.000 руб. ассигнаціями, для приращенія этой суммы процентами, съ тѣмъ чтобы деньги эти были оставлены неприкосновенными въ теченіе 93 лѣтъ (до 1925 года), а въ этомъ году, изъ капитала съ наросшими на него процентами, должна быть выдана опредѣленная сумма автору *лучшей* Исторіи царствованія Императора Александра I.

Мы не нарушимъ, конечно, воли завѣщателя, если напомнимъ объ его пожертвованіи пятью годами раньше установленнаго имъ 10 лѣтняго срока, такъ какъ гр. Аракчеевъ, въ своемъ завѣщаніи проситъ, чтобы „заблаговременно возвѣщенъ былъ ученымъ будущихъ временъ трудъ, для нихъ предстоящій, который не только прославитъ, но и обогатитъ достойнѣйшаго изъ нихъ“.

I.

Приводимъ завѣщаніе графа Аракчеева, Высочайше утвержденное 10 апрѣля 1833 г., т. е. спустя недѣлю послѣ его составленія, и хранящееся въ копіи въ дѣлахъ департамента народнаго просвѣщенія, а въ подлинникѣ—въ Академіи наукъ.

Завѣщательное распоряженіе

графа *А. А. Аракчеева* 2 апрѣля 1833 г.

1) Я нижеподписавшійся, генералъ-отъ-артиллеріи графъ Алексѣй Андреевъ сынъ Аракчеевъ, благоговѣя и за предѣлами гроба къ незабвеннымъ подвигамъ и душевнымъ добротамъ безпредѣльно чтимаго и любимаго мною Государя Всероссійскаго Императора Александра Павловича, удостоившаго меня Высочайшей своей довѣренности, вношу въ нынѣшнемъ 1833 году 50.000 рублей ассигнаціями въ Государственный Заемный Банкъ, съ тѣмъ, чтобы сія сумма оставалась въ ономъ 93 года неприкосновенною со всѣми приращаемыми на оную въ продолженіи сего времени процентами, безъ малѣйшаго ущерба и изъятія.

2) Сумма сія назначается въ награду тому изъ Россійскихъ писателей, который чрезъ сто лѣтъ отъ кончины въ Бозѣ почивающаго Вѣнценосца, то есть къ 1925 году, напишетъ на Россійскомъ языкѣ Исторію царствованія Императора Всероссійскаго Александра I лучше всѣхъ, т. е. полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе.

3) Достоинство сей Исторіи должно быть оцѣнено и признано превосходнѣйшимъ не отъ иного кого, какъ отъ первой въ Россіи Академіи Словесныхъ Наукъ, подъ какимъ бы сіе высшее сословіе ученыхъ названіемъ тогда ни состояло.

4) Билетъ Россійскаго Государственнаго Банка на вышеупомянутые 50.000 руб., съ прописаніемъ въ ономъ назначеннаго времени, для выдачи сей суммы съ процентами, препровожу я нынѣ въ Императорскую Академію Наукъ съ моею на томъ билетѣ надписью, и испрошу въ полученіи онаго квитанцію.

5) По смерти моей, прошу Императорскую Академію Наукъ сіе завѣщательное мое распоряженіе напечатать въ газетахъ Московскихъ и С.-Петербургскихъ, также публиковать о томъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ, чтобъ патріотическое пожертвованіе мое въ продолженіи столѣтія не осталось въ забвеніи и чтобъ заблаговременно возвѣщенъ былъ ученымъ будущихъ временъ трудъ для нихъ предстоящій, который не только прославитъ, но и обогатитъ достойнѣйшаго изъ нихъ.

6) Чрезъ 82 года, считая отъ сего 1833 года, то есть въ началѣ 1915 года, Россійскій Государственный Банкъ, въ который внесена означенная для сей награды сумма, и Россійская Академія Словесныхъ Наукъ обязаны вновь публиковать сіе мое завѣщательное распоряженіе во всѣхъ издаваемыхъ въ то время газетахъ, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ, о приближающемся времени къ

занятію ученыхъ и съ объявленіемъ уже количества назначаемаго въ награду капитала, потому что на остающіяся 10 лѣтъ сумма сія тогда опредѣлительно можетъ исчислена быть.

7) На сочиненіе Исторіи Александра I дается срока 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ сочинители обязаны прислать книгу свою къ 1 января 1925 года, подъ девизами, въ первенствующую Россійскую Академію, съ запечатанными особо именами своими. Академія въ продолженіи 1925 года разсматриваетъ присланныя сочиненія, по мѣрѣ полученія ихъ, съ наблюденіемъ обрядовъ, какіе установлены въ настоящее время для задаваемыхъ отъ Академіи задачъ. Она опредѣляетъ не въ другой какой день, а непремѣнно 12 декабря, награду за удовлетворительную Исторію Императора Александра I три доли капитала съ приращенными чрезъ 93 года процентами. Тогда жъ сообщаетъ она Россійскому Государственному Банку о выдачѣ таковой суммы сочинителю и публикуетъ въ Россійскихъ и иностранныхъ газетахъ какъ объ имени его, такъ и о количествѣ полученной имъ награды.

8) Остальная четвертая часть поступаетъ въ распоряженіе Россійской Академіи Словесныхъ Наукъ на нижеслѣдующее употребленіе:

9) На изданіе оной Исторіи въ самомъ лучшемъ видѣ тогдашняго времени книгопечатанія, съ приложеніемъ гравированнаго портрета Александра I и пояснительныхъ для Исторіи плановъ и картъ.

10) На напечатаніе сей Исторіи до 10.000 экземпляровъ, которые пустить въ продажу по той цѣнѣ, во что обойдется каждый экземпляръ, дабы и бѣднаго состоянія Россіяне могли имѣть Исторію того Государя, который возвеличилъ Россію и освободилъ отъ порабощенія всю Европу.

11) Остальная же и засимъ сумма, изъ четвертой части остающаяся у Академіи за напечатаніемъ 10.000 экземпляровъ, назначается въ награды: второстепенному сочинителю Исторіи, которая достоинствомъ своимъ ближе всѣхъ подходить будетъ къ заслужившей первую награду, и двумъ переводчикамъ по ровной части, которые переведутъ съ Россійскаго на нѣмецкій и французскій языки удостоенную первой награды Исторію Александра I.

12) Вырученныя деньги отъ продажи на Россійскомъ языкѣ Исторіи могутъ быть обращены на изданіе сихъ нѣмецкихъ и французскихъ переводовъ.

13) Капиталъ 50.000 руб. въ 1925 году, считая на нихъ нынѣ производимые Банкомъ четыре на сто процента, составитъ сумму 1.918.960 рублей. Слѣдовательно, по сему разсчету награда сочини-

телю за удовлетворительнѣйшую Исторію состоять будетъ изъ 1.439.220 руб.; а четвертая часть поступитъ въ распоряженіе Академіи Словесныхъ Наукъ на означенные въ 9, 10 и 11 статьяхъ предметы.

14) Сіе исчисленіе, разумѣется, съ теченіемъ временъ можетъ измѣниться по законамъ Правительства въ производствѣ процентовъ; но правило въ раздѣленіи накопившагося въ 1925 году капитала должно быть исполнено въ точности по сему положенію, то есть, три части изъ онаго слѣдуютъ первостепенному сочинителю, а четвертая по 8 статьѣ Академіи.

15) Если по шестому пункту сего моего завѣщательнаго распоряженія въ назначаемое мною время не сдѣлано будетъ объявленія въ газетахъ: то узаконенный потомокъ мой, владѣющій Грузинскою отчиною, обязанъ о семъ гласно ходатайствовать у Правительства.

16) При окончательномъ одобреніи сочинителя Исторіи и назначаемой ему награды, прошу Россійскую Академію Наукъ почтить приглашеніемъ въ собраніе свое потомка моего, который въ то время будетъ владѣльцемъ Грузинской отчины.

17) Сіе подлинное утвержденное распоряженіе, собственноручно мною писанное, хранить въ Россійской Академіи Наукъ, а копія съ онаго, также писанная моею рукою, остается навсегда въ потомствѣ у старшаго въ родѣ владѣльца Грузинскаго.

Подписалъ: Генералъ-отъ-артиллеріи графъ Алексѣй Аракчеевъ.

1833 года 2 апрѣля, въ селѣ Грузинѣ, въ день Воскресенія Господа Бога нашего.

II.

По утвержденіи этого завѣщанія, 10 апрѣля 1833 г., и по полученіи отъ гр. *Аракчеева* банковаго билета на 50 т. руб. ас., министръ народнаго просвѣщенія испрашивалъ разрѣшенія — гдѣ слѣдуетъ хранить этотъ билетъ, и 18 іюля 1833 г. Высочайше повелѣно: „упомянутый билетъ, равно копію съ изложеннаго распоряженія графа *Аракчеева* препроводить въ находящуюся въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта сохранную казну, какъ мѣсто, закономъ уполномоченное для храненія завѣщательныхъ актовъ, о чемъ объявить Заемному Банку на тотъ конецъ, чтобы три различныя управленія, а именно Опекунскій Совѣтъ, Заемный Банкъ и Министерство Народнаго Просвѣщенія, долженствующія въ свое время, участвовать въ исполненіи воли завѣщателя, имѣли о ней свѣдѣніе, чрезъ что, въ предѣлахъ человѣческой предусмо-

тительности, и было бы обезпечено какъ сохраненіе завѣщанія, такъ и приведеніе его въ дѣйствіе".

По прошествіи затѣмъ 28 лѣтъ, въ 1861 г., по случаю измѣненія банковыхъ условій касательно платежа процентовъ по вкладамъ, вспомнили и о завѣщаніи гр. Аракчеева. На усмотрѣніе Комитета Министровъ поступила записка Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи по вопросу о процентахъ на завѣщанный Аракчеевымъ капиталъ.

„Нынѣ (1861 г.)—читаемъ въ этой запискѣ—по случаю преобразованія кредитныхъ учрежденій, съ измѣненіемъ условій по пріему и храненію вкладовъ, возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли принять сообразныя съ настоящими правилами Банка мѣры *къ возможному приращенію* капитала гр. Аракчеева".

Въ завѣщаніи его относительно количества процентовъ сказано, что 50.000 руб. ассигнаціями, считая производившіеся на нихъ въ 30-хъ годахъ, Банкомъ четыре процента, составятъ въ 1925 году 1.918.960 руб. ассигнаціями, и вмѣстѣ съ тѣмъ добавлено, что „сіе исчисленіе, разумѣется, съ теченіемъ времени можетъ измѣниться по законамъ правительства въ производствѣ процентовъ, но правило въ раздѣленіи накопившагося къ 1925 году капитала должно быть исполнено въ точности",

На завѣщанные 50.000 руб. ассигн. (14.285 руб. 71 коп. серебр.) наросло процентовъ съ 1 января 1833 г. по 1 января 1860 г.—26.051 руб. 31 коп. серебр., такъ что капиталъ съ процентами составлялъ 40.337 руб. 2 коп. серебр., а такъ какъ въ настоящее время (1861 г.)—говорится въ запискѣ—„на капиталы, подобные аракчеевскому, по банковымъ правиламъ, производится лишь 2% въ годъ, безъ начисленія процентовъ на проценты, какъ было прежде, то къ 1 января 1925 года весь капиталъ съ процентами возрастетъ только до 92.775 руб. 12 коп. сер.,—т. е. *менѣе* противъ предположенія гр. Аракчеева на 455.499 руб. 16 коп. (ибо сумма 1.918.960 руб. ас., указанная въ завѣщаніи, при переводѣ на серебро, равняется 548.274 руб. 28 коп.)".

„Хотя гр. Аракчеевъ, въ своемъ завѣщаніи", и упомянулъ о суммѣ 1.918.960 руб. ас., имѣющей получиться отъ приращенія сложными процентами, по 4%, согласно существовавшимъ тогда банковымъ правиламъ; но такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предвидѣлъ возможность измѣненія размѣра этихъ процентовъ и, несмотря на это, не сдѣлалъ на этотъ случай никакихъ указаній, то, въ виду послѣдовавшихъ перемѣнъ въ банковыхъ условіяхъ, не представляется *прямого* основанія для принятія нынѣ мѣръ, чтобы поло-

женный въ банкъ капиталъ достигъ къ опредѣленному сроку той цифры, какую предполагалъ завѣщатель".

„Но, въ виду: 1) особеннаго значенія этого пожертвованія для отечественной исторіи и 2) возможности, невзирая на послѣдовавшія измѣненія въ теченіи процентовъ, достигнуть исполненія мысли завѣщателя и въ отношеніи *размѣра назначенныхъ премій*, — С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ и согласившійся съ нимъ Главноуправляющій IV отдѣленіемъ находили возможнымъ обратить этотъ капиталъ въ непрерывнодоходный 4% билетъ или перевести его въ Государственный Банкъ на 10-лѣтній срокъ, для обращенія изъ $4^1/_2$%, съ тѣмъ, чтобы Совѣту въ обоихъ случаяхъ предоставлено было право ежегодно получать проценты съ капитала и тотчасъ же вносить ихъ въ банкъ, для приращенія новыми процентами".

Комитетъ Министровъ, съ своей стороны, находилъ, что гр. Аракчеевъ, подчинивъ, по буквальному смыслу завѣщанія, пожертвованный имъ капиталъ всѣмъ могущимъ послѣдовать измѣненіямъ въ платежѣ банковыхъ процентовъ, — освободилъ правительство отъ принятія какихъ-либо мѣръ, дабы этотъ капиталъ достигъ къ опредѣленному сроку предположенной имъ цифры. Но, принимая во вниманіе: а) патріотическую цѣль этого завѣщанія и важное его значеніе для отечественной исторіи и б) что цѣль эта, относительно предположенной завѣщателемъ цифры, можетъ быть достигнута безъ всякихъ денежныхъ со стороны правительства пожертвованій, — Комитетъ Министровъ на приведеніе въ исполненіе предположенія Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, которое и послѣдовало 10 октября 1861 года.

Такимъ образомъ, если въ остающіеся, до 1 января 1925 года, шестнадцать лѣтъ не произойдетъ измѣненій въ банковыхъ правилахъ о процентахъ по вкладамъ, и не послѣдуетъ пересмотра дѣла о процентахъ по капиталу гр. Аракчеева,—то авторъ „самой полной, достовѣрной и краснорѣчивой Исторіи царствованія Императора Александра I" получитъ за свой трудъ, 12 декабря 1925 года, премію въ размѣрѣ *411.205 руб. 71 коп. сер.*, т. е. три четверти всего капитала—548.274 руб. 28 коп. сер.

С. Никольскій.

Какъ возникла въ г. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офиннивастъ Карелію.

Выборгская Карелія къ серединѣ XIX вѣка.

Съ самаго возникновенія Русскаго Государства Карелія составляла одну изъ частей его и лишь въ періодъ времени отъ Столбовскаго мира до Ништадскаго она принадлежала Швеціи, и затѣмъ съ 1811 года отдана въ даръ Финляндіи императоромъ Александромъ I. Составлявъ въ теченіе восьми сотъ лѣтъ часть русскихъ земель, эта Карелія естественно должна была воспринять такъ много русскаго, что населеніе ея не могло не чувствовать себя русскимъ. О степени обрусѣнія населенія этой Карелiи еще въ серединѣ XIX вѣка мы можемъ судить по „Переѣздамъ по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео“ Я. Грота (Спб. 1847) „Лучшіе изъ домовъ Кексгольма принадлежатъ русскимъ купцамъ“ говоритъ Я. Гротъ. Въ Сердоболѣ, по его словамъ, жителей „на лицо не болѣе 450 человѣкъ, хотя записано въ немъ до 700, къ приходу здѣшней русской церкви принадлежитъ около 800 человѣкъ; большая часть этого числа состоитъ изъ финновъ окрестныхъ селеній... Русскій языкъ здѣсь болѣе извѣстенъ, нежели въ Кексгольмѣ“. Въ городѣ Кексгольмѣ съ населеніемъ, не доходившимъ до 1 тыс. человѣкъ, къ 1866 году, по донесенію мѣстнаго причта, было 561 жителей православныхъ. „Прихожане и ихъ дѣти говорятъ по-русски и дѣтей учатъ грамотѣ на русскомъ языкѣ“. Отсюда можно видѣть, насколько русскій языкъ былъ въ употребленіи въ г. Сердоболѣ. Продолжимъ однако выписку изъ Грота: „прислуга въ обоихъ городахъ говоритъ почти исключительно по-карельски—(это какая-то

*

смѣсь русскихъ словъ съ финскими)". Эти строки наглядно указываютъ на преобладаніе русскаго элемента въ г. Сердоболѣ и Кексгольмѣ и на значительное обрусѣніе сельскаго населенія, говорившаго уже русско-финскимъ языкомъ. При этомъ, чѣмъ восточнѣе была мѣстность, тѣмъ болѣе сказывалось обрусѣніе сельскаго населенія, такъ что въ Салминскомъ приходѣ карелы говорили почти русскимъ языкомъ и называли себя русскими. Во время пребыванія своего въ Кексгольмѣ Я. Гротъ, прогуливаясь по берегу Ладожскаго озера, увидѣлъ судно, пришедшее изъ Салминскаго прихода, при чемъ „прибывшіе съ судномъ называли себя русскими, но говорили особеннымъ нарѣчіемъ". Въ то время, какъ о финскихъ школахъ еще помину не было, въ 1848 году богатые лѣсопромышленники Громовы содержали здѣсь первыя русскія школы: въ Салмѣ, Шуезерѣ (Суоярви), Корписелькѣ, Киделѣ и Шуйстамо. Вопросъ объ основаніи этихъ школъ былъ поднятъ въ 1846 году петербургскимъ епархіальнымъ начальствомъ, которое съ этою цѣлью и сдѣлало опросъ мѣстныхъ причтовъ финляндскихъ приходовъ. Въ отвѣтахъ интересна между прочимъ просьба прихожанъ Тайпальскаго прихода (Куопіоской губерніи къ западу отъ г. Іоэнсу) о переводѣ къ нимъ священника изъ Шуйстамы (Выборгской Карелiи), какъ знающаго финскій языкъ, на томъ основаніи, что въ Шуйстамо можетъ быть священникомъ лицо и съ однимъ русскимъ языкомъ потому, что въ Шуйстамскомъ приходѣ „большинство знаетъ русскій языкъ". (См. Матеріалы по Комитету, Высочайше утвержденному для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи 1866 г.).

Географическое положеніе приладожской финляндской Карелiи, до проведенія желѣзной дороги въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія изъ Выборга на Сердоболь, содѣйствовало этому обрусѣнію населенія, заставляя его сноситься исключительно съ Имперіею. Рѣки сѣверныхъ частей Салминскаго уѣзда, принадлежа къ бассейну Онежскаго озера, связывали населеніе финляндской Карелiи съ Олонецкою губерніею, населеніе приладожской Карелiи находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ и Ладогою. „Общеніе съ Россіею было живѣе, чѣмъ съ Финляндіею" говоритъ Реландеръ въ своей книгѣ: „Suomen maakunnat. Pohjois ja Ita Karjala". Это видно между прочимъ и изъ того, что въ пограничныхъ приходахъ въ употребленіи были исключительно русскія деньги, финскихъ денегъ даже не принимали". Въ общемъ выводъ вытекаетъ тотъ, что приладожская финляндская Карелія, въ особенности пограничные ея приходы, была въ тѣснѣйшемъ общеніи съ русскимъ населеніемъ и почти обрусѣла, что, конечно, было хорошо извѣстно финляндцамъ и не

могло не быть извѣстнымъ и русскимъ людямъ. И тѣ и другіе къ концу XIX вѣка обратили вниманіе на такое положеніе дѣлъ въ Кареліи. Финляндцы видѣли, что городъ Сердоболь былъ наполовину русскимъ торговымъ селеніемъ" (Uusi Suometar № 224 отъ 20 октября 1905 г. статья „Кюменьская семинарія"), что „эта половина нашей Кареліи была почти совершенно отрѣзанною отъ остальной Финляндіи. Народъ ея росъ отдѣльно, въ своеобразныхъ и первобытныхъ условіяхъ" (Laatokka № 119 отъ 19 октября 1905 г. статья „25-лѣтіе Сердобольской семинаріи"). Въ самомъ городѣ Сердоболѣ съ 1757 года существовала школа, находившаяся подъ властью нѣмцевъ и съ 1799 г. подчиненная вѣдѣнію нѣмецкаго университета въ Дерптѣ—нынѣшнемъ Юрьевѣ. Преподаваніе въ ней велось на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; на русскомъ преподавались исторія и географія. Даже въ перемѣны запрещалось говорить на иныхъ языкахъ. Въ 1842 году вмѣсто нѣмецкаго былъ введенъ шведскій языкъ. (Suomen maakunnat. Pohjois ja Itä Karjala стр. 45). Насколько жители Сердоболя чувствовали себя русскими, можно судить по одному тому, что во время Крымской войны по собственному почину они пожертвовали на военныя нужды русскому правительству 1009 рублей, между тѣмъ какъ отъ другихъ городовъ Финляндіи такихъ пожертвованій не было. (Itämainen sota Suomessa 1854—1856. Vaino Vallin стр. 31).

Высочайше утвержденный комитетъ 1866 г. для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи.

Тѣ изъ русскихъ, которые хоть немного были знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ приладожской Кареліи, понимали, что въ ней недостаетъ только правильно поставленныхъ русскихъ школъ, чтобы эта Карелія окончательно обрусѣла, и не замедлили при первомъ же удобномъ случаѣ высказаться въ этомъ направленіи.

Въ 1866 году былъ Высочайше учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Д. Толстого для изысканія соотвѣтствующихъ мѣръ къ поднятію православія въ Кареліи и образованія ея населенія въ духѣ русской народности. Членами въ этой комиссіи состояли протоіерей Виноградовъ, дѣйствительные статскіе совѣтники: Сергіевскій и Батюшковъ и финляндскій сенаторъ Антель.

Комитетъ началъ свою работу съ собиранія матеріаловъ о состояніи православныхъ приходовъ въ Финляндіи и получилъ тако-

вые и отъ петербургскаго епархіальнаго начальства и отъ причтовъ православныхъ приходовъ въ Финляндіи и отъ частныхъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ, и даже командировалъ капитана генеральнаго штаба Геца въ Финляндію для ознакомленія на мѣстѣ съ состояніемъ церквей и школъ въ православныхъ приходахъ Финляндіи. Къ сожалѣнію, въ вопросахъ, которые были разосланы мѣстнымъ причтамъ для полученія отъ нихъ необходимыхъ свѣдѣній, былъ допущенъ недочетъ подъ вліяніемъ сенатора Антеля. Послѣдній состоялъ долгое время куопіоскимъ губернаторомъ и хорошо былъ знакомъ съ православными приходами Куопіоской губерніи, въ которыхъ офиннившееся уже карельское населеніе не знало русскаго языка и просило священниковъ съ знаніемъ финскаго языка и книгъ на финскомъ языкѣ. Поэтому и въ вопросахъ причтамъ мы видимъ исключительно просьбу сообщить, имѣются ли при школахъ книги на финскомъ языкѣ, ведутся ли бесѣды духовенствомъ на финскомъ языкѣ; о русскомъ или карельскомъ языкѣ, о книгахъ на русскомъ языкѣ, о томъ, какой языкъ въ какомъ приходѣ болѣе употребителенъ, не было ни слова. Отсюда односторонность и неполнота въ отвѣтахъ причтовъ изъ карельскихъ приходовъ Выборгской губерніи, пишущихъ, что обученіе населенія ведется на русскомъ и финскомъ языкахъ. При этомъ неясно, какой языкъ разумѣется подъ финскимъ: собственно ли финскій или карельскій.

Если отвѣты причтовъ, такимъ образомъ, оказались недостаточно выясняющими положеніе дѣла, зато докладъ капитана Геца былъ обстоятельнѣе и однимъ тѣмъ уже выяснялъ дѣло, что дѣлилъ православные приходы Финляндіи на финскіе и карельскіе. Признавая необходимость введенія финскаго языка въ школы финскихъ приходовъ, о карельскихъ Гецъ писалъ: „Въ приходахъ же съ сплошнымъ карельскимъ населеніемъ, какъ напр. въ Салминскомъ уѣздѣ, сохранившемъ типъ и прежній свой складъ жизни, которому даже мало знакомъ финскій языкъ, нѣтъ настоятельной надобности вводить то, что не привилось само собою, и если грамота нужна, то такъ какъ карельскій языкъ не имѣетъ письменности, не лучше ли позаботиться о русской. Эта часть Карелiи, прилегая къ самой границѣ Олонецкой губерніи и находясь въ постоянномъ общеніи съ русскими, скорѣе нуждается въ русскомъ, чѣмъ въ финскомъ языкѣ. Послѣдній они вѣроятно давно бы изучили, если бы ощущалась въ немъ надобность. Напротивъ здѣсь многіе крестьяне говорятъ порусски потому, что ходятъ на заработки въ Россію, и вообще край этотъ всѣми симпатіями своими и преданіями болѣе тяготѣетъ къ Россіи, чѣмъ къ Финляндіи“.

На основаніи этого предложеніе Антеля о введеніи финскаго языка въ школѣ и богослуженіи для карелъ нашло горячихъ противниковъ въ особенности въ гр. Толстомъ и Батюшковѣ. Послѣдній заявилъ, что, если будетъ введенъ въ школѣ и богослуженіи финскій языкъ, то „все, что есть русскаго въ Карелiи, незамѣтно сотрется подъ вліяніемъ финношведомановъ... Введеніе финскаго языка можетъ подѣйствовать и въ ущербъ православію... и подготовить успѣхъ финнолютеранскому элементу“. (Слова оказались пророческими). Комитетъ не принялъ предложенія Антеля, найдя болѣе цѣлесообразнымъ открыть въ г. Сердоболѣ—для подготовки учителей въ существующія и предполагаемыя русскія народныя школы православныхъ приходовъ Карелiи—учительскую семинарію съ преподаваніемъ въ ней предметовъ на русскомъ языкѣ, при чемъ въ числѣ предметовъ преподаванія должны были быть и мѣстные языки, т. е. финскій и карельскій. Семинарію предположено было подчинить Св. Синоду, и самый проектъ объ основаніи семинаріи и народныхъ школъ въ 1869 году былъ препровожденъ въ Св. Синодъ.

Русскіе занялись перепискою, финляндцы приступили къ дѣлу.

Св. Синодъ, одобривъ въ общемъ проектъ комитета, нашелъ лишь нужнымъ, „чтобы какъ въ Сердобольской учительской семинаріи, такъ и во всѣхъ школахъ православныхъ приходовъ, всѣ предметы были преподаваемы на русскомъ языкѣ, и на мѣстныхъ лишь нарѣчіяхъ—финскомъ или карельскомъ, были дѣлаемы объясненія непонятнаго для учащихся на русскомъ языкѣ“. Св. Синодъ находилъ возможнымъ принять на свои средства значительные расходы на постройку училищныхъ домовъ, на жалованье учителямъ, пособія женскимъ училищамъ; содержаніе же Сердобольской семинаріи съ Высочайшаго соизволенія возложено было на Министерство Народнаго Просвѣщенія. Финляндскій сенатъ по поводу исправленнаго Синодомъ проекта выразилъ такое мнѣніе, чтобы преподаваніе въ народныхъ школахъ велось на финскомъ языкѣ потому, что карельскій языкъ есть только нарѣчіе его, и чтобы „воспитанники Сердобольской семинаріи были съ этою цѣлью надлежащимъ образомъ подготовлены“. Финляндскій генералъ-губернаторъ графъ Адлербергъ съ своей стороны заявилъ, что онъ считалъ бы необходимымъ вести преподаваніе на мѣстномъ языкѣ лишь первое время такъ, чтобы потомъ постепенно былъ введенъ русскій языкъ. Переписка между Св. Синодомъ и финляндскимъ Сенатомъ продолжалась, но ни то, ни другое учрежденіе не отказывалось отъ своихъ требо-

ваній относительно языка преподаванія, такъ какъ для каждаго изъ этихъ учрежденій было очевидно, что, при веденіи преподаванія въ школахъ православно-карельскихъ приходовъ на русскомъ языкѣ, населеніе быстро обрусѣетъ, при веденіи преподаванія на финскомъ языкѣ оно офинпится. Видя настойчивость финляндскаго Сената, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. Толстой и за нимъ Св. Синодъ заявили о томъ, что они вынуждены будутъ отказаться отъ участія въ расходахъ на содержаніе въ православной Кареліи народныхъ школъ и семинаріи, если финляндцы не согласятся на веденіе преподаванія въ семинаріи на русскомъ языкѣ. Финляндцамъ это только и нужно было, тѣмъ болѣе, что они, не ограничиваясь перепискою, на мѣстѣ уже начали работу въ своихъ цѣляхъ, воспользовавшись нѣкоторыми благопріятными для дѣла мѣстными обстоятельствами.

Въ 50-ые годы XIX вѣка самымъ богатымъ купцомъ въ г. Сердоболѣ былъ Иванъ Ситонинъ, обрусѣвшій православный карелъ, нажившій милліонное состояніе посредствомъ торговли съ Петербургомъ. Единственная дочь Ситонина вышла замужъ за кексгольмскаго бургомистра шведа-Халлонблада, который такимъ образомъ сдѣлался обладателемъ и капиталовъ Ситонина и земельной собственности его, находившейся по другую сторону небольшого залива, при которомъ расположенъ городъ Сердоболь, и прозывавшейся по имени деревни, бывшей здѣсь, Кюмелею. Въ память своего тестя Халлонбладъ въ 1863 году основалъ народную школу на Кюмельской землѣ, построивъ для школы два роскошныхъ зданія съ классными помѣщеніями, гимнастическимъ заломъ, мастерскою и квартирами для учителей. Въ обезпеченіе дальнѣйшаго существованія школы Халлонбладъ пожертвовалъ на школу капиталъ въ 200.000 марокъ, при чемъ щедрость его проистекала отчасти и изъ того, что бракъ его на дочери Ситонина былъ бездѣтнымъ. И вотъ въ то время какъ Св. Синодъ обсуждалъ проектъ комиссіи объ учрежденіи въ г. Сердоболѣ русской семинаріи, Халлонбладъ предложилъ основанную имъ народную школу со всѣми постройками и капиталомъ Сердобольскому приходу. По словамъ автора (Форстрема) книжки „Soimia ja Kuteita. Kymolan. Seminaarin oppilailta“ ч. I, даръ былъ настолько великъ, что изумленные прихожане отказались отъ него, Этою фразою г. Форстремъ старается лишь отдѣлаться отъ необходимости дать другое—болѣе простое объясненіе причины отказа прохожанъ отъ этого дара: прихожане, наполовину русскіе и православные, желали имѣть русскую школу, а не финскую, какъ имъ предлагалъ Халлонбладъ. На эти капиталъ и школу, ищущіе себѣ болѣе опредѣленнаго назначенія, обратили, конечно, вниманіе въ

Гельсингфорсѣ по многимъ причинамъ. Въ это время очевидною сдѣлалась необходимость учрежденія второй въ Финляндіи учительской семинаріи потому, что Ювяскюльская семинарія не успѣвала удовлетворять потребности въ народныхъ учителяхъ; на сеймѣ 1872 года депутатами и была выработана петиція объ основаніи второй учительской семинаріи. Кромѣ того, зная о значительной степени обрусѣнія православныхъ карелъ Салминскаго уѣзда, финляндскіе патріоты уже подумывали о способахъ офинненія православныхъ карелъ, которые при надлежащей организаціи русскихъ школъ среди нихъ могли окончательно обрусѣть. Поэтому и надо было скорѣе предупредить осуществленіе предположеній русскихъ властей относительно православныхъ карелъ и, пока переписка еще съ русскими властями не закончена, открыть финскую семинарію и тѣмъ устранить возможность открытія русской. Исходя изъ такихъ побужденій, одинъ изъ гельсингфорскихъ патріотовъ, какъ разсказываютъ, пріѣхалъ въ городъ Сердоболь и обратился къ Халлонбладу съ предложеніемъ ему: увѣковѣчить свое имя въ исторіи Финляндіи патріотическимъ дѣломъ спасенія карелъ отъ угрожавшей имъ опасности обрусѣнія, — и имѣлъ полный успѣхъ. Халлонбладъ (мы употребляемъ вездѣ единственное число вмѣсто употребляемаго г. Форстремомъ выраженія „супруги Халлонбладъ“ потому, что супруга Халлонбладъ на все смотрѣла глазами мужа, и своихъ взглядовъ на это дѣло не имѣла) обратился въ финляндскій Сенатъ съ просьбою принять въ вѣдѣніе финляндскаго правительства основанную имъ близъ г. Сердоболя школу съ землею и капиталомъ — въ общей стоимости на 400.000 марокъ — подъ тѣмъ условіемъ, чтобы школа была преобразована въ финскую учительскую семинарію. Училищное Управленіе и Сенатъ приняли даръ.

Финская учительская семинарія въ г. Сердоболѣ получаетъ спеціальное назначеніе офинниватъ карелъ.

Нѣсколько иного однако взгляда на выборъ мѣста для второй учительской семинаріи было общественное мнѣніе въ странѣ. Городъ Нейшлотъ въ особенности добивался права помѣстить у себя семинарію и предлагалъ съ своей стороны красивое и здоровое мѣсто на берегу Сайменскаго озера. За городъ Нейшлотъ говорили и болѣе удобные и легкіе для населенія Финляндіи пути сообщенія съ нимъ, сравнительно съ Сердоболемъ, не имѣвшимъ въ то время желѣзной дороги и сносившимся лѣтомъ съ остальной Финляндіею черезъ Петербургъ. „Сомнѣнія пробуждало во многихъ основаніе

такого большого учебнаго заведенія среди невоздѣланной глуши: сомнѣвались въ достаточномъ количествѣ учениковъ, сомнѣвались въ стремленіи къ ученью со стороны карельской молодежи, доброжелательности карельскаго народа къ предполагаемому учебному заведенію"... (Laatokka № 119). Главный школьный инспекторъ въ Финляндіи, Цигнеусъ, былъ на сторонѣ общественнаго мнѣнія и поддерживалъ ходатайство города Нейшлота. „По слухамъ, Цигнеусъ, прибывъ уже на освященіе Сердобольской семинаріи, сказалъ: „Не изъ Ладожскаго ли озера взять сюда учениковъ? или откуда?" (Laatokka № 121 отъ 24 окт. 1905 г.). Поэтому вполнѣ естественно, что „на Сеймѣ 1877 года, когда былъ предложенъ даръ супруговъ Халлонбладъ, выставили въ противовѣсъ Сердоболю Нейшлотъ". (Laatokka № 121). Пришлось подробно и обстоятельно разъяснять сейму опасность обрусѣнія Карелiи, о чемъ Uusi Suometar въ № 244 отъ 20 окт. 1905 г. говоритъ въ образныхъ выраженіяхъ: „Депутаты нашего народа, вѣроятно, также „услышали плачъ Карелiи" или лучше сказать, замѣтили опасный сонъ ея". И все-таки „много энергіи и убѣдительныхъ, вещественныхъ разъясненій потребовали отъ тогдашнихъ депутатовъ изъ этого угла, прежде чѣмъ сеймъ наконецъ рѣшилъ принять даръ и основать сюда семинарію". (Laatokka № 121 отъ 1905 г.) Рѣшеніе сейма получило Высочайшую санкцію 16/18 декабря 1878 года, послѣ чего по распоряженію финляндскаго Сената финская семинарія была открыта въ г. Сердоболѣ осенью 1880 года.

Какую цѣль себѣ поставила Сердобольская финская учительская семинарія въ краѣ, искони тяготѣвшемъ къ русскимъ, съ любовью шедшемъ на сліяніе съ русскими и уже значительно обрусѣвшемъ, видно изъ статейки „Karjala", помѣщенной въ приводимомъ выше и посвященномъ Сердобольской семинаріи сборникѣ ч. I „Soimia ja Kuteita". Въ обращеніи къ Карелiи здѣсь говорится: „Судьба отдѣлила тебя отъ Финляндіи, бросивъ подъ чужую власть и чужую милость (т. е. русскую). Твои природныя свойства были неразвиты, твой новый хозяинъ получилъ возможность видоизмѣнить ихъ, бросить въ нихъ свои сѣмена (т. е. православіе съ связанными съ нимъ обрядами и обычаями). О, Финляндія! не презирай своей сестры (Карелiи) въ лохмотьяхъ, не презирай за то, что она утеряла часть своего и вмѣсто этого пріобрѣла злое и то, что прежде она сама бы презирала (т. е. православіе и русскіе обряды). Пожалѣй ее, помни, какую школу она прошла. Помни, чѣмъ была занята она, когда ты уже выступала на нивѣ просвѣщенія. Помни, какъ часто она пятналась кровью, когда ты въ мирѣ ѣла свой хлѣбъ. Подними ее, посѣй лучшее сѣмя въ ея обширныя

нетронутыя дебри, сѣмя такое, которое не смогутъ ни заморозить морозы востока, ни смыть дожди. Пріобщи ее снова къ обществу сестеръ въ такомъ нарядѣ, чтобы не нужно было стыдиться ея (т. е., короче говоря, обрати населеніе ея въ финновъ и лютеранъ). Помоги, Боже, Карелiи!“

Дѣятельность питомцевъ Сердобольской учительской семинаріи, въ качествѣ учителей народныхъ школъ въ Карелiи.

Статейка интересна тѣмъ, что уясняетъ намъ тотъ духъ, въ которомъ воспитываются ученики въ Сердобольской семинаріи, показываетъ намъ, съ какими чувствами и стремленіями выходятъ изъ этой семинаріи молодые люди, принимающіеся за учительскую дѣятельность въ финскихъ народныхъ школахъ. Естественно, что такой учитель финской народной школы въ проявленіяхъ русскаго вліянія видитъ „злое“ и ведетъ противъ него борьбу, т. е. онъ ведетъ борьбу противъ русскихъ обычаевъ среди карелъ, противъ міровоззрѣнія русскаго простолюдина въ карелѣ, противъ русскихъ словъ въ языкѣ карела, навязывая взамѣнъ этого финскіе обычаи, міровоззрѣніе, слова. Сами учителя еще за время пребыванія въ семинаріи, вполнѣ успѣваютъ проникнуться финскимъ духомъ и усвоить финское обличье.

Въ семинарію они поступали еще православными карелами: Алексѣевыми, Лукиными, Подушкиными и др., но кончали они семинарію подъ фамиліями Арніо, Лайне, Харкинена, Канерво, Райніо, и др.; поступали они съ именами Карповъ, Парасковій и др., кончали съ именами Карловъ, Эвъ и др.

И въ этомъ сказывается вліяніе не только преподавателей, но и сотоварищеской среды, въ которой приходится жить четыре года ученикамъ изъ православныхъ карелъ. Православныхъ карелъ въ семинаріи бываетъ обыкновенно одинъ—два на классъ, состоящій изъ тридцати человѣкъ, чисто финновъ. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ такой средѣ и обстановкѣ, такой православный карелъ, сдѣлавшись народнымъ учителемъ, ревностно начинаетъ вырывать „злыя сѣмена“, брошенныя въ православныхъ карелъ „чужестранцемъ“, т. е. усердно очищаетъ языкъ своихъ учениковъ отъ русскихъ словъ вопреки желанію родителей..., рѣчь молодого поколѣнія получила западный отпечатокъ и стала приближаться къ языку остальной Финляндіи. Поэтому въ одной и той же семьѣ говорятъ двумя различными нарѣчіями. Многіе старые люди порицаютъ это нововведеніе; такъ одинъ старикъ говорилъ о своей племянницѣ: „Весь свой разговоръ перемѣнила: не умѣетъ болѣе говорить по-

человѣчески!“ говорится о вліяніи финскихъ школъ въ православной Карелiи въ книгѣ „Suomens maakunnat Pohjois Karjala Hels. 1904“. (стр. 66).

На-ряду съ этимъ учителя финскихъ народныхъ школъ стремятся также уронить въ глазахъ карелъ и значеніе самого русскаго языка. Такъ въ „Tietoja Suojârven pitâjâstâ“ Брандерсъ въ 1892 году пишетъ: „Литературнаго финскаго языка здѣсь не понимаютъ (т. е. въ Суоярвскомъ приходѣ)..... русскій языкъ считаютъ выше своего, лишь въ послѣднее время чиновники и школы очищаютъ языкъ“. А такъ какъ преклоненіе передъ русскимъ языкомъ со стороны карела, стремленіе къ изученію его отчасти зависитъ отъ употребленія русскаго, или вѣрнѣе, церковнославянскаго языка въ церковномъ богослуженіи, то понятны отсюда усилія учителей финскихъ народныхъ школъ замѣнить въ богослуженіи для православныхъ карелъ церковно-славянскій языкъ финскимъ языкомъ. Цѣлый рядъ корреспонденцій изъ Салмы въ газетѣ Laatokka за текущій, т. е. 1905 годъ, рисуетъ намъ картину борьбы со стороны учителей финскихъ народныхъ школъ съ населеніемъ Салминскаго прихода, отстаивающаго въ богослуженіи церковно-славянскій языкъ, богослуженіе на которомъ они слушали около 800 лѣтъ. Несчастье для карелъ въ этомъ отношеніи въ томъ, что они не находятъ себѣ поддержки со стороны высшаго русскаго духовенства, которое не будучи знакомо съ положеніемъ дѣла въ православной Карелiи или умышленно закрывая глаза на различіе между собственно финскими и карельскими приходами, сочувственно относится къ требованіямъ учителей финскихъ народныхъ школъ.

Высшее православное духовенство предполагаетъ, будто бы богослуженіе на финскомъ языкѣ въ карельскихъ приходахъ будетъ содѣйствовать успѣхамъ православія въ Карелiи, забывая, что, „финскаго литературнаго языка карелы не понимаютъ“ (Брандерсъ), что одно и то же слово у карелъ и финновъ имѣетъ различныя значенія, отчего происходятъ такія недоразумѣнія, что обидно за православное богослуженіе. Такъ слово: synti у финновъ значитъ „грѣхъ“, у карелъ—„рожденіе“, herra у финновъ „господинъ“ и „Господь“, у карелъ „баринъ“. Если бы учителя финскихъ народныхъ школъ цѣнили въ данномъ случаѣ православіе и въ интересахъ его боролись за финскій языкъ въ богослуженіи, то не было бы такихъ насмѣшекъ надъ православною обрядностью въ печатномъ органѣ Сердобольской семинаріи—газетѣ Laatokk'ѣ, которыя помѣщены, напр., въ № 99 отъ 2 сентября 1905 г. или въ № 104 отъ 14 сентября.

Въ № 104 посмѣиваются надъ значеніемъ нашихъ панихидъ: „Очень гуманными сдѣлались шуйстамскіе попы, сходивъ на послѣдней недѣлѣ со свѣчами и ладаномъ отсоборить (?) панихиду (sielumessuja soporaimossa) надъ умершею женою Аксентія Лисицына, несмотря на то, что покойница принадлежала къ лютеранской церкви. „Вѣдь отъ добра не будетъ худа“, разсудилъ попъ, когда кто-то усумнился въ томъ, чтобы произнесенныя молитвы были услышаны покойникомъ-лютераниномъ. Сколько помощи будетъ покойнику отъ этого добра, очень трудно сказать, однако треба— очень рѣдкостная и не на долю всякаго, вѣроятно, выпадетъ“.

Въ № 107 отъ 27 сентября на эту замѣтку такъ отвѣчаетъ самъ А. Лисицынъ: „Дѣйствительно, по моей усердной просьбѣ священники Шуйстамскаго прихода отслужили панихиду надъ моею покойною женою, несмотря на то, что она была лютеранкою, но это не должно было оскорбить корреспондента замѣтки. Дѣло было такъ: моя покойная жена умерла внезапно, оставивъ мнѣ шесть малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ послѣдній остался отъ матери въ возрастѣ двухъ часовъ жизни. Моя покойная жена старалась воспитывать нашихъ дѣтей въ моей вѣрѣ и всегда присутствовала при молитвахъ моихъ и дѣтей. Поэтому-то какъ изъ чувства благодарности къ покойной, такъ и изъ желанія получить себѣ духовное утѣшеніе въ такомъ тяжкомъ горѣ, я просилъ священниковъ отслужить панихиду при покойницѣ, что̀ они и исполнили согласно съ нашимъ вѣроисповѣданіемъ. Соборованія же или таинства помазанія больной, что совершается лишь для живыхъ, они не совершали. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, корреспондентъ солгалъ или не понялъ дѣла. Отслужена была лишь панихида. И это досадно корреспонденту! Здѣсь очень часто и лютеране совершаютъ подобное: поютъ псалмы по своимъ псалтырямъ при покойникѣ православнаго вѣроисповѣданія, и мы имъ этого не запрещаемъ, такъ какъ въ этомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего дурного. Напротивъ, мы съ удовольствіемъ слушаемъ. Желательно было бы знать, почему Вы осмѣливаетесь такъ явно глумиться и презирать наше православное вѣроисповѣданіе?...“

Вотъ Вамъ голосъ самого карела, характеризующій отношеніе къ православію въ православной финляндской Карелiи со стороны финской интеллигенціи, во главѣ которой и стоятъ учителя финскихъ народныхъ школъ.

Къ сожалѣнію, среди самаго православнаго русскаго духовенства въ финляндской Карелiи находятся лица, не понимающія стремленій учителей финскихъ народныхъ школъ въ Карелiи и идущія поэтому навстрѣчу стремленіямъ этихъ учителей въ дѣлѣ офинниванія пра-

вославныхъ карелъ. Такъ на юбилейномъ обѣдѣ, по поводу 25-лѣтія существованія Сердобольской учительской семинаріи „священникъ Садовниковъ говорилъ о томъ очень важномъ трудѣ, который Сердобольская семинарія выполнила, въ особености въ самой восточной Карелiи“ (Laatokka № 120 отъ 21 октября 1905 г.). Опредѣленіе указывается на этотъ трудъ въ „Uusi Suometar“ № 244 отъ 20 октября, въ статьѣ „Kyonôlân Seminaari“: „За время дѣйствія семинаріи Сердоболь изъ незамѣтнаго, наполовину русскаго торговаго селенія обратился въ важный (финскій) культурный центръ Карелiи“. Сердоболь, слѣдовательно, офинненъ, равно какъ и прилегающіе къ нему приходы, не офиннены еще лишь пограничные приходы Салминскаго уѣзда: Салминскій, Суоярвскій и отчасти Имбилахтинскій и Шуйстамскій. И если финны энергично работаютъ надъ офинниваніемъ православныхъ карелъ посредствомъ основанія среди нихъ финскихъ народныхъ школъ, то противодѣйствовать этому офинниванію можно посредствомъ основанія въ этихъ приходахъ русскихъ народныхъ школъ, которыхъ давно ждало и ждетъ православно-карельское населеніе, не взирая на ту медленность, съ которою Совѣщательный Комитетъ по дѣламъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи относится къ удовлетворенію этихъ стремленій православныхъ карелъ.

В. П. Крохинъ.

Два повелѣнія Петра Великаго.

Въ 1847 году (марта 15) товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ Сенявинъ (род. 11 іюля 1801 года, а 8 іюня 1851 года окончившій жизнь самоубійствомъ), обратился къ завѣдующему гофъ-интендантской конторой оберъ-гофмейстеру князю Сергѣю Сергѣевичу Гагарину съ письмомъ, въ которомъ просилъ его: „что желая сохранить въ фамиліи своей на память нѣкоторыя изъ писемъ Императора Петра 1-го, писанныхъ собственноручно къ предку его Сенявину, выдать ему два или три изъ числа хранящихся въ гофъ-интендантской конторѣ. Кромѣ того дозволить ему списать копіи со всѣхъ тѣхъ повелѣній, которыя даны были предку его Сенявину".

(Этотъ Сенявинъ или Синявинъ, Ульянъ Іоакимовичъ (род. въ 167?) былъ при Петрѣ Великомъ оберъ-коммиссаромъ, а потомъ директоромъ отъ строеній. При Императрицѣ Екатеринѣ I, произведенъ въ генералъ-маіоры и скончался въ 1740 году).

Князь Гагаринъ *не находилъ* препятствій къ исполненію просьбы Сенявина и склоненъ былъ выдать ему два повелѣнія Петра I-го, одно отъ 7 октября 1706 года, а другое 13 іюля 1722 г., но за окончательнымъ разрѣшеніемъ обратился все-таки къ министру Императорскаго Двора Свѣтлѣйшему князю Волконскому.

Петръ Михайловичъ Волконскій не рѣшился такъ легко отнестись къ просьбѣ Сенявина и доложилъ о ней Его Величеству. Государь Императоръ Николай I не изъявилъ Высочайшаго соизволенія на выдачу Сенявину оригинальныхъ повелѣній Петра Великаго, но дозволилъ списать въ самой конторѣ копіи со всѣхъ подобныхъ повелѣній. Объ этой Высочайшей волѣ министръ и сообщилъ оффиціально князю Гагарину отъ 11 мая 1847 г. за № 1665. Въ свою очередь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ 16 мая (№ 2963) писалъ Сенявину:

Милостивый Государь
Иванъ Григорьевичъ.

Г. министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ меня, что относительно выдачи Вашему Превосходительству нѣкоторыхъ изъ хранящихся при дѣлахъ гофъ-интендантской конторы собственноручныхъ писемъ Императора Петра I-го, писанныхъ къ предку Вашему, Его Свѣтлость имѣлъ счастіе представлять докладную о семъ мою записку на усмотрѣніе Государя Императора. Его Величество не изъявилъ Высочайшаго соизволенія на выдачу Вамъ оригинальныхъ повелѣній Петра Великаго, но дозволилъ списать въ самой конторѣ копіи всѣхъ подобныхъ г. Сенявину повелѣній.

Сообщая о таковой Высочайшей волѣ Вамъ, Милостивый Государь, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Князь С. Гагаринъ.

16 мая 1847 года.

Копіи съ двухъ повелѣній Императора Петра I къ Сенявину.

Господинъ Сенявинъ.

Мы зело удивляемся, что вы по ся поры мѣшкаете съ такимъ важнымъ дѣломъ.

Пітеръ.

Октября 7 д. 1706 г.
Излагиря.

Директору Строеній Сенявину.
Господинъ Директоръ.

Писалъ ты къ Макарову что Броушейнъ нѣкоторое непослушаніе чинитъ вработѣ і затѣмъ была остановка во оной чему я зело дивлюся понеже і не такимъ судъ есть і буде будетъ остановка я на тебѣ [1]) спрошу, а не на немъ.

Петръ.

Изастрахани.
въ 13 д. іюля 1722 г.

Сообщилъ Ал. Алекс. Лебедевъ.

[1]) Изъ дѣлъ Арх. М—ва Двора. Оп. 89/523 ст. 496.

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

ЧАСТЬ I.

Итальянская опера.

Родилась въ имѣніи моего отца, въ Ковенской губ., 5-го февраля 1838 г. Семья моя принадлежитъ къ очень старинному литовскому роду. Въ историческихъ хроникахъ XIV столѣтія встрѣчаются имена нашихъ предковъ, занимавшихъ первыя мѣста въ государствѣ, при польскихъ короляхъ. Тогда они носили титулъ и тройную фамилію князей Гинятъ Гинятовичъ Пилсудскихъ съ латинскимъ девизомъ на гербѣ: „Sit mihi palma fides“. Со временемъ, за перемѣнами въ политическомъ и экономическомъ состояніи края, оскудѣвшіе дворяне отбросили титулъ, оставивъ третью фамилію, съ девизомъ, кот. на русскомъ языкѣ значитъ: „Да будетъ моею пальма вѣрности“.

Отецъ мой служилъ только по выборамъ; слылъ за самаго ученаго человѣка своего края и заслужилъ названіе живой энциклопедіи. Воспитывался въ Варшавскомъ университетѣ „na Zoliborzu“; владѣлъ въ совершенствѣ классическими языками. Сильно замѣшанный въ возстаніи 31 года, онъ въ этой смутѣ потерялъ большую часть своего состоянія и попалъ подъ слѣдствіе, по окончаніи котораго былъ оправданъ и продолжалъ служить по выборамъ. По особой милости Императора Николая Павловича, его три сына были приняты на казенный счетъ въ военныя заведенія; старшій мой братъ дослужился до званія камергера; второй умеръ на службѣ генералъ-лейтенантомъ, третій умеръ молодымъ. По ходатайству баронессы Крюднеръ мать моя получила мѣсто классной дамы въ Патріотическомъ институтѣ, съ правомъ воспитать въ немъ своихъ двухъ

дочерей; я вышла изъ института одною изъ первыхъ ученицъ, но шифра получить не могла, такъ какъ воспитанницы-экстерны на шифръ права не имѣли; однако Императрица Александра Ѳеодоровна приказала установить награду для ученицъ, воспитывающихся на счетъ экономическихъ суммъ и кончающихъ курсъ съ отличіемъ; такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ институты, я была первая институтка, удостоившаяся Высочайшей награды — золотого браслета, что̀ и значится въ моемъ дипломѣ.

Семья наша была очень музыкальна; моя мать была любимой ученицей Фильда; обучала насъ музыкѣ превосходно; я обнаруживала хорошія способности къ игрѣ на фортепіано, потому и было рѣшено, что, по окончаніи курса, я спеціально буду заниматься музыкой.

Второй мой братъ служилъ на югѣ, въ кавалерійскомъ Ея Высочества В. К. Елены Павловны кирасирскомъ полку; при наводненіи въ Кременчугѣ, подвергаясь самъ большой опасности, онъ спасъ болѣе ста человѣкъ; за отличіе былъ переведенъ въ гвардію, въ конно-гренадерскій полкъ. У него былъ замѣчательно красивый голосъ; артисты итальянской оперы въ Петербургѣ: Рубини, Лаблашъ, особенно Тамбурини, уговаривали его посвятить себя артистической дѣятельности; однако братъ устоялъ передъ искушеніемъ и не пошелъ на сцену. Пока мы были въ институтѣ, онъ не обращалъ вниманія на отсутствіе голоса у сестеръ, но со временемъ, очень огорчался, что ни одна изъ насъ не поетъ; онъ сталъ уговаривать меня пробовать пѣть съ нимъ дуэты; очень скоро у меня голосъ обнаружился, сталъ быстро развиваться; пригласили профессора, чуть ли не единственнаго тогда въ Петербургѣ „маэстро Пиччіоли“. Плата за урокъ была пять руб., что для того времени было очень много. Мои родители обладали очень ограниченными средствами, но не задумались сдѣлать эту жертву, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы я, выбравъ одну изъ моихъ товарокъ, имѣющую голосъ, дѣлилась съ ней пріобрѣтаемыми знаніями; такимъ образомъ, въ 16 лѣтъ я дала первый урокъ пѣнія г-жѣ Краевской. Голосъ мой представлялъ тогда необыкновенное явленіе: при обширнѣйшемъ діапазонѣ (отъ верхняго ре до нижняго ре, т. е. въ голосѣ было три октавы), онъ былъ необыкновенно ровный и гибкій. Благодаря превосходному профессору и можетъ быть прирóднымъ свойствамъ голоса, успѣхи были поразительны. Когда Тамбурини меня слушалъ, онъ сказалъ такъ: „c'est la voix de la Malibran“, а князь Оболенскій, отличный пѣвецъ и знатокъ, сказалъ: „c'est la voix de la Albani dans les notes basses et la voix de la Frezzolini dans les notes hautes“. Графиня Е. Н. Адлербергъ, превосходная пѣвица, моя соученица, на музыкальномъ вечерѣ у графа Морни сказала:

„c'est une voix ideale". Для справедливости прибавлю, что къ дебютамъ голосъ, не утративъ своей обширности, развившійся въ смыслѣ силы, уже не представлялъ тѣхъ отличительныхъ чертъ, которыя заставляли лучшихъ профессоровъ задумываться опредѣлить, какой у меня былъ голосъ—сопрано или контральто. По моей волѣ голосъ установился низкимъ mezzo-soprano и остался такимъ до конца.

Меня стали знать, приглашать участвовать въ концертахъ. На меня обратили вниманіе Великая Княгиня Марія Николаевна и Великая Княгиня Елена Павловна. Черезъ князя Одоевскаго В. К. Елена Павловна предложила мнѣ быть у нея пѣвицей, какъ были прежде Кочетова и Лешетицкая; на это мой отецъ не согласился. Постоянные выѣзды, приглашенія причиняли непосильные расходы. Княгиня Друцкая, съ которой я познакомилась въ эту первую зиму моей свѣтской жизни, предложила мнѣ провести часть слѣдующей зимы у нея въ деревнѣ, а послѣ познакомить меня съ Москвой, гдѣ она жила постоянно. У ея дочери былъ хорошій голосъ, мы съ ней много пѣли; по пріѣздѣ въ Москву, насъ стали приглашать пѣть въ концертахъ, на вечерахъ; число знакомыхъ увеличивалось, у меня сразу было много уроковъ. Мнѣ предложили дать концертъ. По этому поводу княгиня Друцкая обратилась за совѣтомъ къ г-ну Онноре, состоявшему тогда профессоромъ спеціальнаго музыкальнаго класса въ Императорскомъ Николаевскомъ институтѣ; отличный артистъ, блестящій виртуозъ, онъ могъ дать драгоцѣнныя указанія для составленія программы, а также участвовать въ концертѣ.

Два концерта, данные тогда, одинъ въ теперешнемъ Строгоновскомъ училищѣ, а другой въ Дворянскомъ собраніи, дали чистаго сбора 3.000 руб.

Знакомство съ г-мъ Онноре имѣло для меня важныя послѣдствія; я его увидѣла первый разъ 20 декабря, а 24 апрѣля 1856 г. была моя свадьба; мнѣ было тогда 18 лѣтъ.

Въ этомъ году въ нашихъ губерніяхъ было пять предводителей дворянства, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, очень намъ близкихъ родственниковъ и однофамильцевъ. Объ этомъ мнѣ сообщилъ отецъ въ письмѣ, въ которомъ давалъ согласіе на бракъ. Между строкъ можно было прочесть, что ему, старому дворянину, было жалко отдать дочь за „citoyen français"; это, впрочемъ, былъ единственный намекъ; мужа моего онъ любилъ, какъ сына, а братья—какъ брата.

Послѣ свадьбы мой мужъ взялъ долгосрочный отпускъ; мы сдѣлали первое артистическое путешествіе; поѣхали во Флоренцію, гдѣ тогда проживалъ знаменитый профессоръ пѣнія Фонтана. За три мѣсяца моего пребыванія во Флоренціи я взяла 90 уроковъ, зани-

маясь ежедневно, иногда и два раза въ день. Потомъ мы поѣхали въ Миланъ. Мой мужъ хорошо зналъ г. Рикорли Лукка (ничего общаго не имѣвшей съ пѣвицей Лукка), у которой была тогда первая агентура въ Италіи. Она мнѣ предложила ангажементъ, но у меня репертуара еще не было, и мы предпочли ограничиться уроками у тоже извѣстнаго тогда профессора Буцци. Въ Миланѣ провели три мѣсяца, такъ что въ 6 мѣсяцевъ я взяла 150 уроковъ у лучшихъ профессоровъ въ мірѣ. Скажу тутъ, что знаменитости эти не лучше были г-на Пиччіоли. Я много у нихъ пріобрѣла, но совѣты перваго учителя были выше и оставили въ моей памяти безконечную благодарность. Онъ былъ ученикомъ Нодцари, былъ многосторонне образованнымъ и конечно лучшимъ педагогомъ, чѣмъ мои другіе учителя. Въ Миланѣ меня слушалъ Россини, который только тогда оставлялъ Италію, чтобы поселиться въ Парижѣ, гдѣ жилъ до смерти въ собственной виллѣ въ Пасси (близкая окрестность Парижа).

Распрощавшись съ Миланомъ, съ Россини, котораго я надѣялась скоро увидѣть въ Парижѣ, мы поѣхали туда, куда мнѣ такъ хотѣлось попасть. Россини мнѣ далъ рекомендательное письмо къ знаменитой въ свое время пѣвицѣ Персіани. Замѣчательно то, что, поручая меня ей, въ письмѣ, онъ сдѣлалъ оговорку, что воздерживается дать свое мнѣніе о возможности для меня поступленія на сцену, такъ какъ находитъ, что голосъ не довольно силенъ. Съ г-жей Персіани я прошла нѣсколько итальянскихъ оперъ: Трубадуръ, Фаворитку, Люкреція Боджіа, Марія ди-Роганъ и Севильскій Цирюльникъ.

Въ Парижѣ тогда жилъ извѣстный музыкальный критикъ Дамке, жена его была русская. Они пригласили насъ на вечеръ и представили Берліозу. Когда я стала пѣть, Берліозъ опершись на рояль отвернулся, но по мѣрѣ того, какъ я пѣла, онъ поворачивался и, наконецъ, такъ увлекся, что просилъ пѣть безъ конца. На другой день онъ привезъ массу своихъ романсовъ, свой портретъ и предсказалъ блестящую карьеру.

Посѣтили г-жу Фрецколини, хорошую знакомую моего мужа: она приняла насъ сердечно, просила меня спѣть ей по-итальянски. Я выбрала романъ Гордиджани „Il tempo passato“. Эрминія Поджи Фрецколини расплакалась и, утирая слезы, сказала: „Vous pouvez Vous vanter d'avoir fait pleurer la Frezzolini“. Мнѣніе ея, высказанное тогда, было такое, что колебаться не слѣдуетъ: „сцена, сцена, Вы будете знаменитостью“. Намъ показалось страннымъ, что, несмотря на утреннее время, она насъ приняла въ бѣломъ, бальномъ, туалетѣ.

Самый интересный для насъ въ это время былъ вечеръ у г-на Александра Биксіо, нашего хорошаго друга, министра, народнаго представителя въ 48 г.; онъ былъ лучшимъ другомъ Кавура. Графъ Нигра, потомъ посланникъ въ Петербургѣ, какъ и Кавуръ, были приглашены на этотъ вечеръ. Преимущественно я пѣла русскую музыку: Глинки, Рубинштейна, Даргомыжскаго, кончивъ вечеръ итальянскими аріями.—Полный получился успѣхъ...

Все это было безконечно привлекательно, но надо было торопиться, такъ какъ отпускъ моего мужа приходилъ къ концу, и насъ ждали въ Москвѣ. Но ему пришлось просить отсрочку, потому что мы получили приглашеніе отъ Россини на новоселье. Тутъ я первый разъ увидѣла г-жу Россини. Бывшая пѣвица, съ остатками красоты, птичьимъ профилемъ и очень непривѣтливой манерой, она произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Начала съ вопроса: „какой у Васъ голосъ“. Я отвѣчаю: „mezzo-soprano“.—Тѣмъ хуже, mezzo-soprano—половина голоса. Надо имѣть или сопрано или контральто—карьеры сдѣлать нельзя“. Это сказано было такимъ рѣзкимъ тономъ, что у меня пропала всякая охота пѣть, но пѣть надо было. Прослушавъ меня, она очевидно осталась при своемъ мнѣніи, такъ какъ не нашла ничего мнѣ сказать одобрительнаго. Эта дама строгаго нрава и такой же физіономіи, въ молодости служила моделью для знаменитой картины Юдифь и Олофернъ, Горація Верне. Олоферна же онъ писалъ съ извѣстнаго композитора Риччи, котораго нѣсколько времени спустя я принимала въ Москвѣ. Въ послѣдніе дни пребыванія въ Парижѣ я получила письмо отъ г-жи Рикорди Лукка, предлагавшей мнѣ вернуться въ Миланъ, обѣщая найти возможность помѣстить меня у себя, и что Ламперти (отецъ) берется проходить со мною партіи и устроить дебютъ въ Скала.

Тутъ представлялся выборъ, вернуться въ Миланъ, учиться, вѣроятно дебютировать въ теченіе года, но разстаться съ семьей на неопредѣленное время, такъ какъ моему мужу, состоявшему на службѣ, бросить ее, въ виду пенсіи, на которую онъ пріобрѣталъ право,—было бы неосторожно, или же вернуться въ Москву, давать уроки, выступать въ концертахъ и оставить пока мечты о сценѣ. Здоровье моего мужа было слабое; болѣзнь, которая его свела въ могилу, стала уже проявляться. Я даже немного колебалась,—заглушивъ завѣтное желаніе поступить на сцену, я покинула Италію и вернулась въ Москву. Началась тамъ наша тихая московская жизнь. Уроки мужа, мои, воспитаніе пасынка, единственнаго сына моего мужа, занимали большую часть времени. Домъ нашъ былъ центромъ музыкальной дѣятельности въ Москвѣ. Разъ въ недѣлю были у насъ квартетныя собранія, въ которыхъ участвовали лучшія тог-

дашнія силы въ Москвѣ; піанистами были по очереди г. Оннорс и Николай Рубинштейнъ, тогда еще мало извѣстный; скрипачами—Кламротъ, Грасси, Безекирскій послѣ и Минкусъ; альтъ—Герберъ; віолончелисты—отецъ и сынъ Шмидтъ, Дробишъ и др. Кромѣ того всѣ случайно пріѣзжающіе артисты въ Москву бывали у насъ и музицировали: Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, Бюловъ, Дрейшокъ, Шульховъ, Клара Шуманнъ, Карлъ Майеръ, Сеймуръ Шифъ, Равина, Гензельтъ, Вьетанъ, братья Венявскіе, Серве, Давыдовъ, Олебуль, Бозіо, Демерикъ Лаблашъ, Кальцолари, Дебассини. Здѣсь я ознакомилась со всей камерной музыкой; слушала постоянно знаменитыхъ артистовъ; могу сказать, что въ отношеніи музыкальнаго развитія эта была самая серьезная эпоха моей жизни.

Разъ вернувшись съ уроковъ, мой мужъ сообщилъ, что пріѣхали въ Москву двѣ сестры Ферни, совершившія свое турнэ по Россіи. Обѣ талантливыя скрипачки ѣздили съ отцомъ и матерью. Въ Динабургѣ внезапно умеръ ихъ отецъ, и они, миновавъ Петербургъ, гдѣ должны были концертировать, направились въ Москву, чтобы успокоиться послѣ сразившаго ихъ горя и провести нѣсколько времени безъ концертовъ.

Мой мужъ предложилъ имъ бывать у насъ. Онѣ провели въ Москвѣ, кажется, два мѣсяца. Каждый день съ утра забирались къ намъ мать и двѣ дочери—Виргинія и Каролина (нынѣ профессоръ пѣнія въ Петербургской Консерваторіи). Я принимала ихъ радушно, и каждый вечеръ у насъ составлялись тріо и квартеты, Каролина—I-я скрипка, Виргинія—альтъ; піанисты и віолончелисты наши съ радостью присоединялись къ нимъ. Послѣ музыки импровизировали сцены изъ оперъ, шарады; вѣселились во „всю“, совсѣмъ не какъ недавно осиротѣлыя дочери, а какъ могутъ веселиться молодыя, красивыя дѣвушки, окруженныя интересными людьми.

Когда Каролина Ферни впослѣдствіи пріѣхала въ Петербургъ, я полагала, что мы возобновимъ знакомство. И дѣйствительно обмѣнялись визитами; но когда въ одномъ мнѣ знакомомъ семействѣ, у Р. П. г-жу Ферни спросили, знаетъ ли она меня, она, какъ Св. Петръ отъ Христа, отреклась отъ меня. Съ тѣхъ поръ наши дружескія отношенія прекратились.

Въ одинъ изъ этихъ иногда слишкомъ оживленныхъ вечеровъ явился Риччи (Олофернъ). Еще замѣчательно красивый, онъ обращалъ на себя общее вниманіе. Въ нашей небольшой квартирѣ онъ занялъ массу мѣста, все время сохраняя серьезное, даже мрачное выраженіе лица. Каково было наше удивленіе, когда, выбравъ

одного изъ артистовъ, онъ устроилъ забавную картину, изображающую карлика съ своими громадными руками и руками своего партнера вмѣсто ногъ.—Всѣ до упаду смѣялись—Олофернъ даже не улыбнулся.

Не оставляя мечты о сценѣ, я серьезно занималась составленіемъ итальянскаго репертуара. Можно себѣ представить, чѣмъ былъ для начинающей артистки такой руководитель, какъ мой мужъ г-нъ Онноре.

Первый лауреатъ Парижской Консерваторіи, блестящій виртуозъ, въ 15 лѣтъ онъ кончилъ курсъ. Его сверстники—Равина, Горія, Jäel, Прюданъ, тоже получили первыя награды, но они конкуррировали нѣсколько лѣтъ подрядъ и тогда только ихъ получали, по большинству голосовъ. Изъ 13 голосовъ, составлявшихъ тогда жюри, надо было получить minimum 7 голосовъ. Г. Онноре конкуррировалъ только одинъ разъ и получилъ сразу всѣ 13 голосовъ. Въ числѣ присяжныхъ были тогда: Керубини, директоръ Консерваторіи, Шопенъ, Листъ, Альканъ (профессоръ Онноре), Циммерманъ и другіе. На конкурсѣ онъ игралъ концертъ Шопена. Заслужить подобное одобреніе было большою честью для 15-ти лѣтняго юноши. Но отецъ его былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ не получилъ званія бакалавра, и требовалъ, чтобы по окончаніи курса онъ держалъ экзаменъ.

Не желая на долгій срокъ оставлять свою артистическую дѣятельность, молодой, заносчивый лауреатъ рѣшилъ ослушаться отца, отказаться отъ субсидіи, получаемой отъ семьи, и жить самостоятельнымъ заработкомъ.

Надо было найти возможность оставаться въ Парижѣ. Судьба натолкнула его на бывшаго тогда въ полной силѣ и славѣ пѣвца Маріо-Дука-ди-Кандія, который полюбилъ и познакомилъ молодого піаниста со всѣми пѣвцами итальянской оперы въ Парижѣ. Г. Онноре такъ понравился имъ, что они не принимали приглашенія пѣть въ концертахъ и на вечерахъ безъ ихъ излюбленнаго аккомпаніатора. Онъ сталъ первымъ лучшимъ аккомпаніаторомъ въ Парижѣ и, конечно, много зарабатывалъ. Скоро, однако, сознался, что для его высшихъ цѣлей такъ продолжать нельзя, и потому, вернувшись домой, исполнилъ волю отца, выдержалъ экзаменъ и предался игрѣ на фортепіано, что не мѣшало ему играть въ театрѣ на віолончели (соло въ оркестрѣ) и на органѣ въ церкви во время торжественныхъ службъ. Архіепископомъ въ Амьенскомъ каѳедральномъ соборѣ былъ Monseigneur д'Афръ. Привязанность этого святого человѣка къ юношѣ была трогательна; онъ заботился о немъ,

давалъ ему совѣты и очень любилъ, когда на органѣ игралъ талантливый піанистъ. Въ 1848 году этотъ служитель церкви былъ убитъ на баррикадахъ въ Парижѣ.

Отецъ моего мужа по разнымъ причинамъ пожелалъ отправить сына въ Италію, гдѣ онъ концертировалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пользуясь громаднымъ успѣхомъ; во всѣхъ рецензіяхъ его иначе не называли, какъ „nostro caro Honnore". Игралъ онъ въ главныхъ городахъ Италіи. Во Флоренціи онъ встрѣтился съ Тальбергомъ, который предложилъ ему выступить съ нимъ вмѣстѣ въ концертѣ, въ театрѣ. Въ ихъ наружности было нѣкоторое сходство; оба очень молодые, очень худые, съ рѣзкими профилями и большими римскими носами. Когда они вышли на сцену, публика дружно разсмѣялась. Успѣхъ они имѣли огромный. Послѣ Италіи г. Онноре направился въ Россію и въ Петербургѣ далъ нѣсколько концертовъ; потомъ посѣтилъ Москву. Здѣсь такъ принимали его, что ему не хотѣлось уѣзжать, и онъ охотно занялъ мѣсто профессора спеціальнаго музыкальнаго класса въ Николаевскомъ институтѣ.

Въ Москвѣ онъ прожилъ 25 лѣтъ, заслуживъ всеобщее уваженіе и любовь, какъ артистъ, профессоръ и человѣкъ. Въ 25 лѣтъ своего пребыванія въ Москвѣ онъ далъ 48.000 уроковъ. Всѣ часы внесены его рукой въ спеціальную книгу, которая сохраняется у меня. Великолѣпный педагогъ, онъ каждый день посвящалъ нѣсколько часовъ занятіямъ со мною, помогая мнѣ разучивать итальянскій репертуаръ: Пророкъ, Гугеноты, Балъ-Маскарадъ, Клятва, Сафо, Семирамида, Линда, Риголетто, Марта, Сорока воровка, Ченерентоля,—что̀ съ ролями, пройденными съ г-жей Персіани, составляло уже серьезный репертуаръ. Въ это время я усердно занималась итальянскимъ языкомъ съ профессоромъ Московскаго университета Рубини; совершенствовалась тоже и въ англійскомъ языкѣ, что̀ мнѣ впослѣдствіи очень пригодилось. Въ то же время я постоянно давала уроки пѣнія, лучшія тогдашнія мои ученицы были княжна Мещерская, у которой былъ дивный голосъ, г-жа Савельева, графиня Орлова-Давыдова и М. М. Арапова.

Не могу умолчать о томъ вліяніи, которое имѣлъ на меня составъ труппы Малаго театра, дошедшій тогда до своего апогея. Я лично познакомилась съ Садовскимъ, съ Шумскимъ, Вильде, Васильевой, Медвѣдевой, Никулиной. Постоянное ихъ благосклонное отношеніе ко мнѣ приводило меня въ восторгъ, и я гордилась ихъ одобреніемъ.

Русская опера въ Москвѣ была тогда ниже всякой критики.

Въ ней пѣли чехи, евреи, нѣмцы; русскихъ артистовъ почти не было. Петрова сошла со сцены до моего пріѣзда въ Москву, Бандышевъ умеръ. Былъ Владиславлевъ, который въ свое время пользовался большимъ успѣхомъ, но когда я слышалъ его первый разъ, онъ исполнялъ очень добросовѣстно вторыя роли. Какъ бы то ни было, мнѣ и въ голову не приходило войти въ составъ подобной труппы. Въ Большой театръ на оперу общество не ѣздило, а посѣщало только балетныя представленія. Малый театръ дѣлалъ полные сборы, но опера пустовала.

Въ 60 году было открытіе музыкальнаго общества. Меня пригласили на 5 концертовъ.—Помню всѣ аріи, исполненныя мною въ этомъ году—Орфей Глюка, арія изъ оперы Тамерланъ Генделя, Перфидо Бетховена, Ave Maria Перголезе, — романсы Шумана, Глинки, Даргомыжскаго, Рубинштейна и Шуберта. Успѣхъ я имѣла большой; не разъ Ник. Рубинштейнъ выражалъ мнѣ свою признательность. Увидимъ, какъ въ будущемъ она проявилась. Печатный отчетъ музыкальнаго общества даетъ всѣ свѣдѣнія объ этихъ концертахъ.

Въ это время случилось то, что характеризуетъ мои отношенія къ будущему начальству. Въ одинъ прекрасный день прислуга доложила мнѣ, что пришелъ какой-то человѣкъ въ казенной ливреѣ и желаетъ меня видѣть. Я велѣла спросить, по какому дѣлу, и кѣмъ онъ присланъ. Въ отвѣтъ получилось слѣдующее заявленіе: „г. Директоръ театра приказалъ Вамъ сказать, что онъ хочетъ Васъ видѣть по дѣлу, а потому Вамъ надо явиться въ контору завтра, въ 10 часовъ утра“. Я не вышла къ посланному, а приказала сказать, что, очевидно, г. директоръ ошибся, такъ какъ я его не знаю, дѣла къ нему не имѣю и въ контору не пойду, что если ему нужно видѣть меня, то пусть пожалуетъ ко мнѣ.

Въ это время прошелъ слухъ, что дирекція Императорскихъ театровъ открываетъ итальянскую оперу въ будущемъ сезонѣ въ Москвѣ.

Это извѣстіе очень меня взволновало; однако я не сдѣлала шагу, чтобы попасть въ составъ формировавшейся труппы.

Были приглашены первоклассные артисты съ великолѣпными голосами, европейскія знаменитости: Фриччи, супруги Гассье, Паккани, Віалетти, Стеллеръ.

Въ примадоннѣ контральто я узнала свою товарку по институту г-жу Абаринову, которая заняла впослѣдствіи мѣсто на Александринской сценѣ; какъ пѣвица, она была полнѣйшей бездарностью.

Тогда уже я рѣшила хлопотать о приглашеніи меня въ Императорскую итальянскую оперу въ Москвѣ. Достигнуть этого въ родномъ городѣ, при семьѣ, было величайшимъ для меня счастьемъ, и это дирекція отлично понимала. Трудно было описать, сколько за это время пришлось мнѣ пережить разочарованій, оскорбленій, чудовищныхъ отношеній дирекціи ко мнѣ. „De mortuis aut bene, aut nihil“, т. е. мертвыхъ тревожить не слѣдуетъ, однако, не могу не сказать, что тогда администрація театровъ состояла изъ лицъ, не имѣющихъ даже отдаленнаго представленія о чести, совѣсти, правдѣ и справедливости.

Конецъ этимъ ужаснымъ душевнымъ тревогамъ былъ положенъ личнымъ вмѣшательствомъ графа Адлерберга (тогда министръ Двора). Случилось это такъ: меня пригласили концертировать въ Лондонѣ. Генрихъ Венявскій, жена котораго была англичанка, далъ мнѣ письма къ своимъ друзьямъ, а также артистамъ, проживавшимъ въ Лондонѣ. Лордъ Непиръ, англійскій посланникъ въ Петербургѣ, и его очаровательная супруга снабдили меня рекомендаціями къ нѣсколькимъ вліятельнымъ аристократамъ, такъ что помимо приглашенія пѣть въ St.-Jame's Hall и у лордъ-мера, я могла разсчитывать и на поддержку высшаго общества.

Проѣздомъ черезъ Петербургъ, я посѣтила графиню Е. Н. Адлербергъ и графиню Е. Н. Баранову, которыя съ необыкновенно сердечной, благосклонной готовностью взялись хлопотать передъ министромъ Двора о принятіи меня на сцену Императорскаго театра. Директоръ театра г-нъ С. былъ за границей для заключенія новыхъ контрактовъ, а потому министръ предложилъ свидѣться съ нимъ въ Парижѣ, говоря, что г-нъ С. будетъ предупрежденъ о моемъ ходатайствѣ, и что контрактъ можетъ быть заключенъ въ Парижѣ.

Конечно первой заботой въ Парижѣ было видѣть директора театровъ. Никогда не изгладится воспоминаніе объ этомъ пріемѣ. „Кто Вы?“—Отвѣчаю. „И Вы воображаете, что можете пѣть съ итальянцами?“ Я намекаю, что я по предложенію министра являюсь, въ увѣреніи, что онъ именно желаетъ меня пригласить. „Я теперь не могу Васъ пригласить, у меня и контрактовъ нѣтъ; все это еще не пришло, и я не могу кончить съ Вами“. Возражаю, что я приглашена въ Лондонъ, что я должна выполнить свои обязательства въ этомъ городѣ, и что я ждать бумагъ не могу. „Когда вернетесь, я еще буду въ Парижѣ и тогда заключу съ Вами условіе“. Конечно, вѣры я никакой не придала этимъ словамъ, похожимъ скорѣй на лай, чѣмъ на разговоръ порядочнаго человѣка. Все же

я рѣшаюсь спросить, могу ли разсчитывать на это обѣщаніе. „Конечно, даю Вамъ слово, что я исполню волю министра“.

Съ тяжелымъ сердцемъ ѣду въ Лондонъ. I-й концертъ въ St.-James's Hall очень удачно прошелъ; пѣла я колыбельную пѣснь Глинки; три раза повторила эту прелестную вещь.

Случайно мой мужъ встрѣтилъ Каваллини, знакомаго ему давно; тотъ спросилъ его, получила ли я ангажементъ; мужъ отвѣчаетъ, что моя жена почти получила его, но контрактъ еще не заключенъ. При этомъ онъ разсказалъ о моемъ свиданіи съ г-мъ С., который далъ слово заключить условіе по окончаніи моего ангажемента въ Лондонѣ. Каваллини покачалъ головой и сказалъ: „слово г-на С. это очень невѣрная вещь,—я Вамъ совѣтую опираться на покровительство министра и ѣхать скорѣе обратно“. Въ Парижѣ первымъ дѣломъ являюсь къ г-ну С., который дѣлаетъ видъ, что онъ меня не знаетъ, никогда не видѣлъ и не помнитъ о моемъ дѣлѣ; я напоминаю ему, что онъ мнѣ далъ слово. „Можетъ быть, можетъ быть, но я не далъ *честнаго* слова, и я контракта съ Вами не заключу“. Помню, что негодованіе мое выразилось слѣдующими словами: „мнѣ этотъ оттѣнокъ, между словомъ и честнымъ словомъ былъ не извѣстенъ“; слегка поклонилась и съ чувствомъ невыразимой гадливости ушла. Вотъ каковъ былъ вершитель нашихъ судебъ, отъ котораго зависѣла наша жизнь.

Изъ Парижа мы поѣхали въ Висбаденъ, гдѣ мой мужъ долженъ былъ лѣчиться. Изъ Висбадена я написала письмо графинѣ Е. Н. Адлербергъ, которая прочла его министру. Въ письмѣ вся исторія моихъ двухъ свиданій съ директоромъ была описана, безъ всякихъ стѣсненій. Результатомъ было, что я получила въ Висбаденѣ контрактъ на одинъ годъ, съ окладомъ 4.000 руб. и полубенефисъ. Контракту предшествовала телеграмма отъ министра, за его подписью.

Почти одновременно съ этимъ С. былъ смѣненъ графомъ Борхомъ.

Обстоятельства эти создали положеніе, можетъ быть, еще худшее. Г-нъ Л., тогда директоръ Московскихъ театровъ, обозленный, что меня пригласили безъ его согласія и даже вѣдома, пришелъ въ неистовую ярость и сталъ систематически преслѣдовать меня и возбуждать противъ меня ту часть публики, которая особенно интересовалась итальянской оперой, говоря каждому о моемъ излишнемъ самомнѣніи и о томъ, что я помѣшала ему пригласить на это мѣсто г-жу Демерикъ-Лаблашъ; словомъ, создалъ предъ моимъ дебютомъ цѣлую оппозиціонную партію. Вся Москва знала объ этомъ,

а когда начались репетиціи, то было приказано ихъ ограничить до minimum'а въ виду того, что всѣ артисты прошлогодніе и въ репетиціяхъ не нуждаются, такъ что для моего дебюта, въ роли Азучены, была одна репетиція подъ фортепіано и одна съ оркестромъ.

Къ удивленію дирижеровъ, режиссеровъ, суфлеровъ и артистовъ, я вышла съ честью изъ этого испытанія. Окружающіе меня родные, друзья, знакомые щадили меня, скрывая о готовящейся демонстраціи, во главѣ которой сталъ г. Л. и „La loge infernale“ въ полномъ составѣ; а я, ничего не подозрѣвая, спокойно готовилась къ дебюту.

Наканунѣ перваго представленія присланъ мнѣ былъ костюмъ,— буквально какія-то лохмотья. Я на всякій случай заказала костюмъ въ Парижѣ, по образцу костюма Борги Мамо. Ничего не говоря, не спрашивая разрѣшенія, я была въ собственномъ, очень удачномъ костюмѣ.

Первый актъ Трубадура прошелъ буквально безъ всякаго вниманія публики; шелъ громкій говоръ въ оркестрѣ, партерѣ; всѣ готовились ко 2-му акту. Фриччи, негодующая, вышла со сцены, удивленная, что никого, даже ее, любимицу публики, не вызывали.

Дебютъ мой былъ блестящій. Все, что можно было желать, въ смыслѣ аплодисментовъ, вызововъ, выпало на мою долю; сестра моя упала въ обморокъ. Въ оркестрѣ знакомые музыканты прослезились, залъ стономъ кричалъ, я же, перенеся столько непріятностей, не чувствовала особенной радости. Г-нъ Л. куда-то исчезъ. „La loge infernale“ неистово аплодировала.

Вспоминается мнѣ при этомъ забавный инцидентъ. Въ дуэтѣ Панкани, великолѣпный теноръ, знаменитый, опытный артистъ, по разсѣянности забылъ вступленіе; не растерявшись я спѣла за него и тѣмъ спасла ансамбль. Въ антрактѣ онъ выразилъ мнѣ свою искреннюю признательность предъ всѣми артистами.

Дальше шли: Люкреція Борджія, Марія де Роганъ и Риголетто. Я пѣла безъ репетицій.

Въ эту зиму Императорскій Дворъ провелъ три мѣсяца въ Москвѣ. Давали постоянно оперы, въ надеждѣ видѣть въ театрѣ Царскую Семью; но представленія шли за представленіями, а Царская Фамилія отсутствовала. Наконецъ, когда назначена была опера Фаворитка, въ которой я пѣла заглавную партію, управляющій былъ извѣщенъ, что Государь будетъ въ театрѣ. Г-нъ Л. поспѣшилъ къ министру съ предложеніемъ замѣнить Фаворитку — Травіатой, но Государь приказалъ ничего не измѣнять.

Въ одномъ изъ антрактовъ Императоръ Александръ II милостиво со мною разговаривалъ.

Въ теченіе зимы былъ данъ концертъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ, съ участіемъ всѣхъ первыхъ артистовъ итальянской оперы и Николая Рубинштейна, который игралъ и аккомпанировалъ. Программа составлялась у г-на Л.; я выбрала „Нину-Перголезе“ и „Колыбельную пѣснь — Глинки“. Всѣ артисты имѣли два номера, но мнѣ г. Л. объявилъ, что я буду пѣть одинъ разъ; я оставила Колыбельную пѣснь Глинки. Императрицѣ такъ понравилась эта вещь, что она приказала ее повторить. Послѣ второго раза, къ величайшей моей радости, Государыня встала съ своего мѣста, подошла ко мнѣ и долго милостиво разговаривала и кончила разговоръ слѣдующими словами:

„Спойте еще разъ колыбельную пѣснь“.

Досадѣ пѣвцовъ не было границъ. Какъ теперь вижу сконфуженное, озлобленное лицо г-на Л.

По окончаніи сезона контрактъ мой былъ возобновленъ на тѣхъ же условіяхъ на три года.

Въ концѣ зимы пріѣхалъ въ Москву Верди. Онъ провелъ всю зиму въ Петербургѣ, гдѣ ставилась его опера „Сила Судьбы (La forza del destino“). Сопрано Лагруа должна была пѣть главную роль. Тяжкія головныя боли помѣшали ей выступить въ этой оперѣ, и было рѣшено прекратить репетиціи, отложить первое представленіе до слѣдующей зимы. Верди воспользовался временемъ и пріѣхалъ въ Москву. Въ честь его дали Трубадура; послѣ моего разсказа „il racconto“ публика настойчиво его вызывала; онъ вышелъ, держа меня за руку.

Однако злоба г-на Л. не унималась. Для моего бенефиса въ слѣдующій сезонъ я выбрала „Пророка“. Тутъ репетиціямъ не было конца; Панкани чудный теноръ наканунѣ спектакля простудился и просилъ отложить первое представленіе на три дня, но г-нъ Л. не согласился на это и передалъ роль нѣмецкому тенору, пѣвшему тогда въ русской оперѣ Шмидту, согласившемуся пѣть безъ репетиціи по-нѣмецки. Онъ былъ недурный пѣвецъ, но не популярный, и сборъ былъ не полный. Расходы оказазались громадными. Однѣхъ губокъ для симуляціи пожара, въ послѣдней картинѣ, будто бы пошло на 40 руб. Черезъ три дня Панкани уже пѣлъ свою партію; Пророкъ былъ поставленъ много разъ подъ рядъ; въ огорченіи и убыткѣ осталась только я.

Во все время моей службы самымъ ярымъ моимъ противникомъ былъ Н. Г. Рубинштейнъ. Забывъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ

онъ былъ принятъ у насъ какъ другъ, что мы дѣлили съ нимъ и горе, и радость, и транезу, и кошелекъ, пѣли и играли въ его концертахъ, и что первые уроки доставлялъ ему мой мужъ, забывъ все это, онъ болѣе, чѣмъ недружелюбно, относился ко мнѣ. Во время его тяжкой болѣзни мы ходили за нимъ; разъ ночью ему стало такъ плохо, что прислали за мной, и я его не оставляла до того момента, когда опасность миновала; и за все это онъ отплатилъ мнѣ зломъ. Когда его спрашивали, почему онъ такъ поступаетъ, онъ отвѣчалъ: „а такъ, чтобы Онноре не зазнавались“.

По окончаніи моего контракта г-нъ Л. не возобновилъ его, а, услыхавъ пѣвицу въ какомъ-то кафешантанѣ, пригласилъ ее на окладъ 5.000 руб.

И. И. Онноре.

Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ.

(Воспоминанія запаснаго).

Около 10 февраля 1905 г. въ полкъ прибыло укомплектованіе, пришелъ все хорошій и добрый народъ—хохлы изъ южныхъ губерній. Распредѣлили ихъ по-ротно—человѣкъ по сорокъ въ каждую роту, и они очень исправно и старательно начали нести наравнѣ съ прочими солдатами службу и все, помню, горѣли желаніемъ скорѣе увидѣть „бисова японца“, какъ они выражались.

Разъ, помню, въ пятой ротѣ вышелъ довольно занятный случай. Одинъ изъ прибывшихъ хохловъ вечеромъ куда-то исчезъ, но часа черезъ два вдругъ возвращается, идя съ японской стороны съ огромной охапкой гаоляна. Гдѣ взялъ?—спрашиваютъ. Вонъ изъ скирды, что около той деревни, набралъ, указываетъ хохолъ на деревню, занятую японцами.

Оказалось, что онъ еще днемъ позаприметилъ эту скирду и рѣшилъ съ наступленіемъ темноты набрать тамъ гаоляна.

Пошелъ онъ въ эту смѣлую экскурсію со спокойствіемъ невозмутимымъ,—даже и винтовку въ окопѣ оставилъ, потому—неспособно съ винтовкой нести большую охапку гаоляна. Подошелъ къ самой деревнѣ на столько близко, что слышалъ, какъ народъ около фанзы „гуторитъ“, да только не по-нашему; набралъ сколько нужно гаоляна и также благополучно вернулся съ огромной охапкой въ окопъ.

Что это—безпредѣльная ли храбрость, или что другое—рѣшить не могу.

Числа около 10 февраля полкъ былъ на отдыхѣ въ Чжантани. Получилось извѣстіе, что на-дняхъ снова пойдемъ на штурмъ

тѣхъ деревенъ, которыя были противъ насъ, дабы содѣйствовать успѣху предполагаемой вторичной атаки на Сандепу, которая должна будетъ начаться послѣ основательной подготовки артиллерійскимъ огнемъ.

Къ этой атакѣ мы давно уже на всякій случай готовились, и наши инженеры даже заставляли насъ сдѣлать какіе-то особые снаряды, которые должны были по ихъ предположеніямъ облегчить намъ подступы къ непріятелю и уменьшить наши потери.

Много тутъ было придумано по истинѣ остроумныхъ вещей, но перломъ инженернаго творчества была какая-то широкая колесница на двухъ низенькихъ массивныхъ каткахъ, которую солдаты назвали каракатицей. На каткахъ была прилажена связанная изъ кольевъ рама. На раму эту предполагалось наложить огромный стогъ гаоляновой соломы—пудовъ этакъ 20 приблизительно, ставъ за которымъ нѣсколько солдатъ, взявшись за придѣланныя къ колесницѣ оглобли, должны были пихать эту „каракатицу“ по гаоляновымъ грядкамъ, вѣроятно для того, чтобы она привлекла на себя артиллерійскій огонь противника, который быстро бы уничтожилъ людей, потѣвшихъ надъ тѣмъ, чтобы сдвинуть эту махину съ мѣста.

Надо думать, что это пугало застряло бы на первой же гаоляновой градкѣ и пришлось бы впрягать въ него быковъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста, конечно предварительно попросивъ японцевъ о томъ, чтобы они повременили стрѣлять.

Предполагалось также съ помощью этого остроумнаго снаряда взбираться на стѣнки и на крыши фанзъ, для чего къ оглоблямъ были придѣланы поперечены. Думали, что когда этотъ возъ подвезутъ къ стѣнкамъ и выпрягутъ изъ него быковъ да разгрузятъ солому, то будетъ стоить только—приподнять оглобли, и получится готовая лѣстница, по которой валяй хоть на стѣну, хоть на крышу.

Вообще проектъ дышалъ остроуміемъ, практичностью и полнымъ знакомствомъ съ боевой обстановкой. Но осуществлять это остроуміе приходилось конечно войскамъ, которыя всегда очень не охотно дѣлали работу, подобную толченію воды въ ступѣ.

Появились у насъ и ручныя гранаты, которыхъ мы раньше не знали и въ атаку съ ними не хаживали и которыя теперь мы должны были научиться метать въ японскіе фанзы и заборы. Этому насъ начали обучать, и помню дорого на первыхъ же порахъ намъ стоило это обученіе: въ присутствіи инженера-инструктора было однажды ранено около двадцати человѣкъ въ одномъ изъ полковъ такой гранаткой. Но что дѣлать: гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, такъ гласитъ народная мудрость, и этотъ печальный случай,

конечно, могъ бы имѣть мѣсто вездѣ и всюду при подобныхъ обстоятельствахъ.

Занимаясь проведеніемъ въ жизнь инженернаго остроумія, мы не забыли и Бога. Приказано было всюду отслужить молебны. Пріѣхалъ для этого очень чиновный священникъ. Свободные отъ службы полки, въ томъ числѣ и нашъ, собрались на площадь—за деревней и построились въ ожиданіи прибытія начальства.

Помню, я замѣтилъ, что во всѣхъ пришедшихъ на молебенъ частяхъ не было знаменъ, и лишь только наше знамя блистало своимъ золотымъ крестомъ, отражавшимъ, хотя и холодные, но яркіе лучи здѣшняго февральскаго солнца.

Долго ждали; по обыкновенію нѣсколько разъ передвигались съ мѣста на мѣсто, равняясь и въ затылокъ и по фронту, словомъ, продѣлывали всѣмъ извѣстную канитель, каковую принято продѣлывать во всѣхъ частяхъ нашей арміи, въ томъ случаѣ, если ожидается прибытіе высшаго начальства.

Наконецъ начальство появилось, а вмѣстѣ съ нимъ также прибылъ и священникъ—человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень хорошо упитанный и съ необычайно важной физіономіей и съ пухлыми и бѣлыми, какъ у семипудовой купчихи, руками.

Самодовольство и сознаніе своего превосходства и той высоты, на которую онъ былъ вознесенъ волею судебъ, такъ и свѣтилось на его жирномъ, выхоленномъ лицѣ и въ маленькихъ, но острыхъ и умныхъ глазахъ.

Помню, онъ съ мѣста же сдѣлалъ строгій и внушительный выговоръ нашему батюшкѣ за то, что аналой не былъ поставленъ своевременно. Послѣ этого къ нему подошелъ подъ благословенье священникъ другого полка — еще молодой человѣкъ, незадолго передъ этимъ прибывшій въ армію и не успѣвшій еще представиться своему высшему начальству.

Священникъ подошелъ робко и конфузливо, но его сейчасъ же оборвалъ рѣзкій начальническій голосъ, который грубо произнесъ: „здѣсь мнѣ не принято представляться, для этого у меня есть квартира и въ ней соотвѣтствующая комната“.

Молодой священникъ былъ окончательно убитъ и сконфуженъ; онъ чуть не плакалъ отъ огорченія и отъ ничѣмъ не заслуженной имъ черствости и грубости.

Но этимъ еще не кончилось истязаніе и издѣвательство надъ нашими бѣдными батюшками. Этотъ „Скалозубъ“ въ священнической рясѣ приказалъ нашимъ двумъ батюшкамъ держать икону на рукахъ въ теченіе всего времени, пока онъ говорилъ намъ рѣчь и служилъ молебенъ, подавая возгласы тихимъ, нѣжнымъ, какъ бы уми-

рающимъ голосомъ, которому онъ старался придать ангельскую кротость и сладость.

Окончивъ всѣ распоряженія, учинивъ разносы и поставивъ нашихъ батюшекъ „подъ икону“, генералъ-священникъ началъ облачаться. Появилась кованая золотая риза, митра съ камнями и прочее облаченіе, которое такъ красиво и тепло горѣло на солнцѣ. Что бы тамъ ни писали и ни говорили наши современные „мудрецы“, которые только, кажется, только и дѣлаютъ, что все отрицаютъ, но ничего въ своихъ жалкихъ потугахъ не даютъ голодной душѣ человѣка, но даже и обрядъ, даже эти играющія на солнцѣ золотомъ и каменьями ризы и митры—говорятъ душѣ гораздо больше и сильнѣе, чѣмъ ихъ холодныя слова холоднаго разсудка.

Священникъ, вздохнувъ и стараясь придать своему лицу выраженіе неземной кротости и смиренія, которое все же никакъ не могло начертаться на его жирномъ и выхоленномъ лицѣ, громко произнесъ: „возлюбленные братіе“. И послѣ этого полились потоки краснорѣчія.

И чего тутъ только не было; говорилось и о долгѣ и о животѣ, долженствующемъ лечь на престолъ отечества, и о дорогомъ и любезномъ каждому русскому сердцу отечествѣ, которое выпустило своихъ птенцовъ на бой съ коварнымъ врагомъ и изъ далека слѣдитъ за каждымъ изъ этихъ птенцовъ,—и о стыдѣ и о позорѣ, если эти птенцы не одержатъ побѣды;—и много, много красивыхъ и всѣмъ извѣстныхъ фразъ.

„Птенцы“, одѣтые въ валенки и дырявыя шинели, стояли и довольно безучастно слушали этотъ каскадъ краснорѣчія. Большинство хмыкало на морозѣ носами, не понимая и не отдавая себѣ отчета—о чемъ это говорятъ, и думая въ это время „о порцёяхъ говьядины“ и о горячихъ щахъ. Тѣ же, которые были поумнѣе и поразвитѣе, накленли на свои физіономіи загадочныя улыбочки, которыми ясно говорили: „а все же, батька, что бы ты тамъ ни говорилъ, а своего жирнаго живота на престолъ отечества не положишь; да и какая мы для тебя „возлюбленная братья“; братьевъ тутъ твоихъ нѣтъ, любить тебѣ насъ не за что, а душа наша для тебя—потемки“.

Эта рѣчь была закончена довольно неумѣстнымъ со стороны духовнаго лица возгласомъ: „да погибнутъ японцы“. И тутъ же ораторъ хотѣлъ крикнуть „ура“, но, вспомнивъ, что въ облаченіи этого воинственнаго междометія выкрикивать не подобаетъ, сказалъ: „аминь“.

Вся эта рѣчь, полная напускного паѳоса, била по слуху какимъ-то диссонансомъ, потому что въ ней не чувствовалось того святого

огонька, который теплится всегда въ простомъ и чистомъ человѣческомъ сердцѣ,—въ простой его душѣ.

Здѣсь не было этой простоты, и лучше было бы не говорить намъ никакихъ рѣчей, потому что и безъ нихъ мы отлично понимали то, что мы должны дѣлать и къ какой важной минутѣ готовимся. Здѣсь не надо было быть образованнымъ и тонко развитымъ человѣкомъ, чтобы сознать и оцѣнить всецѣло важность и святость этой минуты, да и чувство долга было сильно у насъ. Мы нуждались только лишь въ теплomъ задушевномъ словѣ, которое согрѣло бы наши души, и ждали его услышать, но мы не услышали его, понявъ съ самаго начала рѣчи то, что мы не услышимъ его и въ концѣ таковой.

Но вотъ, когда кончился молебенъ, и когда Пречистый Ликъ Владычицы, несомый священниками, плавно заколыхался между рядами, тогда все преобразилось. Истинная, чистая и немудрая молитва понеслась къ сердцу Той, Которая только и могла утолить всѣ наши горести и печали, къ сердцу Той, Которая тамъ,—въ безконечности временъ и пространствъ,—тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія, и гдѣ жизнь безконечная, полная неизъяснимой радости святой и чистой любви,—тамъ Она Чистая, Святая и Непорочная скорбитъ о нашихъ слезахъ и молится тепло и свято за своихъ поистинѣ возлюбленныхъ птенцовъ, которымъ только Она—Заступница можетъ протянуть свою благословляющую десницу и успокоить изстрадавшееся сердце человѣческое своей святою и чистою материнскою любовью.

Многіе солдаты и офицеры, стоя на колѣняхъ, плакали, стараясь хоть слегка коснуться до Святыни, но всѣ этого не могли сдѣлать: слишкомъ быстро обносили по рядамъ нашу дорогую Гостью,—нашу Мать, къ Лику Которой жадно тянулись наши уста.

Я помню, какъ, по описанію Толстого, приносили въ армію икону Богоматери наканунѣ Бородинскаго сраженія. Какой восторгъ былъ тогда среди солдатъ, какъ они рыдали, проходя, сгибаясь подъ Пречистымъ образомъ. Здѣсь тоже былъ канунъ сраженія; каждый обрекалъ себя на смерть, потому что зналъ, что прійдется штурмовать и волчьи ямы и засѣки и проволочныя сѣти, а извѣстно, во что обходится штурмъ этихъ препятствій, разставленныхъ подъ самымъ носомъ непріятеля. И вотъ теперь, когда близокъ былъ смертный часъ, каждому такъ хотѣлось излить свое сердце въ молитвѣ и просить Заступницу поддержки во всѣхъ трудахъ, горестяхъ и печаляхъ.

„Заступница, помоги, Царица Небесная, Мать Пресвятая Богородица“, взывали солдаты, стоя на колѣняхъ и съ полными слезъ глазами. Я помню, какъ плакалъ нашъ баталіонный, и слезы катились

по его всклокоченной бородѣ. Бѣдняга,—у него тоже была семья и онъ тоже готовился къ этому кровавому бою, жертвуя всѣмъ ради долга солдата.

Быстро пронесли икону по рядамъ, и послѣ этого вдругъ снова каждаго изъ насъ охватила атмосфера обыденности.

Начались какія-то витіеватыя рѣчи, съ потугами на военное краснорѣчіе; рѣчи, которыя никого не воодушевили и не подбодрили и лучше было бы не говорить ихъ вовсе, потому что, благодаря имъ, какъ-то сразу отлетѣлъ изъ сердца тотъ порывъ, которымъ оно жило въ немногія, но святыя минуты мольбы.

Всѣ мы снова „вернулись на землю“, снова стали „птенцами“, помышлявшими „о порцéяхъ, о говьядинѣ“ или иронизирующими надъ свободно болтающимися „ораторскими“ языками, которымъ невозбранно говорить и актерствовать на всякіе лады и манеры.

На другой день полкъ нашъ вечеромъ пошелъ въ окопы на зарѣчную сторону, въ виду того, что насъ предполагали бросить въ атаку на впереди расположенныя деревни, и намъ было отдано соотвѣтствующее приказаніе, въ которомъ было указано, что предварительно атака будетъ подготовлена продолжительной бомбардировкой изъ осадныхъ орудій; было также указано о томъ, чтобы отнюдь не начинать атаки впредь до подачи условленнаго сигнала. У насъ были уже распредѣлены и назначены роты и каждой изъ нихъ—ея образъ дѣйствій. По сигналу находящіяся въ передовыхъ окопахъ 1 и 5 роты должны были быстро выбѣжать впередъ, развернуться, пользуясь укрытіемъ своей засѣки, и слѣдовать на штурмъ; за ними въ нѣсколько линій должны были идти прочія роты полка развернутымъ фронтомъ и съ разомкнутыми рядами.

Съ утра, по обыкновенію началась ружейная перестрѣлка. Часовъ въ 10, гдѣ-то далеко въ тылу поднялся нашъ воздушный шаръ, а часовъ въ одиннадцать глухо раскатился первый могучій выстрѣлъ изъ осадной пушки съ нашей стороны, и по прошествіи полъ-минуты взорвалась первая брошенная въ Сандепу тяжелая бомба и послала о себѣ вѣсть глухимъ, раскатистымъ, какъ эхо, отдаленнымъ разрывомъ.

Послѣ этого началась канонада. „Пу-у!“, ударяя какъ бы въ огромный турецкій барабанъ, рявкала пушка, и черезъ полъ-минуты снова слышалось тихое и раскатистое „Пу-у-у!“ отъ лопнувшей въ Сандепу бомбы. Потомъ снова: „Пу-у!“ и отвѣтъ на него „Пу-у-у!“

Такъ въ теченіе часа палили эти горластыя пушки, бросивъ въ Сандепу не менѣе ста бомбъ, и послѣ этого канонада вдругъ смолкла.

Всѣ мы сидѣли въ окопахъ молча. Лица солдатъ были сосредо-

точены; каждый сознавалъ, что близка торжественная минута, и близка быть можетъ смерть. Разговоры смолкли, и помню только, одинъ какой-то молодой солдатъ замѣтилъ: „тоже и ему подъ такой боньбой сидѣть не очень-то, поди, скусно; сколько тамъ теперь народу покалѣчило, поди и не счесть“, но сейчасъ же какой-то скептикъ, покуривая трубочку и сплюнувъ на сторону, флегматично вставилъ: „по-моему, такъ что, зря палятъ“, и видя, что замѣчаніе это вызвало недоумѣніе, помолчавъ, добавилъ: „теперь японецъ въ блиндажахъ схоронился, его тамъ никакой боньбой не ушибешь; а проволока какъ была, такъ и осталась,—нешто боньбой ты ее перешибешь. Или „къ примѣру“ засѣка: сколь хошь по ней пали, а пойдешь на штурмъ—такъ все равно въ ней какъ „муха въ паутинѣ“ запутаешься“.

Это возраженіе не вызвало за собой никакихъ споровъ и дебатовъ, и всѣ снова угрюмо замолчали.

Къ полдню канонада утихла и не возобновлялась. Всѣ ожидали ея продолженія, но пушки молчали, и по-прежнему слышна была только рѣдкая ружейная перестрѣлка, да пѣли на разные голоса пули.

Такъ до самаго вечера канонада не возобновлялась, и на слѣдующій день снова то же молчаніе.

Прошелъ откуда-то слухъ, что штурмъ отложенъ по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ; поговаривали, что уже начали отвозить назадъ нашу осадную артиллерію, какъ бы боясь, чтобы она не досталась въ руки японцевъ. Словомъ, было много слуховъ, и въ воздухѣ въ общемъ пахло чѣмъ-то тревожнымъ; говорили, что штурма и вовсе не будетъ,—что японцы уже начали обходъ нашего праваго фланга, и что когда они окончательно обойдутъ, то пойдутъ на штурмъ и съ фронта, а намъ по обыкновенію прикажутъ отступать подъ ихъ напоромъ.

Всѣ эти слухи нервировали людей и настраивали мысли на минорный тонъ.

Насъ смѣнили своевременно и, давъ отдохнуть день, снова послали на южныя стѣнки, гдѣ мы и простояли почему-то четверо сутокъ безсмѣнно.

Вечеромъ 14 февраля было приказано усилить роту въ Безымянной еще одной ротой. Причина этого распоряженія была намъ не извѣстна. Поговаривали всѣ, что ожидаютъ штурма непріятеля. Помню, этой ротѣ было приказано идти въ Безымянную днемъ съ тѣмъ, должно быть, чтобы японцы могли пересчитать съ буквальной точностью—сколько солдатъ прибыло на усиленіе гарнизона въ Безымянной.

Вообще приходилось очень нерѣдко становиться въ тупикъ по поводу тѣхъ приказаній, кои мы получали изъ какихъ-то высшихъ штабовъ, и которыя, конечно, должны были исполняться.

Одновременно съ передвиженіемъ нашей роты въ Безымянную и на зарѣчномъ участкѣ также было приказано произвести какія-то передвиженія изъ окопа въ окопъ, при чемъ приказаніе было особенно подчеркнуто о томъ, что все это необходимо произвести днемъ, дабы непріятель могъ лицезрѣть наши маневры и легко и удобно перечесть число солдатъ, стоящихъ на зарѣчной сторонѣ. Конечно, о послѣднемъ выводѣ въ приказаніи упомянуто не было, но онъ самъ собою напрашивается въ данномъ случаѣ.

Когда все это уже было сдѣлано, настала ночь, которая и прошла довольно спокойно. Японцы сосчитали число солдатъ, которые стоятъ противъ нихъ, и были конечно этимъ очень довольны, а мы, будучи увѣрены, что придумали замѣчательно остроумную штуку для втиранія очковъ нашему непріятелю, тоже пребывали въ самодовольномъ успокоеніи.

Ночью командиръ полка ходилъ въ Безымянную и ничего особеннаго въ ней не нашелъ; всѣ были на своихъ мѣстахъ и несли службу по положенію. На слѣдующій день часовъ въ 10 утра онъ снова пошелъ въ Безымянную, желая поближе разсмотрѣть—не замѣтно ли чего-нибудь со стороны японцевъ.

Прійдя въ деревню, мы вооружились биноклями и начали пристально всматриваться въ районъ непріятельскаго расположенія. Въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ, ведущей съ запада, показалось огромное облако пыли, которое и двигалось довольно быстро на востокъ. Что скрывалось въ этой пыли, положительно невозможно было разсмотрѣть. Можно было предполагать, что это ѣхалъ какой-нибудь начальникъ, сопровождаемый значительнымъ конвоемъ. Вмѣстѣ съ этимъ отлично было видно нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ, которые, пригнувшись и держа ружья на перевѣсъ, перебѣгали отъ закрытія къ закрытію, приближаясь постепенно къ нашему расположенію.

Все это японцы продѣлывали съ необыкновенною ловкостью и подвижностью. Съ быстротой и ловкостью кошекъ они перебѣгали все впередъ и впередъ, при чемъ такъ быстро падали на землю за найденными закрытіями, что можно было думать, что они проваливались сквозь землю.

Такъ какъ за этими солдатами не было замѣчено движенія какихъ бы то ни было войскъ, то и можно было предположить, что это производится рекогносцировка какой-нибудь ничтожной частью—вродѣ нашей охотничьей команды.

Конечно, о всемъ замѣченномъ сейчасъ же было доложено кому слѣдуетъ, и получился приказъ—быть наготовѣ.

Однако все пока было спокойно.

Поздно вечеромъ командира позвали къ начальнику дивизіи. О чемъ былъ тамъ у нихъ разговоръ—намъ, конечно, не было извѣстно, но вотъ часовъ въ 12 ночи привели сюда же въ фанзу плѣннаго японскаго унтеръ-офицера; привели его наши же солдаты изъ Безымянной.

Это былъ худощавый, средняго роста, молодой человѣкъ. Войдя въ прихожую фанзы и видя, что она наполнена солдатами, онъ взялъ подъ козырекъ и сдѣлалъ всѣмъ общій вѣжливый поклонъ, при чемъ физіономія его нисколько не выражала какого-либо заискиванія ради страха. Просто, была видна въ этомъ поклонѣ извѣстная воинская деликатность и вѣжливость, къ которымъ видимо онъ уже въ достаточной степени привыкъ.

Исполнивъ этотъ долгъ вѣжливости, японецъ сталъ серьезенъ и окруженный конвойными терпѣливо началъ ждать, когда его позовутъ. Ни въ какіе разговоры съ нашими солдатами онъ не вступалъ, охотно позволяя разсматривать желающимъ свою одежду и аммуницію, онъ не отвѣчалъ на вопросы и на всякія къ нему обращенія отрицательно трясъ головой, давая этимъ понять, что не понимаетъ русскаго языка.

Одѣтъ онъ былъ въ сравненіи съ нашими солдатами очень хорошо, практично и молодцевато. На сколько нашъ солдатъ былъ неуклюжъ и мѣшковатъ въ своей зимней одеждѣ, на столько этотъ представитель непріятельской арміи сохранилъ и въ зимнемъ костюмѣ бравый воинскій видъ, соединенный съ ловкостью и подвижностью.

Вы представьте себѣ зимній костюмъ нашего солдата, и тогда сами убѣдитесь, въ какихъ чучелъ мы съумѣли превратить нашихъ русскихъ молодцовъ, которые по физическому развитію и красотѣ чертъ лица, конечно, стоятъ значительно впереди японцевъ.

Вотъ вамъ фигура нашего солдата въ зимней одеждѣ: на головѣ огромная папаха, которая у многихъ снаружи обшита сѣрымъ сукномъ, благодаря чему она сильно напоминаетъ собою или киргизскій малахай, или же рваный треухъ какого-нибудь „золоторотца“, или балаганнаго дѣда. Далѣе, какъ извѣстно,—полушубокъ „интендантскаго образца“ кое-какъ сшитый и расползающійся по швамъ и ничѣмъ другимъ кромѣ какъ прокислой вонью, не замѣчательный. На этотъ полушубокъ солдатъ съ большими потугами долженъ во что бы то ни стало напялить свою шинель, которая и въ сорока градусный зной и въ сорока градусный морозъ у солдата все одна и та же.

Напяливши шинель и очень нерѣдко только при помощи товарищей, солдатъ, конечно, пробуетъ свободно согнуть руки и не можетъ, потому что ему съ большимъ трудомъ удалось надвинуть рукава шинели на рукава полушубка.

На ногахъ у солдата огромныя, обшитыя кожей валенки, подъ которыми на ногу напутана такъ называемая теплая портянка, представляющая собою полъ-аршина сѣраго шинельнаго сукна.

Такъ какъ въ однихъ штанахъ, да при томъ еще сшитыхъ изъ интендантскаго сукна, солдату холодно, то придумали снадбить его еще теплыми, ватными китайскими штанами, которые очень многіе носятъ поверхъ валенокъ.

Можете себѣ представить—что это за балаганная получается фигура, передвигающаяся на какихъ-то неуклюжихъ тумбахъ вмѣсто ногъ; а вѣдь эту фигуру заставляютъ не только отмахивать по пятидесяти верстъ въ сутки, но и бѣгать при помощи несгибающихся „тумбъ“, а также и стрѣлять и колоть при помощи рукъ, которыя съ трудомъ только сгибаются.

Но это еще не все: по ночамъ въ окопахъ очень холодно; понадобились одѣяла; и вотъ всю армію приходится снабжать этими одѣялами. Но вѣдь одѣяла никто за солдатомъ возить не будетъ; приходится его носить. И вотъ надѣвается это одѣяло сложенное въ нѣсколько разъ на шею, и получается нѣчто вродѣ воротника. Въ довершеніе всего, поверхъ папахи надѣвается еще башлыкъ, затѣмъ черезъ плечо—мѣшокъ, почти такого же чертежа и вида, съ которымъ нищіе ходятъ и собираютъ кусочки хлѣба, или разные отбросы. И вотъ передъ вами русскій богатырь, запрятанный въ такіе, съ толкомъ придуманные „доспѣхи“, которые преобразили его въ балаганное чучело, выставленное на посмѣшище толпы.

Какъ не поблагодарить послѣ этого тѣхъ людей, которые, послѣ упорной мозговой работы и тяжкихъ думъ, придумали для солдата столь удобный во всѣхъ отношеніяхъ костюмъ.

Не стану описывать японскаго зимняго костюма; каждый бывшій на войнѣ достаточно хорошо ознакомленъ съ японскимъ обмундированіемъ, съ добротностью и прочностью матеріала, изъ котораго оно было сшито,—съ удобствомъ и цѣлесообразностью его пригонки, благодаря чему японскій солдатъ и зимой нисколько не утрачиваетъ присущей ему ловкости и подвижности; въ силу этого, а также и удобно пригнанному снаряженію, онъ и зимой бравый солдатъ и воинъ.

Солдаты, приведшіе плѣнника, говорили, что три японца подходили почти къ самой Безымянной. Богъ ихъ знаетъ:—то ли они заблудились, или же это были отважные развѣдчики, которымъ

удалось пройти незамѣченными черезъ нашу цѣпь, но только они, увидѣвъ нашихъ солдатъ, постарались дать тягу, при чемъ двоимъ и удалось сбѣжать (гдѣ же его поймать, онъ какъ кошка прытокъ, а тутъ въ такихъ обуткахъ развѣ догонишь его, говорилъ конвойный солдатъ), а вотъ этого двинули прикладомъ по шеѣ; онъ упалъ, тутъ его и сцапали.

Черезъ полчаса плѣннаго позвали къ начальнику дивизіи, а мы начали смотрѣть въ щелку—что будетъ. Онъ вошелъ безъ всякаго смущенія, съ достоинствомъ отдалъ всѣмъ честь, и послѣ этого его подвели къ столу, за которымъ сидѣлъ начальникъ штаба. Тутъ они долго разговаривали по печатному „переводчику“, при чемъ японецъ давалъ свои отвѣты письменно.

О чемъ его спрашивали, не знаю, видѣлъ только, что когда его отпустили, то передъ уходомъ онъ снова сдѣлалъ всѣмъ вѣжливый поклонъ.

Послѣ этого командиръ ушелъ отъ начальника дивизіи, получивъ напоминаніе о томъ, чтобы всюду была бы полная бдительность и осторожность.

По всему было видно, что чего-то ожидали, но чего—про это не считали нужнымъ говорить.

Часа въ 4 ночи вдругъ впереди загрохотала перестрѣлка; сначала по обыкновенію послышались одиночные выстрѣлы, потомъ все чаще, и наконецъ полилась непрерывная барабанная дробь. Подобное явленіе бывало почти каждую ночь, благодаря дѣятельности нашихъ охотничьихъ командъ, которыя съ наступленіемъ темноты отправлялись изъ Чжантани на „поимки языка“ подъ общимъ руководствомъ высокаго и молодцеватаго штабсъ-капитана П.

Но какъ ни старался молодцеватый штабсъ-капитанъ добыть японскій „языкъ“, ему это никакъ не удавалось.

Онъ всегда очень торжественно снаряжался въ эти экскурсіи: одѣвалась за плечо большая винтовка со штыкомъ, за поясъ закладывался огромный кинжалъ, въ кабуръ вкладывался конечно револьверъ; на голову надѣвалась огромная папаха для увеличенія и безъ того внушительнаго роста нашего отважнаго искателя приключеній, или „охотника за черепами“, какъ его называли офицеры. Послѣ этого облаченія, „охотникъ за черепами“, во главѣ своихъ молодцовъ, важно шелъ по улицамъ Чжантани и всѣмъ любопытствующимъ по поводу этого шествія коротко, но внушительно отвѣчалъ: „идемъ на развѣдку“; и въ этомъ отвѣтѣ слышалось, что вотъ, молъ, вы-то здѣсь будете сидѣть да посиживать, а вотъ я-то—сами видите—иду туда, гдѣ никто изъ васъ не бывалъ и никто пойти не отважится.

Солдаты скоро узнали и оцѣнили своего предводителя, и не рѣдко приходилось слышать не лишенные юмора разсказы по поводу этихъ ночныхъ экскурсій. Они говорили, что штабсъ-капитанъ имѣлъ обыкновеніе доводить ихъ только до линіи нашихъ окоповъ и здѣсь почему-то застревалъ, никому не говоря про это, и дальнѣйшее веденіе дѣла переходило неизвѣстно кому. Утромъ начальству, конечно, докладывалось о томъ, какъ онъ, лично руководя дѣломъ, окружилъ японскую заставу, и какъ оставалось только взять окруженныхъ враговъ, но тутъ-то благодаря оплошности его помощниковъ—подпоручиковъ П. и Т., японцамъ удалось выскользнуть изъ его хитро задуманной ловушки.

Начальство выражало храбрецу свою благодарность съ надеждой на то, что въ будущемъ ему удастся исправить эту оплошность, а подпоручикамъ П. и Т., конечно, влетало за то, что они мерзли по цѣлымъ ночамъ и, не имѣя права дѣйствовать по собственной иниціативѣ и не получая къ тому же никакихъ указаній и приказаній отъ провалившагося сквозь землю отважнаго охотника за черепами, принуждены были ограничиваться ни къ чему не ведущей ночной перестрѣлкой, которая въ началѣ безпокоила наши войска, а потомъ къ этому привыкли и махнули на это дѣло рукой.

Между прочимъ—кому же не лучше знать своего офицера, какъ тѣмъ солдатамъ, которыми этотъ офицеръ командуетъ. Всѣ охотники въ одинъ голосъ хвалили молодцовъ подпоручиковъ, говорили, что съ ними хоть на баталіонъ чертей идти не страшно, но надъ своимъ главнымъ руководителемъ частенько подтрунивали, говоря, что „втирать очки начальству онъ оченно хорошо умѣетъ“.

Такъ вотъ и теперь загрохотала такая же перестрѣлка и хотя, какъ было уже сказано, къ явленію этому привыкли, но сегодня почему-то командиръ отнесся къ этому очень подозрительно и приказалъ полку стать въ ружье и ротамъ занять ихъ боевые участки. Солдаты относились къ этому съ недоумѣніемъ, и многимъ была, конечно, непріятна подобная ночная тревога. Офицеры также относились къ этому подозрительно, но приходилось исполнять приказаніе.

Перестрѣлка мало по малу утихла; начало уже свѣтать, а мы все стояли на своихъ мѣстахъ, потому что не было приказано уходить. Офицеры зашли погрѣться у костра въ полуразвалившуюся фанзу и, сидя у огонька, тихо о чемъ-то бесѣдовали. Совсѣмъ разсвѣло. Вдругъ надъ крышей фанзы быстро пронеслась какъ бы огромная стая воробьевъ, но привычное ухо сейчасъ же различило—какіе это „воробьи“.

„Шимоза!"—тихо сказалъ кто-то изъ офицеровъ, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ послышался сильный взрывъ и визгъ разлетающихся осколковъ.

— Началось, говорили офицеры, спѣша каждый на свое мѣсто. Командиръ полка остался у этой же фанзы, которая была въ центрѣ полкового участка. Люди закопошились на своихъ мѣстахъ; каждый поудобнѣе постарался приспособиться; многіе крестились, молясь уже въ послѣдній разъ здѣсь—на этой скучной и облитой человѣческой кровью землѣ.

Непріятель не сталъ медлить и началъ насъ забрасывать шимозами и шрапнелями, посылая ихъ къ намъ изъ своихъ невидимыхъ для насъ батарей, сооруженныхъ гдѣ-то къ югу отъ Безымянной.

Началась всѣмъ намъ извѣстная какофонія сильной артиллерійской канонады; не были знакомы съ нею только тѣ изъ солдатъ, которые на этихъ дняхъ прибыли на пополненіе полка, но они старались бодриться и не ударить себя лицомъ въ грязь среди своихъ товарищей.

Не далѣе какъ вчера вечеромъ въ полкъ прибыла еще партія солдатъ около двухсотъ пятидесяти человѣкъ; ихъ еще не успѣли распредѣлить по ротамъ, и они теперь сидѣли во дворѣ одной изъ фанзъ, прячась за стѣнками.

Непріятель по обыкновенію обстрѣливалъ насъ, бросая свои снаряды группами—по всѣмъ пунктамъ нашего расположенія. Нѣкоторые изъ снарядовъ попадали въ стѣнки, обрушивали ихъ и убивали и ранили находящихся за ними людей. Бросая свои снаряды по стѣнкамъ, непріятель не забывалъ и самой деревни Чжантань, и тамъ безпрестанно слышались могучіе раскаты отъ взрывовъ шимозъ и шрапнели. Столбы бураго дыма, пыль, поднимаемая на воздухъ взрывами, дымки шрапнели, визгъ и стонъ разлетающихся осколковъ—все это нагрянуло какъ-то сразу и напомнило людямъ о томъ, что снова настали важныя минуты въ ихъ жизни.

По Безымянной японцы сначала не открывали жестокаго огня, а такъ только бросали туда изрѣдка снаряды, какъ бы напоминая ротамъ, занимающимъ эту деревню, о томъ, что до нихъ еще очередь не дошла.

Стремленіемъ японцемъ очевидно было нанести вредъ нашей пѣхотѣ и найти нашу артиллерію, которая начала отвѣчать непріятелю.

Я помню, видѣлъ фигуру какого-то браваго артиллериста, который, стоя на своемъ наблюдательномъ пунктѣ, лихо и громко подавалъ соотвѣтствующія команды, при чемъ морозный утренній воздухъ далеко разносилъ его громкій командирскій голосъ.

Видно было намъ, какъ артиллеристы подносили на свои батареи снаряды, пробираясь за стѣнками. Японцамъ они также были видны, потому что очень часто на пути ихъ осыпали шрапнелями, но артиллеристы, какъ бы не обращая на это вниманія, продолжали не спѣша переносить свои тяжелыя ноши.

Наконецъ непріятель началъ обращать болѣе серьезное вниманіе на Безымянную, и его снаряды все чаще и чаще рвались въ этой деревнѣ; въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что вся Безымянная исчезла въ облакѣ буроватаго дыма, въ которомъ часто вспыхивали огоньки разрывающихся шрапнелей. Къ счастію защитниковъ этой деревни—очень многія шрапнели перелетали и рвались уже за ней, осыпая и насъ пулями и осколками. Шрапнели давали въ большинствѣ случаевъ низкіе разрывы; лопнетъ шрапнель на высотѣ трехъ—четырехъ саженъ надъ землею—и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ какъ бы кто ударитъ со всего размаха огромнымъ стосаженнымъ бичемъ по землѣ и земля задымится отъ этого могучаго удара; въ воздухѣ послышится вой и визгъ разлетающихся пуль; къ намъ за стѣнки съ глухимъ и сердитымъ ворчаніемъ прилетитъ или трубка, или стаканъ, или огромный осколокъ, который какъ-то тупо и безсмысленно ударитъ обо что-нибудь твердое и, какъ бы ошалѣвъ отъ этого страшнаго и внезапнаго удара, сразу замретъ.

А бѣлое легкое облачко отъ разрыва уже расползается и стелется гонимое вѣтеркомъ и какъ бы старается скорѣе улетѣть далеко—далеко отъ этого мѣста ужаса и смерти.

Временами къ намъ залетали изъ Безымянной и не разорвавшіяся шимозы. Ударится такая штука объ мерзлую землю гдѣ-нибудь вблизи Безымянной и вмѣсто того, чтобы тутъ же и разлетѣться на множество осколковъ, подпрыгнетъ и снова продолжаетъ свой воздушный полетъ, кувыркаясь вокругъ своей поперечной оси и издавая на лету громкое сердитое фурчаніе. Прилетитъ такая штука, стукнется какъ угорѣлая объ стѣнку, или о камень, отскочитъ отъ него, еще какъ бы со слѣпу обо что-нибудь ударится и наконецъ, какъ безумная, упадетъ на землю, повертится, или прокатится въ послѣдней агоніи и окончательно замретъ.

Къ такимъ залетнымъ гостямъ солдаты относились всегда очень подозрительно и, посматривая въ стороны, гдѣ замерла очумѣвшая отъ удара и лежащая въ полномъ безсиліи блестящая шимоза, думали, какъ бы не ожила, да не ахнула проклятая.

Обстрѣливая Безымянную, непріятель конечно и про насъ не забывалъ, отдѣлывая насъ на совѣсть.

Часовъ въ 12 дня начали посвистывать пули. Пѣхота непріятеля видимо подходила, и нужно было готовиться къ штурму. Не скажу,

чтобы всѣ мы ожидали его совершенно спокойно; сердце сильно сжималось въ груди, и нервная дрожь пробѣгала по тѣлу. Офицеры ободряли солдатъ, приказывая не стрѣлять зря, а съ толкомъ, а когда дойдетъ дѣло до штыка, то работать отъ души штыкомъ и прикладомъ.

Дѣйствительно, непріятель началъ свои яростныя атаки на Безымянную. Наши подпускали его на близкое разстояніе и встрѣчали губительными и дружными залпами. Бравый и молодцеватый подпоручикъ О., будучи уже раненъ въ руку, командовалъ совершенно спокойно своей ротой; другой—заурядъ прапорщикъ К., контуженный осколками въ лопатку, также спокойно и съ толкомъ распоряжался своими людьми. Солдаты, видя, что ими распоряжаются молодцы-офицеры, дѣлали свое дѣло на отличку; они подпускали японцевъ на очень близкое разстояніе, потомъ раздавалась громкая и энергичная команда офицеровъ, послѣ которой слышался дружный залпъ, потомъ снова команда и снова залпъ. Видно было, какъ ряды японцевъ послѣ каждаго залпа рѣдѣли и рѣдѣли, но это ихъ нисколько не останавливало. Поддерживаемые своей артиллеріей ряды ихъ на подобіе могучихъ волнъ катились съ неудержимымъ порывомъ впередъ, подкатываясь на очень близкое разстояніе, и только ужь отсюда, какъ бы истративъ всю свою энергію, они отхлынивали назадъ, откатываясь на значительное разстояніе, гдѣ снова устроившись и сплотившись, стремились съ тѣмъ же неудержимымъ порывомъ впередъ. Въ воздухѣ стоялъ стонъ отъ тысячей человѣческихъ голосовъ, кричащихъ „банзай“. Эти вопли и стоны покрывались могучими взрывами артиллерійскихъ снарядовъ, свистомъ пуль и осколковъ.

Въ Безымянной было уже болѣе ста человѣкъ, выведенныхъ изъ строя; многіе раненые, не обращая вниманія на текущую изъ ранъ кровь, кое-какъ перевязавшись, возвращались къ своимъ мѣстамъ, хватали нервно свои винтовки и начинали стрѣлять.

Совмѣстно съ нашими ротами отбивали эти атаки и нѣкоторыя роты съ зарѣчной стороны, и онѣ, обстрѣливая японцевъ съ фланга, очень и очень намъ помогли. Скажу прямо: безъ содѣйствія и помощи нашихъ молодецкихъ сосѣдей, намъ бы однимъ было бы не подъ силу справиться со стихійнымъ натискомъ непріятеля, который шелъ нѣсколькими разомкнутыми линіями смѣло и отважно.

Когда была отбита первая атака, то защитники Безымянной вздохнули свободнѣе, но не на долго: японцы, подкрѣпивъ свои передовыя части свѣжими войсками, снова бросились на штурмъ. Вотъ уже ихъ линіи подходятъ совсѣмъ близко, уже видны лица ихъ солдатъ, которые, какъ кошки, прыгаютъ по гаоляновымъ грядкамъ и ломятъ,

ломятъ впередъ, потрясая воздухъ своимъ могучимъ „банзай“ и не обращая вниманія на нашъ огонь. Солдаты говорили потомъ, что нѣкоторые храбрецы подбѣгали шаговъ на пятьдесятъ къ нашимъ, но въ концѣ концовъ эта лавина все же не докатилась до Безымянной и, подчиняясь какой-то стихійной силѣ, снова отхлынула, какъ разбившаяся объ скалу волна, усѣявъ поле своими мертвецами, безмолвными теперь свидѣтелями доблести, силы и отваги.

Подобнымъ образомъ было отбито нѣсколько атакъ, и вотъ среди защитниковъ раздались страшныя слова: „нѣтъ патроновъ!“. Поднести ихъ было невозможно, потому что кто же могъ пройти безнаказанно черезъ эту полосу смерти, которая простиралась между Чжантанью и Безымянной; здѣсь, казалось, не было ни одной точки, которая не поражалась бы снарядами и пулями, и вся эта огромная площадь дымилась отъ непрерывныхъ ударовъ по ней пуль и осколковъ.

„Патроновъ, давай сюда патроновъ!“—кричали въ отчаяніи солдаты, но ихъ не было и помочь горю было невозможно. Многіе люди плакали, не желая покидать своего мѣста, но разсчитывать на силу штыка горсти храбрецовъ, которыхъ изъ двухъ ротъ осталось не болѣе двухсотъ, конечно, было невозможно; что могли они сдѣлать противъ тѣхъ массъ, которыя валились на нихъ такъ стремительно и отважно. Конечно, эти массы, теперь отхлынувшія, пойдутъ снова впередъ, и теперь то уже они навѣрно дойдутъ и раздавятъ своимъ численнымъ превосходствомъ нашу горсть.

Волей неволей, но приходилось отойти въ Чжантань. По одиночкѣ люди начали перебѣгать къ Хун-хэ и прятались въ ея отвѣсныхъ берегахъ. Раненые, которые могли двигаться, также ушли; тяжело же раненыхъ пришлось выносить, хотя нѣкоторыхъ такъ и не могли вынести. Что касается до убитыхъ, то ихъ пришлось оставить на мѣстѣ. Говорю объ этомъ съ прискорбіемъ, но что же можно было въ данномъ случаѣ сдѣлать и какъ тащить раненыхъ, когда непріятель буквально забрасывалъ Безымянную губительнымъ огнемъ, желая хоть имъ, но выгнать насъ во что бы то ни стало.

Ужасная у насъ вообще была страсть въ эту войну занимать непремѣнно передовые пункты съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ все же ихъ бросить. Говорили, что Безымянная была нами занята съ тою цѣлью, чтобы заставить непріятеля преждевременно развернуться и обнаружить свои силы. Но если смотрѣли на этотъ пунктъ именно съ этой точки зрѣнія, то нужно было и укрѣпить его соотвѣтствующимъ образомъ, соорудивъ въ немъ редутъ съ блиндажами и главное—съ крытымъ ходомъ, по которому можно было бы сообщаться съ Чжантанью.

У насъ же въ Безымянной рѣшительно ничего не было сдѣлано для того, чтобы приспособить этотъ пунктъ для весьма упорной обороны. Правда, дня за два до штурма, саперы обратили вниманіе на этотъ вопросъ и повидимому хотѣли приступить къ сооруженіямъ, но ничего, кромѣ ничтожной засѣки и то на небольшомъ протяженіи, не успѣли сдѣлать. Полагаю, что самымъ раціональнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы такое, чтобы Безымянную срыть съ лица земли, воспользовавшись ея древеснымъ матеріаломъ на топливо.

И въ самомъ дѣлѣ: отъ стѣнокъ до Безымянной было не болѣе трехъ четвертей версты, и неужели, находясь за стѣнками, нельзя было съ такимъ же успѣхомъ заставить непріятеля развернуться, съ какимъ это сдѣлали защитники Безымянной. Кромѣ того: защитники этого пункта, находясь въ очень близкомъ разстояніи отъ стѣнокъ, стѣсняли расположенную за ними пѣхоту, которая не могла использовать силы своего огня, имѣя передъ своимъ фронтомъ своихъ же.

Въ общемъ занятіе Безымянной было актомъ совершенно безцѣльнымъ и безполезнымъ, приведшимъ въ концѣ концовъ къ потерѣ болѣе чѣмъ сотни людей, которые, проявивъ все свое мужество, ничего не могли сдѣлать и принуждены были отступить. Говорю о всемъ этомъ на основаніи толковъ между офицерами нашего полка, обсуждавшими впослѣдствіи этотъ вопросъ неоднократно.

Защитники Безымянной отошли къ полку по долинѣ рѣки Хун-хэ, что̀ и спасло ихъ отъ еще бо̀льшихъ потерь, которыя они неминуемо бы понесли, если бы отходили прямо назадъ по ровному и открытому полю. Помню лишь только одинъ казакъ, находящійся въ Безымянной для связи, не будучи въ состояніи со своей лошадью спуститься по отвѣснымъ берегамъ рѣки, рѣшился проскакать на прямикъ. Осыпаемый пулями, онъ нещадно билъ своего коня нагайкой, но конь, вѣроятно раненый, какъ-то вяло и несуразно скакалъ по гаоляновымъ грядкамъ. Не припомню уже — удалось ли этому казаку достигнуть Чжантани, или же его нагнала непріятельская пуля.

Когда Безымянная была очищена, то и мы изъ-за стѣнокъ получили свободу дѣйствій.

Японцы, какъ только увидѣли, что наши покидаютъ деревню, такъ снова съ неудержимымъ порывомъ бросились на штурмъ и едва-едва не отрѣзали послѣднихъ отступающихъ защитниковъ.

Видя, что поле наконецъ освободилось отъ нашихъ, мы открыли залповый огонь. Молодецкій полкъ, занимавшій оконы на зарѣчной

сторонѣ, все время поддерживалъ насъ своимъ огнемъ, и оттуда также слышались непрерывные раскаты дружныхъ залповъ.

Теперь непріятель снова перенесъ всю силу своего огня на стѣнки, намѣреваясь очевидно вести дальнѣйшую атаку. Но наши залпы не давали ему возможности утвердиться въ Безымянной, дабы, устроившись тамъ, онъ могъ бы начать атаку на Чжантань. Отлично было видно, какъ линіи непріятельскихъ войскъ, двигаясь одна за другой въ стройномъ порядкѣ, подходя къ Безымянной, не выдерживали огня, отхлынивали назадъ, устраивались и потомъ снова поворачивали и снова шли впередъ. Говорили нѣкоторые, что видѣли, какъ они подгоняли свои войска шрапнелями, осыпая ими нѣкоторыя отступающія части, послѣ чего они быстро поворачивали кругомъ и послушно шли на вѣрную смерть. Что должны были вынести эти несчастные люди; увѣренъ въ томъ, что каждый изъ нихъ въ это время взывалъ къ небу, прося, чтобы оно послало скорѣе смерть и избавило бы человѣка отъ этой невыносимой пытки. Ужасная жестокость, но на войнѣ она возможна.

Такъ нѣсколько разъ японцы поворачивали назадъ, но потомъ все же они ворвались и заняли Безымянную, начавъ осыпать насъ своимъ огнемъ.

Наши артиллеристы, видя, что Безымянная уже въ рукахъ непріятеля, теперь въ свою очередь перенесли туда огонь, и снова деревня затмилась облаками дыма отъ разрывовъ теперь уже нашихъ, а не японскихъ снарядовъ. Артиллерія стрѣляла прекрасно; снаряды ложились мѣтко, и разрывы шрапнели большею частью были низкіе и губительные. Приходилось жалѣть только объ одномъ, что артиллерія наша не имѣла въ своемъ распоряженіи ударнаго снаряда. Будь у насъ наша прежняя граната — можно было ручаться за то, что отъ Безымянной не осталось бы камня на камнѣ, но шрапнель — отличный снарядъ въ смыслѣ разрывного дѣйствія, но для ударнаго и разрушительнаго дѣйствія она слишкомъ слаба. Удивительно—почему наши теоретики пришли къ такому выводу, который заставилъ ихъ отказаться отъ прежде существующаго типа ударнаго снаряда и остановиться только на шрапнели, какъ на снарядѣ якобы вполнѣ универсальномъ. Ошибка эта была сознана нами уже тогда, когда исправить было трудно.

Такъ, благодаря огню нашей пѣхоты и артиллеріи, непріятель не могъ двинуться дальше Безымянной, да и едва-ли онъ былъ въ состояніи держаться тамъ, потому что огонь былъ по-истинѣ ужасный.

Вечеромъ, когда бой уже затихъ, помню, прибѣжалъ изъ Безымянной нашъ солдатъ. Это былъ молодой парень, безусый и добро-

душный. Онъ былъ босъ, несмотря на сильный морозъ, и надо думать—отморозилъ себѣ ноги; валенки же свои снялъ для того, чтобы легче было бѣжать. Онъ трясся отъ страха и со слезами на глазахъ разсказывалъ, что замедлился въ Безымянной около раненаго товарища, котораго хотѣлъ вынести, но не успѣлъ. Японцы, ворвавшись въ деревню, проникли въ фанзы. Его съ товарищемъ посадили около стѣнки и приставили часовыхъ, которые все время пугали его тѣмъ, что отрѣжутъ ему голову и руки. Такъ разсказывалъ этотъ солдатъ, все время судорожно рыдая: — показываютъ на шею и на руки и говорятъ: „кантами малъ-мало“,— рѣзать, значитъ, будутъ. Тутъ, какъ начала палить наша артиллерія, они и замитусились; переполохъ начался между ними, и всѣ они почти изъ деревни ушли, осталась какая-нибудь полурота или взводъ. А насъ все же стерегутъ.

Только случилось такъ, что снарядъ нашъ угодилъ въ эту фанзу и пробилъ большую дыру въ стѣнѣ.

Что тутъ въ фанзѣ было; прямо свѣто-преставленіе; дымъ, пыль — свѣту не видать. Намъ ужь какъ-то и не боязно было. Думаемъ себѣ: Господи, пошли смерть, чтобы только рѣзать не зачали.

Однако ни меня, ни товарища не задѣло.

Подъ вечеръ и говоритъ мнѣ товарищъ: Мирошниченко, мнѣ все одно помирать; идти я не могу, а ты не раненъ, бѣги вонъ въ эту дыру, что гранатой прошибло, я все одно уже тутъ останусь.

Не хотѣлось мнѣ товарища бросать, да онъ ужь больно просить началъ. Когда, говоритъ, въ деревню вернешься—изъ одной деревни мы съ нимъ, — разскажи, говоритъ, отцу съ матерью про меня; а можетъ быть, говоритъ, и меня Богъ помилуетъ; въ полонъ можетъ заберутъ, лѣчить станутъ, а потомъ и домой пустятъ.

Заплакалъ я, да и думаю: инъ быть по-твоему.

Вижу часовой-то сидитъ, да не очень за нами доглядаетъ. Выглянулъ это я въ дыру, смотрю — никого нѣтъ. Снялъ валенки, да и давай Богъ ноги. Такъ вотъ и прибѣгъ, только ноги поморозилъ.

Его отправили въ госпиталь и не знаю, что съ нимъ послѣ этого было.

Часовъ около двухъ дня, японцы видимо начали пытаться охватить насъ съ правой стороны.

Пользуясь тѣмъ, что Безымянная закрывала значительную часть впереди лежащей мѣстности, они подъ прикрытіемъ огня незначительной пѣхотной части, оставленной въ Безымянной, продвинули большую массу войскъ влѣво и отсюда повели атаки.

Командиръ, видя, что опасность начинаетъ угрожать правому флангу, перешелъ туда. Здѣсь взору нашему снова представилась та же картина, которую мы видѣли передъ фронтомъ: тѣ же длинныя цѣпи, тѣ же резервы въ нѣсколько тонкихъ разомкнутыхъ линій, и все это, какъ казалось, въ сравнительномъ порядкѣ двигалось на насъ. Наши палили залпами; японцы падали и все же двигались и двигались впередъ. Видно было, какъ ихъ ловкіе и проворные санитары относили раненыхъ, взваливая ихъ на плечи и пускаясь бѣгомъ съ этой тяжелой ношей, ловко прыгая по гаоляновымъ грядкамъ.

Временами какъ цѣпи, такъ и резервы сразу куда-то пропадали, вѣроятно ложились за закрытіями; временами было видно, какъ одиночные люди, согнувшись чуть не подъ прямымъ угломъ, быстро перебѣгали впередъ отъ закрытія къ закрытію. Видна была какая-то фигура въ длинномъ плащѣ, которая, быстро двигаясь вдоль линіи наступающихъ, махала рукой, въ которой блестѣла на солнцѣ обнаженная шашка. Иногда между японцами наступало какъ бы замѣшательство: нѣкоторые поворачивали назадъ и бѣжали, иные же продолжали двигаться впередъ; все какъ бы перепутывалось и перемѣшивалось на время, но потомъ снова водворялся сравнительный порядокъ, и всѣ эти цѣпи и разомкнутыя линіи опять начинали двигаться впередъ, не рѣшаясь однако перейти извѣстную, какъ бы заранѣе намѣченную черту, обозначенную ничтожными кустиками и тянущуюся вдоль нашего фронта въ полуверстномъ отъ него разстояніи.

Тамъ, за этой чертой, въ бинокль ясно было видно поле, усѣянное неподвижно лежащими въ разныхъ положеніяхъ людьми, между которыми двигались живые люди, то устремляясь порывисто и дружно впередъ, то покорные чувству ужаса, отходящіе назадъ, для того, чтобы, устроившись гдѣ-то за закрытіями, снова броситься почти на вѣрную смерть и снова начать устилать это поле своими трупами.

Всѣ эти атаки сопровождались и поддерживались ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, который вырывалъ у насъ жертву за жертвою.

Но если было тяжело намъ—обороняющимся, то во сколько же разъ было тяжелѣе непріятелю, который съ самаго утра только то и дѣлалъ, что бѣшено атаковалъ наши позиціи, устилая всю впереди лежащую мѣстность множествомъ своихъ мертвецовъ.

Не могу при этомъ не разсказать про смерть нашего храбраго и достойнаго баталіоннаго командира — подполковника Ф., который почти чудомъ вышелъ изъ бѣды, благодаря висящему на груди образу,

20 января во время штурма въ Чжан-тань-Хенани. Бѣдняга почти каждому изъ насъ разсказывалъ про это случившееся съ нимъ чудо, показывая всегда при этомъ сильно помятый пулею образокъ. Онъ очень радовался, что промыселъ Божій сохранилъ его тогда, радуясь, что Богъ за него, и что Онъ сохранитъ его и во всѣ послѣдующіе бои и сраженія. Послѣднее время, впрочемъ, онъ началъ сильно грустить и нерѣдко со слезами на глазахъ говорилъ намъ что чувствуетъ близость своего смертнаго часа.

— Ничего, Ваше Высокоблагородіе, — старались мы его утѣшить;—всѣ подъ Богомъ ходимъ, и что кому суждено, то и будетъ.

— Такъ-то оно такъ, братцы,—отвѣчалъ на это онъ намъ,—но сосетъ меня тоска и чувствую, что долго мнѣ не жить.

И, дѣйствительно, пришелъ его смертный часъ.

Помню часа въ два дня, какъ только мы перешли на правый флангъ, къ командиру полка прибылъ отъ начальника дивизіи ординарецъ и передалъ записку. Командиръ, прочитавъ ее, приказалъ попросить сюда подполковника Ф., и когда послѣдній пришелъ, то они начали о чемъ-то говорить. Я слышалъ, какъ командиръ сказалъ:—думаю, что если мы будемъ теперь ее штурмовать, то положимъ тутъ весь полкъ безъ всякой цѣли и пользы; если уже штурмовать, то ночью, но во всякомъ случаѣ не теперь.

— Думаю, что и ночью брать ее безполезно; все равно за ночь не успѣемъ окопаться и придется опять отступить и, слѣдовательно, безъ всякой пользы жертвовать людьми,—сказалъ Ф.—А впрочемъ, если ужь такова воля начальства, то пойдемъ и умремъ.

Очевидно, дѣло шло объ атакѣ Безымянной, которую начальникъ дивизіи хотѣлъ почему-то, во что бы то ни стало, взять обратно у непріятеля, но къ счастію этого не состоялось, и вѣроятно командиръ полка высказалъ въ отвѣтной запискѣ основательные и вѣскіе доводы противъ этого рискованнаго и безцѣльнаго предпріятія.

Ф. пошелъ было на свое мѣсто, но вдругъ остановился и спросилъ:—а не хотите ли, полковникъ, закусить?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ полковникъ, — давайте закусимъ;только чѣмъ же, кажется, мы ничего съ собой сюда и не взяли.

— А вотъ подождите, я вамъ сейчасъ пришлю, у меня осталась копченая колбаса.

— Да вы сами-то сюда приходите, вмѣстѣ и закусимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—отвѣчалъ Ф.,—я уже пойду на свой участокъ, страшная жарня идетъ, а люди тамъ одни; послѣ васъ уже я и закушу, — сказалъ Ф., уходя на свой участокъ, который былъ въ шагахъ сорока отсюда.

*

Вскорѣ солдатъ принесъ кусокъ копченой, твердой, какъ дерево, колбасы и сухарь и едва отъ этого „ископаемаго лакомства“ было отдѣлено нѣсколько кусочковъ, какъ прибѣгаетъ другой солдатъ и дрожащимъ голосомъ докладываетъ:—„такъ что Ваше Высокоблагородіе, баталіоннаго ранило“.

— Куда?—спросилъ съ тревогой командиръ.

— Промежду глазъ пуля ударила, — докладывалъ испуганный солдатъ.

Вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ другой и печально сообщилъ:—„отходятъ полковникъ—кончаются“.

Сильно это на всѣхъ насъ подѣйствовало. Мы всѣ любили баталіоннаго, и онъ дѣйствительно былъ такой человѣкъ, съ которымъ какъ-то легче было въ бою. Съ солдатами онъ умѣлъ соединять простоту въ обращеніи, доходящую почти до товарищества, вмѣстѣ со строгостію и требовательностію, когда это было нужно. Солдаты всегда любятъ и цѣнятъ такихъ начальниковъ; цѣнятъ они въ нихъ именно эту простоту и неподдѣльность теплаго чувства, за что всегда готовы простить даже и невольную обиду, которую для такихъ людей они въ грѣхъ не ставятъ. Покойникъ именно и былъ тѣмъ типомъ русскаго офицера-начальника, который такъ близокъ и дорогъ русскому солдатскому сердцу.

Типъ этотъ, къ счастію, еще не окончательно умеръ въ рядахъ нашей арміи, но, къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить, что съ поднятіемъ культуры и образованія въ офицерской средѣ типъ этотъ началъ какъ бы исчезать. Я не знаю, конечно, чему приписать это печальное явленіе, но надо думать, что образованіе едва-ли можетъ повліять въ данномъ случаѣ въ худшую сторону, и не слѣдуетъ ли искать отвѣта на этотъ животрепещущій вопросъ въ общей отчужденности нашей интеллигенціи отъ простого народа, — отчужденности, которая конечно невольно передается въ жизнь арміи.

Командиръ долго послѣ этого сидѣлъ и угрюмо молчалъ, куря папиросу за папиросой изъ крѣпкой солдатской махорки, изъ которой нашъ старый штабъ-горнистъ скручивалъ ему огромныя и неуклюжія папироски.

А дѣло было такъ: возвратившись на свое мѣсто, Ф. началъ смотрѣть черезъ стѣнку въ поле и только-что хотѣлъ приложить бинокль къ глазамъ, какъ пуля ударила ему въ лобъ чуть повыше переносья и вышла въ затылокъ. Онъ какъ-то безсильно и грузно навалился на стѣнку и, скользя по ней, началъ медленно осѣдать на землю. Солдаты подхватили его на руки и сначала недоумѣвали—что съ нимъ сдѣлалось, потому что крови нигдѣ не было видно; но вдругъ эта кровь — алая и липкая, начала бить фонтанами изъ

входного и выходного отверстія.—Страсть—сколько крови вышло,—говорили солдаты; — мы ужь и на землю положили, а кровь все фонталомъ—фонталомъ; и откуда только этой крови въ человѣкѣ столько содержится!

Ф. умеръ совершенно спокойно и сразу же, послѣ удара пули, потерялъ сознаніе, не успѣвъ промолвить ни единаго слова.

Черезъ двѣ минуты онъ уже лежалъ на спинѣ рядомъ съ прочими мертвецами. Тѣло прикрыли полотнищемъ палатки, изъ подъ котораго видны были только торчащія къ верху, какъ-то ужь слишкомъ неподвижно ступни ногъ. Жизнь отлетѣла, и тайна перехода въ вѣчность такъ и осталась глубокой неразгаданной тайной. Миръ праху твоему, и пусть будетъ тебѣ земля пухомъ, какъ и всѣмъ мертвецамъ, сложившимъ свои кости на чуждыхъ имъ поляхъ Маньчжуріи.

Н—чъ.

ПАМЯТИ О. В. ПОПОВОЙ.

25-го декабря 1909 г. исполнилась годовщина кончины послѣдней представительницы семьи Петрашевскихъ, Ольги Васильевны Поповой, сестры извѣстнаго общественнаго дѣятеля Буташевичъ-Петрашевскаго. Покойная Ольга Васильевна Попова отличалась въ молодости красотою и большимъ умомъ, который сохранила до послѣдней минуты своей жизни, управляя самолично всѣми своими дѣлами и по дому и по имѣнію. Покойная была своеобразною, очень интересною личностью, сильною духомъ, всегда знавшею, чего хотѣла. Въ наше шаткое время безвѣрья, она представляла собою высокій примѣръ глубоко вѣрующей христіанки. Будучи поборницей феминизма, она свои идеи проводила въ жизнь и даже вмѣсто старшаго дворника вопреки принятому обычаю держала женщину, которая образцово вела всѣ домовыя книги. Какъ помѣщица, Ольга Васильевна оставила по себѣ неизгладимую благодарную память въ крестьянахъ, отрѣзавши имъ лучшіе надѣлы съ лѣсомъ, и тѣмъ осуществила завѣты своего брата Буташевичъ-Петрашевскаго. Щедрая благотворительница, она давала по Евангелію—правая рука не вѣдала, что творила лѣвая.

Да будетъ легка ей земля!

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.).

Къ сожалѣнію, въ жизни часто оправдывается русская поговорка: „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“, и несчастье другого лица совершенно измѣняетъ нерѣдко чужую судьбу! Какъ я упомянулъ раньше, мнѣ было отказано Министерствомъ въ стипендіи, потому что Министерство нашло желательнымъ употребить эту сумму на командировку цивилиста магистранта Умова по гражданскому праву, какъ внезапно въ Московскомъ университетѣ умеръ профессоръ этого предмета Никольскій, и по просьбѣ факультета, въ виду важности этого предмета, отнюдь невозможнымъ оказалась какая-либо манкировка и пропуски, почему Умовъ, получившій стипендію, отказался отъ нея ради немедленнаго вступленія исправляющимъ должность профессора и замѣщенія каѳедры; такимъ образомъ сумма, необходимая для командировки молодого человѣка за границу, освободилась этимъ путемъ, и университетъ опять повторилъ свою просьбу и указаніе, во-первыхъ, на меня, а во-вторыхъ, Чупрова на какую-то другую подобнымъ образомъ освободившуюся стипендію. И вотъ благодаря такой случайности наконецъ Министерство Просвѣщенія было поставлено въ необходимость исполнить ходатайство университета, и въ августѣ 1872 г. мы оба, я и Чупровъ однимъ указомъ, были командированы на два года за границу.

Я помню, я сладко спалъ утромъ, когда меня разбудилъ внезапно мой пріятель, студентъ Макаровъ, наканунѣ поздно ночью гдѣ-то видѣвшій въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, случайно попавшихъ ему въ руки, объявленіе о моей командировкѣ. Рано утромъ

онъ успѣлъ найти номеръ этой газеты и съ радостнымъ извѣстіемъ въ рукахъ появился въ моей квартиркѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни, такъ какъ моя мечта о заграничномъ путешествіи и университетахъ волновала меня чуть не цѣлую жизнь. Удостовѣрившись черезъ секретаря факультета о всѣхъ тѣхъ формальностяхъ, „Сциллахъ“ и „Харибдахъ“, которыя предстояло мнѣ пройти, раньше, чѣмъ я получу заграничный паспортъ по случаю командировки и необходимыя деньги, я узналъ, что наилучшій способъ сократить хлопоты, „взять быка за рога“, отправиться прямо въ Петербургъ и явиться въ Министерство. Такъ я и сдѣлалъ, устроивши весьма легко свое несложное студенческое имущество и ликвидировавши свои обязанности въ Техническомъ училищѣ (уроковъ въ это время у меня уже не было); я повидался съ Чупровымъ и условились, что встрѣтимся съ нимъ въ началѣ зимняго семестра, въ октябрѣ, въ Лейпцигѣ, гдѣ раньше пріѣхавшій долженъ отыскивать другого. Я отправился затѣмъ въ Петербургъ.

Появленіе мое въ Министерствѣ оказалось по такому случаю довольно обычнымъ. Завѣдующій этимъ дѣломъ, помнится мнѣ, г. Икорниковъ, былъ добрѣйшимъ лицомъ, который съ большой охотой возился съ выполненіемъ всѣхъ формальностей, необходимыхъ для полученія третного жалованья впередъ (полторы тысячи въ годъ) и иностраннаго паспорта. Послѣднее мнѣ дало возможность, ради быстроты дѣла, представиться и просить ускоренія процедуры у Трепова, тогдашняго градоначальника, который отнесся ко мнѣ вполнѣ прилично и обязательно. Первое происходило, кажется, въ Государственномъ Казначействѣ, гдѣ я получалъ деньги, и гдѣ нашлись какіе-то, будто бы, мои товарищи, московскіе студенты между служащими помогавшіе и ускорявшіе также процедуру полученія. Тутъ произошло смѣшное „qui pro quo“, вызванное разницей, очевидно, Петербургскихъ и Московскихъ нравовъ. На радостяхъ я пригласилъ бывшихъ товарищей въ ближайшій трактиръ выпить и закусить, предполагая по Московскому студенческому обычаю, что выпивка можетъ состоять только изъ водки или изъ пива. Вообразите же мое удивленіе и даже ужасъ, когда мои гости, вмѣсто невинныхъ студенческихъ напитковъ, стали преспокойно заказывать нѣсколько бутылокъ разнаго шампанскаго, котораго я никогда въ тѣ времена еще не пробовалъ, по крайней мѣрѣ, на собственныя деньги. Разумѣется, такое угощеніе сразу значительно сократило бы возможность моей командировки и полученныя маленькія деньжонки скоро растаяли бы. Мнѣ пришлось первый разъ съ роду быть настойчивымъ и рѣзкимъ съ подобными нахалами и отказаться отъ такихъ Петербургскихъ

товарищей на чужой карманъ, и случай этотъ долго меня волновалъ.

Окончивши въ нѣсколько дней всѣ свои хлопоты въ Петербургѣ и обдумавши заранѣе весь ходъ своего предстоящаго путешествія, я вернулся радостный и счастливый въ Москву. Согласно выданной мнѣ, да и Чупрову, кажется, инструкціи отъ факультета для нашей заграничной командировки, мы оба обязаны были начать наши занятія съ главы исторической школы Рошера въ Лейпцигѣ, затѣмъ на выборъ посѣтить еще одинъ изъ указанныхъ Германскихъ университетовъ, съ болѣе извѣстными профессорами, напримѣръ, Книса въ Гейдельбергѣ, Бемерта въ Цюрихѣ и т. д., заняться писаніемъ диссертацій въ библіотекахъ и изученіемъ соотвѣтствующихъ учрежденій въ Лондонѣ и Парижѣ. Въ общемъ программа была весьма широкая и предоставляла намъ большую свободу. Первымъ этапомъ нашего путешествія необходимо былъ Лейпцигъ. Послѣднее имѣло для меня особенное удобство, хотя я тогда и не могъ предвидѣть, какое огромное вліяніе и значеніе на всю мою жизнь будетъ имѣть это путешествіе. Какъ извѣстно, Лейпцигъ находится въ 2-хъ, 3-хъ часахъ разстоянія отъ столицы Саксоніи, Дрездена, гдѣ у меня былъ мой знакомый по „Бесѣдѣ“ упомянутый выше Лысцевъ, недавно туда уѣхавшій на урокъ. Онъ писалъ мнѣ самыя соблазнительныя письма съ восхваленіемъ „Сѣверныхъ Аѳинъ“, какъ саксонцы называютъ иногда свою столицу, прелести ея окрестностей, богатыхъ собраній искусствъ, дешевизны жизни и разнородныхъ удобствъ.

Всего лишь за мѣсяцъ до моей собственной поѣздки, я случайно встрѣтилъ на улицѣ одного моего знакомаго по Ржеву, помѣщика Клокачева, которому сдѣлалъ однажды маленькое одолженіе, напечатавъ въ защиту его противъ интригъ, поднятыхъ мѣстными ретроградами, небольшую корреспонденцію въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ по хорошо извѣстному мнѣ случаю и лицамъ. Николай Павловичъ Клокачевъ, пріѣхавши въ Москву, счелъ долгомъ вѣжливости мнѣ нанести визитъ въ моемъ скромномъ студенческомъ обиталищѣ, чтобы поблагодарить за эту помощь въ его дѣлѣ, и пригласилъ въ то же время сдѣлать честь, отобѣдать у него въ гостиницѣ. Я исполнилъ его желаніе и явился въ московскую гостиницу, гдѣ онъ остановился, гдѣ мы должны были обѣдать, и гдѣ нашелъ его вдвоемъ съ неизвѣстнымъ мнѣ пожилымъ господиномъ, который былъ мнѣ отрекомендованъ Клокачевымъ, какъ его хорошій пріятель, землякъ, тверской помѣщикъ и адвокатъ Вельяшевъ. Мы вмѣстѣ отобѣдали и провели очень пріятно нѣсколько часовъ, бесѣдуя, при чемъ г. Вельяшевъ оказался лицомъ много путешествовавшимъ, разсказывалъ мнѣ за обѣдомъ много интереснаго о за-

границѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что его семья, ради болѣе удобнаго и хорошаго воспитанія дѣтей, проживаетъ постоянно въ Дрезденѣ, и очень восхвалялъ этотъ городъ, какъ оказалось, ему хорошо извѣстный. Послѣдствія показали, сколь для меня важнымъ оказалось это случайное знакомство!

Вскорѣ же послѣ моего возвращенія въ Москву, я былъ готовъ съ ней опять проститься и отправиться въ свое двухлѣтнее путешествіе за границу, но тутъ случилось маленькое обстоятельство, которое задержало мой окончательный отъѣздъ, или скорѣе выѣздъ изъ Россіи. Вмѣстѣ съ моимъ братомъ Николаемъ (нынѣ отставной генералъ-лейтенантъ) я отказался незадолго до свадьбы моей младшей сестры Маріи съ г. Юрановымъ отъ своей доли въ наслѣдствѣ въ ея пользу, послѣ процесса, который велся много лѣтъ въ Малороссіи съ дядей и передъ этимъ закончился. Надо было вступить во владѣніе наслѣдствомъ, безъ чего нельзя было продать имѣнія; и вотъ по настоятельной просьбѣ Юрановыхъ я рѣшился пожертвовать нѣсколькими недѣлями своего времени и поѣхать первый разъ съ роду въ нашу „Дидовщину“, Черниговской губерніи, въ село Янжуловку, Новозыбковскаго уѣзда, по этому дѣлу.

Я не буду описывать своихъ судебныхъ и дорожныхъ приключеній въ уголкѣ Малороссіи, которыя не представляютъ ничего особеннаго и для насъ русскихъ неизвѣстнаго, вродѣ мелкихъ взятокъ служащимъ, еврейскихъ корчемъ съ тараканами и клопами и ужасныхъ рытвинъ на дорогахъ, особенно въ Рославльскомъ уѣздѣ, черезъ который пришлось мнѣ проѣзжать продолжительное время. Прошло въ дѣйствительности не менѣе трехъ недѣль, пока я не продѣлалъ канцелярскихъ и иныхъ формальностей по вводу во владѣніе, по писанію довѣренностей и т. д., по распоряженію наличнымъ имуществомъ и вступилъ юридически во владѣніе своимъ наслѣдствомъ, чтобы передать всѣ права на хлопоты съ нимъ моему зятю В. И. Юрганову.

Дальше я тронулся прямо въ путь, въ столь желанную заграницу, хотя изъ Малороссіи собственно путь былъ вовсе не прямымъ. По какой-то причинѣ, мнѣ теперь неясной, вѣроятно, по несоотвѣтствію поѣздовъ изъ Рославля, вмѣсто того, чтобы ѣхать на Смоленскъ и по Варшавской дорогѣ черезъ Варшаву въ Дрезденъ, куда я намѣревался отправиться, я поѣхалъ нѣсколько окружнымъ путемъ на Динабургъ и оттуда уже свернулъ на Варшавскую дорогу. Припоминаю, какъ уже въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ многое меня поражало, особенно въ архитектурномъ отношеніи, постройка домовъ и черепичатыя крыши. Съ переѣздомъ русской границы, въ Сосновицахъ, гдѣ впослѣдствіи мнѣ пришлось бывать

много разъ и даже временно проживать, особенно широко открылось поле для моей наблюдательности и первыхъ попытокъ объясняться по-нѣмецки, чему оказывали помощь всесвѣтные граждане, евреи попутчики, одинаково бѣгло говорившіе на обоихъ языкахъ. Помню, вечеромъ, въ августѣ, пріѣхалъ я въ Дрезденъ и остановился въ маленькой гостинницѣ, по указанію своего пріятеля Лысцева, съ которымъ предварительно списывался и затѣмъ, по привычкѣ къ экономіи, немедленно отыскавши его, принялся пріискивать болѣе прочное и дешевое помѣщеніе въ видѣ меблированныхъ комнатъ, что̀ вскорѣ и нашелъ. Согласно данной мнѣ университетомъ инструкціи, я долженъ былъ, какъ упомянуто выше, штудировать первоначально въ Лейпцигскомъ университетѣ, но съ августа по начало октября въ Германіи продолжаются феріи, т. е. университетскій вакатъ, и я, будучи свободенъ отъ университетскихъ занятій, хотѣлъ воспользоваться временемъ для наилучшаго усвоенія разговорнаго нѣмецкаго языка. Черезъ знакомство Лысцева, я скоро нашелъ себѣ учителя для нѣмецкихъ разговоровъ въ лицѣ одного познанскаго поляка студента Стычинскаго, который за какую-то очень скромную плату согласился приходить ко мнѣ ежедневно для упражненія въ нѣмецкомъ разговорѣ, часа на два или на три, и дѣло пошло довольно быстро.

Въ то же самое время я началъ знакомиться въ Дрезденѣ, предполагая провести въ немъ до начала октября, съ тамошними россіянами, которыхъ въ то время жило въ Дрезденѣ большое количество. Какъ я слышалъ отъ мѣстнаго русскаго священника о. Розанова, что въ то время постоянно проживало русскихъ семействъ и числилось его прихожанами болѣе 600, т. е. постоянное русское населеніе въ Дрезденѣ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Постоянной собственной русской церкви тогда еще не было, но была лишь наемная на одной изъ новыхъ улицъ города, но уже шли приготовленія къ постройкѣ постоянной церкви, которая вскорѣ и была начата и до сихъ поръ стоитъ въ Дрезденѣ, считаясь по красотѣ однимъ изъ украшеній города. Въ высшей степени курьезно, что русское постоянное населеніе, столь значительное, какъ я говорилъ раньше, оставалось въ Дрезденѣ, какъ и во многихъ другихъ иностранныхъ городахъ, лишь сравнительно короткое время, какіе-нибудь два года. Съ 1874 года, вслѣдъ за установленіемъ въ Россіи всеобщей воинской повинности для всѣхъ сословій, масса русскихъ, постояннаго населенія за границей, въ томъ числѣ и въ Дрезденѣ, обратились вспять на родину, и русская рѣчь и русскія вывѣски и все русское сдѣлались въ Дрезденѣ относительно рѣдкостью, и все число проживающихъ, вмѣсто многихъ сотъ, ограничилось лишь нѣ-

сколькими десятками и то большей частью уже значительно онѣмечившихся русскихъ или прямо нѣмцевъ, остальные, ради участи своихъ дѣтей, поспѣшили вернуться восвояси и опредѣлить ихъ въ русскія казенныя заведенія, вмѣсто иностранныхъ, не имѣвшихъ, какъ извѣстно, правъ на льготу по воинской повинности. Но въ это, именно, время, когда надобность въ особенной постоянной русской церкви прекратилась, и частные рессурсы для ея поддержанія изсякли, какъ разъ въ 1874 году и явилась постоянная русская церковь, благополучно стоящая до настоящаго времени, и содержаніе клира которой обходится не мало русскому государственному казначейству!..

Между новыми моими знакомыми оказался одинъ юноша, сынъ Н. В. Вельяшева, ржевскаго адвоката, съ которымъ я обѣдалъ, какъ раньше говорилъ, однажды въ Москвѣ съ Клокачевымъ. Черезъ нѣсколько дней молодой человѣкъ принесъ мнѣ отъ отца, въ это время бывшаго въ Дрезденѣ, приглашеніе посѣтить его семейство, жившее постоянно, какъ упоминалось раньше, въ Дрезденѣ, для воспитанія дѣтей, говоря, что онъ радъ будетъ случаю, скоро возвращаясь въ Россію, познакомить меня лично съ семьей до отъѣзда. Я немедленно откликнулся на любезное приглашеніе, явился къ г-ну Вельяшеву и такимъ образомъ познакомился съ его семействомъ, довольно многолюднымъ, которое мнѣ чрезвычайно понравилось. Оно состояло изъ его жены, пожилой дамы и другой старушки, нѣкоей Пусторослевой, друга дома, постоянно у нихъ живущей, и четырехъ дѣтей: дочери, молодой дѣвушки и трехъ мальчиковъ разнаго возраста. Приняли меня просто и радушно. Семья ихъ, съ хорошими, интеллигентными вкусами, дѣти съ порядочнымъ, видимо, образованіемъ, и двѣ добрѣйшія старушки, напомнили мнѣ живо мою старую семейную жизнь, которой я къ сожалѣнію много лѣтъ своего студенчества и слѣдующее время былъ лишенъ, за смертью родителей. Особенно завоевала мои симпатіи старушка мать, Софія Константиновна, образецъ преданности и любви къ семейству, цѣлый день усердно занятая своими дѣтьми, ихъ интересами; и затѣмъ, долженъ сознаться, мнѣ какъ-то сразу приглянулась юная дѣвица въ этой семьѣ, Екатерина Николаевна, которой судьбой суждено было впослѣдствіи сдѣлаться моей женой. Маленькій лукавый божокъ, играющій по греческой миѳологіи самую важную роль въ сближеніи особъ двухъ половъ, ранилъ мое сердце совершенно для меня неожиданно и незамѣтно. Весьма скоро, черезъ нѣсколько недѣль я началъ уже себя чувствовать не по себѣ, долго не видя и не бесѣдуя съ кѣмъ-либо изъ семьи Вельяшевыхъ, и во всѣхъ этихъ бесѣдахъ и свиданіяхъ, какъ-то противъ

воли, главную роль стала играть маленькая фигурка этой дѣвицы.

Черезъ два мѣсяца, однако, согласно своей инструкціи, я распрощался со своими Дрезденскими знакомыми съ обѣщаніемъ навѣщать ихъ почаще изъ Лейпцига, лежащаго всего въ 3 часахъ разстоянія, и отправился въ этотъ университетскій городъ, гдѣ долженъ былъ впервые предстать передъ очами представителей германской науки. Очень скоро ко мнѣ присоединились, сначала Макаровъ, русскій магистрантъ Московскаго университета, молодой человѣкъ, моложе меня, затѣмъ пріѣхалъ уже, къ большому моему удовольствію, А. И. Чупровъ, засталъ насъ съ Макаровымъ еще въ гостиницѣ, и мы совмѣстно пустились въ поиски помѣщенія. Мы скоро нашли себѣ очень чистенькія и комфортабельныя комнатки, я вмѣстѣ съ Макаровымъ у одного отставного учителя (Lehrer emeritus), Карла Лёшера (Löscher), котораго мы скоро переименовали по-русски и онъ отлично откликался на „Карла Михайловича“, съ почтенной супругой, очень хорошей хозяйкой, иногда насъ кормившей, потому что постоянно мы предпочитали обѣдать въ ресторанѣ, а Чупровъ съ женой, очень почтенной дамой, нѣсколько строго относившейся къ намъ, сравнительно молодымъ людямъ, ко мнѣ и Макарову, Ольгой Егоровной, скоро переименованной нами просто въ Frau Professor, нашли помѣщеніе у одного музыканта, или какъ его заочно, нѣсколько презрительно, называлъ Лешеръ „музикусъ“, какого-то мелкаго музыканта изъ театральнаго оркестра. Моя квартира съ Макаровымъ представляла нѣкоторыя преимущества, была обширнѣе, и хозяинъ добродушнѣе и образованнѣе. Почтенный старикъ, которому не было никакого дѣла, и который, для перваго начала, заполучивши добродушныхъ русскихъ юношей къ себѣ въ домъ, высказалъ желаніе подучиться по-русски, что по его мнѣнію представлялось ему легкимъ, въ виду будто бы его знакомства съ греческимъ языкомъ въ школѣ, и за это началъ изощрять насъ въ нѣмецкихъ разговорахъ! Чупровъ очень скоро также подружился съ нашимъ хозяиномъ, и мы проводили очень пріятно время сообща за бесѣдой и знакомились съ городомъ и со всѣмъ интереснымъ. „Музикусъ“ же обратно съ Карломъ Михайловичемъ постоянно отсутствовалъ, его никто почти не видалъ.

Вмѣстѣ также съ А. И., а можетъ быть онъ и раньше меня, мы запаслись университетскими программами и рѣшили сообща записаться для перваго начала на текущій семестръ на небольшое число курсовъ. Я записался вмѣстѣ съ Чупровымъ именно къ Рошеру на теорію политической экономіи и ученіе о финансахъ и Кнаппу, private, рабочій вопросъ. Чупровъ записался еще на какой-

то другой курсъ въ области экономической политики. Курсъ финансовъ Рошера, не-смотря на зимній семестръ, начинался поразительно рано, для русскихъ лѣнивыхъ привычекъ, въ семь часовъ утра, и требовалась большая, съ моей стороны, сила воли, чтобы являться такъ рано въ университетъ. Черезъ два часа, въ девять—читался его же курсъ политической экономіи, на который обычно являлся Александръ Ивановичъ, и такимъ образомъ мы съ нимъ каждый день встрѣчались. Еще болѣе, впрочемъ, насъ, какъ русскихъ студентовъ, привлекалъ запретный тогда у насъ плодъ—рабочій вопросъ. Кнаппъ вполнѣ хорошо знакомилъ насъ съ развитіемъ рабочаго вопроса въ главнѣйшихъ странахъ и прочими ученіями, такъ называемыхъ, соціалистовъ. Я уже слышалъ раньше имена Брентано и Шмоллера, но на лекціяхъ Кнаппа въ первый разъ познакомился съ нѣкоторыми ихъ изслѣдованіями и выводами и заинтересовался ими болѣе серьезно. Кнаппъ читалъ съ нѣкоторымъ жаромъ, очень живо и занимательно, несмотря на то, что имѣлъ лишь весьма ограниченную аудиторію, человѣкъ 50—70 слушателей, большею частью иностранцевъ, судя по языкамъ разговора. Мы нерѣдко у него передъ лекціей слышали всевозможные языки, начиная съ русскаго и оканчивая венгерскимъ и новогреческимъ. Какъ теперь помню, когда однажды Чупровъ выразилъ кому-то изъ товарищей студентовъ на этомъ курсѣ свое удивленіе, что такія интересныя лекціи, по такому любопытнѣйшему вопросу туго посѣщаются, и при томъ преимущественно иностранцами, то услышалъ отвѣтъ, который насъ русскихъ поразилъ. „Какой же особенный интересъ“, отвѣтилъ студентъ нѣмецъ на это, рядомъ съ нами сидящій, „имѣетъ для насъ рабочій вопросъ, когда мы сами не рабочіе; вотъ если бы такъ хорошо, подобно Кнаппу, читался курсъ „о раздѣленіи церквей“, напримѣръ, то навѣрное, потребовалась бы двойная аудиторія“; настолько наши вкусы, слѣдовательно, разнились отъ тогдашнихъ европейскихъ!

Обратно съ Кнаппомъ, почтенный старецъ Рошеръ читалъ въ огромной аудиторіи, самой большой въ тогдашнемъ зданіи Лейпцигскаго университета. У него было слушателей не менѣе навѣрно 4-хъ или 5-и сотъ человѣкъ. При скверной погодѣ тогда осенью и устройствѣ вѣшалокъ для студенческихъ пальто въ самыхъ аудиторіяхъ, гдѣ каждый студентъ вѣшалъ свое мокрое пальто и устанавливалъ свой мокрый зонтикъ непосредственно близъ той лавки, гдѣ онъ сидѣлъ (калошъ въ Германіи, какъ извѣстно, не полагается), аудиторія Рошера для моего воображенія представляется всегда какимъ-то обширнымъ болотомъ, по которому текутъ желтыя лужи и люди безцеремонно шагаютъ по этимъ лужамъ. Небольшой, ко

плотный и еще бодрый старичекъ-профессоръ читалъ звонко и отчетливо, при чемъ его чтеніе раздѣлялось всегда на двѣ совершенно противоположныя части. Главныя основныя положенія, то, что въ учебникахъ печатается крупнымъ шрифтомъ, Рошеръ прямо и очень медленно диктовалъ, гораздо медленнѣе, чѣмъ я, напримѣръ, диктовалъ свои настоящія воспоминанія. Какъ можно себѣ легко представить, слушать эту часть его лекцій, представлявшую при томъ лишь самыя общія научныя понятія, намъ хорошо извѣстныя и давно сданныя на экзаменѣ въ своемъ университетѣ, было весьма и весьма скучно и въ значительной степени набило оскомину намъ съ Чупровымъ и заставило въ близкомъ будущемъ прекратить совсѣмъ посѣщеніе лекцій. Зато наиболѣе интересная часть, которую можно было намъ слушать съ пользой, лежала въ добавленіяхъ, разъясненіяхъ и иллюстраціяхъ къ этимъ основнымъ положеніямъ. Всѣ эти иллюстраціи произносились весьма быстро, скороговоркой, и каждый нѣмецкій студентъ обязательно складывалъ перо и карандашъ и слушалъ, ничего не нанося на бумагу. Частью дѣлали за нихъ это мы, иностранцы, когда приводился Рошеромъ какой-нибудь любопытный примѣръ или высказывалось стоящее вниманія предположеніе. Мы, напримѣръ, съ шутками и усмѣшками слушали тогда предположеніе добродушнаго профессора о зловредности русской общины и обязательнаго надѣленія крестьянъ землею. По словамъ Рошера, это обстоятельство непремѣнно должно пріучить русскихъ крестьянъ всегда въ земельной нуждѣ полагаться исключительно на даровой надѣлъ отъ Правительства, или привести къ погромамъ и захватамъ помѣщичьихъ земель!!?..

Мирно и спокойно потекла наша жизнь въ качествѣ Лейпцигскихъ студентовъ. Сначала мы, какъ истинно русскіе люди, ходили на лекціи аккуратно, а затѣмъ соскучились и манкировали все чаще. Я до конца, помнится, довелъ лишь одинъ курсъ финансовъ, котораго составились у меня полныя записки. Чупровъ исчезъ еще раньше меня; да и мало могли мы поучиться тамъ, кромѣ приватныхъ курсовъ конечно, вродѣ Кнаппа, который посѣщался лучше. Обѣдали первоначально мы вмѣстѣ въ студенческомъ ресторанѣ, но тамъ очень непріятно для насъ и особенно для А. И. студенты назойливо взглядывали на его супругу, такъ какъ женщинъ кромѣ нея, мнѣ помнится, въ эту столовую не ходило, да и въ университетѣ мы долго женщинъ не видали, пока А. И. какимъ-то образомъ поймалъ и познакомился съ одной молодой красивой русской армянкой, Каргановой, сестрой извѣстной пѣвицы, которую, подсмѣивались мы надъ нимъ долго впослѣдствіи, онъ сосваталъ нашему лектору Кнаппу.

Это случилось слѣдующимъ образомъ. Не берусь судить, по какой причинѣ, но армяне особенно часто обнаруживаютъ желаніе учиться именно финансовому праву. Я нерѣдко встрѣчалъ представителей этой націи, занимающихся со мной одной спеціальностью. Я былъ очень пріятно удивленъ, когда однажды, прійдя навѣстить Чупрова, я нашелъ у него красивую барышню, бесѣдовавшую съ его женой, которая себя отрекомендовала вышеозначеннымъ именемъ, заявивши, что она пріѣхала въ Лейпцигъ именно изучать финансы. А. И., отличавшійся необыкновенной общительностью, встрѣтилъ ее какъ-то въ университетѣ, познакомился и привелъ къ своей супругѣ. Разумѣется, хорошенькая армянка нашла съ нашей стороны наилучшій пріемъ. Я съ ней немедленно подѣлился своими записями у Рошера, которыя, впрочемъ, ей были не настолько важны, ибо Рошеръ ее свободно допустилъ на свои лекціи, мало того, познакомилъ со своими дочерьми и поставилъ имъ въ примѣръ русскую барышню, занимающуюся его скучной наукой. Но иначе отнесся молодой Кнаппъ; *онъ рѣшительно и строго отказался сначала допускать ее*: вотъ, тутъ и понадобилась вся любезность и непосредственность А. И. Онъ не могъ выносить такой несправедливости и немедленно отправился къ Кнаппу. Не знаю, что и какъ онъ съ нимъ говорилъ, но на другой день я уже узналъ, что дѣвица Карганова допущена къ Кнаппу и начала вмѣстѣ съ нами появляться (это было весной 1874 года) къ концу его курса. Начала ни того, ни другого курса она собственно не слушала. Я ее снабдилъ бывшими у меня Московскими записками, лекціями Ф. Б. Мильгаузена и вызвалъ съ ея стороны восторженную благодарность. Вотъ что писала мнѣ тогда Карганова: „За записки Мильгаузена не знаю, какъ васъ отблагодарить, онѣ оказались настоящимъ сокровищемъ для меня. Если вы можете написать мнѣ, сколько времени я могу еще продержать ихъ, то будьте такъ добры сдѣлать это. Мнѣ хотѣлось бы ихъ проконспектировать, если Вы можете сообщить мнѣ, гдѣ и когда я могу добыть подобные литографированные листки, то этимъ очень обяжете меня“.

Не знаю, долго ли занималась г-жа Карганова курсомъ финансовъ (я ее скоро потерялъ изъ виду, занятый своимъ собственнымъ романомъ), но какъ намъ сдѣлалось извѣстно впослѣдствіи, занятія ея у Кнаппа въ результатѣ привели къ тому, что онъ совершенно примирился съ допущеніемъ женщинъ на лекціи и кончилъ тѣмъ, что женился на г-жѣ Каргановой при своемъ переходѣ въ качествѣ профессора Страсбургскаго университета. Съ тѣхъ поръ нерѣдко приходилось слушать и самому участвовать въ шуткахъ надъ А. И. по этому поводу, что онъ „во имя науки“ сосваталъ профессору Кнаппу жену.

Меня однажды посѣтилъ на нѣсколько дней Лысцевъ, пріѣхавшій изъ Дрездена, и привезъ съ собой разсказы обо всѣхъ общихъ русскихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и объ интересовавшемъ меня семействѣ Вельяшевыхъ. Это живо мнѣ напомнило оставившій сильное впечатлѣніе одинъ женскій образъ, но тѣмъ не менѣе я еще такъ мало сдѣлалъ въ Лейпцигѣ, что считалъ себя не въ правѣ пропустить хотя бы одинъ день на поѣздку въ Дрезденъ и сдѣлалъ это только гораздо позднѣе, когда уже не было Чупрова въ Лейпцигѣ. Я состоялъ одинаково въ дружбѣ, какъ съ А. И., такъ и съ его строгой супругой Ольгой Егоровной, и нѣсколько разъ невольно вспоминалъ извѣстную французскую поговорку: „les èxtrêmités se touchent“, настолько казались противоположными оба супруга. На сколько А. И. былъ мягокъ, елеенъ и влюбленъ сверхъ мѣры въ человѣческое общество всякаго рода, настолько О. Е. представляла собой другой полюсъ, дабы сдерживать это любвеобиліе и ограничивать стремленія своего мужа къ новымъ и новымъ знакомствамъ и злоупотребленію его временемъ. Дѣйствительно, мы неоднократно удивлялись съ Макаровымъ, посѣщая очень часто, разумѣется, А. И., какъ и онъ насъ, что дня почти не проходило, чтобы онъ не отыскивалъ и не вылавливалъ гдѣ-нибудь новыхъ россіянъ или россіянокъ и не знакомился съ ними, при чемъ очень часто оказывалось, что они также раньше были мало ему знакомы, какъ и намъ! Къ этому времени относится, помню, напримѣръ, мое знакомство черезъ Чупрова съ Зеленогорскимъ, впослѣдствіи профессоромъ въ Харьковѣ и философомъ; Н. И. Зиберомъ, съ которымъ впослѣдствіи я самъ весьма сблизился, Ковалевымъ и многими другими. Практически-здравый и насмѣшливый умъ Ольги Егоровны дѣйствовалъ нерѣдко какъ холодный душъ на экспансивнаго увлекавшагося А. И., особенно ея обобщенія изъ области статистики, въ разговорахъ съ Зиберомъ. Недавнее тогда сатирическое произведеніе Щедрина о Статистическомъ Конгрессѣ въ Петербургѣ давало богатый матеріалъ для ея шутокъ надъ спорщиками..!

Прижившись къ Лейпцигу, мы перенесли въ него съ Чупровымъ нѣкоторые русскіе обычаи: такъ Frau Löscher открыла къ нашему удовольствію тамъ на рынкѣ гречневые блины (Blinzen), существующіе, будто бы, со времени постоя русскихъ войскъ въ 1815 году: она изрѣдка насъ ими угощала. Кромѣ того каждую субботу мы аккуратно съ Александромъ Ив. путешествовали въ русскую баню (Russische Dampfbäder), при чемъ онъ такъ же аккуратно, благодаря своей разсѣянности, каждый разъ забывалъ свое грязное бѣлье! Дорога въ баню шла около моей квартиры и обыкновенно на обратномъ пути, дойдя до себя, я напоминалъ ему, что пора-де

вернуться назадъ, и онъ до того упорно повторялъ ту же разсѣянность, что совершенно хладнокровно подтверждалъ: „да, пора!“, прощался со мной и шелъ обратно...

Нѣмецкое Рождество или точнѣе Sylvesterabend, мы справляли у Лешеръ, которые насъ очень радушно угощали классическимъ пуншемъ, и мы пѣли съ ними нѣмецкія пѣсни. За то, въ свою очередь, въ день Русскаго Рождества мы рѣшили угостить ихъ русскимъ обѣдомъ, при чемъ, разумѣется, надо было приготовить его собственноручно, по незнанію нѣмцами русскаго кулинарнаго искусства. Свои услуги для этого, по зрѣломъ обсужденіи, предложили двое: я вызвался научить на своихъ глазахъ фрау Лешеръ приготовить сибирскіе пельмени, въ издѣліи которыхъ въ Россіи была искусна одна знакомая родственница старушка, и я неоднократно видѣлъ, какъ она готовитъ; Ольга Егоровна въ свою очередь вызвалась научить приготовленію русскихъ лѣнивыхъ щей съ говядиной. И вотъ, все утро, помню, мы усердно занимались въ кухнѣ фрау Лешеръ приготовленіемъ этихъ двухъ кушаній и затѣмъ сообща обѣдали всей наличной русско-нѣмецкой компаніей. Эффектъ нашъ русскій обѣдъ произвелъ чрезвычайный, но щи вызвали соболѣзнованіе экономныхъ нѣмокъ за огромную непроизводительную трату говядины. За то мои пельмени оказались настолько по нѣмецкому вкусу, что меня много разъ впослѣдствіи въ мои посѣщенія Лейпцига фрау Лешеръ угощала этими, какъ она называла „russische Pastetchen“ и увѣряла, что многіе ея знакомые даже теперь готовятъ по рецепту, который она даетъ для ихъ изготовленія. Я охотно соглашался съ ней и одобрялъ ея пріятельницъ, такъ какъ несомнѣнно пельмени во всѣхъ отношеніяхъ выше того „Maikäfersuppe“, которымъ меня однажды угощала фрау Лешеръ!

Къ Новому Году я получилъ приглашеніе отъ Лысцева пріѣхать непремѣнно въ Дрезденъ, такъ такъ русская компанія-де собирается сообща весело отпраздновать русскій Новый Годъ. Передъ отправленіемъ пришлось проститься на нѣкоторое время съ А. И., который уже собирался уѣзжать въ Мюнхенъ. Немедленно, какъ я появился въ семьѣ Вельяшевыхъ, я почувствовалъ, какими тѣсными узами любовь привлекаетъ меня къ этому семейству. Для меня стало ясно, что вопросъ не могъ оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, и что надо на что-нибудь рѣшиться. Постараться вырвать обнявшее меня чувство я уже не былъ въ состояніи. Все, что я по этому поводу приводилъ себѣ, скорѣе говорило въ пользу утвердительнаго рѣшенія, чѣмъ отрицательнаго... При моей юношеской незрѣлости и неопытности, я старался обсудить и рѣшилъ вопросъ путемъ *наведенія*... У такой превосходной матери, какою

всѣ признавали С. К. Вельяшеву, и дочь должна, разсуждалъ я, имѣть выдающіяся нравственныя достоинства... Я хорошо понималъ отвѣтственность брачнаго шага, который собирался сдѣлать, но въ то же время, главная сторона—экономическая, меня нисколько не смущала. Я хорошо зналъ, что невѣста моя не могла мнѣ принести никакой матеріальной помощи въ видѣ приданаго, но могла за то дать то, что дороже всего—помощь своего труда и духъ товарищества, съ которыми я могъ продолжать работать болѣе дружно, даже если бы, сверхъ ожиданія, не сошлись характерами. Я видѣлъ это на примѣрѣ Чупровыхъ, которые жили въ то время бодрѣе и лучше меня, несмотря на то, что пропорціально съ потребностью на двоихъ, получали денегъ меньше меня... Послѣ отъѣзда я сдѣлалъ письменно рѣшительный шагъ въ видѣ формальнаго предложенія руки. Предложеніе мое было принято—лишь условно, съ одной стороны, съ указаніемъ необходимости ждать согласія отца изъ Россіи.

Нѣсколько успокоенный своимъ рѣшеніемъ, я вернулся въ Лейпцигъ, гдѣ уже не засталъ Чупрова [1]), а вслѣдъ за нимъ скоро уѣхалъ и Макаровъ. Я остался одинокъ въ Лейпцигѣ, чтобы предаваться моимъ мечтамъ о Дрезденѣ. Только вечеромъ, и то не каждый день, я сходился съ однимъ изъ моихъ настоящихъ товарищей по Академіи Наукъ, съ почтеннѣйшимъ Филиппомъ Ѳедоровичемъ Фортунатовымъ, жившимъ тогда въ Лейпцигѣ на противоположномъ со мной концѣ города, всегда отличавшимся малой общительностью. Мы сходились съ нимъ въ Universitätsgasse, въ извѣстной пивной „Zur Feuerkugel“, молча выпивали по двѣ кружки пива и расходились до слѣдующаго вечера, какъ бы набравшись нѣсколько русскаго духа.

Зато у меня явилось другое наслажденіе, мнѣ еще дотолѣ не извѣстное, почти каждодневная переписка съ невѣстой. Я не буду, разумѣется, такъ какъ пишу не романъ, а лишь мемуары, касаться этой „Святая Святыхъ“, но смѣло могу сказать, что такое блаженное время, которое въ это время испытываетъ человѣкъ, едва-ли въ жизни повторяется! При всемъ маломъ жизненномъ опытѣ, который я имѣлъ, я уже чувствовалъ сначала всю огромную разницу настоящей любви отъ перваго своего ребяческаго увлеченія. Вмѣсто того, чтобы вспоминать съ горечью и досадовать, какъ прежде на В. В. за ея отношеніе и поступки со мной, я теперь всю жизнь долженъ только быть ей благодарнымъ; какъ хорошо произошло,

[1]) Онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ, откуда я вскорѣ получилъ отъ него письмо

что эта легкомысленная дама подсмѣялась надъ любовью увлекавшагося юноши, которая лишь забавляла ее!! Я съ ужасомъ могу себѣ представить, сколько счастья меня лишило бы ея иное поведеніе. Какъ подтвердилъ мнѣ опытъ моей довольно продолжительной собственной жизни, зло въ этомъ случаѣ обратилось для меня въ великое благо. Я считаю себя въ высшей степени счастливымъ, что я былъ свободенъ и могъ съ чистымъ сердцемъ протянуть свою руку другой женщинѣ, сдѣлавшейся моей вѣрной подругой на всю жизнь.

Къ сожалѣнію, всѣ важные моменты моей жизни, какъ и раньше было указано, начинались съ горя и несчастій. Такъ было и здѣсь. Я уже получилъ отъ моей невѣсты телеграфное извѣщеніе о согласіи отца на бракъ, съѣздилъ вновь въ Дрезденъ и въ общихъ чертахъ уговорился о свадьбѣ, которой должна была предшествовать поѣздка моей невѣсты въ сопровожденіи брата ко мнѣ въ гости въ Лейпцигъ посмотрѣть этотъ городъ. Я же въ это время былъ дѣятельно занятъ писаніемъ очень скучнаго отчета о своихъ работахъ въ Министерство, согласно положенію, по этому предмету принятому. Не могу кстати не оговориться по поводу этого пункта, имѣющаго можетъ быть и теперь столь пагубное значеніе для молодыхъ людей, какъ въ мое время. Тогда требовался, не помню за сколько мѣсяцевъ, за треть, или за четверть года, отчетъ о занятіяхъ, прежде чѣмъ вексель или переводъ на полученіе соотвѣтствующаго жалованья посылался за границу профессорскому кандидату. Такимъ образомъ употреблялось оружіе, самое вѣрное въ полученіи Министерствомъ свѣдѣній о магистрантѣ,—угроза голодомъ, если онъ не пришлетъ отчета въ положенное время. И вотъ мы посылали, но какой это цѣной! Первый мой отчетъ совпалъ, вслѣдствіе поздней, вѣроятно, выдачи мнѣ первый разъ содержанія, съ моимъ пріѣздомъ въ Лейпцигъ и съ началомъ слушанія Рошера и Клаппа. Стоя на почвѣ правды, я написалъ въ Министерство, что только-что пріѣхалъ и устроился въ Лейпцигѣ; а около двухъ мѣсяцевъ, поневолѣ, вслѣдствіе отсутствія этихъ лекцій, провелъ въ Дрезденѣ, а теперь началъ-де слушать такихъ-то профессоровъ и такіе-то курсы. Весь отчетъ такимъ образомъ былъ изложенъ на двухъ страницахъ вѣрно и правдиво. Вмѣстѣ съ получкой слѣдующаго жалованія, я получилъ отъ Министерства выговоръ отъ Ученаго Комитета за свою лаконическую правдивость. Ученый Комитетъ сдѣлалъ какое-то невыгодное для моего самолюбія заключеніе изъ моей краткости, и вотъ, слѣдующіе затѣмъ разы, наученный этимъ горькимъ опытомъ, я вынужденъ былъ настойчиво и умышленно Министерству лгать. Началъ описывать занятія, которыхъ въ

дѣйствительности не дѣлалъ, только, чтобы наполнить и раздуть побольше свой отчетъ. Одинъ разъ, напримѣръ, чуть-ли не буквально переписалъ, только кажется въ русскомъ переводѣ, всѣ свои записки по курсу Рошера, или безъ всякой цѣли и смысла излагалъ цѣликомъ содержаніе прочитанныхъ книгъ, хотя бы совсѣмъ не относящихся къ моимъ занятіямъ и прочитанныхъ Богъ знаетъ когда и т. д. и т. д. И вотъ какъ разъ я былъ занятъ наканунѣ своей свадьбы такимъ неблагодарнымъ дѣломъ, вызываемымъ нераціональнымъ требованіемъ Министерства!..

Внезапно, наканунѣ нетерпѣливо мною жданнаго пріѣзда въ Лейпцигъ моей невѣсты съ братомъ, я получилъ грустное извѣстіе: она простудилась и сильно заболѣла. Поѣздка состояться не могла. Я немедленно едва сбылъ съ рукъ отчетъ, полетѣлъ въ Дрезденъ. Оказалось, что невѣста схватила серьезную простуду и тяжкую болѣзнь, вслѣдствіе которой важный и доброжелательный врачъ, которому я счелъ долгомъ представиться, сказалъ мнѣ, что долженъ отсрочить нашу свадьбу, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, увы, началось новое, тяжкое для меня испытаніе. Меня едва допускали до свиданія съ невѣстой. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Дрезденѣ, грустный, разстроенный, съ туманомъ въ головѣ и съ горечью въ сердцѣ я вернулся въ Лейпцигъ къ старымъ Лешерамъ, женихъ, какъ они уже знали, но безъ невѣсты. Прошелъ апрѣльскій вакатъ, я вновь записался на будущій весенне-лѣтній семестръ. Лекціи плохо шли въ голову, и я безпрестанно думалъ о Дрезденѣ и бомбардировалъ всѣхъ тамошнихъ знакомыхъ своими письмами и запросами.

Наконецъ начали получаться болѣе благопріятныя извѣстія Моя милая невѣста стала по-немногу поправляться; только въ маѣ уже, я ликвидировалъ всѣ свои дѣла въ Лейпцигѣ и переселился совсѣмъ въ Дрезденъ, поближе къ невѣстѣ. Наконецъ, былъ назначенъ великій день вѣнчанія; приглашены были всѣ знакомые и происходило, послѣ свадьбы, общее ликованіе на Бастаѣ (Bastai) въ Саксонской Швейцаріи съ пѣснями и танцами. Отдать справедливость, всѣ трудности и формальности при бракѣ были облегчены до nec plus ultra. Я очень благодаренъ за эту любезность, зная, какъ это трудно дѣлается теперь, покойному настоятелю русской церкви, о. Розанову. Къ сожалѣнію, новая церковь не была еще готова, и я вѣнчался въ старой домашней церкви въ Дрезденѣ 11 іюня по новому стилю и 30 мая по русскому въ 1873 году. „Бракъ этотъ составляетъ важнѣйшее изъ событій, повліявшихъ на всю мою жизнь. Въ женѣ моей, Екатеринѣ Николаевнѣ, я получилъ не только добраго товарища, но и ближайшаго сотрудника для всего, что я съ тѣхъ поръ написалъ, начиная съ

большихъ книгъ и кончая журнальными и газетными статьями. Ничего не дѣлалось и не писалось безъ ея помощи и совѣта и большею частью ея же рукой (иногда даже два раза), и я право затрудняюсь по временамъ опредѣлить, кому, напримѣръ, въ данной статьѣ принадлежитъ такая-то мысль, мнѣ или ей?!“..[1]).

Иванъ Янжулъ.

[1]) См. *Венгеровъ, С. А.* Критико-Біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI, Спб. 1897—1904, стр. 55.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Глава VI.

Двухсотлѣтній юбилей рожденія Императора Петра Великаго. — Лагерь 1872 года.—Командиръ Кавалергардовъ графъ Мусинъ-Пушкинъ.—Пикникъ въ Горкахъ и ловъ форелей.—Графъ Воронцовъ-Дашковъ.—Продажа имѣнія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.—Царскіе смотры.—Прогулки Государя въ Красносельскомъ дворцовомъ саду. Милордъ. Тревога въ отрядѣ графа Воронцова. Кавалерійскій маневръ въ разныя стороны. Пріѣздъ эрцъ-герцога Вильгельма. Додо Орловъ. Клейнмихель.—Путешествіе на Востокъ ко гробу Господню.—Послѣдующіе годы.—Пріѣздъ эрцъ-герцога Альбрехта.—Пріѣздъ Великаго Князя Намѣстника съ Великой Княгиней Ольгой Ѳедоровной.—Измѣненіе въ нашей лагерной жизни. Обязательныя скачки.

Весною 1872 года праздновалось двухсотлѣтіе рожденія Императора Петра Великаго.

Великій Князь принималъ дѣятельное участіе въ торжествѣ. Приготовленія начались съ 25 мая, въ день Исаакія Далматскаго.

30 числа вся гвардія была выстроена на Петровской и Адмиралтейской площадяхъ. Погода стояла чудная. Гвардейская пѣхота поражала своей красотой: въ мундирахъ съ красными лацканами, въ бѣлыхъ брюкахъ, въ каскахъ съ бѣлыми султанами и амуниціей — общій видъ массы былъ необыкновенно элегантенъ.

Всѣ находились въ нѣсколько возвышенномъ настроеніи, когда началось шествіе духовенства изъ Исаакіейскаго Собора и въ особенности, когда Государь, при возглашеніи памяти Великаго Петра, скомандовалъ войскамъ: „Слушай на караулъ!“ и Самъ отсалютовалъ памятнику. Вмѣстѣ съ царскимъ салютомъ загрохотали пушки, унизывавшія набережныя Невы и изъ Крѣпости, и загудѣли колокола всѣхъ церквей столицы, а изъ груди многотысячной толпы народа и войскъ понеслось восторженное „ура“ и, все наростая и и затихая, стало перекатами разноситься по площади и прилегающимъ улицамъ.

Чудный образъ „Мѣднаго Всадника“, будто, ожилъ. Онъ гордо высился и, величественно простирая свою правую руку, какъ бы,

благословлялъ Царя и народъ на дальнѣйшіе труды, на счастье, пользу и благополучіе дорогой родины.

День для насъ былъ очень трудный.

Его Высочество въ началѣ десятаго часа сѣлъ съ нами на коней, а слѣзли мы въ четыре часа. Чрезвычайно оживляла торжество процессія на водѣ и видъ Невы съ сотнею разнообразнѣйшихъ судовъ. „Дѣдушка“ русскаго флота стоялъ на баржѣ и при немъ находился караулъ въ Петровскихъ мундирахъ.

Въ семь часовъ я поѣхалъ на гонки, устроенныя яхтъ-клубами на Невѣ.

Народное гулянье на Марсовомъ полѣ очень удалось.

Со стороны казармъ было поставлено тридцать картинъ изъ исторіи Петра Великаго, подъ красивыми навѣсами русскаго стиля.

На двухъ открытыхъ театрахъ давали „Дѣдушка русскаго флота“ и „Купецъ Иголкинъ“.

Послѣ Петровскаго торжества мы отправились тотчасъ же въ лагерь.

На смотру Финскаго Стрѣлковаго и Учебнаго батальоновъ, въ рядахъ послѣдняго стоялъ Николай Николаевичъ Младшій.

Его Высочество остался очень доволенъ ученіемъ и по заведенному обычаю приказалъ финнамъ выдать по селедкѣ и вызвалъ пѣсельниковъ.

Финны чрезвычайно стройно поютъ свои четырехъ-голосныя національныя пѣсни.

Великій Князь любилъ ихъ пѣніе и иногда приказывалъ прислать хоръ къ Себѣ въ садъ.

Послѣ ученія мы отправились въ новую купальню, устроенную съ большими удобствами для душей и плаванія. Великій Князь любилъ купаться послѣ ученій и передъ приходомъ театральнаго поѣзда.

Однажды мы возвратились въ очень жаркій день съ ученія; Великій Князь предложилъ: „пойдемъ, ребята, купаться, только съ однимъ условіемъ—всѣмъ идти за мной!“

Мы прошли въ садъ, спустились въ театральный паркъ, и Его Высочество повелъ насъ въ мундирахъ и высокихъ сапогахъ, черезъ озера и запруды, при смѣхѣ и шуткахъ. Мы страшно перепачкались въ тинѣ, но Ласковскій и я доплыли въ высокихъ сапогахъ по озеру до дверей купальни.

Возвратясь изъ купальни, Великій Князь раздавалъ призы нижнимъ чинамъ за выѣздку.

Изъ уланъ—трое получили часы и въ ихъ числѣ почтенный вахмистръ Штрумбергъ.

У Дризена изъ кирасиръ никто не получилъ.

Кавалергарды отличались противъ всѣхъ, чѣмъ особенно былъ доволенъ Александръ Ивановичъ Пушкинъ.

Надо отдать ему справедливость,—онъ былъ идеальный командиръ Кавалергардскаго полка. До него они очень опустились, а Пушкинъ сплотилъ полкъ въ одну дружную семью и придалъ ему чисто дворянскій характеръ, при чемъ служба была высоко поднята и исполнялась съ точностью, даже въ мелочахъ.

Это однако не мѣшало Александру Ивановичу быть усерднымъ поклонникомъ Бахуса и Терпсихоры.

Онъ вмѣстѣ съ нами пріѣзжалъ на репетиціи и былъ влюбленъ въ Лелю Лангъ, которая очень нравилась Государю.

Его Высочество любилъ иногда, въ свободный отъ занятій вечеръ, ѣздить въ Рошу удить форель. Поѣздки эти совершались до пріѣзда въ лагерь Государя.

Какъ-то разъ заложили лошадей въ три съ половиною часа, и мы отправились in's Grüne. Асташевъ — страстный охотникъ и рыболовъ—желалъ показать Великому Князю и товарищамъ свое искусство рыболова-форели, которая принадлежитъ къ самымъ чуткимъ и осторожнымъ рыбамъ, къ тому же живетъ въ кристальной водѣ и потому весьма трудно ловится.

Для себя Асташевъ держалъ въ арендѣ Таицкія воды.

Великій Князь сѣлъ въ четырехъ-мѣстный шарабанъ и правилъ four in hand; я примостился съ нимъ рядомъ, сзади сидѣли Скобелевъ и Сипягинъ; въ большой придворной линейкѣ: Клейнмихель, графъ Воронцовъ-Дашковъ, командовавшій лейбъ-гусарами, Асташевъ, Ласковскій, Андреевъ, Обольяниновъ.

Струковъ съ Дохтуровымъ ѣхалъ въ своей тройкѣ. Дальше слѣдовали княжеская загородная четверка и адъютантская тройка.

Впередъ была выслана пароконная телѣга съ кухнею, припасами и двумя маленькими жокеями. Поѣздъ нашъ весело и шумно покатилъ въ Рошу.

Время благопріятствовало нашей забавѣ.

Мы свернули въ деревню „Горки“, у подножья которой покоится прозрачное озеро съ плотиною, мельницей и красиво раскинувшеюся по окружающимъ холмамъ березовою рощей. На одномъ изъ такихъ холмовъ, у воды расположился нашъ таборъ: вытащили желѣзный таганъ, скинули сюртуки.

Его Высочество, Клейнмихель, Андреевъ и я надѣли кухонные фартуки. Графъ Воронцовъ сталъ разводить подъ таганомъ костеръ, я—таскать воду, генераловъ усадили чистить картофель и коренья; Великій Князь началъ рѣзать мясо, готовить щи, распоряжаться

своими мармитонами и кухонными мужиками, въ почетное званіе которыхъ возвели нашихъ генераловъ.

Между тѣмъ, какъ у насъ работа горѣла, а кострюли на таганѣ кипѣли, Асташевъ съ Синягинымъ съ одной стороны озера и нашъ новый товарищъ Леонтьевъ съ Ласковскимъ и Струковымъ съ другой принялись таскать изъ воды крючки вмѣсто форелей, которыя должны были войти вторымъ блюдомъ въ нашъ обѣдъ.

Впрочемъ Асташеву удалось вытащить одну форель. Видя это, Его Высочество приказалъ тайкомъ выловить изъ Рошинскаго садка 18 штукъ форелей, справедливо не желая подвергать наши желудки измѣнчивому счастью рыбаковъ.

Опасенія наши оправдались. Всей компаніи удалось вытащить одну форель, за что мы рѣшили наказать ихъ, подцѣпить на удочку вмѣсто форелей чувство зависти.

Асташеву и компаніи объявили, что Леонтьевъ съ товарищами вытащили 18 штукъ и обратно.

Смѣху надъ завистливыми улыбками и антагонизму не было конца. Позабавившись такимъ образомъ, расположились обѣдать.

Великій Князь сварилъ очень вкусный супъ изъ свѣжей капусты, тертаго картофеля и разной зелени, потомъ далъ форель съ молодымъ картофелемъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ, поливая вкусныя яства добрыми стаканами шипучаго мозельвейна и другими каплеобразными произведеніями виноградной лозы. Дессертомъ служилъ кофе и неизмѣнный для Его Высочества зеленый чай.

Среди разговоровъ я спросилъ графа Воронцова, какой это Воронцовъ продалъ мужику-кулаку сосѣднее съ нашимъ по Нижегородской губерніи имѣніе „Пожарки“, принадлежавшее князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому.

— „Это я“, отвѣтилъ графъ.

— „Какъ? это вы, неужели, Илларіонъ Ивановичъ, вамъ не было жаль продать въ руки кулака такую историческую святыню! Наконецъ, лучше бы вы продали землю въ Удѣлы, они бы и заплатили больше“.

— „Имѣніе заглазное, отвѣтилъ графъ. Крестьянинъ предложилъ хорошую цѣну, и я продалъ“.

Накормивши насъ, Великій Князь отдалъ остальное кучерамъ и жокеямъ.

Его Высочество легъ отдохнуть подъ деревомъ на мое свернутое пальто, нѣкоторые изъ товарищей расположились на отдыхъ вокругъ Великаго Князя, другіе разбрелись: кто держать лошадей вмѣсто кучеровъ, кто въ лодку на озеро еще разъ удочкой попытать счастье.

Я взялъ свой чаканъ и помѣстился вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ, Асташевымъ и Воронцовымъ въ лодкѣ. Они стали удить; въ воздухѣ стояла тишина, солнце клонилось къ закату, вдали люди суетились у костра и въ свою очередь наслаждались обѣдомъ.

Картина вышла превосходная и, чтобы завершить ея идиллическій характеръ, я заигралъ соло флейты изъ „Вильгельма Теля“ и „Шеферъ-лидъ“ Франца Шуберта, за что̀ съ берега удостоился аплодисментовъ.

Но вотъ прибѣжалъ казакъ изъ Краснаго съ депешею отъ Царя, въ которой онъ извѣщалъ Великаго Князя, что остался очень доволенъ смотромъ войскъ въ Москвѣ и спрашивалъ о здоровьѣ Великаго Князя.

Пріѣздъ казака послужилъ намъ сигналомъ къ выступленію.

Великій Князь поскакалъ на четверкѣ въ Петергофъ, мы же возвратились въ Красное.

Черезъ нѣсколько дней мы опять ѣздили въ Горки, варили, ѣли, пили, смѣялись, съ тою разницей, что въ этотъ разъ форель ловилась удачно.

Приглашенъ былъ Либрихъ — извѣстный скульпторъ и замѣчательный ловецъ на удочку. Дѣйствительно, менѣе, чѣмъ въ часъ времени онъ вытащилъ десять штукъ, тамъ, гдѣ Асташевъ за цѣлый вечеръ выудилъ лишь одну рыбу.

Послѣ обѣда Либрихъ поймалъ еще десятокъ, который мы взяли съ собой.

Погода стоитъ чудная; по заведенному порядку купаемся, ѣздимъ на ученье, смотры и въ театръ. Великій Князь пригласилъ Рюля, который жилъ у насъ и оживлялъ общество своими разсказами, фокусами, музыкой и рисованіемъ.

Рюль былъ богато одаренъ отъ природы: разсказчикъ превосходный, импровизаторъ на фортепіано, замѣчательный пейзажистъ, въ особенности au fusin, или красками на papier pelé; онъ дѣлалъ удивительные фокусы картами или шариками, которые появлялись и исчезали на глазахъ окружавшихъ съ необыкновенной быстротой. Рюль былъ очень остроуменъ и находчивъ, но не любилъ, если кто-либо мѣшалъ исполненію фокуса, стараясь его изловить; — тогда, какъ-бы не обращая вниманія, онъ его совершенно одурачивалъ, возбуждая смѣхъ и насмѣшки всего общества.

Жалко было, что такой необыкновенно даровитый человѣкъ размѣнялъ свои таланты на пятачки и всю жизнь нуждался въ средствахъ.

Въ концѣ іюля пріѣхалъ Большой Дворъ; началась суета; ожили: кухня съ десятками поваровъ, кафешенкская, муншенская и тафельдекерская должности; началось безпокойное время.

Государь производилъ смотры: кавалерію по полкамъ, а пѣхоту по бригадамъ и дивизіямъ.

Его Величество особенно остался доволенъ Уланами, благодарилъ за каждое построеніе, перестроеніе и атаки, которыя были блестящи своей сомкнутостью, быстротою и спокойствіемъ. Смотры сдавалъ Эссенъ, а Его Высочество радовался за своихъ Лейбъ-Уланъ.

По окончаніи смотровъ кавалеріи въ полковой праздникъ Кирасирскаго Его Величества полка былъ церковный парадъ и обѣдъ, на который были приглашены Уланы, Конногренадеры, Драгуны и Кирасиры Императрицы.

Въ этотъ лагерный сборъ къ намъ пріѣхалъ фельдмаршалъ, графъ Бергъ, и ѣздилъ на всѣ Великокняжескія ученія.

По утрамъ около девяти часовъ, Государь, предшествуемый „Милордомъ", обыкновенно совершаетъ прогулки по саду и заходитъ къ Его Высочеству. О приходѣ Государя насъ всегда предупреждаетъ „Милордъ", забѣгая къ намъ въ столовую.

Когда Государь въ духѣ — Его обхожденіе ужасно симпатично, у Него такой ласковый взглядъ, добродушный смѣхъ и чарующая улыбка.

— „Что Его Высочество всталъ?"—обыкновенно спрашиваетъ Государь кого-нибудь изъ дежурныхъ, если Великій Князь не успѣетъ выйти навстрѣчу.

Государь заходитъ въ домъ.

— „Здравствуй, Низя" обращается онъ къ Великому Князю и цѣлуетъ его въ щеку.

Поговоривъ о предстоящихъ смотрахъ, или давъ приказанія, Государь удаляется и продолжаетъ прогулку.

27 іюня ожидаютъ эрцгерцога Австрійскаго.

Вѣроятно, будетъ тревога.

29-го открытіе памятника Императора Павла I въ Павловскѣ.

23-го ночью поѣхали на бивуакъ отряда графа Воронцова въ Ропшу, подняли его по тревогѣ и быстрымъ наступленіемъ напали на отрядъ Великаго Князя Владиміра. Драгунскій полкъ съ четырьмя орудіями, шедшій колоннами съ нами во главѣ на рысяхъ, неожиданно наткнулся на засаду противника изъ баталіона, двухъ орудій и сотни конвоя.

Засада была такъ ловко скрыта, нападеніе конвоя на нашу колонну и залпы по шоссе изъ орудій такъ неожиданны, что мы были на голову разбиты и быстро отступили.

Старикъ фельдмаршалъ сопровождалъ Его Высочество и въ ночномъ нападеніи проѣхалъ съ нами рысью 6 верстъ безъ остановокъ.

Вообще, онъ летаетъ, какъ юноша.

26 и 27 іюня, какъ и въ прошломъ году, происходили у насъ маневры кавалеріи съ тою громадною разницей, что тогда другъ друга искали, не нашли и разошлись въ противоположныя стороны.

Однимъ отрядомъ изъ кирасиръ и казаковъ командовалъ князь Голицынъ, а другими изъ легкой дивизіи и сводныхъ частей — баронъ Штакельбергъ. Голицынъ ушелъ въ Ропшу, а Штакельбергъ — въ Гатчино.

Его Высочество разсердился, протрубилъ отбой въ чистомъ полѣ и уѣхалъ домой.

Великій Князь былъ очень огорченъ плохими дѣйствіями кавалеріи и въ особенности плохой развѣдкою обѣихъ сторонъ, благодаря которой отряды могли разбиться, даже не подозрѣвая, что идутъ въ противоположныя стороны.

Его Высочество съ поля поѣхалъ купаться, а потомъ потребовалъ всѣхъ начальниковъ къ себѣ во дворецъ и строго распекъ.

Въ этотъ кавалерійскій маневръ Его Высочество и мы за нимъ и съ приказаніями метались изъ стороны въ сторону, какъ шальные.

Не слѣзая, я сдѣлалъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ верстъ; былъ въ Хайдемякахъ, Высоцкомъ, Кипени, откуда Великій Князь послалъ меня искать кирасиръ. Я нашелъ ихъ подъ Гатчино, вернулся черезъ Скворицы въ Кипень, откуда черезъ Высоцкое нагналъ Великаго Князя подъ Краснымъ. Легко это пишется, но не легко ѣздится, и мнѣ даромъ не прошло.

Въ іюлѣ наѣхали иностранцы: эрцгерцогъ Вильгельмъ со свитой изъ десяти австрійцевъ.

Лагерь окончился рано, а потому изобиловалъ трудными занятіями: ученіями, маневрами и тревогами, такъ что въ праздники мы иногда остаемся въ Красномъ, чтобы отлежаться и отдохнуть.

Перваго іюля корпусный маневръ продолжался съ восьми до двухъ часовъ.

Бѣдному Додо Орлову лошадь наступила на ногу и сломала косточку въ ступнѣ, которая идетъ къ мизинцу. Несмотря на боль, шалый казакъ отъѣздилъ весь маневръ и, только пріѣхавъ домой, когда докторъ срѣзалъ сапогъ, убѣдился въ изломѣ.

На вопросъ Его Высочества: „чего ты раньше не слѣзъ?“ Орловъ отвѣтилъ: „не хотѣлъ передъ нѣмцами срамиться и слѣзать съ коня“. Къ счастью переломъ этотъ легко выносится, такъ что онъ можетъ ходить на костыляхъ и ѣхать къ женѣ за границу.

У Клейнмихеля сегодня родилась дочь Марія. Мы очень обрадовались и поздравляли его съ званіемъ отца.

Лагерь кончился 17 іюля, и я уѣхалъ къ своимъ въ деревню.

Въ началѣ сентября я получилъ телеграмму, что Его Высоче-

ство ѣдетъ на Востокъ и къ Святымъ мѣстамъ и беретъ меня съ собою.

Путешествіе это описано мною и уже вышло вторымъ изданіемъ, а потому пропускаю его въ этихъ статьяхъ съ тѣмъ, чтобы оно вошло въ полное изданіе моихъ воспоминаній, которое имѣю въ виду сдѣлать вслѣдъ за окончаніемъ печатанія въ „Русской Старинѣ“ настоящихъ статей, заканчивающихся дневникомъ „Похода на Востокъ“, и послѣднихъ лѣтъ жизни Великаго Князя.

Послѣдующіе годы послѣ 1872 года въ общемъ мало отличались отъ только-что описаннаго. Зимою ѣздили на балы, производили Инспекторскіе смотры; въ лагеряхъ работали съ усердіемъ.

Въ 1874 году пріѣзжалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ и былъ громадный наѣздъ иностранцевъ въ числѣ тридцати семи человѣкъ.

Эрцгерцогъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Великимъ Княземъ. Какъ полководецъ — онъ высоко цѣнитъ въ Его Высочествѣ военачальника.

За этотъ лагерь намъ тоже очень досталось; такъ послѣ парада, на которомъ войска показались въ отличнѣйшемъ видѣ, и Государь остался въ полной мѣрѣ доволенъ,—вечеромъ нѣкоторыя части выступили уже на малый маневръ.

Государь, дѣлая разводъ въ Измайловскомъ полку, вслѣдъ затѣмъ ударилъ тревогу, которую всѣ ожидали, а потому, Государь не успѣлъ оглянуться, какъ войска сосредоточились. Учились, какъ нельзя лучше. Иностранцы шныряли по всѣмъ угламъ.

Въ этомъ году лѣтомъ пріѣзжалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ Ольгой Ѳедоровной. Одиннадцатаго, въ Ольгинъ день, я слушалъ въ Михайловскомъ обѣдню, цѣловалъ Великой Княгинѣ руку и завтракалъ у Ихъ Высочествъ.

Въ этотъ лагерный сборъ Великій Князь остался очень недоволенъ ученіемъ всей кавалеріи.

Съ начала лагеря Его Высочество ежедневно совершалъ два объѣзда домашнихъ занятій войскъ.

Вездѣ стараніе и усердіе.

Въ Преображенскомъ полку Великій Князь неожиданно замѣтилъ плохое обученіе баталіона, происшедшее по объясненію командующаго полкомъ полковника Авинова оттого, что былъ четвергъ, а въ этотъ день у нихъ обѣдъ съ приличнымъ возліяніемъ.

Великій Князь разсердился, разнесъ и сдѣлалъ выговоръ всему начальству по командѣ.

Поѣздивши дней десять, Его Высочество приступилъ къ бригаднымъ смотрамъ кавалеріи.

Части учились очень чисто, спокойно и хорошо, за исключеніемъ кирасиръ Его Величества.

Затѣмъ Великій Князь дѣлалъ лично кавалерійскій и корпусный маневры.

Лагерь кончился поздно: седьмого августа около Царскаго Села.

Распредѣленіе нашей лагерной жизни измѣнилось, встаемъ въ восемь утра, ученіе въ девять, а вечернее—въ пять часовъ; завтракъ въ двѣнадцать, а обѣдъ въ восьмомъ. Театръ два и три раза въ недѣлю. Большимъ успѣхомъ пользуются „Перикола“ и „Пигмаліонъ и Галатея“ съ Чернявской. „Свадьбу Кречинскаго“ давали съ Монаховымъ очень плохо; вынесъ пьесу на своихъ плечахъ Расплюевъ-Виноградовъ.

Зато превосходно исполняли комедію „Мужья одолѣли“ съ Василіемъ Васильевичемъ Самойловымъ.

Балетъ въ этотъ лагерный сезонъ отчаянный. Чтобы не озлить публику, пригласили Евгенію Соколову. Давали второе дѣйствіе „Фіаметты“. На репетиціяхъ я игралъ соло для віолончели „chanson à boire“ Минкуса, подъ звуки котораго танцуетъ „Фіаметта“. Мнѣ аплодировали, потому что удавалось исполнить этотъ номеръ съ жаромъ и страстью.

Первый разъ, когда я рѣшился играть это solo, танцовала очаровательная Вергина, потомъ Соколова и наконецъ—Ваземъ.

Въ дни, когда нѣтъ театра—Его Высочество играетъ въ карты, чего прежде никогда не бывало.

Съ Галлъ было забавное приключеніе: онъ сталъ ухаживать за Марконе, которая жила въ Красномъ, и преподносилъ обыкновенно ей букеты во время спектакля.—На-дняхъ такой букетъ попалъ въ ложу къ пріѣзжимъ австрійцамъ и вызвалъ полное недоумѣніе.

Клейнмихель возвратился изъ Маріенбада, но не прекратилъ злоупотребленія питьемъ.

Всѣ мои просьбы и предостереженія ни къ чему не ведутъ, онъ только огрызается, какъ лютый волкъ, и не шутя сердится.

Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ занялся барышничествомъ: продаетъ и покупаетъ лошадей, пользуясь тѣмъ, что его менторъ Сипягинъ за границей.

Съ начала лагеря купилъ лошадь у Великаго Князя за шестьсотъ рублей, въ тотъ же день, какъ негодную, продалъ Леонтьеву за триста. Затѣмъ свою лошадь Алабцова—уступилъ подъ собственное сѣдло Государя Наслѣдника; — это единственный благоразумный поступокъ, затѣмъ ежедневно сталъ ѣздить въ конвой покупать и мѣнять лошадей.

Съ этого лагеря Его Высочество измѣнилъ обязательныя скачки офицеровъ слѣдующимъ образомъ: онъ неожиданно подъѣхалъ въ концѣ ученія ко второй легкой кавалерійской дивизіи, вызвалъ всѣхъ офицеровъ и приказалъ скакать на призы по обозначенному вѣхами пути кругомъ Дудергофа, черезъ поля, канавы, лѣсъ, горы и болота—дистанція 4 версты 90 саженей.

Скакало 75 офицеровъ со своими командирами. Первымъ пришелъ черезъ девять минутъ—уланъ, вторымъ—конногренадеръ; третьимъ—опять уланъ, четвертымъ—конно-артиллеристъ.

Затѣмъ группы уланъ, конногренадеръ и драгунъ. Первый гусаръ показался черезъ 14 минутъ, такъ что побѣду захватили въ свои руки уланы.

Лагерь благополучно окончился перваго августа.

Со мной былъ странный случай: весь лагерь я ѣздилъ осмотрительно, потому что имѣлъ предчувствіе, что упаду. Когда былъ данъ Государемъ отбой на большихъ маневрахъ и сборъ начальниковъ, Великій Князь поскакалъ по пахотному полю. Я подумалъ: ну, вотъ тебѣ и глупое предчувствіе—лагерю конецъ, и я не упалъ! Въ это самое время мой „Бурка“ споткнулся передними ногами, упалъ черезъ голову, а я, какъ ракета, отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ впередъ, но безъ послѣдствій для себя, только мундиръ лопнулъ подъ мышками и во всю спину.

Глава VII.

Поѣздка въ Варшаву 17 августа 1876 года.—Царскіе смотры.—Болѣзнь его Высочества.—Приглашеніе на маневры въ Германію.—Представленіе королю Саксонскому, Императору и принцамъ, королевѣ.—Спектакль Gala.—Иллюминація.—Заря.—Ужинъ у нашихъ хозяевъ.—Корпусный маневръ.—Поѣздка въ Мерзебургъ.—Парадъ.—Обѣдъ.—Представленіе императрицѣ Августѣ.—Поѣздка въ Лейпцигъ.—Шрейберъ.—Катанье по городу и окрестностямъ.—Сцена въ саду изъ „Фауста“ Гете.—Маневръ 4-го корпуса.—Соборъ и замокъ въ Мерзебургѣ.—Мѣсто сраженія подъ Росбахомъ.—Дрезденъ.

17-го августа 1876 года въ три часа дня Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ выѣхалъ съ царскимъ поѣздомъ въ Варшаву.

Его свита съ частью свиты Государя и чинами главной квартиры выѣхала въ полдень въ добавочномъ царскомъ поѣздѣ. Въ Варшавѣ Великій Князь былъ помѣщенъ въ Лазенкахъ. Государь остановился въ Бельведерѣ.

Въ 1876 году послѣ поѣздки Его Высочества на Кавказъ, во все время лагеря Государь былъ необыкновенно внимателенъ къ Великому Князю.

На Востокѣ уже загоралось пламя войны, въ газетахъ раздувался славянофилами славянскій вопросъ; появился Черняевъ, потянули добровольцы въ Сербію, шло какое-то глухое броженіе.

Государь во всѣхъ своихъ обращеніяхъ къ войскамъ проявлялъ необыкновенную сердечность, а по окончаніи большого маневра, высказывая свое удовольствіе начальникамъ и благодаря за все видѣнное, сказалъ:—„вы знаете, какъ мнѣ дорога ваша кровь“. Слова эти указывали, что не сегодня—завтра можемъ дойти до разрыва съ Турціей.

Его Высочество трезво смотрѣлъ на это броженіе, видѣлъ въ немъ чужую волю, которая вліяла на Государя и могла привести Его къ объявленію войны. Проблески самостоятельной дѣятельности славянофиловъ, которые вели свою политику, раздражали Великаго Князя. Кромѣ того Его Высочеству была хорошо извѣстна неподготовленность къ войнѣ нашего военнаго министерства.

По пріѣздѣ въ Варшаву, начались царскіе смотры и парады; между тѣмъ Великій Князь опять заболѣлъ.

Первые симптомы болѣзни проявились слегка еще въ Красномъ Селѣ на большомъ корпусномъ маневрѣ 1876 года.

У Его Высочества были спазматическія схватки въ желудкѣ, такъ что онъ принужденъ былъ слѣзать съ лошади и переѣзжать съ мѣста на мѣсто въ экипажѣ, распоряжаясь маневромъ, сидя въ коляскѣ и лежа на землѣ.

Въ Варшавѣ Великій Князь такъ расхворался, что слегъ въ постель; это случилось впервые съ 1864 года, что я находился при Великомъ Князѣ.

Было воскресенье, Государь назначилъ церковный парадъ при церкви Лазенковскаго дворца. Его Высочество послалъ меня доложить Его Величеству, что онъ извиняется, слегъ въ постель и не можетъ присутствовать на парадѣ.

Государь пришелъ навѣстить больного по окончаніи службы, а такъ какъ Великій Князь былъ приглашенъ Императоромъ Вильгельмомъ на маневры въ Германію, то Его Высочество испросилъ разрѣшеніе послать туда впередъ полковника Левицкаго и меня.

День былъ жаркій, послѣ полудня разразилась гроза съ необычайно сильными ударами, изъ которыхъ одинъ поразилъ почти цѣлую роту въ лагеряхъ на Повонзкахъ.

Молнія прошла по палаткамъ и поразила до 70 человѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько было убито.

Утромъ 24-го, по случаю отъѣзда Левицкій и я являлись къ Государю. Его Величество велѣлъ намъ передать свой поклонъ императору Вильгельму и королю Саксонскому.

Мы зашли также откланяться фельдмаршалу князю Барятинскому.

Въ это время въ книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ я печаталъ наше „Путешествіе по Востоку и Святой землѣ“. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что ему очень нравится мое описаніе, и спросилъ, буду ли я его продолжать?

— „Надѣюсь скоро его окончить“,—отвѣтилъ я, а между тѣмъ печатаніе послѣднихъ главъ состоялось только черезъ годъ по возвращеніи изъ кампаніи 1877—1878 годовъ.

Поцѣловавъ руку дорогому Великому Князю, въ часъ съ половиною дня мы уже сидѣли въ поѣздѣ и мчались на Берлинъ.

Прощаніе съ Его Высочествомъ меня совсѣмъ разстроило. Въ первый разъ послѣ двѣнадцати лѣтъ я оставилъ Великаго Князя больного въ постели. Въ такія минуты чувствуешь всю силу сердечной привязанности. При прощаніи, отъ необычной обстановки у меня на глазахъ навернулись слезы. Великій Князь привѣтливо взглянулъ на меня и сказалъ:

— „Кланяйся отъ моего имени королю Саксонскому и скажи, что я очень жалѣю, что болѣзнь лишаетъ меня возможности воспользоваться его милымъ приглашеніемъ; королевѣ — поклонись и поблагодари ее за цвѣты, которые она мнѣ дала при нашемъ послѣднемъ свиданіи; императору доложи, что я надѣюсь скоро поправиться и пріѣхать на маневры въ Берлинъ“.

Находясь подъ грустнымъ впечатлѣніемъ нашего отъѣзда, я почти не смотрѣлъ на окрестности, которыя мы проѣзжали, и весь ушелъ въ себя и только, имѣя въ виду предстоящіе большіе кавалерійскіе маневры, замѣтилъ лишь одно, что вся мѣстность открыта и способна для дѣйствій громаднѣйшихъ массъ кавалеріи, а для пѣхоты, кромѣ лѣсовъ и деревень въ складкахъ мѣстности, мало прикрытій.

Съ темнотою я сталъ мечтать и любоваться звѣздами. Взошла луна и залила своимъ нѣжнымъ синеватымъ свѣтомъ покоившіяся въ невозмутимой тишинѣ окрестности. Вѣтеръ до того затихъ, что, казалось—въ этихъ, рукою человѣка посаженныхъ сосновыхъ лѣсахъ и старательно воздѣланныхъ поляхъ—природа никогда не проявляла своей разрушительной силы. Мои излюбленныя звѣзды: Вега, Арктурусъ, Капелла, Делибъ изливали свой чудный свѣтъ и, нѣжно мерцая, утѣшали меня надеждою на скорое выздоровленіе Великаго Князя, вызывая болѣе спокойное душевное настроеніе.

Въ 6 ч. утра 25 августа мы пріѣхали въ Берлинъ. Видно, какъ городъ начинаетъ расти, перестраиваться и наряжаться.

На улицахъ чистота и несмотря на ранніе часы—уже много рабочаго и служащаго люда.

Мы переѣхали на Ангальтскій вокзалъ и въ $11^1/_2$ ч. прибыли въ Лейпцигъ.

Городъ старый, средневѣковый; улицы, церкви, все носитъ чисто нѣмецкій обликъ.

Высокіе дома, магазины разукрашены флагами, штандартами, поставлены тріумфальныя арки.

Контуры средневѣковыхъ зданій, какъ напримѣръ Ратуша—пріятно тѣшатъ глазъ.

Среди украшеній множество дубовыхъ вѣнковъ, соединенныхъ гирляндами.

На дебаркадерѣ насъ встрѣтилъ унтеръ-офицеръ, приставленный къ намъ на вѣсти. Мы сѣли въ коляску и отправились въ частный домъ, отведенный намъ подъ постой.

Зданіе находилось среди сада; хозяева, должно быть, очень богаты, — судя по входу, лѣстницѣ и отведеннымъ намъ комнатамъ. Обѣ наши спальни были обиты синимъ штофомъ, кровати съ балдахинами.

Мы должны были быстро одѣться и ѣхать представляться королю. Король принялъ насъ весьма милостиво.

Левицкій предоставилъ мнѣ слово, хотя онъ весьма порядочно владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ.

Король очень жалѣлъ, что Великій Князь не могъ пріѣхать, разспрашивалъ насъ о принадлежности къ оружію, о занимаемыхъ должностяхъ, о предстоящемъ большомъ кавалерійскомъ маневрѣ; сожалѣлъ, что не можетъ принять насъ у себя во дворцѣ, по его незначительности, и объяснилъ, что всѣ пріѣзжіе гости любезно разобраны зажиточными гражданами города.

Военный министръ Фабриціусъ и принцъ Георгъ Саксонскій приняли насъ также любезно и также интересовались предстоящимъ большимъ кавалерійскимъ маневромъ.

Затѣмъ мы поѣхали на парадный обѣдъ, накрытый въ обширномъ залѣ общества стрѣлковъ. Король провозгласилъ тостъ за Императора, въ которомъ высказалъ удовольствіе саксонскаго народа, въ первый разъ встрѣчающаго у себя своего славнаго Императора и полководца.

— „Императоръ среди насъ“, обратился онъ къ военнымъ, „и видитъ, что мы послѣ войны и побѣдъ продолжаемъ заниматься и совершенствоваться“.

Императоръ благодарилъ и, подтвердивъ слова короля, сказалъ, что—„Германцы въ тѣсномъ союзѣ будутъ всегда страшны врагамъ“.

*

Послѣ обѣда насъ представили Императору. Его Величество выразилъ сожалѣніе, что Великій Князь заболѣлъ, и Его не будетъ на маневрѣ: „тѣмъ болѣе, что онъ военный“ — и, пріосанившись и сверкнувъ глазами, прибавилъ:—„и какой военный!“

— „Я очень высокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ Великаго Князя“, добавилъ Императоръ.

Наслѣдный принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ необыкновенно симпатиченъ, какъ говорится, душа-человѣкъ,—подробно разспрашивалъ о болѣзни Великаго Князя и, было ясно видно, что онъ дѣйствительно любитъ Великаго Князя и сожалѣетъ, что не встрѣтится съ Его Высочествомъ.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ представить Великому Князю своихъ трехъ дочерей.

Великій герцогъ Веймарнскій — большой приверженецъ Россіи, разспрашивалъ о Государѣ.

Принцъ Альбертъ Прусскій, Шефъ нашего Митавскаго полка, восхищался Великимъ Княземъ и разсказывалъ, какъ онъ конфузился, когда Его Высочество подалъ ему почетный рапортъ.

Королева Саксонская, еще очень видная и красивая женщина, выразила благодарность за переданный мною поклонъ отъ Его Высочества и удивилась памяти Великаго Князя, что онъ не забылъ того, что было 24 года тому назадъ.

Прямо съ обѣда насъ повезли въ городской театръ на спектакль Gala; зало было необыкновенно парадное.

Императоръ сидѣлъ на креслѣ среди большой царской ложи; справа король, слѣва королева и бсзконечный рядъ принцевъ и принцессъ.

Композиторъ Рейнеке исполнялъ сочиненную имъ кантату: на первый пріѣздъ Императора въ страну, послѣ объединенія Германіи.

Само собою разумѣется, пріемъ Императора былъ восторженный.

Въ антрактѣ мы вышли на террасу, съ видомъ на иллюминованную площадь. Картина была грандіозная: по сторонамъ площади тянулся рядъ тріумфальныхъ арокъ, на противоположномъ зданіи горѣли колоссальные щиты.

При выходѣ Императора на балконъ раздалось потрясающее воздухъ привѣтствіе, и вслѣдъ за тѣмъ началось факельное шествіе съ хорами музыки отъ всѣхъ Саксонскихъ войскъ.

Хоры, выстроившись передъ балкономъ, сыграли нѣсколько пьесъ и заключили концертъ зарею и молитвою: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.

Затѣмъ продолжался спектакль Gala, а наша грудь украсилась орденомъ „Альберта Великодушнаго“.

Было уже 11 часовъ, когда мы пѣшкомъ вернулись домой. Мы оба падали отъ усталости.

Войдя въ обширную переднюю, я успѣлъ замѣтить черезъ полуоткрытыя двери справа—сервированный столъ.

Комнаты наши были во второмъ этажѣ.

— „Казиміръ Васильевичъ, обратился я къ Левицкому, ты замѣтилъ сервированный столъ? Значитъ, насъ сейчасъ позовутъ ужинать, и мы будемъ имѣть честь представиться нашимъ хозяевамъ“!

— „Ты можешь идти, а я не пойду“, рѣшительно отвѣтилъ Левицкій и началъ раздѣваться.

— „Не раздѣвайся, это тебѣ не поможетъ, мы должны представиться хозяевамъ“.

— „Ну ты и представляйся, а я не пойду“.

Раздался легкій стукъ въ двери.

— „Войдите“, сказалъ я.

Вошелъ элегантно одѣтый лакей и отъ имени хозяевъ просилъ насъ спуститься къ ужину.

— „Кто наши хозяева“, обратился я къ человѣку съ вопросомъ.

— „Вдова Х. съ двумя дочерьми“.

— „Ну, поблагодарите за приглашеніе и доложите, что мы тотчасъ же придемъ. Казиміръ Васильевичъ, ты слышалъ, ты будешь продолжать упорствовать, когда наши хозяева оказываются дамы“?

— „Чортъ ихъ побери“, отвѣтилъ Левицкій и началъ одѣваться.

Мы спустились и взаимно представились.

Вдова Х. оказалась очень милой дамой съ двумя хорошенькими дочерьми и женатымъ сыномъ. Какъ мы узнали впослѣдствіи, наши хозяева были поражены, увидя двухъ молодыхъ полковниковъ, такъ какъ они ожидали встрѣтить солидныхъ стариковъ.

Ужинъ прошелъ необыкновенно весело. Барышни были очаровательны, въ особенности младшая, стройная блондинка съ тонкими чертами миловиднаго личика и черными искрящимися глазками.

Левицкій былъ веселымъ застольникомъ; пили много шампанскаго, смѣялись и, повидимому, оставшись вполнѣ довольны другъ другомъ, разошлись въ три часа ночи.

Въ 7 час. утра на другой день мы отправились на корпусный маневръ; проѣхали черезъ Пробстхейде, Васнау въ Груна.

Въ 8 час. пріѣхалъ король, а за нимъ Императоръ.

Императоръ со свитой проѣхалъ на курганъ „Трехъ Монарховъ“, съ котораго мы долго слѣдили за развитіемъ маневра.

Мы съ Левицкимъ увлекались не столько маневромъ, сколько открывавшеюся передъ нами историческою мѣстностью битвы народовъ.

На курганъ мы проѣхали, какъ разъ тѣмъ путемъ, по которому пробѣжали наши лейбъ-казаки и, ударивъ во флангъ французской кавалеріи, опрокинули ихъ массовую атаку.

Между тѣмъ, съ пріѣздомъ Императора, Саксонскій корпусъ открылъ дѣйствіе наступленіемъ.

Пѣхотныя цѣпи проходили открытыя мѣста бѣгомъ.

Артиллерія дѣйствовала съ мѣста первоначально занятой позиціи отъ 2—3 верстъ позади наступавшей пѣхоты. Резервы цѣпи держались отъ нея весьма близко. Маневръ окончился бѣглымъ огнемъ всей пѣхоты и атакою кавалеріи съ праваго фланга.

Императоръ объѣзжалъ линіи, благодарилъ войска, которыя затѣмъ перестроились въ общую колонну для церемоніальнаго марша. Кавалерія проходила галопомъ.

Намъ очень понравился ея конскій составъ. Вернувшись съ маневра, мы должны были отправиться на парадный обѣдъ.

Вечеръ провели опять у нашихъ радушныхъ хозяевъ и такъ увлеклись, что опоздали на поѣздъ прямого сообщенія съ Мерзебургомъ.

Оказалось возможнымъ доѣхать до какой-то узловой станціи, отъ которой добраться до Мерзебурга возможно въ экипажѣ.

Мы это продѣлали, доѣхали до узловой станціи, нашли извощика и покатили по обсаженнымъ пирамидальными тополями шоссированнымъ дорогамъ.

Стало разсвѣтать, по сторонамъ вырисовывались каменныя постройки имѣній и селъ. Вся окрестность покоилась глубокимъ сномъ. Мы дремали и покачивались изъ стороны въ сторону.

Левицкій ворчалъ, приписывая мнѣ всѣ увлеченія дамскимъ обществомъ.

Наконецъ, показались высокія зданія древняго Мерзебурга на Заалѣ съ четырехъ-башеннымъ знаменитымъ соборомъ.

На мѣсто мы прибыли только къ разсвѣту; городъ еще спалъ.

Квартира намъ была отведена опять таки у вдовы, но пастора. Намъ снова пришлось спать только три часа.

Наши неудачи продолжались: парадъ былъ назначенъ въ 10 ч., а ревностный полковникъ, приставленный къ иностранцамъ, вывелъ насъ къ 8-ми часамъ.

Шелъ мелкій дождь, и мы вынуждены были мокнуть до $9^1/_2$ ч.

Къ 10-ти часамъ дождь пересталъ, но во время прохожденія снова полилъ, и насъ поставили правѣе трибуны.

4-й корпусъ стоялъ въ двѣ линіи: въ 1-й — вся пѣхота, во 2-й кавалерія, артиллерія и понтоны.

Къ 10-ти часамъ прибылъ Императоръ. Какъ только онъ по-

казался, и было скомандовано: „на караулъ“ — войска закричали: „Ура!..“

При объѣздѣ шагомъ Императоръ здоровался съ каждымъ баталіономъ, за нимъ ѣхала въ ландо Императрица Августа.

Сначала проходили по-ротно, пѣтушинымъ шагомъ, но, какъ говорятъ, значительно улучшеннымъ, кавалерія—по полуэскадронамъ; второе прохожденіе—нашими Александровскими колоннами, которыя здѣсь называютъ „русскими“. Кавалерія по-эскадронно.

Принимая во вниманіе всѣ дурныя условія, какъ: грязь, встрѣчный дождь и т. п. — надо отдать справедливость, что парадъ 4-го корпуса былъ блистательный. Во всѣхъ трехъ оружіяхъ виденъ одинъ глазъ, одна внушающая воля.

Послѣ парада поскакали домой, всѣ ужасно устали.

Въ 4 ч. былъ назначенъ обѣдъ въ замкѣ. У насъ не было экипажа, и насъ повезъ нашъ Свиты Генералъ Рейтеросъ, состоявшій при особѣ Императора Германскаго. Старый замокъ отлично сохраненъ.

Къ обѣду, кромѣ свиты и иностранцевъ, приглашались всѣ проживающіе въ Мерзебургѣ и окрестностяхъ отставные генералы.

Во время пребыванія Императора отставные генералы всегда приглашаются и ѣздятъ за Императоромъ въ числѣ его свиты.

За обѣдомъ мы сидѣли между генералами, и наши сосѣди весьма симпатично говорили о Россіи, о положеніи Восточнаго вопроса и той поддержкѣ, которую Императоръ Александръ оказалъ Германіи во Франко-Прусской войнѣ.

Послѣ обѣда насъ представили Императрицѣ Августѣ. Она весьма любезно и сочувственно отнеслась къ Великому Князю.

Императоръ извинялся, что дурная погода мѣшала параду.

— „Тѣмъ не менѣе, отвѣтилъ я, парадъ былъ блистательный, Ваше Величество, въ особенности удачно проходили колоннами“.

— „Да, отвѣтилъ Императоръ, я перенялъ это прохожденіе отъ васъ, и оно моимъ войскамъ очень понравилось“.

— „У насъ, отвѣтилъ я, это прохожденіе называется Александровскими колоннами“.

— „А мы называемъ ихъ русскими“,—сказалъ Императоръ.

На слѣдующій день въ субботу маневръ былъ отказанъ по нездоровью Императора.

У насъ оказалось два свободныхъ дня.

Мы рѣшили съ Левицкимъ провести ихъ въ Лейпцигѣ у нашихъ радушныхъ хозяевъ.

Въ купе мы встрѣтились съ секретаремъ, или вѣрнѣе сказать—чте-

цомъ Императора, Шрейберомъ, типичнымъ старикомъ съ большими сѣдыми волосами.

Онъ заговорилъ съ нами по-русски и повелъ весьма интересный разговоръ о красотѣ русскаго языка, о славянахъ, населяющихъ страну до Эльбы, о вендахъ, до сихъ поръ говорящихъ на своемъ языкѣ, о коренастыхъ бранденбургцахъ, какъ смѣси славянъ съ нѣмцами.

Онъ распространялся о будущемъ славянъ, о великой будущности Россіи, о невозможности у насъ революціи, объ историческомъ законѣ,—что только изъ центра возможна перемѣна, провинція никогда ничего не добивалась.

Слушая его, мы незамѣтно подъѣхали къ Лейпцигу. Хозяева очень обрадовались нашему пріѣзду.

Мы ужинали и провели прелестный вечеръ, составивъ программу на завтрашній день.

На слѣдующее утро, къ 8-ми часамъ, всѣ собрались къ кофе, чтобы вслѣдъ затѣмъ поѣхать кататься по городу и по нѣкоторымъ его знаменитымъ окрестностямъ.

Я не ожидалъ увидѣть среди распаханной и разсаженной деревьями германской культуры дубовый лѣсъ, во всей его первобытной красѣ. Лѣсъ этотъ тянется на нѣсколько верстъ по направленію къ Мерзебургу, составляетъ городскую собственность и гордость Лейпцига.

Мѣстами мнѣ казалось, что я ѣду по своему Нижегородскому лѣсу на рѣкѣ Пьянѣ. Тѣ же дубы въ два-три обхвата и густообразная подъ ними поросль.

Изъ лѣса мы выѣхали въ селеніе съ памятникомъ Блюхеру и Іорку, затѣмъ вернулись въ городъ, проѣхали по кварталамъ, гдѣ всѣ улицы засажены деревьями, а богатые дома съ причудливою архитектурой, окружены садами и роскошными цвѣтниками.

Всюду видна зажиточность и довольство.

Затѣмъ проѣхали черезъ другой лѣсъ Кетхенъ къ башнѣ Наполеона на полѣ Лейпцигскаго сраженія; онъ въ видѣ памятника съ надписями и окруженъ изящною рѣшеткой.

Возвратились домой передъ обѣдомъ; молодыя хозяйки предложили намъ прогуляться по саду, въ которомъ, кромѣ массы цвѣтовъ, было много фруктовыхъ деревьевъ и веранда съ виноградомъ.

Барышня съ искрящимися глазками повела меня по саду и стала показывать свои цвѣтовыя грядки, птичникъ и голубятникъ.

Дѣвушка мнѣ нравилась.

Декоративная обстановка окрестности напоминала зданіями и церковными башнями садъ изъ Фауста, Гете.

Слѣдуя за нею, я чувствовалъ, какъ чары, загубившія Гретхенъ, вмѣстѣ съ ароматами цвѣтовъ стали проникать въ грудь и сердце и туманить мнѣ голову. Левицкій, какъ Мефистофель, гуляя съ другими, способствовалъ нашему уединенію.

Я переживалъ чудныя минуты и, не думая о послѣдующемъ, живя мгновеніемъ, нашептывалъ невинныя слова упоенія, которыя вызывали на личико моей слушательницы яркій румянецъ, при чемъ глазки и порывистыя движенія невольно выдавали усиленное волненіе ихъ обладательницы.

Мы подошли и скрылись въ верандѣ съ виноградомъ. Я взялъ и поцѣловалъ ея ручку.

Она глубоко вздохнула и посмотрѣла мнѣ въ глаза—такъ мило, такъ любовно, что я упрекнулъ себя и осудилъ свое увлеченіе.

Послѣ обѣда, когда уже смерклось, и звѣзды ярко заблестѣли на темномъ фонѣ неба, мы простились и уѣхали въ Мерзебургъ.

Неподдѣльное радушіе нашихъ хозяевъ до того очаровало насъ, что мы разставались съ сокрушеніемъ въ сердцѣ.

30-го августа, въ 8 ч. утра, мы поѣхали на маневръ 4-го корпуса. Въ дѣйствіяхъ этого корпуса было гораздо болѣе связи, чѣмъ у саксонцевъ.

Послѣ маневра, Императоръ подъѣхалъ къ намъ и поздравилъ съ тезоименитствомъ Государя, а затѣмъ, спросивъ: довольны ли мы маневромъ, самъ произнесъ небольшую критику, извиняя близость дѣйствія 2-й линіи необходимостью и желаніемъ лично видѣть всѣ участвующія войска.

— „Поддержка, замѣтилъ Императоръ, должна направляться, преимущественно, охватывая флангъ противника, или—въ другомъ направленіи противъ атаки противника, чтобы не подвергнуться участи первой линіи“.

Потомъ подъѣхалъ наслѣдный принцъ и улыбнулся, говоря о картинности маневра, напоминавшей ему знаменитый маневръ подъ Калишемъ и изображеніе послѣдняго на вазахъ.

На слѣдующій день 31 августа происходилъ маневръ между 4-мъ и 12-мъ (Саксонскимъ) корпусомъ.

Мы сѣли въ поданный намъ допотопныхъ формъ рыдванъ, на половину выкрашенный въ желтую краску, съ ямщикомъ, одѣтымъ въ традиціонную форму французскихъ почталіоновъ.

Къ $9^1/_2$ мы прибыли въ деревню Шладебахъ, гдѣ стояли лошади для свиты и иностранцевъ.

Такъ какъ въ розданныхъ намъ планахъ и задачахъ маневровъ можно было усмотрѣть кавалерійское дѣло на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса, то мы и направились туда, но Саксонцы не воспользова-

лись своимъ преимуществомъ и не атаковали слабѣйшую часть кавалеріи 4-го корпуса, стоящую за Альтрандштедтомъ, въ ожиданіи занятія этого мѣстечка своею пѣхотою. Когда же оно было взято, и Саксонцы перешли въ наступленіе, благопріятная минута была потеряна, и атака—неудачна.

Затѣмъ мы переѣхали къ пѣхотѣ 4-го корпуса и присутствовали при ея отступленіи вдоль болотистаго оврага отъ Шладебахъ на Грейнау.

Отступленіе происходило безъ прикрытія артиллеріею, кавалерія же перешла съ лѣваго фланга за оврагъ въ мѣста, по которымъ ей нельзя было дѣйствовать, а потому опять вернулась на оставленный ею лѣвый флангъ.

Тѣмъ временемъ Саксонцы развернулись въ превосходныхъ силахъ и стали тѣснить 4-й корпусъ.

Кавалерія 4-го корпуса, хотя и успѣла построить боевой порядокъ раньше вновь появившейся кавалеріи 12-го корпуса, но не воспользовалась этимъ, и когда произошло столкновеніе—то была отброшена превосходными силами успѣвшаго развернуться противника.

Артиллерія располагается преимущественно въ тылу 1-ой линіи, постоянно дѣйствуетъ черезъ голову и почти не мѣняетъ позиціи, развѣ только въ самомъ концѣ передъ атакою, или въ преслѣдованіи.

Къ 4-мъ часамъ мы вернулись въ Мерзебургъ, а въ 5-ть пошли къ Императорскому обѣденному столу.

Мы пріѣхали заблаговременно, а потому я успѣлъ осмотрѣть дворъ стараго замка.

Одна изъ прелестей этихъ средневѣковыхъ построекъ, кромѣ удачнаго мѣстоположенія, составляетъ удивительное разнообразіе архитектурныхъ линій, не переходящее никогда въ пестроту, главное — несимметричность и свобода во всемъ. Такъ и во дворѣ этого замка—съ одной стороны видна стѣна собора съ громадными стрѣльчатыми окнами и контръ-форсами, обвитыми плющемъ и дикимъ виноградомъ, другія три стороны составляютъ жилой замокъ и всѣ между собой не похожи: гдѣ подъѣздъ по серединѣ, гдѣ рядомъ съ воротами; тутъ выдающійся въ два этажа навѣсный балконъ, тамъ террасы на сводчатой галлереѣ; тутъ рядъ оконъ; тамъ барельэфъ, или высѣченный громадный гербъ.

Все это перемѣшано и тѣмъ не менѣе составляетъ прелестное цѣлое, невольно вызывающее мечтательность и располагающее къ романтизму.

Соборъ въ Мерзебургѣ и этотъ замокъ тѣсно связаны съ моими юношескими воспоминаніями.

Будучи въ 3 спеціальномъ классѣ, я увлекся заданною мнѣ историческою темой „Борьба Императора Генриха VI съ Папою Григоріемъ VII“;—въ Мерзебургскомъ Соборѣ похороненъ Фридрихъ Швабскій—противникъ Генриха, избранный Императоромъ интригами приверженцевъ Григорія VII.

Какъ сильно было мое юношеское увлеченіе Императоромъ Генрихомъ, можно заключить изъ того, что я не пошелъ на могилу его противника.

На слѣдующій день 1 сентября маневръ начался въ 8 ч.

Во время дѣйствій мы замѣтили антагонизмъ между саксонцами и пруссаками.

Замѣчательно, какъ германскій народъ сочувствуетъ и увлекается маневрами, атакуетъ вмѣстѣ съ ротами и принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ эволюціяхъ. Около Императора постоянно собираются цѣлыя массы и кричатъ „hoch“!

Послѣ замѣчаній на маневрѣ Императоръ благодарилъ войска и сердечно простился къ Королемъ Саксонскимъ, которому вслѣдъ затѣмъ и мы откланялись.

Маневръ происходилъ противъ Росбаха, а послѣднія кавалерійскія атаки были произведены у подножья Янусберга, на которомъ поставленъ памятникъ этой достославной побѣды конницы.

Высота Янусберга тянется въ видѣ невысокаго кряжа, покрытаго посѣвами, и напоминаетъ наши Кавелахтскія высоты. Она раздѣляетъ надвое гладкое плато, на одну изъ сторонъ котораго выскакалъ Зейдлицъ и разметалъ французовъ.

Послѣ завтрака въ полковомъ собраніи „Рессурсъ“, въ 4 ч. мы отправились на станцію, гдѣ за множествомъ народа съ трудомъ сдали свой багажъ.

Проѣхали Галле, полный воспоминаніями Лейпцигъ и въ полночь прибыли въ Дрезденъ; весь городъ спалъ, остановились въ гостинницѣ, противъ Брюльской террасы и съ трудомъ добились чаю.

Д. А. Скалонъ.

Высочайшее повелѣніе, неисполненное „по недоумѣнію“.

I.

Извѣстно, что Императоръ Николай Павловичъ въ ранней молодости очень серьезно занимался инженерной наукой и спеціально изучилъ всѣ разносторонніе ея отдѣлы. Онъ любилъ это дѣло и вполнѣ справедливо считался большимъ, глубокимъ знатокомъ его.—Особое пристрастіе, между прочимъ,онъ питалъ вообще къ казематированнымъ—сводчатымъ, постройкамъ;—то былъ вѣкъ широкаго распространенія ихъ въ фортификаціонномъ дѣлѣ и примѣненія въ инженерномъ искусствѣ.

Въ царствованіе Императора Александра I-го, въ 1820-мъ году, было основано Михайловское артиллерійское училище; оно помѣщалось съ самаго основанія своего, тамъ же, гдѣ находится и теперь—по ту сторону Невы, на Выборской сторонѣ. Императоръ Александръ I тогда же намѣтилъ поставить по сю сторону рѣки, налѣво и направо отъ плашкоутнаго черезъ нее моста (Литейный, нынѣ Александровскій каменный) два большихъ зданія,—одно для устройства квартиръ офицерамъ гв. пѣшей артиллеріи, а другое для офицеровъ гв. конной артиллеріи. Тогда же, при торжествѣ открытія артиллерійскаго училища, Благословенный Царь сказалъ: „пусть впредь молодежь, съ успѣхомъ оканчивающая въ этомъ новомъ разсадникѣ курсъ потребныхъ для ея спеціальности наукъ,—тутъ же, по близости, и переходитъ на мѣсто фронтового служенія своего“.

Съ проектами постройки этихъ зданій вышли тогда какія-то задержки; Императоръ Александръ Павловичъ сошелъ съ исторической сцены,—скончавшись или, быть можетъ, какъ теперь, со

словъ народа, полагаютъ нѣкоторые даже серьезные историки-изслѣдователи, почилъ отъ дѣлъ,—а о постройкѣ квартиръ для офицеровъ, окончившихъ курсъ наукъ въ спеціальномъ артиллерійскомъ разсадникѣ,—всякая рѣчь замолкла.

Императоръ Николай Павловичъ, черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи на престолъ, самъ вспомнилъ объ этой недоимкѣ и велѣлъ: „въ кратчайшій срокъ представить проекты, чертежи, планы, смѣты на постройку квартирныхъ офицерскихъ домовъ по обѣ стороны въѣзда на мостъ на Литейномъ берегу, какъ предполагалъ незабвенной памяти Братъ Его Императоръ Александръ Павловичъ".

Все было, конечно, представлено съ необыкновенной,—а для такихъ выдающихся случаевъ, каковымъ являлось личное требованіе Государя Николая I-го, съ обычной быстротой.

Государь самъ въ подробностяхъ разсмотрѣлъ все представленное, остался доволенъ, одобрилъ все, что видѣлъ, но при этомъ написалъ: „нижніе этажи обоихъ этихъ домовъ передѣлать теперь же въ проектахъ: ихъ лучше снабдить сводами; сводчатые потолки вообще крѣпче, прочнѣе и надежнѣе; затѣмъ можно, съ Божіею помощью, приступить къ возведенію зданій".

Такимъ образомъ Императоръ-спеціалистъ, утвердивъ проекты, наложилъ на нихъ печать своихъ знаній, измѣнилъ ихъ „сообразно своему коньку".

II.

Прошло два-три года; постройка шла своимъ порядкомъ.— Однажды, осматривая какія то вновь возведенныя казенныя зданія, Государь, какъ бы мимоходомъ, спросилъ: а какъ подвигается дѣло постройки зданій у плашкоутнаго черезъ Неву за арсеналомъ моста?

На докладъ Вел. Князя Михаила Павловича о томъ, что постройка подходитъ къ концу, Его Величество приказалъ непремѣнно доложить ему, когда все будетъ готово.

Съ окончаніемъ работъ поторопились; мѣсяца черезъ три-четыре послѣ этого Государю доложено было о приведеніи работъ къ полному окончанію.

Докладъ объ этомъ тогда же привезъ Государю Великій Князь, захвативъ съ собой во дворецъ, на всякій случай, планы и пригласивъ инженеровъ, исполнявшихъ постройку.

Государь вышелъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, принялъ всѣхъ очень милостиво, въ шутку добавилъ, что послѣднее его напоминаніе вѣроятно встрепенуло строителей, подогнало, разбудило; затѣмъ Государь спросилъ—удачно ли выполнено то измѣ-

неніе, которое онъ ввелъ въ проектъ,—„хорошо ли вышло добавленіе сводовъ въ нижнихъ этажахъ“?

Главный исполнитель-инженеръ замялся; прошло двѣ-три минуты молчанія; Государь, не обративъ вниманія на заминку, сказалъ: „Ну, я на-дняхъ посмотрю все самъ; теперь у меня много дѣла здѣсь; затѣмъ я поѣду на нѣсколько дней въ Царское Село, а 28-го или 29-го октября вы мнѣ покажете всѣ ваши работы; очень интересно взглянуть на нихъ; какъ-то вы со всѣмъ этимъ справились!“

III.

Нѣкоторыя данныя указываютъ на то, что все это случилось въ годъ рожденія младшаго сына Государева—великаго князя Михаила Николаевича, т. е. въ 1832 году; при чемъ, если это вѣрно, то самый осмотръ зданій былъ произведенъ Государемъ недѣли черезъ двѣ съ небольшимъ послѣ рожденія „будущаго генералъ фельдцейхмейстера“ (послѣ 13-го октября).

Въ общемъ Государь остался доволенъ исполненіемъ работъ; но при этомъ, какъ будто что-то чувствуя, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній; въ концѣ же концовъ, поблагодаривъ за труды, Государь сказалъ: безмѣрно легче было бы произвести эту работу и она вышла бы удачнѣе, если бы прямо былъ составленъ проектъ постройки со сводами; а, т. к. пришлось измѣнять, то и получились нѣкоторыя шероховатости, вызванныя затрудненіями передѣлки; это заставляетъ взглянуть снисходительнѣе на исполненіе всей постройки.

Какъ дрожали инженеры-строители, а въ особенности старшій производитель работъ и съ какою совѣстью всѣ они ушли съ этого царскаго смотра—можно себѣ вообразить.

Дѣло въ томъ, что съ минуты запроса Царева о томъ, на сколько удачно вышла постройка сводовъ,—до назначеннаго дня осмотра оставалось около мѣсяца.

Главный инженеръ, на запросъ Государя, не нашелся и не дерзнулъ что-либо отвѣтить и только Государь выручилъ его, скоро перебивъ сообщеніемъ о томъ, что самъ все осмотритъ. Какой оборотъ приняла бы вся эта исторія, если бы Государь назначилъ осмотръ на другой или на третій день—одному Богу извѣстно. Въ страшномъ смущеніи вышли отъ Государя инженеры, но младшіе изъ нихъ равнялись на старшаго и потому выжидали молча послѣдствій заваренной этимъ старшимъ каши.

Получивъ въ свое время изъ рукъ Государя резолюцію, которою рекомендовалась замѣна потолковъ нижнихъ этажей сводами, старшій

инженеръ рѣшилъ не измѣнять проекта: къ чему я буду измѣнять разъ извѣстно, что смѣта измѣнена не будетъ, и кредитъ на постройку не будетъ увеличенъ; зачѣмъ я буду удорожать постройку себѣ въ убытокъ; постройка продлится года три, Государь къ тому времени забудетъ объ этой мелочи,—мало ли у него заботъ, точно не объ чемъ думать ему помимо этихъ двухъ артиллерійскихъ домовъ; не все ли равно, со сводами я ихъ выведу или безъ сводовъ.

IV.

Вотъ о какихъ разсужденіяхъ главнаго строителя передавалось изъ устъ въ уста въ то время, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ произведеннаго Государемъ осмотра пресловутыхъ домовъ тѣхъ, начали глухо ходить слухи о смѣлой продѣлкѣ инженера.

Удивительною является наглая находчивость, съ которою, столь счастливо для себя, вышелъ изъ этой исторіи инженеръ. Дабы съ пользою употребить тѣ три съ лишнимъ недѣли, которыя оставались до царскаго осмотра, инженеръ безъ малѣйшаго промедленія подвелъ въ обоихъ домахъ арки изъ дюймовокъ, укрѣпилъ ихъ, покрылъ известкой или цементомъ, а затѣмъ замазалъ гипсомъ, и вышли искусственные своды, мало по наружному виду отличавшіеся отъ настоящихъ, а въ существѣ нисколько не укрѣплявшіе нижнихъ этажей этихъ домовъ.

Разсказываютъ, что прошло около 20 лѣтъ, пока Государь узналъ объ этой продѣлкѣ. Начали было слѣдствіе, но всѣ инженеры-строители къ тому времени перемерли, а одинъ изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ—оглохшій и ослѣпшій старикъ, разсказывалъ, будто бы всѣ строители въ свое время подавали голосъ за точное исполненіе Высочайшей воли, но старшій все время стоялъ на томъ, что Государь лишь порекомендовалъ, а не приказалъ; вышло „недоумѣніе“, твердилъ старикъ, вотъ вѣдь грѣхъ-отъ какой!

Случилось такъ, что Государь узналъ объ сути этой исторіи уже послѣ кончины Вел. Князя Михаила Павловича. Не разъ по этому поводу Государь говаривалъ и Цесаревичу Александру Николаевичу и Великому Князю Николаю Николаевичу, унаслѣдовавшему отъ Императора инженерную спеціальность, а также любовь и способность къ ней: „вотъ какъ насъ обманываютъ! вотъ какъ легко насъ обмануть и въ мелочахъ и въ крупныхъ дѣлахъ: какъ они умудрились однако брата Михаила обвести; какая смѣлость“!

Въ то время, когда до Государя дошло свѣдѣніе объ этой продѣлкѣ, уже начали показываться грозовыя тучи на востокѣ, тамъ

сказались многія предзнаменованія надвигавшейся грозной войны (185 3/4 гг.).

Все это, вмѣстѣ взятое, обусловило полное прекращеніе дѣла; такъ и осталась на память потомству въ обоихъ домахъ (Литейный просп. № 1 и № 2) лѣпная поддѣлка сводовъ; во всякое время можно постукиваніемъ молотка убѣдиться въ томъ, что непосредственно за этой аркой имѣется лишь пустота; кто живалъ въ тѣхъ домахъ, помнитъ, что довольно большой длины гвоздь, вбитый въ высшую точку арки, выходитъ во второмъ этажѣ изъ-подъ паркета.

Всѣ обстоятельства утвержденія или одобренія проекта Государь, по обыкновенію, прекрасно помнилъ.

Услышавъ оправданіе, которое привелъ оставшійся въ живыхъ инженеръ, Государь сказалъ при докладѣ объ этомъ: „почему же на мой вопросъ—какъ вышли своды? старшій строитель предпочелъ смолчать и не доложилъ мнѣ прямо, что осмѣлился мою рекомендацію не счесть за Высочайшее повелѣніе“? На этомъ все и кончилось.

V.

Если вспомнить, какъ Государь Николай Павловичъ вообще горько сѣтовалъ на такія и подобныя хищенія, то можно себѣ представить, какъ тяжко они на немъ отзывались.

Этотъ сдержанный Рыцарь-Монархъ не стѣснялся высказать въ присутствіи иностранцевъ о томъ, что лишь Богу и генералу Дену извѣстно, во сколько обошлась Россіи Варшавская крѣпость (цитадель); мнѣ сдается, говорилъ Государь, что на нее, за выведенную по отчетамъ сумму стоимости постройки, могли бы быть подрядчиками поставлены не кирпичи, а плитки золота, и ни одинъ поставщикъ все-таки не былъ бы въ убыткѣ.

Какъ тяжелы были Государю обнаруживанья подобныхъ случаевъ, постоянно напоминавшихъ о томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ исполненіи проектовъ, плановъ и смѣтъ,—всѣ стремились лишь къ одному — возможно скорѣе и вѣрнѣе добрать въ собственный карманъ разницу стоимости кирпича и золотыхъ плитъ!

Извѣстно, что именно, т. е. какую расправу Императоръ Николай I, выведенный изъ себя наплывомъ хищеній, приказалъ учинить относительно одного изъ чудовищнѣйшихъ хищниковъ—генерала Политковскаго, разжаловавъ этого казнокрада въ солдаты уже послѣ его смерти

VI.

И все-таки, какъ Государь, такъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, по своему высшему благородству, всякій разъ, при обнаруженіи казнокрадства, начинали съ того, что отрицали возможность чего-либо подобнаго. А этимъ какъ пользовались, какъ злоупотребляли!

Приведенный разсказъ записанъ со словъ бывшаго командира гв. конно-артиллерійской бригады свиты Его Имп. Величества ген.-маіора Магнуса Ивановича Бреверна. Это былъ младшій братъ генералъ-адъютанта графа Александра Ив. Бреверна-Делагарди, когда-то мощнаго нач-ка штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

Въ эту должность графъ былъ избранъ особымъ довѣріемъ перваго начальника этихъ войскъ въ званіи командующаго ими—Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, въ моментъ образованія военныхъ округовъ (1863 г.).

Болѣе пяти лѣтъ онъ пробылъ въ этой должности; затѣмъ, разсказавъ однажды неосторожно о какомъ-то событіи, не подлежавшемъ разглашенію, впалъ, совершенно неожиданно, въ немилость и былъ переведенъ на службу въ Харьковъ—командующимъ войсками округа, а оттуда вскорѣ получилъ отчисленіе [1]).

М. И. Бреверн въ то время состоялъ въ чинѣ штабсъ-капитана гв. конной артиллеріи и получилъ назначеніе на должность командира образцоваго сводно-казачьяго артиллерійскаго дивизіона съ переименованіемъ въ войсковые старшины; чинъ этотъ въ тѣ времена соотвѣтствовалъ чину маіора и стоялъ между чинами капитанскимъ и подполковничьимъ.

М. И. Бреверн, находясь постоянно въ той высшей военной средѣ, въ которой вращался его братъ графъ Александръ Бреверн-Делагарди—многое слышалъ и зналъ.—Передавая разсказъ о сводахъ и помимо того, вообще приводя массу подобныхъ разсказовъ изъ прошлаго, онъ не разъ говорилъ: я столько наслышался, что „если бы велъ свои записки, какіе драгоцѣнные томы могли бы набраться у меня“.

Въ разсказѣ его о пресловутыхъ сводахъ является болѣе всего удивительнымъ то, какъ онъ самъ говаривалъ, что въ то время о такомъ вопіющемъ дѣлѣ никто не додумался донести тотчасъ по

---

[1]) См. статью „Драгомировъ передъ войной 1877—78 г.г.“ „Русск. Старина“ Май 1909 года.

свершеніи его; ни анонимныя письма, ни другіе способы доносовъ не были тогда въ ходу, и дѣло, почти четверть вѣка находясь на виду у всѣхъ,--оставалось скрытымъ гдѣ-то глубоко и далеко. Не о томъ, конечно, что система тайныхъ и явныхъ доносовъ не была въ то время широко развита, приходится жалѣть по такимъ поводамъ; не доставало тогда той гласности, которая теперь начала выливаться въ разумную, честную форму и вызывать благіе результаты, помогая дѣлу раскрытія подпольной работы интендантскихъ и всякихъ другихъ себялюбцевъ, истинныхъ враговъ отечества.

Такъ обманщикъ спокойно унесъ все съ собой въ могилу, рѣшившись ловко и хладнокровно обмануть самого Царя...

Сообщ. А. Е. К.

По Вальтеръ-Скотту.

Осенью 1835 г. въ г. Смоленскѣ, смоленскій губернаторъ Николай Ивановичъ Хмельницкій, читая въ переводѣ на русскій языкъ Вальтеръ-Скотта, вдругъ натолкнулся на открытіе, до того его взволновавшее, что, послѣ поѣздки въ Вяземскій уѣздъ и, такъ сказать, личной рекогносцировки мѣстности, о которой упоминалъ англійскій писатель, онъ далъ слѣдующее секретное предписаніе управляющему работами по Смоленскому шоссе инженерному подполковнику Шванебаху [1]):

— „Въ книгѣ, подъ названіемъ „Жизнь Наполеона Бонапарта, Императора французовъ“ (сочиненія Вальтеръ-Скотта—въ переводѣ съ англійскаго С.-де-Шаплета и напечатанной въ 1832 году, въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Смирдина), въ томѣ X, на стр. 33, напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

„Другой приказъ Наполеона доказываетъ, что онъ чувствовалъ

---

[1]) Какъ этотъ, такъ и другіе, нижеприводимые документы, взяты изъ подлиннаго дѣла архива смоленскаго губернатора 1835 г., озаглавленнаго: „объ отысканіи въ семлевскомъ озерѣ вещей, брошенныхъ въ 1812 году французами“ (Дѣло по описи Смол. Губернскаго Правленія № 161).

Самое дѣло вноситъ нѣсколько новыхъ чертъ и характеристику небезызвѣстнаго въ свое время Хмельницкаго.

Переводчикъ съ французскаго водевилей, самъ сочинявшій пьесы въ духѣ этихъ писателей, авторъ нѣсколькихъ историческихъ пьесъ; посредственный дипломатъ, посредственный писатель, находившійся въ перепискѣ съ Пушкинымъ, Загоскинымъ и другими крупными представителями русской литературы, Хмельницкій, какъ смоленскій губернаторъ, не оставилъ послѣ себя слѣдовъ по Смоленской губерніи. Отличаясь большой впе-

опасность, начинавшую его угнетать. Онъ повелѣлъ, чтобъ Московская добыча—древніе доспѣхи, пушки и большой крестъ съ Ивана Великаго были брошены въ Семлевское озеро, какъ трофеи, которые ему не хотѣлось отдать обратно, и которые онъ не имѣлъ возможности везти съ собою.

При нынѣшнемъ обревизованіи мною Вяземскихъ присутственныхъ мѣстъ, желая собрать на мѣстѣ сколько можно ближайшія къ означенному событію свѣдѣнія, мнѣ удалось узнать въ Вяземскомъ уѣздѣ, что дѣйствительно, послѣ отступленія французской арміи, помѣщикъ села Семлева г. Бирюковъ, отправилъ въ земскій судъ 40 лафетовъ, что, при личныхъ разспросахъ, подтвердилъ мнѣ самъ г. Бирюковъ, понынѣ означеннымъ селомъ владѣющій, присовокупивъ при этомъ, что пушекъ отъ 40 французскихъ лафетовъ, за всѣми тогдашними розысканіями, не найдено. Изъ чего, съ основательностью, должно было заключить, что орудія не были везены далѣе Семлева, что если приказъ Наполеона, помѣщенный у Вальтеръ-Скотта . . . . . [1]), то плачевное положеніе обозовъ, ретировавшихся отъ г. Вязьмы французской арміи, заставляло бы воспользоваться Семлевскимъ озеромъ, чтобы укрыть въ немъ добычу и оружіе.

Селеніе Семлево, гдѣ имѣется почтовая станція, стоитъ на большомъ Московскомъ трактѣ, въ 27 верстахъ отъ Вязьмы и въ 194 в. отъ Смоленска, а Семлевское озеро, въ которомъ, какъ пишетъ Вальтеръ-Скоттъ, брошена Московская добыча, лежитъ въ полуторѣ версты отъ большой дороги. — Озеро сіе окружено лѣсомъ, имѣетъ длины приблизительно до 180, а ширины до 100 саженъ. Оно глубоко и тинисто, и въ немногихъ мѣстахъ проѣздъ къ нему доступенъ. На удобнѣйшемъ для сего мѣстѣ [2]) дорога къ берегу какъ-бы наѣзжена большими тяжестями.

Соображая сказаніе Вальтеръ-Скотта съ мѣстными свѣдѣніями, я нахожу, что они не только не противорѣчатъ, но напротивъ

чатлительностью, фантазерствомъ, при прямотѣ и честности характера, онъ имѣлъ въ Смоленскѣ болѣе враговъ, чѣмъ друзей. Благодаря этому, обвиненный въ казнокрадствѣ, онъ, прямо съ должности архангельскаго губернатора (куда его назначили послѣ Смоленска), попалъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой и протомился съ 1837 по 1843, когда его выпустили за отсутствіемъ уликъ. Уѣхавъ за границу, Хмельницкій и тамъ продолжалъ свои литературныя занятія. Онъ умеръ въ СП-гѣ въ 1845 году. Смирдинъ, четыре года спустя послѣ его смерти, издалъ его сочиненія. Личность Хмельницкаго и судьба его настолько интересны, что о немъ имѣется въ печати нѣсколько литературно-историческихъ изслѣдованій.

[1]) На этомъ мѣстѣ сгнившій кусокъ бумаги уничтожилъ слова.

[2]) Далѣе зачеркнуто „откуда я обозрѣвалъ его“.

того, приближаются къ тому, что описанное имъ можетъ быть справедливо.

Обстоятельство сіе, могущее быть поводомъ къ отысканію и возвращенію въ Первопрестольный градъ похищенной святыни—креста Ивана Великаго и трофеевъ побѣдоноснаго воинства, я почитаю слишкомъ важнымъ, чтобы не представить о немъ вышнему правительству.

Прежде сего, однако-жъ, я покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе, при пріѣздѣ Вашемъ въ г. Вязьму, для обозрѣнія строющагося тамъ моста,—принять трудъ—обозрѣть какъ-бы партикулярнымъ образомъ Семлевское озеро и сообщить мнѣ Ваше мнѣніе, какимъ бы легчайшимъ образомъ, помощью искусственныхъ испытаній, можно было бы удостовѣриться въ томъ, не окажется ли не вдалекѣ отъ берега признаковъ брошенныхъ въ сіе озеро металлическихъ тяжестей, дабы тогда съ большею увѣренностью донести о томъ вышнему правительству".

Что подполковникъ Шванебахъ, въ свою очередь, увлекшись перспективою необычайнаго открытія, загипнотизированный словами Хмельницкаго, немедленно же приступилъ къ указаннымъ ему губернаторомъ изысканіямъ, видно изъ донесенія на имя Хмельницкаго вяземскаго земскаго исправника (отъ 7 октября за № 57), въ которомъ послѣдній сообщаетъ о томъ, что Шванебахъ, явившійся къ Семлевскому озеру, обратился къ нему за содѣйствіемъ при розыскахъ трофеевъ войны 1812 года.

Не имѣя отъ своего непосредственнаго начальства предписанія о содѣйствіи Шванебаху, исправникъ рѣшился ждать соотвѣтствующихъ указаній.

Нечего говорить о томъ, что Хмельницкій экстренно увѣдомилъ исправника, что „обязываетъ" его „употребить особенную заботливость къ удовлетворенію требованій г. Шванебаха по изъясненному предмету", давъ исправнику указанія на счетъ найма для работы ежедневно по 6 человѣкъ рабочихъ.

Надо замѣтить, что какъ эта, такъ и почти вся послѣдующая переписка велись Хмельницкимъ въ строжайшей тайнѣ, довѣренной лишь небольшому кружку заинтересованныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, Хмельницкій, по экспансивности своей, не могъ, чтобы не подѣлиться открытіемъ съ проживавшимъ на покоѣ въ селѣ Дугинѣ (Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ.) графомъ Никитой Петровичемъ Паниным.

Если у губернатора, подполковника Шванебаха и вяземскаго исправника заранѣе разгорѣлись аппетиты—въ виду возможности находки историческихъ святынь, покоившихся въ тинѣ Семлев-

скаго озера, если заранѣе мысленно учли они награды и славу, могущіе вытечь изъ подобнаго открытія, то, конечно, не дремалъ въ этомъ отношеніи и владѣлецъ Семлевскаго озера, дворянинъ Алексѣй Бирюковъ, который, дозволивъ производить у себя необходимыя изысканія, писалъ Хмельницкому:

„Г. подполковникъ Шванебахъ, бывши у меня, оставилъ инженернаго офицера, который по совѣту его дѣлалъ наблюденія и пробы. И къ одному берегу, по его указанію *и моему*, при опущеніи сверла, ощущаемо было что-то изъ металловъ, о чемъ и онъ, г. офицеръ, хотѣлъ доносить по своей командѣ, а я долгомъ моимъ поставилъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства. Моя надежда будетъ состоять въ особѣ Вашего Превосходительства, къ отысканію онаго клада. *И тѣмъ случаемъ доставите мнѣ облегченіе въ моихъ несчастіяхъ.* И въ надеждѣ онаго имѣю честь остаться“ и проч.

Наконецъ, 20 декабря за № 390, подполковникъ Шванебахъ представилъ губернатору форменную записку касательно изслѣдованія Семлевскаго озера, окончательно разсѣявъ ею послѣднія сомнѣнія Хмельницкаго (если таковыя у того еще были).

Разукрасивъ полученный документъ по-своему, какъ заправскій литераторъ, и сохранивъ въ немъ весь пафосъ увлекшагося инженера, весь патріотическій пылъ его, а также мелочи, доходившія до цвѣта воды, вкуса ея въ озерѣ и справокъ о рыбѣ, казалось бы, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ данному дѣлу, Хмельницкій донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Блудову объ открытіи въ слѣдующемъ видѣ:

„Сиръ Вальтеръ-Скоттъ, въ X т. „Жизни Наполеона Бонапарта, Императора французовъ“, помѣстилъ приказъ, отданный въ Семлевѣ Наполеономъ. Даже, *если бы таковой не состоялся*, плачевное состояніе обозовъ, ретирующейся отъ города Вязьмы французской арміи, заставило бы воспользоваться положеніемъ Семлевскаго озера, чтобы укрыть похищенную святыню Москвы и становящіяся одною лишь тяжестью орудія. Въ 1813 году семлевскій помѣщикъ г. Бирюковъ представилъ въ земскій судъ 40 пушечныхъ лафетовъ, найденныхъ на поляхъ его владѣнія. Слѣдовательно, орудія не были везены далѣе Семлева. *Приказъ Наполеона состоялся и былъ дѣйствительно исполненъ*, и по немъ должно искать крестъ съ храма Ивана Великаго въ Семлевскомъ озерѣ.

Розыски, дѣланные въ 1813 году по предписанію гражданскаго губернатора, оставались тщетными, потому что всѣ жители проходимыхъ французской арміей мѣстъ убѣгали изъ своихъ жилищъ и тяжело было придумать, чтобы столь великія массы были погружены въ озеро, почти недоступное. Семлевское озеро имѣетъ около 180

саженъ длины и до 100 с. ширины; глубина онаго у самыхъ береговъ отъ 5 до 7 футъ стремительно увеличивается къ серединѣ и достигаетъ 40 и 60 футовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, превосходя 84 фута, не могла быть измѣрена. Оно въ 15 в. отъ большой почтовой дороги, отъ ст. Семлы на Московской почтовой дорогѣ, и въ 28 верстахъ отъ г. Вязьмы, около 2—5 верстъ отъ церкви. Облегающее мѣстоположеніе—довольно ровное, не представляетъ ни съ которой стороны значительныхъ уклоновъ и къ озеру нѣтъ ни одного живого протока. Малая рытвина, служащая протокомъ Семлевскому ручью, имѣетъ слабый склонъ къ мельницѣ на самой почтовой дорогѣ. Берега Семлевскаго озера состоятъ изъ плавучаго нароста торфа; самый ручей не есть прямой истокъ изъ озера, но лишь фильтрація сквозь болотные берега. По всѣмъ вѣроятіямъ, озеро сіе питается со дна ключами и имѣетъ подземный истокъ; вода его имѣетъ темно-бурый цвѣтъ; вкусъ горьковатый; рыбы въ немъ, по увѣренію жителей, вовсе нѣтъ. При совершенно незыблемой поверхности, въ среднемъ слоѣ воды примѣтно теченіе къ серединѣ озера. Къ озеру ведетъ отъ села дорога, по которой иногда возятъ мохъ. Дорога же, по которой французы, вѣроятно, провозили въ 1812 году погруженное ими, примѣтна только со стороны озера и, по увѣренію старожиловъ, прежде не существовала и, какъ къ ней не было и нѣтъ никакой надобности, то она совершенно заросла лѣсомъ. Сей послѣдній отличается ростомъ и выводитъ на большую дорогу. Нынѣ, по предположенію г. смоленскаго губернатора, поручено было строительнаго отряда прапорщику, фонъ-Людевичу прозондировать Семлевское озеро. Онъ открылъ въ 25 саженяхъ отъ конца нынѣшняго берегового нароста груду неправильной фигуры, коей наибольшее протяженіе составляетъ до 4—5 саженей высотою, въ сравненіи съ облегающимъ дномъ около 10 футовъ. (Вѣроятно, сей неправильный конусъ имѣетъ большое основаніе и въ теченіе 23 лѣтъ значительно погрузъ въ матеромъ днѣ). *Удареніе зондою производило звукъ, который уже оправдывалъ основанное на толикомъ вѣроятіи ожиданіе.* Прикрѣпленный къ опущенной на веревкѣ двухъ-пудовой гирѣ, а другимъ концомъ къ багру, терпугъ (рашпиль), бывъ надъ обнаженной отъ ила и тины частію груды приведенъ въ движеніе, *показалъ неоспоримо, что она состоитъ изъ мѣди пушечной.* Все сіе даетъ поводъ ожидать, что дальнѣйшее изысканіе на днѣ Семлевскаго озера можетъ возвратить Россіянамъ освященную драгоцѣнность и полученіемъ пушечнаго металла съ избыткомъ вознаградить неизбѣжныя при добываніи онаго издержки. Чтобы получить точное удостовѣреніе, изъ чего состоитъ открытая фонъ-Людевичемъ груда, достаточно устроить вокругъ ея перемычку

и отлить сифонами воду. Работа сія, по представляемой у сего смѣтѣ, можетъ обойтись около 25.000 рублей. Если поискъ сей будетъ увѣнчанъ желательнымъ успѣхомъ, то самое добываніе изъ перемычки съ оттаскиваніемъ на ближайшее, удобное для перевозки мѣсто, можетъ (придерживаясь урочнаго положенія) обойтись около 2 р. 80 коп. съ пуда".

Такого же рода донесеніе сдѣлалъ Хмельницкій одновременно и своему непосредственному начальству — смоленскому, витебскому и могилевскому генералъ-губернатору князю Хованскому, которому въ копіи представилъ и донесеніе подполковника Шванебаха, скрывъ, однако, о сношеніи по тому же предмету съ гр. Блудовымъ.

Тутъ нельзя не обратить вниманія на то, что губернаторъ далъ порученіе—обслѣдовать озеро подполковнику Шванебаху, а этотъ послѣдній свалилъ тяжелый трудъ на своего подчиненнаго—прапорщика фонъ-Людевича. Такъ что, въ сущности, дошедшія до „вышняго правительства" свѣдѣнія о „пушечной мѣди" были обязаны происхожденіемъ своимъ юному прапорщику, которому и принадлежала честь подобнаго открытія.—Многое, въ донесеніяхъ г. Хмельницкаго, вызывало невольное сомнѣніе.

Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ донесеніе губернатора, какъ заключавшее въ себѣ столь вѣскія, положительныя данныя, произвело сильное впечатлѣніе, даже, пожалуй, переполохъ.

Немедленно же командированъ былъ изъ Петербурга корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ Четвериковъ 2-й, который, явившись въ Смоленскъ, 9 января 1836 года, донесъ Хмельницкому:

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ довелъ до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія о томъ, что по сдѣланнымъ изысканіямъ Смоленской губерніи въ Семлевскомъ озерѣ строительнаго отряда путей сообщенія прапорщикомъ Людевичемъ открылась на днѣ онаго груда металлическихъ вещей, которыя, вѣроятно, были брошены туда французами въ 1812 году, Его Сіятельство, г. Главноуправляющій Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій, предписаніемъ отъ 3-го сего ноября за № 4, вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, для отысканія и вынутія всѣхъ вещей, которыя найдены будутъ въ Семлевскомъ озерѣ, изволилъ командировать меня. Донося о семъ Вашему Превосходительству, имѣю честь почтительнѣйше просить: 1) о снабженіи меня ближайшими по сему свѣдѣніями; 2) о зависящихъ отъ Вашего Превосходительства распоряженіяхъ, какъ по содѣйствію мнѣ со стороны гражданскаго начальства къ успѣшнѣйшему исполненію возложеннаго на меня порученія, по снабженію меня необходимыми для изысканія

суммами, такъ и по охраненію вещей, которыя имѣютъ быть вынуты изъ Семлевскаго озера; 3) о неоставленіи меня наставленіемъ Вашего Превосходительства о выгоднѣйшихъ для казны способахъ пріобрѣтенія рабочихъ и матеріаловъ, какъ-то: веревокъ, бревенъ, досокъ, желѣзныхъ поковокъ и проч., необходимыхъ потребностей для работъ, которыя будутъ производиться при изысканіяхъ на Семлевскомъ озерѣ. Къ сему долгомъ имѣю честь присовокупить, что въ предписаніи ко мнѣ Его Сіятельства г. Главноуправляющаго, между прочимъ, упомянуто, что на покрытіе необходимыхъ при работахъ на Семлевскомъ озерѣ издержекъ отпущено уже по Высочайшему повелѣнію Вашему Превосходительству 4.000 рублей".

О командированіи Четверикова сообщилъ Хмельницкому и Главноуправляющій Путей Сообщенія гр. Толь, упомянувъ, что статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ ему волю Государя Императора—назначить „самаго надежнаго офицера корпуса путей сообщенія".

О томъ же губернатору писалъ и гр. Блудовъ.

Однимъ словомъ, изъ-за донесенія Хмельницкаго заварилась серьезная исторія, въ которой инженеры ловко отодвинули пока на задній планъ мѣстныя гражданскія власти, а также помѣщика Бирюкова, какъ возбудившихъ дѣло о сокровищахъ, мирно покоющихся на днѣ Семлевскаго озера.

Тѣмъ не менѣе, губернаторъ, давъ вяземскому земскому исправнику Клайгильсу предписаніе—командировать въ распоряженіе подполковника Четверикова, на мѣсто розысковъ къ озеру, „если не засѣдателя, то, по крайней мѣрѣ, одного благонадежнаго канцелярскаго чиновника", а если бы понадобился пріѣзжему военный караулъ, то снестись о томъ съ начальникомъ Вяземской инвалидной команды, вообще оказывать командированному всякаго рода содѣйствіе, секретно приказалъ исправнику „увѣдомлять" его, губернатора, „*подъ рукою*—объ успѣхѣ дѣйствій подполковника Четверикова". Такимъ образомъ, Четвериковъ нежданно попалъ подъ негласный надзоръ мѣстнаго начальства.

Не будемъ останавливаться на подробной смѣтѣ, составленной инженерами для постройки проектированной „перемычки". Скажемъ только, что сумма денегъ на предстоявшія работы была опредѣлена въ 2.000 р., а деньги эти получены въ видѣ аванса подполковникомъ Четвериковымъ.

Очевидно, опасаясь какой-либо выходки со стороны помѣщика Бирюкова, Хмельницкій, прося его не препятствовать командированному по Высочайшему повелѣнію Четверикову въ его работахъ, присовокуплялъ:

„Если отысканія сіи увѣнчаются успѣхомъ, я почту обязаннымъ

ходатайствовать о приличномъ вамъ вознагражденіи—за открытіе означенныхъ вещей въ вашемъ владѣніи".

Между тѣмъ, надъ Н. И. Хмельницкимъ висѣла уже грозовая туча, со стороны генералъ-губернатора, генерала-отъ-инфантеріи кн. Хованскаго, который, давно уже будучи недоволенъ смоленскимъ губернаторомъ за его самостоятельность и распоряженія по губерніи, придрался къ тому факту, что о находкахъ въ Семлевскомъ озерѣ Хмельницкій, минуя его, генералъ-губернатора, сообщилъ прямо отъ себя Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ раздраженіемъ писалъ Хмельницкому 25 января 1836 года:

„Таковой ходъ дѣла вынуждаетъ меня сослаться на 275 ст. II т. Свода Законовъ о губернскихъ учрежденіяхъ, повелѣвающую „чтобы никакія представленія отъ гражданскихъ губернаторовъ не восходили помимо ихъ главныхъ начальниковъ къ министрамъ". Если бы существо дѣла потребовало сдѣлать о какомъ-либо предметѣ донесеніе прямо къ министру, то и въ такомъ случаѣ Ваше Превосходительство обязаны были, сдѣлавъ представленіе министру, извѣстить въ то же время и меня. Но въ настоящемъ дѣлѣ поступили Вы противно установленному порядку, ибо, донося мнѣ о сдѣланныхъ Вами распоряженіяхъ касательно трофеевъ, французами похищенныхъ, и представляя смѣту издержкамъ, потребнымъ на вынутіе ихъ, предавали токмо обстоятельство сіе на мое благоусмотрѣніе, не извѣстя, какъ бы слѣдовало, о донесеніи Вашемъ, сдѣланномъ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ. Приглашаю Ваше Превосходительство на будущее время слѣдовать въ образѣ сношеній со мною и г.г. министрами предписанному закономъ порядку".

Получивъ такую головомойку, легкомысленный, по существу характера своего, Хмельницкій, отписываясь неудачно, доносилъ разгнѣванному начальнику:

„Поспѣшаю имѣю честь объяснить въ оправданіе себя, что отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ по означенному предмету я не испрашивалъ никакого разрѣшенія, какъ изволите видѣть и изъ представляемой при семъ копіи съ моего донесенія. Но поспѣшилъ извѣстить его о столь любопытномъ предметѣ единственно для того, чтобы предупредить всякія партикулярныя и невѣрныя о томъ извѣстія, которыя весьма скоро могли бы дойти до свѣдѣнія г. министра".

Набрасывая эти строки, Хмельницкій не подозрѣвалъ еще, что надъ нимъ грозитъ нависнуть другая, болѣе ужасная, на этотъ разъ неотвратимая туча...

Можно представить себѣ настроеніе злосчастнаго смоленскаго губернатора, когда прочелъ онъ нелишенное злого юмора донесеніе на имя его подполковника Василія Четверикова (отъ 30 января).

Вотъ это роковое донесеніе:—„Надежда, ни на одинъ день меня не оставлявшая, что-либо найти въ Семлевскомъ озерѣ, была причиною, что я по сіе время не извѣстилъ Ваше Превосходительство о моихъ изысканіяхъ. Теперь, когда всѣ опыты кончены, я поспѣшаю увѣдомить Васъ, что къ сожалѣнію на днѣ озера никакихъ вещей не открыто. *Ваше Превосходительство лучше судить можете, откуда Вальтеръ-Скоттъ могъ почерпнуть приведенный имъ въ его сочиненіи о Наполеонѣ приказъ и какой вѣры онъ заслуживаетъ.* Но я, съ моей стороны, утвердительно могу сказать, что если бъ этотъ приказъ состоялся, то произведенныя мною на озерѣ изслѣдованія необходимо должны были бы то показать. Мнѣ остается только благодарить Ваше Превосходительство за содѣйствіе, которое мнѣ оказываемо было отовсюду—по участію Вашему въ семъ дѣлѣ“.

Изъ этого документа видно, что разсерженный и разочарованный въ ожиданіяхъ своихъ инженерный подполковникъ, проработавшій нѣсколько дней у Семлевскаго озера, какъ говорится, впустую, на бивуакахъ, при жестокомъ морозѣ, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не кольнуть на прощанье стараго литератора, поднявшаго изъ-за пустяковъ бурю въ стаканѣ воды, „Вальтеръ-Скоттомъ“.

Даже отъ самой благодарности подполковника Четверикова вѣетъ скрытою насмѣшкой.

Получаемыя изъ Вяземскаго уѣзда извѣстія только бередили у Хмельницкаго рану, причиненную Четвериковымъ.

Если бы просто на просто не нашли никакихъ вещей, то можно было бы еще, пожалуй, съ честью выйти изъ непріятнаго положенія. Но дѣло въ томъ, что столичный инженеръ, посланный по Высочайшему повелѣнію, увозилъ съ собою въ Петербургъ, къ „вышнему правительству“, неоспоримыя данныя что, „пушечная мѣдь“, о которой доносилъ онъ, Хмельницкій, съ такой увѣренностью, превратилось вдругъ въ... камни.

Такъ, Вяземскій Земскій исправникъ, днемъ позже Четверикова, доносилъ губернатору о томъ, что „работа на Семлевскомъ озерѣ кончилась вчерашняго числа, и твердое тѣло, находящееся на днѣ онаго, оказалось два камня“.

Унынъемъ и разочарованіемъ вѣетъ отъ письма помѣщика Бирюкова.

„Воду 30 числа выкачали до самаго дна“, пишетъ онъ: „и ничего не нашли, какъ только три камня небольшого калибра, которые и вынули! И всѣ тѣ мѣста ощупывали и ничего не оказалось—какъ только крѣпкій грунтъ. Подполковникъ Четвериковъ намѣревается отправиться сего числа въ Петербургъ“.

Губернатору ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ донести поскорѣй Министру Внутреннихъ Дѣлъ о неудачѣ, выгородивъ по возможности себя и сваливъ всю отвѣтственность на чужую голову.

„Корпуса инженеровъ подполковникъ Четвериковъ, командированный для розысканій въ Семлевскомъ озерѣ“—писалъ онъ гр. Блудову,—„увѣдомилъ меня, что на днѣ онаго никакихъ вещей не найдено. А какъ донесеніе мое по сему предмету основывалось не столько на словахъ Вальтеръ-Скотта, сколько на извѣстіяхъ и удостовѣреніи строительнаго отряда г. подполковника Шванебаха, то и считаю нужнымъ съ его отзыва ко мнѣ представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства копію“.

Про обнаруженные вмѣсто „пушечной мѣди“ камни было осторожно умолчано. Но видимо и возможный изъ Петербурга попрекъ „Вальтеръ-Скоттомъ“ не давалъ бѣдному губернатору покоя.

Въ такомъ же смыслѣ было сдѣлано Хмельницкимъ и донесеніе генералъ-губернатору.

Даже при слабомъ запасѣ воображенія можно представить себѣ сцены, разыгравшіяся въ Смоленскѣ, физіономіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ—въ виду результатовъ изслѣдованія Семлевскаго озера, ярость попавшаго въ просакъ губернатора, отношенія его къ подполковнику Шванебаху, отношенія послѣдняго къ прапорщику фонъ-Людевичу, а также злорадное торжество генералъ-губернатора кн. Хованскаго и свиты его, когда обнаружилась истина.

По крайней мѣрѣ, чѣмъ, какъ не явной насмѣшкою, звучитъ каждое слово предписанія, присланнаго Хмельницкому вслѣдъ за его донесеніемъ изъ Витебска, отъ генералъ-губернатора?

„По донесенію Вашего Превосходительства отъ 4 февраля за № 1493“—писалъ Хмельницкому кн. Хованскій: „О томъ, что инженеромъ подполковникомъ Четвериковымъ на днѣ Семлевскаго озера никакихъ вещей не открыто, останавливаясь сообщить г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ для всеподданнѣйшаго донесенія о томъ Его Императорскому Величеству, поручаю Вамъ, Милостивый Государь мой, истребовать отъ подполковника Шванебаха немедленно, въ дополненіе того, поясненіе и оное мнѣ доставить: отъ чего, когда зондировали помянутое озеро, то удареніе зондомъ въ груду неправильной фигуры на днѣ озера *производило звукъ*? Когда же терли объ означенную груду терпугомъ, то изъ чего можно было заключить *неоспоримо*, что та груда состоитъ изъ мѣди пушечной?—какъ все именно изъяснено было въ запискѣ, представленной Вамъ отъ подполковника Шванебаха 17 декабря 1835 года № 391“.

Кн. Хованскій, конечно, не подозрѣвалъ, что вопреки его запрещенію губернаторъ, помимо него, снова донесъ гр. Блудову.

Не безъ злорадства, въ свою очередь, Хмельницкій препроводилъ всѣ эти вопросы по принадлежности подполковнику Шванебаху, требуя отъ послѣдняго разъясненій.

Но этого инженера смутить чѣмъ-либо было трудно. Прижатый къ стѣнѣ, онъ донесъ губернатору:

„Спѣшу почтительно донести Вашему Превосходительству на 1-й изъ вопросовъ, что обыкновенно, когда зондъ ударяется обо что-либо твердое, издаетъ звукъ болѣе или менѣе чистый. На 2-е: тритугъ показывалъ *опилки мѣди*, и потому я полагалъ, что должна быть на днѣ мѣдь. При первомъ свободномъ времени я не премину возобновить дѣланные въ Семлевскомъ озерѣ опыты и, когда получу удостовѣреніе, что открытая на днѣ груда состоитъ изъ камней, то не премину донести Вашему Превосходительству".

Конечно, губернаторъ Хмельницкій могъ бы продолжить нравственную пытку подполковника Шванебаха, напомнивъ ему первое его донесеніе и задавъ ему рядъ новыхъ вопросовъ, напримѣръ такого рода:

1) вѣдь онъ, Шванебахъ, доносилъ о томъ, что „удареніе зондомъ производило звукъ, который уже оправдывалъ основанное на толикомъ вѣроятіи ожиданіе"—т. е. указывалъ на присутствіе на днѣ озера металла?

2) Спрашивается, какъ это два-три камня „небольшого калибра" онъ, Шванебахъ, умудрился принять за „груду неправильной фигуры, коей наибольшее протяженіе составляетъ до 4—5 саженей высоты, въ сравненіи съ облегающимъ дномъ около 10 футовъ", за „неправильный конусъ", имѣющій большое основаніе и въ теченіе 23 лѣтъ значительно погрузшій въ матеромъ днѣ?

3) Какимъ чудомъ тѣ же два-три маленькихъ камня, вытащенные, при томъ,—надо думать—подполковникомъ Четвериковымъ на берегъ въ его, Шванебаха, присутствіи, могли дать при первоначальномъ изслѣдованіи тритугомъ не только „опилки мѣди", но именно „мѣди пушечной"?

4) На чемъ было основано увѣреніе Шванебаха о томъ, что на мѣстѣ опытовъ все же должна быть найдена мѣдь, а также обѣщаніе, что онъ ее непремѣнно рано или поздно да отыщетъ—вопреки донесенію Четверикова, что тотъ обслѣдовалъ не только „груду", но и все озеро, не найдя даже намека на какой-либо металлъ?

Не безъ грустной, иронической улыбки долженъ былъ прочесть Хмельницкій то мѣсто объясненія, гдѣ Шванебахъ говоритъ о томъ, что когда онъ, подполковникъ, лично убѣдится въ томъ, что два-три камня (какъ видно изъ переписки —вытащенные Четвериковымъ на берегъ)

не что иное, какъ камни, то донесетъ своевременно, объ этомъ своемъ открытіи ему, губернатору...

Ославъ по своему начальству, безъ всякихъ комментаріевъ, отписку подполковника Шванебаха, Хмельницкій видимо долго не могъ еще примириться съ глупымъ положеніемъ, въ которое нежданно попалъ по своей довѣрчивости и легкомыслію.

По крайней мѣрѣ, въ томъ же дѣлѣ „объ отысканіи въ Семлевскомъ озерѣ вещей, брошенныхъ въ 1812 году французами", на послѣднихъ страницахъ, имѣется черновикъ, вѣроятно набросанный имъ при соображеніяхъ, нельзя ли попытаться во что бы то ни стало отыскать въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи сокровища, покинутыя Наполеономъ.

Вотъ этотъ документъ:—„Въ секретномъ донесеніи графа Барклая-де-Толли къ Государю Императору о военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года сказано, между прочимъ: „28-го войска 1-й арміи двинулись съ мѣста, кому слѣдовало исполнить движеніе, на лѣвый флангъ непріятеля, 2-я армія осталась въ Выдрѣ (Порѣчскаго уѣзда). Авангардъ въ Семлевѣ и Инковѣ (Порѣчскаго уѣзда), а 27 дивизія съ нѣкоторою кавалеріей—въ Красномъ".—По извѣстному предположенію и перепискѣ на счетъ Семлевскаго озера надобно узнать, гдѣ именно находится другое Семлево, о которомъ здѣсь упоминается. Прежде всего взглянуть на алфавитныя вѣдомости о всѣхъ селеніяхъ по уѣздамъ. Ежели его тамъ не значится—написать къ окрестнымъ исправникамъ съ вопросами, нѣтъ ли при этомъ селеніи озера"?

Возможность ошибки (перепуталъ уѣзды, селенія, озера) заставила Хмельницкаго сдѣлать соотвѣтствующій запросъ Порѣчскому Земскому исправнику въ августѣ 1836 года, о томъ, что нѣтъ ли при деревнѣ Семковѣ, находящейся отъ г. Порѣчья въ 92 верстахъ (или „Сешковѣ"—какъ значится по алфавитному списку) озера и какого оно наименованія, а также, нѣтъ ли какого селенія или урочища, или же озера подъ названіемъ „Семково" (или „Сешково") подъ казеннымъ селомъ Инковомъ?—исправникъ донесъ, что при деревнѣ Сешковѣ „имѣнья г.г. Чесливскихъ", находящейся въ Щучейскомъ станѣ, Порѣчскаго уѣзда, имѣется въ двухъ верстахъ стоячее озеро, именуемое „Велесто", близъ же казеннаго села Инькова урочища, селенія и озера съ названіемъ Семково, Сешково и Семлево вовсе не находится".

На этомъ обрывается оффиціальная переписка, въ которую ввелъ „Россіянъ" Спръ Вальтеръ-Скоттъ.

Скоро возникло противъ Хмельницкаго дѣло о казнокрадствѣ; ему было не до дальнѣйшихъ розысковъ святынь Москвы, брошен-

ныхъ по пути отступленія Наполеономъ. Затѣмъ его перевели въ г. Архангельскъ для того, чтобы присутствіе его не мѣшало ходу производимаго о немъ въ Смоленскѣ слѣдствія.

Признаться, я не знакомъ съ тѣмъ мѣстомъ изъ X тома сочиненій Вальтеръ-Скотта, гдѣ говорится о брошенныхъ въ Семлевское озеро по приказу Наполеона сокровищахъ.

А если такой приказъ существовалъ? Если Вальтеръ-Скоттъ писалъ на основаніи подлинныхъ документовъ?

Тогда невольно, самъ собою, вытекаетъ изъ всего разсказаннаго здѣсь вопросъ:

Да не покоятся ли до сихъ поръ въ топяхъ тинистыхъ береговъ Семлевскаго озера сокровища, увезенныя французами изъ Москвы?

Не дали ли маху инженеры, въ 1836 году копавшіеся въ озерѣ?

Приводя детали оффиціальной переписки, я имѣлъ въ виду новыхъ изслѣдователей, которые пожелали бы провѣрить заявленіе Вальтеръ-Скотта...

А вдругъ!?

А. Жиркевичъ.

„Лѣсные“ кадеты—на парадахъ.

Письмо директора 3 департамента министерства государственныхъ имуществъ начальнику штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса П. Ф. Веймарну, 14 октября 1838 г., № 4829.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: кадетамъ лѣсной роты Лѣснаго и Межеваго Института, въ большіе праздники, находиться при парадахъ, за исключеніемъ въ зимнее время большихъ стужъ.

Таковую Монаршую волю имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь, для доведенія до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса.

Въ какомъ же числѣ и по какимъ днямъ выводить означенныхъ кадетъ въ парады, покорнѣйше прошу увѣдомить меня.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Біографическія свѣдѣнія о А. Н. Поповѣ).

Поповъ Александръ Николаевичъ—изъ потомственныхъ дворянъ Рязанской губерніи, въ которой его мать имѣла 900 десятинъ земли, съ живущими на нихъ крестьянами въ количествѣ ста душъ. Онъ родился съ 1820 г. и, получивъ первоначальное обученіе въ домѣ родителей, былъ опредѣленъ въ Московскую гимназію, по окончаніи курса которой поступилъ въ Московскій университетъ. Пробывъ въ немъ четыре года, А. Поповъ въ февралѣ 1839 года по экзаменамъ удостоился степени перваго кандидата по юридическому факультету. Обновленный въ то время составъ профессоровъ этого факультета благотворно повліялъ на А. Попова и вызвалъ его къ ученымъ занятіямъ. Въ 1841 г. онъ защищалъ свою диссертацію, представленную имъ на полученіе степени магистра, подъ заглавіемъ „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву“, въ которой доказываетъ, что „Русская Правда“ не есть Ярославова грамота, данная имъ Новгороду, но что это законодательство обще-русское, а не исключительно новгородское, и что ея постановленія служатъ переходомъ отъ частнаго понятія о преступленіи и наказаніи къ понятію государственному. Погодинъ возставалъ противъ этихъ положеній, но Поповъ блестящимъ образомъ отстаивалъ на диспутѣ свои положенія, обладая превосходнымъ даромъ слова, такъ что позднѣе Погодинъ записалъ въ дневникѣ своемъ: „Диспутъ Попова переживетъ, если уже не пережилъ, его диссертацію“. Поповъ отстранялъ въ диспутѣ рѣшеніе вопроса о варягахъ и вызвалъ также на это возраженія Погодина въ „Москвитянинѣ“, на которыя не замедлилъ отвѣчать.

Въ это время Поповъ сблизился съ зарождавшимся кружкомъ славянофиловъ, былъ очень друженъ и близокъ съ Д. Ѳ. Самаринымъ, съ которымъ велъ полемику по вопросу о развитіи религіи; съ Хомяковымъ,—имѣвшимъ большое вліяніе на взгляды А. Попова (по преимуществу богословскіе), жившаго одно время вмѣстѣ съ Хомяковымъ; съ М. Н. Катковымъ, съ которымъ велъ переписку; также съ А. И. Тургеневымъ, Гильфердингомъ и т. д. Защитивъ свою диссертацію и удостоенный степени магистра 29-го мая 1842 г., А. Поповъ отправился въ Берлинъ, для усовершенствованія въ философіи и

обѣщалъ Самарину посылать выписки изъ лекцій извѣстнаго философа Шеллинга. Но въ Берлинѣ Поповъ пробылъ недолго и, посѣтивъ Мюнхенъ, направился въ Черногорію,—чѣмъ былъ очень недоволенъ Самаринъ. Поповъ былъ едва-ли не первый изъ русскихъ, посѣтившій эту страну безъ оффиціальнаго порученія. Результатомъ его поѣздки была книга, изданная имъ позднѣе въ 1847 г. у Праца въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ „Путешествіе въ Черногорію“; она прошла почти незамѣченною и была встрѣчена недружелюбно вождями литературной критики, хотя по словамъ проф. Бестужева-Рюмина, эта—превосходный трудъ, самостоятельный, составленный съ знаніемъ дѣла. Это полное изложеніе исторіи и юридическаго быта Черной Горы. При этомъ Поповъ сообщаетъ много документовъ и указываетъ въ общихъ чертахъ на значеніе славянскаго вопроса. Хотя книга и содержала немало самыхъ рѣзкихъ жалобъ и отзывовъ объ австрійскомъ правительствѣ, она была однако пропущена цензурою безъ всякаго затрудненія.—Возвратясь въ Москву, А. Поповъ предполагалъ занять каѳедру исторіи русскаго права при Московскомъ университетѣ, но она не оказалась свободною, и это побудило Попова ѣхать въ Петербургъ, чтобы поступить на службу. По этому поводу Алек. Ив. Тургеневъ писалъ Сербиновичу въ 1845 году 13-го октября: „Податель сего письма А. Н. Поповъ, извѣстный вѣроятно и вамъ нѣкоторыми прекрасными статьями о философіи и русской исторіи. Онъ желаетъ съ вами познакомиться. Рѣдко образованный умъ Попова и благородный характеръ его, необыкновенныя званія его будутъ находкою для вашего досуга. Онъ соединяетъ ясный, свѣтлый умъ, здравое сужденіе, образованное начитанностью классическихъ авторовъ и новѣйшихъ лучшихъ критиковъ... Постарайтесь только побѣдить его скромность; онъ добрый москвичъ; разумѣю подъ нимъ и русскаго и ѣдетъ въ Петербургъ съ сжатымъ сердцемъ и т. д.“.

При этомъ тотъ же Ал. Ив. Тургеневъ въ письмѣ своемъ отъ 1845 г., изъ Москвы, къ князю П. А. Вяземскому прекрасно очертилъ А. Н Попова.

„Къ вамъ, т. е. въ Петербургъ, ѣдетъ магистръ Поповъ, прекрасный, умный, начитанный. Скроменъ, уменъ, ученъ, образованъ, трудолюбивъ—вотъ его качества. Лучшее достоинство Попова въ его благородномъ характерѣ. Поповъ любитъ Россію, но вмѣстѣ и просвѣщеніе, читалъ Гегеля, но не гнушается Русскою Правдою, словомъ, *ревнуетъ по разуму*. Въ немъ теплая любовь къ Москвѣ, которая и на вашихъ гранитахъ не остынетъ: для него Кремль не душенъ, но и онъ не душитъ вѣчными о немъ пѣснопѣніями. Онъ любитъ родину и Москву, какъ мы всѣ любимъ и любили ее и т. д.“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Поповъ былъ опредѣленъ на вакансію секретаря перваго Д-а Прав. Сената 22-го ноября 1845 г. и въ то же время утвержденъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Вѣроятно при содѣйствіи Сербиновича, очень близкаго съ Д. Н. Блудовымъ, въ то время уже бывшимъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, А. Н. Попову 15 января 1846 г. повелѣно было, въ свободное время отъ служебныхъ его обязанностей, заниматься работами по II Отдѣленію С. Е. И. В. Канцеляріи.—Затѣмъ 17-го августа 1846 г. Поповъ былъ причисленъ къ означенному Отдѣленію для составленія исторіи уголовнаго судопроизводства и гражданскаго права въ нашемъ отечествѣ, съ увольненіемъ отъ службы въ Сенатѣ съ жалованьемъ по 1.500 рублей въ годъ.

Съ этого времени начинается его служебная дѣятельность по II Отдѣл., въ которомъ онъ служилъ до самой своей кончины въ 1877 г., постепенно повышаясь въ чинахъ и удостоиваясь различныхъ наградъ, какъ денежныхъ, такъ и почетныхъ, за свою ревностную службу. Произведенный уже 11-го апр. 1848 г. въ коллежскіе ассесоры, А. Н. Поповъ былъ произведенъ 22-го ноября 1849 г. въ надворные совѣтники; 11-го марта 1852 г.—въ колежскіе совѣтники; затѣмъ 22-го нояб. 1854 г. въ статскіе совѣтники и 17-го мая 1858 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники и удостоился получить въ это же время нѣсколько денежныхъ наградъ и орденъ св. Анны 2-й степ. 27-го августа 1856 г. За труды въ качествѣ члена Редакціонной Комиссіи для начертанія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, А. Н. Поповъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. 23-го апр. 1861 г., получивъ въ то же время денежное пособіе. Вскорѣ послѣ этого 17-го апр. 1863 г. онъ удостоился получить орденъ св. Станислава 1-й ст., а 24-го нояб. 1865 г.—и орденъ св. Анны 1-й степ. Чрезъ три года послѣ этого Поповъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники 17-го апр. 1868 года, а затѣмъ, во вниманіе къ ревностной его службѣ и особыхъ трудовъ при исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, онъ награжденъ 17-го апр. 1870 г. орденомъ Владиміра 2-й степ. Чрезъ три года 22-го янв. 1873 г. ему пожалованы арендныя деньги въ размѣрѣ двухъ тысячъ руб. въ годъ на двѣнадцать лѣтъ, а съ небольшимъ черезъ годъ послѣ этого 17-го апр. 1874 г. Поповъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Послѣ этого 13-го февр. 1875 г. Попову было объявлено Высочайшее Его Имп. Вел. благоволеніе за труды по особо порученному II Отдѣленію дѣлу.— Кромѣ означенныхъ выше знаковъ отличія А. Н. Поповъ имѣлъ бронзовую медаль на Андреевской лентѣ въ память войны 1853—1855 года и золотую на Аннинской лентѣ въ память участія въ трудахъ по освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Едва-ли однако можно предполагать, чтобы кропотливыя и мелочныя кодификаціонныя работы, лежавшія преимущественно на обязанности II Отдѣленія, могли плѣнять и привязать къ себѣ живой, пытливый умъ А. Н. Попова, занимавшагося ими скорѣе только по обязанности служебнаго долга и ради средствъ къ существованію. Его несравненно болѣе привлекали другія занятія, дававшія ему возможность проявить и свои познанія, и свою замѣчательную способность быстро, ясно и талантливо излагать свои мысли и предположенія. Поэтому Поповъ несравненно охотнѣе занимался дѣлами другого рода, лежавшими также на II Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи, именно разсмотрѣніемъ и разборомъ различныхъ законопроектовъ, доставлявшихся въ то время различными министерствами на заключеніе II Отдѣленія, предварительно представленія ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта. Помимо этого А. Н. Поповъ былъ назначаемъ отъ II Отдѣленія въ различныя комиссіи, учреждаемыя разновременно при разныхъ учрежденіяхъ для разработки наиболѣе существенныхъ новыхъ законоположеній, коими ознаменовано царствованіе Императора Александра II. Такъ А. Н. Поповъ былъ назначенъ членомъ редакціонной комиссіи для начертанія положеній о крестьянахъ, освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости 19-го февр. 1861 года, и въ этомъ дѣлѣ явился ревностнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землею, также общиннаго владѣнія крестьянъ землею и самостоятельнаго общественнаго управленія. Немного позднѣе Поповъ въ 1865 г. былъ назначенъ членомъ особой

комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для обсужденія вопроса объ устройствѣ правильной поземельной регистраціи въ нашемъ отечествѣ. Въ 1867 г. онъ занимался въ особой коммиссіи при Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода, для составленія положенія объ устройствѣ нотаріальной части православнаго духовнаго вѣдомства. Въ то же время онъ былъ назначенъ членомъ особой комиссіи для опредѣленія тѣхъ заключающихся въ Сводѣ законовъ по управленію государственными имуществами правилъ, кои должны составлять предметъ закона и такихъ, которые могутъ опредѣляться инструкціями министровъ.

Въ слѣдующемъ 1868 г. онъ участвовалъ въ трудахъ комиссіи для предварительной разработки проекта примѣненія къ дворянскимъ имѣніямъ правилъ о количествѣ земли, дающемъ право на избраніе гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Немного позднѣе въ 1870 г. Поповъ былъ назначенъ членомъ отъ II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи въ комиссію для обсужденія предположеній о сліяніи всѣхъ правительственныхъ типографій въ одну общую, въ видѣ государственной.

Кромѣ того А. Поповъ принималъ участіе въ различныхъ изданіяхъ, предпринятыхъ II Отдѣленіемъ съ Высочайшаго разрѣшенія, по представленіямъ графа Блудова, расположеніемъ котораго пользовался А. Н. Поповъ. Такъ, когда было приступлено къ изданію разрядныхъ книгъ, этой важной для отечественной исторіи лѣтописи правительственной и служебной дѣятельности въ Россіи въ продолженіе московскаго періода нашей исторіи,— А. Попову вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ (бывшимъ въ то время еще библіотекаремъ II Отдѣленія) было поручено приготовленіе копій съ рукописей разрядныхъ и записныхъ книгъ, разсѣянныхъ по различнымъ книгохранилищамъ и главнѣйшимъ образомъ въ московскихъ архивахъ, а также разборъ столбцовъ, по содержанію своему относящихся къ разрядамъ, и составленіе по онымъ текста. Равнымъ образомъ Поповъ завѣдывалъ изданіемъ памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами. Помимо этого А. Поповъ постоянно занимался какими-либо научными изслѣдованіями и при томъ преимущественно историческаго содержанія, отложивъ совершенно въ сторону занятія вопросами юридическими, къ которымъ онъ себя повидимому готовилъ первоначально. За исключеніемъ одного сочиненія юридическаго характера о наслѣдственномъ правѣ, занимавшемъ его постоянно и отрывки изъ котораго А. Поповъ помѣстилъ въ Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ (составленномъ въ 1845 г. Валуевымъ) подъ заглавіемъ „Объ опекѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ“, а затѣмъ позднѣе въ журналѣ „Заря“ 1870 г., А. Поповъ печаталъ не юридическія изслѣдованія, но преимущественно историческія. Такъ еще въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846 г. онъ помѣстилъ статью о современномъ направленіи пластическихъ искусствъ, а также въ 1847 г. (стр. 497 и слѣд.) статью объ исторнкѣ Шлецерѣ, которая, по отзыву проф. Бестужева-Рюмина, является мастерскимъ очеркомъ жизни этого труженика и лучшею оцѣнкою дѣятельности Шлецера. Въ „Сѣверномъ Обозрѣніи“ [1]) 1849—1850 г. книга I

[1]) Въ этомъ же журналѣ 1849 г. № 1 имѣется также продолженіе статьи Попова объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ Государствѣ, начало которой было помѣщено въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1851 г. т. 60.

стр. 483 имѣется статья Попова объ иконописаніи, вызвавшая разборъ оной со стороны нашего извѣстнаго поэта А. Н. Майкова, помѣщенный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ т. 66 отд. VI стр. 41. Избранный секретаремъ Археологическаго Общества (когда Д. Н. Блудовъ былъ избранъ вице-президентомъ Общества), А. Поповъ издалъ три тома записокъ общества и помѣстилъ въ 5 томѣ записокъ свою статью „Дипломатическая тайнопись въ древней Россіи временъ Алексѣя Михайловича“. Тѣмъ временемъ Поповъ сообщалъ Академіи Наукъ рецензіи на различныя сочиненія, представляемыя въ Академію на соисканіе премій, и помѣстилъ въ Запискахъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ свое изслѣдованіе „Литовскій лѣтописецъ по списку Даниловича“. Въ трудахъ же Общества любителей исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ онъ помѣстилъ переписку дьяка Васильева, вмѣстѣ со своимъ изслѣдованіемъ о самомъ Васильевѣ. Въ Запискахъ Императорскаго Географическаго Общества за 1853 г. Поповъ напечаталъ статью „О сношеніяхъ Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ“, при чемъ помѣстилъ и дневникъ итальянца Беневени, посланнаго въ 1725 г. въ Бухару [1]). Когда же въ царствованіе Императора Александра II открылась возможность къ занятіямъ отечественною исторіею, А. Н. Поповъ предался еще болѣе любимому своему занятію и написалъ немало любопытныхъ статей въ различныхъ ежемѣсячныхъ журналахъ, какъ-то: въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856 г.—„Русское посольство во Франціи въ 1668 г.“ (посольство Потемкина), а также „Сокола и Кречета при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“. 1857 г. „Исторія возмущенія Стеньки Разина“ [2]); этимъ трудомъ Попова пользовались, по словамъ Бестужева-Рюмина, главнѣйшимъ образомъ всѣ прочіе изслѣдователи возмущенія; въ 1858 г.—О построеніи корабля „Орла“ и въ 1864 г. „Русское посольство въ Польшу 1673—1677 годахъ; трудъ весьма замѣчательный. Въ то же время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 года кн. 8-я Поповъ напечаталъ статью о турецкой войнѣ въ царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича.

Перерывъ сношеній Россіи съ Римомъ въ 1868 г. вызвалъ появленіе очень интересныхъ изслѣдованій Попова: въ „Вѣстникѣ Европы“ 1868 г „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, а въ „Журналѣ М-ва Народнаго Просвѣщенія“ 1870 г. т. 147 и 152—„Сношенія Россіи съ папскимъ дворомъ въ 1845—47 годахъ [3])“. Когда въ 1867 г. возникло Импер. Русское Историческое Общество, Поповъ примкнулъ къ нему, былъ долгое время членомъ совѣта Общества и своимъ участіемъ въ трудахъ Общества много способствовалъ тому, что Общество заняло мѣсто, которое ему теперь принадлежитъ въ ряду русскихъ ученыхъ обществъ. А. Н. Поповъ помѣстилъ въ издаваемомъ Обществомъ Сборникѣ матеріалы о Новиковѣ (въ томѣ II), записку Трощинскаго о министерствахъ (въ томѣ III) а также записку князя Волконскаго о судебныхъ мѣстахъ (въ томѣ V).

Послѣдніе годы жизни А. Поповъ всецѣло предался сочиненію, которое

---

[1]) Имѣется также отдѣльною книгою, напечатанною въ Типографіи Академіи Наукъ.

[2]) Оно позднѣе было издано отдѣльною книгою и также и Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина.

[3]) Это изслѣдованіе было также издано отдѣльной книгой.

долго останется въ памяти любителей отечественной исторіи; именно онъ занялся славною для насъ эпохою войны 1812 года. Сочиненіе это, говоритъ такой знатокъ исторіи, какъ Бестужевъ-Рюминъ, нельзя сравнивать съ другими этого рода сочиненіями; это было бы несправедливо; такъ высоко стоитъ оно по своимъ достоинствамъ. — Оно осталось къ сожалѣнію незаконченнымъ. Академіей Наукъ удостоено оное Уваровской преміею въ 1877 г.

Неумолимая смерть не дозволила Попову завершить его трудъ; онъ успѣлъ только напечатать рядъ обширныхъ очерковъ изъ этого превосходнаго и въ высшей степени интереснаго труда въ „Журналѣ М-ва Народнаго Просвѣщенія“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875—76 г., а также въ „Русской Старинѣ“ 1877 г. (т. XVIII, XIX и XX) [1]). Онъ имѣлъ счастье поднести Государю Императору экземпляръ сочиненія своего „Москва въ 1812 г.“, за который Попову была объявлена Высочайшая Его Величества благодарность 21 января 1877 г.

Тяжкій недугъ поразилъ Попова въ октябрѣ 1877 года. По словамъ М. И. Семевскаго, посѣтившаго А. Попова на его квартирѣ, по возвращеніи изъ деревни въ октябрѣ 1877 года, онъ засталъ Попова сидящимъ молча въ кабинетѣ, со сложенными на груди руками. Поповъ показалъ ему на ножъ и удушливымъ голосомъ проговорилъ: „Вотъ что мнѣ нужно“. Скоро его поразилъ ударъ, почти отнявшій языкъ. Поповъ какъ бы предчувствовалъ это и незадолго предъ этимъ говорилъ Бычкову: „Странное дѣло; я чувствую, что болѣе и болѣе теряю способность мыслить и говорить. Голова видимо отказывается служить мнѣ“.

Вскорѣ пріѣхала къ нему, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, его супруга, при которой А. Н. Поповъ и скончался 16 ноября 1877 года, послѣ двухъ недѣль совершенно безсознательнаго состоянія. Дѣтей онъ не имѣлъ. По словамъ М. И. Семевскаго, Поповъ обладалъ любопытнымъ собраніемъ рукописей, а также составилъ рядъ монографій, относящихся до разныхъ лицъ царствованія Императора Александра I. Гдѣ означенныя бумаги находятся въ настоящее время, намъ неизвѣстно.

А. Н. Поповъ, какъ человѣкъ, былъ въ высшей степени симпатиченъ, бесѣда съ нимъ была по истинѣ увлекательна. Имѣвъ счастливый случай не малое время служить съ А. Н. Поповымъ вмѣстѣ во II Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи и находиться подъ непосредственнымъ его начальствомъ, не могу не выразить, что и въ служебномъ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ А. Н. Поповъ являлся тѣмъ же въ высшей степени деликатнымъ и пріятнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ обществѣ въ дружеской бесѣдѣ.

Онъ никогда не позволялъ себѣ сдѣлать не только непріятное, но даже и рѣзкое замѣчаніе подчиненному и обходился всегда ласково и радушно, никогда въ разговорѣ или объясненіи не возвышалъ голоса. Едва-ли надо упоминать, что А. Н. Поповъ былъ не только замѣчательный ученый и писатель, но съ обширною начитанностью соединялъ изумительное трудолюбіе къ историческимъ изслѣдованіямъ. Онъ говорилъ еще лучше, не-

---

[1]) А. Поповымъ написаны три отдѣльныя монографіи: Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войной 1812 г.; Москва въ 1812 году; Французы въ Москвѣ въ 1812 г.

жели писалъ. По словамъ Погодина, Поповъ обладалъ превосходнымъ, необыкновеннымъ даромъ слова; языкъ его былъ правиленъ, красивъ, разнообразенъ. „Пріятно слушать было его говорившаго; въ рѣчи его было что-то драматическое“. Умный, даровитый писатель, добросовѣстный изслѣдователь и вѣчный труженикъ, Поповъ долго будетъ жить въ памяти людей, но лица, знавшія лично Попова, припомнятъ не только его обходительность и дружественную бесѣду, чуждую рѣзкости и раздражительности, но и ту радушную готовность, съ которою Поповъ дѣлился съ каждымъ и своими знаніями и своими матеріалами. А. Н. Поповъ былъ женатъ на Маріи Петровнѣ Мосоловой, имѣвшей въ Тульской губерніи 850 десятинъ земли съ 175 временно обязанными крестьянами. Дѣтей отъ этого брака не было [1]). Подробныя біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. Н. Попова будутъ напечатаны въ III томѣ выходящаго нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ капитальнаго труда покойнаго историка „Отечественная война 1812 г.“, первый томъ коей съ портретомъ автора уже вышелъ два года тому назадъ, а второй имѣетъ выйти въ непродолжительномъ времени.

---

[1]) См. Формулярный списокъ о службѣ А. Н. Попова въ архивѣ Госуд. Совѣта (въ дѣлахъ бывшаго II Отдѣл. С. Е. И. В. Канцеляріи № 129/1877 г.;— XXI томъ Сборника Имп. Ист. Общества—статья Бестужева-Рюмина; „Русская Старина“ 1882 г. т. XXXIV ст. 464; Жизнь и труды Погодина—изд. Барсукова томъ VI, VII, VIII, IX, „Журналъ М. Народ. Просвѣщенія“ 1877 г. Декабрь, стр. 150 и слѣд.; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. IV, ст. 1329. Также XXI т. Сбор. Импер. Истор. О-ва—статья Бестужева-Рюмина (1877 г.).

Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

Бурное время почти непрерывныхъ войнъ, наступившее послѣ французской революціи, вывело на поприще дѣйствій много замѣчательныхъ военачальниковъ. Сила военнаго генія Бонапарта подавила всѣхъ другихъ, и величіе его подвиговъ умалило, часто несправедливо, подвиги его боевыхъ сотрудниковъ и противниковъ. Какъ вниманіе современниковъ постоянно сосредоточивалось на Наполеонѣ, такъ и потомки долго шли по тому же направленію и превратили исторію въ поэтическую легенду объ этомъ геніальномъ человѣкѣ. Только съ недавняго времени историческая истина начинаетъ вступать въ свои права и воздавать должное каждому изъ дѣятелей этой эпохи. Дѣйствія многихъ изъ нихъ не только не цѣнились по достоинству, но искажались безусловными поклонниками Наполеона. Такую судьбу испытывали тѣ, которыхъ ненавидѣлъ, гналъ и преслѣдовалъ всѣми средствами, не исключая лжи и клеветы, самъ Наполеонъ. Къ ихъ числу принадлежитъ и генералъ Моро.

I.

Моро родился въ Бретани въ 1761 году; отецъ его былъ гражданскимъ чиновникомъ и для того же поприща приготовлялъ сына. „Я посвящалъ свои занятія изученію законовъ“,—говоритъ онъ,—„когда началась революція, которая должна была основать свободу французскаго народа. Она измѣнила мое призваніе, и я посвятилъ себя военному дѣлу. Не честолюбіе увлекло меня въ среду воиновъ свободы; но уваженіе къ правамъ народа: я сдѣлался солдатомъ потому, что былъ гражданиномъ“. Двадцати лѣтъ онъ вступилъ въ военную службу и черезъ 12 съ небольшимъ лѣтъ уже получилъ званіе дивизіоннаго генерала въ сѣверной арміи, находившейся подъ начальствомъ Пишегрю. „Я повышался довольно быстро по службѣ“,—разсказываетъ самъ Моро,—„но всегда изъ чина въ чинъ, не перескакивая ни одного, постоянно служа отечеству и не льстя, тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находилась власть“ Пишегрю былъ ровесникъ Моро (род. также въ 1761 г.). Революціонныя волненія вывели его совершенно случайно съ педагогическаго поприща на военное, на которомъ онъ выказалъ блестящія дарованія и быстро возвысился до степени главнокомандующаго. Такъ же, какъ и Моро, его дѣйствіями руководила любовь къ отечеству и свободѣ; онъ не только не льстилъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ была власть, но ненавидѣлъ произволъ и безначаліе кровожаднаго правительства револю-

ціонной Франціи того времени. Когда конвентъ постановилъ закономъ убивать всѣхъ плѣнныхъ непріятелей и строго предписывалъ исполнять это своимъ военачальникамъ, Пишегрю находилъ способы вовсе не исполнять позорнаго закона во все время дѣйствій сѣверной арміи, окончившихся пораженіемъ союзниковъ и завоеваніемъ всей Голландіи (1794 года). Моро не только принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ руководствомъ Пишегрю, но и сблизился со своимъ начальникомъ. Сходство въ направленіи, въ личныхъ качествахъ и во взглядахъ на современное положеніе ихъ отечества послужило основаніемъ къ ихъ сближенію. Оно укрѣпилось еще болѣе вслѣдствіе одного обстоятельства, лично касавшагося Моро, которое могло имѣть роковое вліяніе на его судьбу. Его престарѣлый отецъ, котораго называли „отцомъ всѣхъ бѣдныхъ“, безъ сомнѣнія не сочувствовавшій звѣрскимъ дѣйствіямъ правительственныхъ лицъ, былъ казненъ, какъ измѣнникъ, только по этому поводу. Ужасная кончина отца сильно поразила молодого генерала. Моро задумалъ покинуть отечество и открылъ свое намѣреніе Пишегрю.

Несмотря на сходство въ образѣ мыслей, характеры этихъ двухъ лицъ были различны, Пишегрю былъ истый сынъ революціи.

Мысль оставить отечество и обречь себя на бездѣйствіе никогда не могла придти въ его голову; онъ не только желалъ дѣйствовать, но считалъ себя способнымъ руководить событіями для блага отечества. Характеръ Моро былъ совершенно иной: онъ не считалъ себя политическимъ дѣятелемъ, шелъ за событіями, сохраняя свои нравственныя качества и служа отечеству на частномъ поприщѣ военной дѣятельности, которой посвятилъ себя съ полнымъ увлеченіемъ.

Пишегрю уговорилъ Моро отказаться отъ своего намѣренія, увлекая его мыслію о любви къ отечеству и чувствомъ долга и предвѣщая, что правительство Франціи не можетъ долго оставаться въ рукахъ недостойныхъ людей и должно измѣниться. Приготовлялъ ли онъ себѣ способнаго сотрудника для будущихъ дѣйствій или для блага отечества желалъ удержать достойнаго человѣка въ его нѣдрахъ,—во всякомъ случаѣ совѣты Пишегрю произвели дѣйствіе. Моро отложилъ свое намѣреніе и дѣятельно продолжалъ службу. Послѣдовавшая вскорѣ перемѣна въ составѣ правительства какъ бы подтверждала мнѣніе Пишегрю, а отозваніе его на Рейнъ предоставило болѣе широкое поприще для дѣятельности Моро.

Сѣверная армія оставалась подъ начальствомъ Пишегрю; но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство ввѣрило ему также и рейнскую армію, къ которой онъ отправился, поручивъ Моро начальство надъ сѣверною арміею и оставивъ Журдана начальникомъ соединенной съ нею арміи Самбры и Мезы. Послѣ блестящей кампаніи въ Голландіи,

дѣйствія Пишегрю на Рейнѣ были неудачны и возбудили подозрѣніе революціоннаго правительства, зорко слѣдившаго посредствомъ своихъ комиссаровъ за дѣйствіями главнокомандующихъ. Подозрѣнія въ этомъ случаѣ оказались впослѣдствіи основательными. Главная квартира рейнской арміи находилась въ Альткиркѣ, и, почти въ виду передъ нею, въ Бризгау помѣщалась главная квартира корпуса войскъ принца Конде, который вошелъ въ тайныя сношенія съ Пишегрю. Негодуя на неистовства революціоннаго правительства и полагая, что Франція не способна сдѣлаться республикой, французскій главнокомандующій задумалъ повторить образъ дѣйствій Монка: возстановить монархію и получилъ на то полномочіе Людовика XVIII (comte de Lille). Военныя дѣйствія арміи Пишегрю соотвѣтствовали его намѣреніямъ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ, и даже неудачныхъ, дѣйствій, онъ отступилъ за Рейнъ. Правительство вызвало Пишегрю въ Парижъ, а начальство надъ рейнскою арміею предоставило генералу Моро (1795 г.).

Несмотря на близкія отношенія къ Пишегрю, едва-ли онъ зналъ о его замыслахъ, которымъ во всякомъ случаѣ не сочувствовалъ. Не обладая ни рѣшительнымъ характеромъ, какъ онъ, ни способностью увлекаться, хладнокровный и разсчетливый, Моро не могъ изъ одной крайности быстро перейти въ другую и сдѣлаться изъ яраго революціонера монархистомъ стараго порядка, какъ Пишегрю. Онъ одинаково съ нимъ ненавидѣлъ произволъ, но защищалъ свободу въ предѣлахъ закона и полагалъ, что Франція можетъ ея достигнуть.

Званіе главнокомандующаго давало ему всѣ способы выказать свои военныя познанія и дарованія.

Директорія, недовольная отступленіемъ Пишегрю за Рейнъ, требовала отъ его преемника наступательныхъ дѣйствій. Несмотря на силы австрійцевъ, подкрѣпляемыя корпусомъ принца Конде, силы, значительно превышавшія числомъ армію Моро, онъ долженъ былъ исполнить волю Директоріи. Французская республика могла однако же располагать въ это время силами на Рейнѣ, не меньшими по числу войскъ, нежели австрійцы, послѣ того какъ успѣхи Бонапарта въ сѣверной Италіи вынудили вѣнское правительство двинуть туда на помощь своимъ разбитымъ войскамъ армію фельдмаршала Вурмзера съ Рейна.

Это обстоятельство, съ одной стороны, уравновѣшивало силы противниковъ; а съ другой, вынуждало австрійцевъ дѣйствовать лишь оборонительно. Но, по военному плану Директоріи, французскія войска были раздѣлены на двѣ арміи, состоявшія подъ начальствомъ независимыхъ одинъ отъ другого главнокомандующихъ, и должны были дѣйствовать на фланги непріятеля, подвигаясь въ глубь Гер-

маніи по долинамъ Майна и Неккера къ Дунаю. Армія Самбры и Мезы, въ числѣ 40 тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ Журдана, должна была перейти Рейнъ у Дюссельдорфа; армія Моро, состоявшая изъ 71 тысячи—у Страсбурга. Такой образъ дѣйствій давалъ возможность главнокомандующему противной стороны сосредоточить свои силы и, смотря по обстоятельствамъ, направить ихъ на одну изъ армій республики, подавить ее количествомъ войскъ и потомъ обратиться противъ другой. Послѣ отъѣзда Вурмзера въ Италію австрійскими войсками начальствовалъ одинъ главнокомандующій, еще молодой въ то время, эрцгерцогъ Карлъ, пріобрѣвшій потомъ извѣстность замѣчательнаго военачальника, который могъ, конечно, воспользоваться выгодами ошибочнаго военнаго плана, начертаннаго Директоріей для дѣйствій французскихъ войскъ. Если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ онъ воспользовался имъ въ значительной степени.

Наблюдая за Майнцемъ и двигаясь къ Лану, Журданъ былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ при Ветуларѣ и долженъ былъ отступить. Чтобы оправдать пораженія, въ которыхъ не любятъ признаваться французы, они приписываютъ движенію Журдана то важное значеніе, что онъ отвлекъ вниманіе австрійскаго главнокомандующаго отъ Страсбурга, гдѣ Моро съ полнымъ успѣхомъ совершилъ переправу своей арміи черезъ Рейнъ. Но у австрійцевъ было достаточно силъ, чтобы, если не воспрепятствовать, то во всякомъ случаѣ затруднить переправу у Страсбурга, если бы они успѣли соединить противъ него свои разбросанныя на значительномъ протяженіи по берегу Рейна войска.

Очевидно, успѣхъ переправы рейнско-мозельской арміи, совершенной скрытно отъ непріятеля, смѣло и въ полномъ порядкѣ, зависѣлъ отъ обдуманныхъ съ предусмотрительностью распоряженій генерала Моро. За первою удачею послѣдовали и другія. Несамонадѣянный, неспособный къ безразсчетному увлеченью, онъ не бросился на разсѣянныя части непріятельскихъ войскъ, чтобы разбить каждую изъ нихъ порознь; но, предусматривая дальнѣйшія дѣйствія едва начатаго похода и не полагаясь на случай и свою непогрѣшимость, прежде всего сосредоточилъ свои войска, какъ и слѣдовало главнокомандующему, который дѣйствуетъ не для достиженія личныхъ цѣлей, а для пользы и славы отечества.

Между тѣмъ вѣсть о переправѣ черезъ Рейнъ арміи Моро дошла до эрцгерцога. Заставивъ отступить Журдана, онъ оставилъ у Майнца значительный отрядъ (27 тыс.), другой на берегахъ Лана (36 тыс.), чтобы удерживать его, если бъ онъ снова началъ наступательныя дѣйствія, а самъ усиленными переходами съ 25-ю ты-

сячнымъ корпусомъ пошелъ на помощь Латуру, находившемуся противъ Моро и потерпѣвшему уже неудачу при р. Мурѣ. Цѣль дѣйствій Моро заключалась въ томъ, чтобы овладѣть дорогой, которая отъ Раштадта вела въ долину Неккера, а въ то же время сообразовать свои дѣйствія съ Журданомъ и не терять изъ виду, исполняя наставленія Директоріи, возможности сближенія съ италіанскою арміею. При этомъ условіи слѣдовало съ одной стороны растянуть линію, а съ другой не слишкомъ разбросать свои войска, постоянно сохраняя подъ рукою достаточное количество, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятеля.

Эту, повидимому, неисполнимую задачу могъ только исполнить съ успѣхомъ хладнокровный, дальновидный и остроумный въ своихъ дѣйствіяхъ военачальникъ. Моро выдержалъ сраженіе при Раштадтѣ въ концѣ іюля съ эрцгерцогомъ, который пришелъ уже на помощь къ Латуру. Это сраженіе австрійцы считаютъ побѣдою, а французы—сраженіемъ нерѣшительнымъ, и едва-ли не потому только, что эрцгерцогъ отступилъ. Но это отступленіе не было вынужденнымъ и совершалось медленно и въ величайшемъ порядкѣ. Цѣль австрійскаго полководца заключалась лишь въ томъ, чтобы оградить отъ вторженія только имперскія владѣнія Габсбурговъ, а не вообще Германію, и потому онъ шелъ къ Дунаю.

По его пятамъ, преодолѣвая препятствія, велъ свою армію Моро. Но въ то время, когда австрійцы приближались къ своимъ средствамъ содержанія войскъ, пополненія убыли въ людяхъ и боевыхъ запасахъ, французы удалялись отъ своихъ все болѣе и болѣе. Это обстоятельство входило въ соображенія Моро и, конечно, вынуждало его дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью. Онъ убѣждался постепенно, что его противникъ отступаетъ не изъ страха передъ побѣдителемъ; но, напротивъ, умышленно ведетъ его за собою въ глубь Германіи, къ границамъ имперіи. Только успѣшныя дѣйствія арміи Журдана могли отвратить угрожавшую ему опасность, и онъ зорко слѣдилъ за ними.

Узнавъ объ отступленіи эрцгерцога Карла и полагая, что къ этому движенію принудили его дѣйствія рейнской арміи, Журданъ началъ снова наступать. Эрцгерцогъ предписалъ Вартенслебену, находившемуся противъ Журдана, отступать къ Дунаю, оставивъ гарнизоны въ Майнцѣ, Касселѣ, Эренбрейтштейнѣ и Мангеймѣ. Журданъ долженъ былъ оставить болѣе трети своихъ войскъ, для блокады этихъ крѣпостей и съ 46 тыс. двинулся впередъ противъ Вартенслебена, располагавшаго почти такимъ же количествомъ войскъ, но его разсчитывалъ подкрѣпить эрцгерцогъ и выжидалъ только благопріятныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ Моро подвигался впередъ. При Канстатѣ онъ выдержалъ съ успѣхомъ упорное сраженіе, проникъ въ долину Неккера и трудными горными проходами вышелъ къ концу іюля къ Дунаю, за которымъ была расположена австрійская армія. Эрцгерцогъ поджидалъ прихода Вартенслебена, чтобы сосредоточить всѣ войска.

Въ это время Журданъ выигралъ сраженіе при Фридбергѣ, занялъ Франкфуртъ, Вицбургъ и вышелъ на берега Нааба, притока Дуная, почти на одну высоту съ Моро. Опасаясь соединенія французскихъ армій и получивъ извѣстіе, оказавшееся впослѣдствіи несправедливымъ, о неправильномъ движеніи Вартенслебена, чтобы закрыть Богемію, удалявшаго его отъ войскъ эрцгерцога, онъ рѣшился выйти изъ выжидательнаго положенія, напасть сначала на Моро, а потомъ спѣшить на помощь Вартенслебену и дѣйствовать противъ арміи Журдана. Перейти Дунай, дать сраженіе искусному противнику, имѣя въ тылу эту рѣку, было предпріятіемъ смѣлымъ, которое, въ случаѣ неудачи, могло повлечь за собою большія бѣдствія. Но упорная битва при Нересгеймѣ, хотя осталась нерѣшительною, и обѣ враждующія стороны сохранили свои позиціи, однако же ея послѣдствія обратились въ пользу австрійцевъ. Эрцгерцогъ не продолжалъ наступленія, переправился затѣмъ снова черезъ Дунай въ полномъ порядкѣ и нѣсколько дней наблюдалъ, что̀ предприметъ его противникъ. Моро, устраивая войска послѣ упорнаго̀ сраженія, былъ особенно озабоченъ тѣмъ, что австрійцы, обойдя его правый флангъ и достигнувъ до Гоенгейма, угрожали его тылу. Это нападеніе произвело такую тревогу, что всѣ его парки и обозы должны были отступить. Въ ожиданіи ихъ прибытія, Моро не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій. Воспользовавшись его бездѣйствіемъ, эрцгерцогъ, оставивъ противъ него Латура съ 36 тыс. войскомъ, самъ съ 25 тыс. пошелъ на помощь Вартенслебену, который не удалялся къ Богеміи, а стоялъ противъ Журдана при р. Наабѣ. Въ началѣ августа (4-го) эрцгерцогъ двинулся отъ Нигольштадта и встрѣтилъ у Неймарка отрядъ Бернадота, котораго Журданъ послалъ, чтобы войти въ сообщеніе къ Моро, разбилъ его и отбросилъ къ Нюренбергу.Ославъ отрядъ для его преслѣдованія, онъ со всѣми силами пошелъ противъ Журдана и, соединившись съ Вартенслебеномъ, разбилъ его при Амберѣ, потомъ при Вюрцбургѣ и принудилъ къ поспѣшному отступленію за Рейнъ. Моро нѣсколько дней находился въ полномъ невѣдѣніи о дѣйствіяхъ эрцгерцога; но и узнавъ, не могъ идти на помощь Журдану къ Майну, не разрушая плана дѣйствій, предписаннаго ему Директоріею, удалясь отъ итальянской арміи и подвергая опасности свои сообщенія съ Рейномъ на Страсбургъ, которыя могли перервать

войска генерала Латура. Получивъ извѣстіе о первыхъ дѣйствіяхъ эрцгерцога противъ Журдана, онъ двинулся впередъ, перешелъ Дунай и достигъ Леха у Мюнхена, въ надеждѣ снова привлечь на себя эрцгерцога и облегчить Журдану возможность сопротивляться непріятелю. Въ то время, когда австрійскія войска отступали въ порядкѣ, давая ему возможность все болѣе вдаваться внутрь враждебной страны, онъ попытался было, оставивъ часть своихъ войскъ противъ Латура, идти на помощь Журдану; но вѣсть о совершенномъ пораженіи арміи Самбры и Мезы и объ отступленіи Журдана за Рейнъ вынудила его прекратить наступательныя дѣйствія. Его войска могли быть поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Двинувшись къ Неккеру, торжествующій эрцгерцогъ могъ отрѣзать его отъ Франціи окружить со всѣхъ сторонъ въ странѣ, враждебно настроенной противъ французовъ. Таково было общее мнѣніе какъ Европы, такъ и Франціи, лишь только сдѣлалось извѣстнымъ положеніе военныхъ дѣлъ въ Германіи, армію Моро считали погибшею, и эту участь подготовилъ ей планъ военныхъ дѣйствій, предписанный Директоріей обоимъ главнокомандующимъ французскими арміями въ Германіи. Въ то время, когда Бонапартъ торжествовалъ рядъ блестящихъ успѣховъ надъ австрійцами въ Италіи, армія Журдана была разбита и отброшена за Рейнъ, армія Моро поставлена въ безвыходное положеніе.

Оказавшись въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, Моро не смутился, не потерялъ времени на размышленія; но рѣшился немедленно отступать и послѣ нѣсколькихъ удачно выдержанныхъ битвъ провелъ армію безъ значительныхъ потерь въ Страсбургъ. Эта кампанія прославила въ Европѣ молодого эрцгерцога. Но и Франція была чрезвычайно довольна, что Моро спасъ армію, поставленную въ опасное положеніе въ Баваріи. О ея судьбѣ чрезвычайно заботились, особенно послѣ того какъ дошли вѣсти объ отступленіи Журдана. Подвигами Бонапарта въ Италіи гордились; его слава возросла до послѣдней степени, но, предчувствуя характеръ молодого полководца, его славой начинали уже тяготиться, опасаясь притязаній его самолюбія. Дѣйствія Моро дали возможность выставить нѣкоторымъ партіямъ рядомъ съ нимъ другого полководца, и его дѣйствительно блистательно совершенное отступленіе превозносили до небесъ и сравнивали съ отступленіемъ 10 тысячъ Ксенофонта. Но обстоятельство совершенно случайное вдругъ заподозрило Моро въ глазахъ республиканскаго правительства.

Ал. Поповъ.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера.

По случаю моего назначенія въ Податную Комиссію я долженъ былъ представиться министру Княжевичу. Явился въ указанное время къ нему, но мнѣ швейцаръ объявилъ, что никого не приказано принимать. Когда я ему замѣтилъ, что мнѣ именно это время назначено, онъ извинился, сказавъ, что приказано принять дѣйствительно только Управляющаго Дѣлами Податной Комиссіи, но что онъ думалъ, что это пожилой человѣкъ, и видя же столь молодого человѣка, никакъ не думалъ, что это можетъ быть Управляющій дѣлами Податной Комиссіи, ожидаемый министромъ.

Управляющимъ дѣлами Податной Комиссіи я оставался до самаго моего назначеніе Вице-Директоромъ Департамента Внѣшней Торговли въ 1864 г., принимая все время дѣятельное участіе въ трудахъ комиссіи и соединяя съ этимъ положеніемъ званіе Секретаря Церемоніальной Экспедиціи и Секретаря Географическаго Общества.

При моемъ участіи и даже нѣкоторой иниціативѣ было разработано и утверждено положеніе о патентномъ сборѣ, замѣнившемъ гильдейскую подать. Кромѣ того мною былъ составленъ проектъ порасходнаго налога. Въ то время у насъ много спорили о подоходномъ налогѣ, который, по примѣру Англіи, имѣлъ у насъ много сторонниковъ. Я находилъ болѣе справедливымъ введеніе порасходнаго налога, который не достигалъ бы той части дохода, который не расходуется, а капитализируется, и составилъ соотвѣтственный проектъ, который тоже былъ напечатанъ въ трудахъ Комиссіи. Окончательно отказались однако отъ введенія подоходнаго и порасход-

наго налога. Послѣдствіи при С. Ю. Витте моя мысль отчасти осуществилась въ формѣ квартирнаго налога.

Членами Податной Комиссіи состояли между прочимъ нѣкоторыя лица прежнихъ редакціонныхъ комиссій и между прочимъ Я. И. Соловьевъ, занимавшій впослѣдствіи при Милютинѣ выдающееся положеніе въ Польшѣ. Эти лица интересовались особенно крестьянскими дѣлами и были недовольны тѣмъ, что Податная Комиссія не принимается болѣе энергически за вопросъ объ отмѣнѣ или по крайней мѣрѣ преобразованіи подушнаго налога. Вопросъ этотъ былъ чрезвычайно деликатный и требовалъ для его проведенія большей энергіи, чѣмъ та, которою обладалъ и Гагемейстеръ и я, впрочемъ и впослѣдствіи, при измѣненномъ составѣ, Комиссіи не удалось его разрѣшить, и только Н. Х. Бунге, много лѣтъ спустя суждено было произвести эту коренную реформу. На одномъ экономическомъ обѣдѣ Соловьевъ, разговорившись со мною, сталъ меня упрекать въ томъ, что Податная Комиссія ведетъ дѣло не достаточно энергически, и все это было высказано въ довольно рѣзкой формѣ. Я былъ непріятно пораженъ этимъ разговоромъ и не считалъ возможнымъ оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго разъясненія. Поэтому на другой день я рѣшился поѣхать къ К. И. Домонтовичу, который былъ очень друженъ съ Я. И. Соловьевымъ и тоже состоялъ членомъ Под. Ком. съ тѣмъ, чтобы вызвать его посредничество въ этомъ дѣлѣ. Я разсказалъ ему содержаніе нашего разговора съ Соловьевымъ и прибавилъ, что если и прочіе члены Комиссіи раздѣляютъ мнѣніе Якова Ивановича, что я недостаточно энергически веду дѣла Комиссіи, то я готовъ отказаться отъ управленія ея дѣлами, но что я во всякомъ случаѣ очень непріятно пораженъ рѣзкостію выраженій Соловьева.

К. И. Домонтовичъ успокоилъ меня на этотъ счетъ и предложилъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать къ Соловьеву для объясненія, что̀ мы и сдѣлали немедленно. Соловьевъ, узнавъ о причинѣ нашего пріѣзда, высказалъ, что относительно медленности и недостаточной рѣшительности дѣйствій Податной Комиссіи онъ не можетъ взять обратно своихъ словъ, такъ какъ это составляетъ его убѣжденіе, но что онъ сознается, что его мнѣніе не было выражено въ довольно спокойной формѣ, и потому отказывается отъ рѣзкости своихъ выраженій. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что никто не желаетъ моего удаленія отъ управленія дѣлами Комиссіи,—но что все же нужно подумать о томъ, какъ ей придать больше энергіи, и окончательно пришли къ заключенію, что желательно имѣть другого предсѣдателя, такъ какъ Гагемейстеръ слишкомъ занятъ дѣлами по Кредитной Канцеляріи, чтобы посвятить

Комиссіи все необходимое вниманіе и при томъ по мягкости своего характера можетъ быть не въ состояніи достаточно настойчиво проводить такое деликатное дѣло, какъ податное устройство крестьянъ. Не помню, кто принялъ на себя переговорить объ этомъ съ Гагемейстеромъ, но дѣло въ томъ, что послѣдній, какъ человѣкъ чрезвычайно благородный, незаинтересованный и лишенный всякаго самолюбія, немедленно изъявилъ готовность сложить съ себя предсѣдательство. Дальнѣйшія сужденія между главнѣйшими членами Комиссіи по этому вопросу происходили у меня въ кабинетѣ, такъ что я все время находился въ центрѣ дѣла. Выборъ палъ на А. К. Гирса, полезная редакціонная дѣятельность котораго въ Членахъ Редакціонныхъ Комиссій весьма цѣнилась. Въ слѣдующемъ совѣщаніи, которое также происходило, кажется, у меня и на которомъ уже присутствовалъ А. К. Гирсъ, ему было сдѣлано соотвѣтствующее предложеніе, которое онъ и принялъ.

Хотя такимъ образомъ я принималъ дѣятельное участіе въ назначеніи А. К. Гирса предсѣдателемъ Комиссіи, а скорѣе именно потому, у меня съ нимъ на самыхъ же первыхъ порахъ послѣ его назначенія вышло столкновеніе. Я впрочемъ не разъ замѣчалъ, что когда новый человѣкъ становится въ дѣлѣ какого-либо учрежденія, онъ трудно уживается съ подчиненнымъ ему прежнимъ главнымъ дѣятелемъ, боясь, какъ бы не очутиться въ глазахъ общества на второмъ планѣ и не сохранить достаточнаго авторитета въ дѣлѣ. Такъ случилось и между нами. Въ качествѣ управляющаго дѣлами я сдѣлалъ какое-то распоряженіе, которое А. К. считалъ стоящимъ въ сферѣ дѣятельности предсѣдателя, и онъ выразилъ мнѣ это письменно въ довольно рѣзкой формѣ, усматривая въ моемъ распоряженіи какъ бы посягательство на свои права. А. К. былъ человѣкъ съ мягкимъ и даже нѣсколько слабымъ характеромъ и, можетъ быть, именно сознавая это, рѣшился дать мнѣ съ самаго начала энергическій отпоръ, при чемъ не сумѣлъ сохранить благоразумную середину между слабостью и избыткомъ энергіи. При другихъ обстоятельствахъ я вѣроятно съ своей стороны отвѣтилъ бы ему довольно рѣзко, но случилось, что именно въ это время у меня оказалось столкновеніе и съ Церемоніальной Экспедиціей и съ Географическимъ Обществомъ, такъ что я рисковалъ потерять всѣ свои положенія разомъ. Я былъ этимъ до того разстроенъ, что, поднявъ уже перчатку по этимъ двумъ послѣднимъ столкновеніямъ, я по отношенію къ Гирсу спасовалъ, ограничившись выраженіемъ нѣкоторой холодности въ моихъ отношеніяхъ къ нему. Впослѣдствіи, впрочемъ, между нами установились вновь прежнія хорошія и даже дружественныя отношенія, такъ что когда по случаю назначенія меня

Вице-Директоромъ Таможныхъ Департаментовъ я оставилъ управленіе дѣлами Податной Комиссіи, А. К. выразилъ мнѣ по этому поводу сердечное свое сожалѣніе.

Столкновеніе же мое съ Церемоніальной Экспедиціей и Географическимъ Обществомъ произошло по слѣдующему поводу:

По Церемоніальной Экспедиціи это было тоже какое-то безцеремонное выраженіе Директора Экспедиціи Кудрявцева, которое побудило меня написать ему, что я готовъ оставить Церемоніальную Экспедицію, но что подобныхъ замѣчаній я выслушивать не намѣренъ. Кудрявцевъ въ сущности былъ очень добрый человѣкъ и потому, подъ впечатлѣніемъ моего письма, онъ отвѣтилъ мнѣ въ успокоительномъ тонѣ, что мнѣ нечего обижаться, что у него не было намѣренія меня обидѣть, и такимъ образомъ это столкновеніе разрѣшилось безъ всякихъ послѣдствій.

Гораздо серьезнѣе была моя размолвка съ графомъ Литке, тѣмъ болѣе, что я долженъ сознаться, въ данномъ случаѣ, она произошла не безъ моей вины.

Какъ человѣкъ весьма энергическій и живой, Ѳ. П. Литке всегда близко принималъ къ сердцу всѣ дѣла Географическаго Общества и никакъ не могъ терпѣть поверхностнаго и безучастнаго къ нимъ отношенія. Кругъ дѣятельности Географическаго Общества въ сущности распадался на двѣ отдѣльныя группы,—а именно на дѣла чисто географическія и на дѣла статистико-экономическія. Хотя группа географическихъ вопросовъ въ сущности была главною для Общества, какъ уже вытекало изъ самаго его названія, но сознаюсь, что не, будучи географомъ, я не обращалъ особеннаго вниманія на географическіе вопросы, преимущественно интересуясь статистическими работами Общества. Въ то время Географическое Общество предприняло изданіе большой карты Россіи. Осенью, по возвращеніи графа Литке въ Петербургъ, я отправился къ нему съ докладомъ по текущимъ дѣламъ Общества. Между прочимъ онъ меня спросилъ, какъ шли въ теченіе лѣтъ картографическія работы, и насколько подвинулось составленіе карты. Я могъ ему сказать только, что въ послѣднее время я никого изъ работающихъ надъ этимъ дѣломъ не видѣлъ и потому не могу ничего сообщить ему по этому предмету. Онъ разгорячился и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе (въ сущности справедливое), что мнѣ, какъ Секретарю Общества, слѣдовало бы болѣе интересоваться этимъ важнымъ дѣломъ и ближе слѣдить за нимъ—и это было сказано въ нѣсколько рѣзкихъ выраженіяхъ, потому что Литке при всѣхъ его высокихъ и почтенныхъ качествахъ не отличался мягкостью характера.

Между тѣмъ незадолго передъ тѣмъ меня упрекалъ прежній

Секретарь Общества Ламанскій въ томъ, что я слишкомъ подчиняюсь предсѣдателю и не выдерживаю передъ нимъ достаточно самостоятельный характеръ Секретаря Общества [1]). Подъ этимъ впечатлѣніемъ адмониція гр. Литке возъимѣла на меня такое дѣйствіе, что я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы высказать независимость характера, рискуя даже совершенно порвать съ Обществомъ.

Вслѣдствіе того я послалъ гр. Литке письмо, въ которомъ я писалъ ему тоже довольно рѣзко—что такое его отношеніе ко мнѣ я не считаю совмѣстимымъ съ достоинствомъ моего характера и потому слагаю съ себя званіе Секретаря Общества.

Отославъ это письмо, я нѣсколько дней спустя отправился къ В. П. Безобразову и разсказалъ ему все дѣло. Владиміръ Павловичъ, который всегда былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Ѳ. П. Литке, особенно цѣнившимъ его энергическій характеръ,—обѣщалъ мнѣ постараться уладить это дѣло. Переговоры продолжались нѣкоторое время и послѣ взаимныхъ объясненій привели къ удовлетворительному результату. Я взялъ назадъ свою просьбу объ отставкѣ, и отношенія мои съ гр. Литке мало по малу пришли опять въ совершенное равновѣсіе. До конца жизни Ѳедоръ Петровичъ выказывалъ свое доброе расположеніе ко мнѣ, которое между прочимъ выразилось даже съ теплотою необычайною при его характерѣ, въ сердечномъ сочувствіи, выраженномъ имъ по случаю смерти моей жены; онъ одинъ изъ первыхъ друзей пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы показать мнѣ то живое участіе, съ которымъ онъ относился къ моей печальной судьбѣ.

Говоря о моихъ отношеніяхъ къ Податной Комиссіи и Географическому Обществу, я зашелъ значительно впередъ и теперь надо возвратиться опять къ 1860-му году.

1860 и 1861 годы ознаменованы окончаніемъ работъ Редакціон-

---

[1]) Странно, что эти три довольно однообразныя столкновенія произошли подъ вліяніемъ прямо противоположныхъ другъ другу побужденій. Столкновеніе съ Гирсомъ было вызвано упрекомъ въ слишкомъ самостоятельномъ отношеніи къ дѣлу, въ ущербъ авторитету Предсѣдателя, а на возможный разрывъ съ графомъ Литке и Г. Обществомъ я пошелъ подъ вліяніемъ упрека въ томъ, что я не достаточно охраняю самостоятельное положеніе Секретаря, слишкомъ подчиняясь Предсѣдателю. По поводу этихъ трехъ непріятныхъ происшествій, случившихся почти одновременно, кажется, въ теченіе одной недѣли, считаю нужнымъ прибавить, что вообще я замѣчалъ не разъ въ моей жизни, что какъ пріятныя, такъ и непріятныя происшествія почти никогда не являются единичными, а почти всегда по нѣскольку разомъ, какъ будто бы нашла такая полоса—то благопріятная, то неблагопріятная.

ныхъ Комиссій, разсмотрѣніемъ положенія объ освобожденіи крестьянъ въ Государственномъ Совѣтѣ и наконецъ обнародованіемъ этого положенія, которому было дано названіе „Положеніе объ устройствѣ быта крестьянъ“.

Въ 1860-мъ году, когда работы Редакціонныхъ Комиссій уже приходили къ концу, графъ Ростовцовъ, который былъ предсѣдателемъ этихъ Комиссій, внезапно опасно заболѣлъ карбункуломъ и черезъ нѣсколько недѣль скончался. На его мѣсто былъ назначенъ графъ Панинъ. Это назначеніе всѣхъ крайне удивило, потому что, во-первыхъ, Панинъ не былъ сторонникомъ реформы, въ томъ духѣ, какъ ее проводили Редакціонныя Комиссіи, а затѣмъ по своему характеру отличался необыкновеннымъ педантизмомъ, который иногда доходилъ до странности, и уже совершенно не обладалъ той обходительностью, которая могла бы полезно вліять на людей, занятыхъ этимъ дѣломъ, и тѣмъ самымъ облегчить его ходъ; повидимому, нельзя было выбрать человѣка менѣе подходящаго къ этому положенію.

Но это было только повидимому, а въ сущности при данныхъ условіяхъ это былъ совершенно подходящій выборъ. Передъ смертью Ростовцова, Государь неоднократно посѣщалъ Ростовцова, и долго бесѣдовалъ съ нимъ, при чемъ Государь однако не рѣшался завести разговоръ о томъ, кому поручить дѣло послѣ его смерти. Нѣсколько разъ, высказалъ потомъ самъ Государь, „было у меня почти на языкѣ спросить его, кого бы онъ назначилъ себѣ въ преемники, и, конечно, я въ этомъ исполнилъ бы его волю, но внутреннее чувство не позволило мнѣ высказаться, я боялся огорчить больного“... Въ пользу такого выбора говорили слѣдующія соображенія. Во главѣ Главнаго Комитета Редакціонныхъ Комиссій очевидно нельзя было поставить никого изъ членовъ Комиссій. Это должно было быть лицо высоко поставленное въ административной іерархіи, или бывшій министръ или кто-либо изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, потому что только такое лицо могло быть въ состояніи провести это дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ было не мало противниковъ Редакціонныхъ Комиссій. Но изъ этого круга нѣкоторыя лица совершенно не подходили къ такому назначенію, по своему недостаточному знакомству съ подробностями дѣла, а другія устранялись отъ выбора по особымъ соображеніямъ, такъ напр. Ланской потому, что онъ состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ качествѣ былъ уже связанъ съ крестьянскимъ дѣломъ, Валуевъ потому, что былъ прямымъ противникомъ того направленія, которое дѣло приняло въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ—при его иниціативѣ нѣкоторыми высокопоставленными лицами былъ даже составленъ и представленъ

Государю контръ-проектъ реформы,—потому поставленный во главѣ Главнаго Комитета онъ могъ повліять въ положительномъ смыслѣ на окончаніе дѣла. За Панина говорили прямота и благородство его характера и его безусловная преданность волѣ Государя. Можно было быть увѣреннымъ, что если онъ дастъ слово Государю довести порученное ему дѣло до благополучнаго окончанія, не ломая и не искажая его, онъ это свято исполнитъ, какія бы ни были его собственныя воззрѣнія на предметъ. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло уже настолько подвинулось впередъ и настолько обрисовалось, что требовалось только не мѣшать закончить его, такъ сказать, послѣдними штрихами, то при такихъ условіяхъ понятно, что и выборъ Государя палъ именно на графа Панина, тѣмъ болѣе, что его назначеніе могло послужить къ нѣкоторому успокоенію сильно возбужденнаго въ дворянской средѣ общественнаго мнѣнія. Послѣдствія показали, что, какъ бы это ни казалось страннымъ, назначеніе графа Панина не только не помѣшало, но можетъ быть даже содѣйствовало успѣху проведенія дѣла.

Назначая Панина преемникомъ Ростовцова, Государь положительнѣйшимъ образомъ выразилъ ему свою волю, чтобы ничего не было измѣнено въ образѣ дѣйствія Комиссіи, и чтобы предсмертная записка Якова Ивановича служила имъ наставленіемъ. „Помните все, что вы мнѣ говорили—сказалъ онъ ему по этому поводу—на выраженныхъ условіяхъ только ввѣряю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли меня обмануть“. Съ своей стороны Панинъ увѣрялъ Великаго Князя Константина Николаевича, что каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ считаетъ долгомъ вѣрноподданнаго прежде всего подчинять ихъ взгляду Императора. „Если я, пояснялъ онъ, какими-либо путями, прямо или косвенно удостовѣрюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, то я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ и даже съ большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“.

Впрочемъ, графъ Панинъ нѣсколько разъ пытался видоизмѣнить, на сколько зависѣло отъ него, направленіе, завѣщанное Ростовцовымъ, дѣлалъ возраженія, подавалъ по нѣкоторымъ вопросамъ отдѣльныя мнѣнія, но въ концѣ концовъ подчинялся во всемъ воззрѣнію Государя и окончательно подалъ голосъ по всѣмъ вопросамъ съ большинствомъ [1]).

---

[1]) Императоръ Александръ II—С. С. Татищева. 1903 г.

Такъ какъ графъ Панинъ при всѣхъ своихъ странностяхъ былъ истиннымъ джентльменомъ, то его отношенія къ членамъ Редакціонныхъ Комиссій не вызывали никакихъ столкновеній; труднѣе всего было, разумѣется, Н. А. Милютину, какъ главному руководителю дѣла, спѣться съ гр. Панинымъ, но при взаимной благовоспитанности и благородствѣ характера отношенія между ними установились довольно удовлетворительныя. Происходили, разумѣется, и нѣкоторые курьезные эпизоды, неизбѣжные при прямолинейности гр. Панина, но это нисколько не мѣшало ходу дѣла. Весь этотъ періодъ подробно описанъ однимъ изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій Н. П. Семеновымъ въ его сочиненіи, посвященномъ ходу работъ комиссій, и потому я, какъ не участвовавшій въ нихъ, и не буду здѣсь этого касаться.

По заключеніи работъ и составленіи положенія оставалось еще провести его въ Государственномъ Совѣтѣ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, назначенный передъ тѣмъ Предсѣдателемъ Главнаго Комитета, былъ совершенно въ курсѣ дѣла, принималъ его близко къ сердцу и относился совершенно сочувственно къ тому направленію, которое оно получило въ средѣ Редакціонныхъ Комиссій. Поэтому съ его стороны можно было разсчитывать на полную поддержку. Но надо было по возможности подготовить прочихъ членовъ Государственнаго Совѣта, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не считались принципіальными противниками дѣла. Съ этою цѣлью члены бывшихъ Редакціонныхъ Комиссій подраздѣлили между собою Членовъ Государственнаго Совѣта, и каждый изъ нихъ взялъ на себя трудъ основательно ознакомить знакомыхъ ему Членовъ Государственнаго Совѣта съ подробностями дѣла и, сколько возможно, повліять на нихъ въ благопріятномъ для дѣла смыслѣ. Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ, проектъ Ред. Ком. былъ принятъ безъ большихъ измѣненій Государственнымъ Совѣтомъ и получилъ Высочайшее утвержденіе 19-го февраля 1861 года, и вслѣдъ за тѣмъ обнародованъ въ Петербургѣ 5-го марта.

Одновременно съ утвержденіемъ Положенія послѣдовало увольненіе гр. Ланского отъ поста министра В. Д. и назначеніе на его мѣсто Валуева. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милютинъ былъ уволенъ отъ званія тов. мин. Вн. Дѣлъ съ назначеніемъ ст.-секретаремъ. Это былъ настоящій coup de foudre для всѣхъ сторонниковъ крестьянскаго дѣла. Такъ какъ Милютинскіе вечера продолжались вплоть до окончанія работъ по крестьянскому вопросу, то я поѣхалъ къ нему въ слѣдующее воскресенье,—катастрофа произошла, кажется, за день до того,—въ надеждѣ разузнать всѣ подробности, какъ совершилась эта катастрофа. Но Николай Алексѣевичъ никого не принималъ въ

этотъ вечеръ, до того, очевидно, онъ былъ разстроенъ совершившимся. Вскорѣ послѣ того онъ уѣхалъ на годъ за границу.

Дѣйствительно, можно было опасаться совершеннаго уклоненія въ противоположную сторону при проведеніи реформы на мѣстахъ, разъ главное руководство предоставлялось открытому врагу реформы, въ томъ видѣ, какъ она была выработана, лицу, которое, какъ уже было указано выше, занималось даже составленіемъ контръ-проекта. Рѣшеніе Государя вызывалось несомнѣнно желаніемъ успокоить дворянство. Государь могъ думать, что разъ Положеніе было утверждено во всѣхъ подробностяхъ, никакое новое лицо не будетъ имѣть возможности существенно уклониться отъ него при введеніи Положенія въ дѣйствіе. При крайнемъ возбужденіи значительной части дворянства и при той ненависти, которая проявлялась тогда въ его средѣ по отношенію ко всѣмъ личностямъ, такъ или иначе близко стоявшимъ къ работамъ Редакціонныхъ Комиссій, могло казаться благоразумнымъ поручить практическое осуществленіе дѣла совершенно новымъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что введеніе Положенія на мѣстахъ приходилось возложить на мировыхъ посредниковъ, выбранныхъ изъ среды тѣхъ же дворянъ. Во всякомъ случаѣ можно было однако удивляться, что выборъ въ министры вн. дѣлъ палъ не просто на новаго человѣка, но на противника этого дѣла, тѣмъ болѣе, что тѣ соображенія, которыя руководили Государемъ при выборѣ графа Панина, не могли быть примѣняемы къ Валуеву. По всей вѣроятности Государь разсчитывалъ на ловкость Валуева, которому, тѣмъ болѣе, что онъ былъ persona grata въ глазахъ дворянства, легче будетъ устроить дѣло хотя и съ мягкостью для дворянства, но все же согласно утвержденному Государемъ Положенію, и такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ, удовлетворить ожиданіямъ обѣихъ сторонъ.

Какъ бы то ни было, но не мало слышалось въ обществѣ сѣтованій на нерѣшительность провести дѣло въ томъ духѣ, какъ оно было начато, на угожденіе дворянству и т. п. Послѣдствія указали однако, что всѣ опасенія, вызванныя новыми назначеніями, оказались неосновательными, потому что случилось то, чего никто не могъ ожидать. Посредники, выбранные изъ мѣстныхъ дворянъ, которымъ приходилось на практикѣ приводить въ исполненіе Положеніе, оказались до того на высотѣ своего положенія, что до сихъ поръ мировые посредники, I-го призыва, въ памяти всѣхъ оказываются окруженными какимъ-то особеннымъ ореоломъ, совершенно выдѣляющимъ ихъ изъ круга служебныхъ дѣятелей всѣхъ временъ. Сознаніе высоты возложенныхъ на нихъ обязанностей подняло ихъ духовно и какъ-бы совершенно преобразовало ихъ характеръ до того, что даже личности, бывшія прежде ярыми крѣпост-

никами, сдѣлавшись мировыми посредниками, стали съ такимъ увлеченіемъ отстаивать интересы крестьянства, что ихъ братья-дворяне упрекали ихъ даже въ томъ, что они жертвуютъ дворянскими интересами.

Это такое знаменательное явленіе, которое представляется почти единственнымъ въ нашей исторіи;—оно доказываетъ во-очію—что если только правительство рѣшается апеллировать къ высшимъ побужденіямъ людей и при этомъ оказывать имъ полное довѣріе—то всегда въ Россіи найдутся достойныя личности, которыя окажутся на высотѣ своего положенія.

Къ сожалѣнію, этотъ урокъ отечественной исторіи совершенно былъ упущенъ изъ вида при дальнѣйшемъ ходѣ земскаго дѣла. Земскимъ дѣятелямъ не только не оказывалось поощряющаго ихъ довѣрія, но, напротивъ того, постоянныя вмѣшательства губернаторовъ въ земскія дѣла, въ формѣ протестовъ противъ иногда даже самыхъ невинныхъ рѣшеній земскихъ собраній,—служило признакомъ явнаго недовѣрія къ ихъ образу дѣйствій, со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—а затѣмъ эта дѣятельность была даже формально съужена, преобразованіемъ Земскаго Положенія и реформою продовольственныхъ учрежденій.

День объявленія реформы (Положеніе читалось народу въ церквахъ) прошелъ безъ особеннаго энтузіазма. Повидимому, это великое дѣло освобожденія, на первыхъ порахъ, не произвело особеннаго впечатлѣнія, народъ какъ-бы не понималъ, въ чемъ вопросъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли печальныя недоразумѣнія и столкновенія съ властями, въ одномъ случаѣ были даже казни. Но въ общемъ дѣло обошлось довольно спокойно и преувеличенныя опасенія, которыя носились въ обществѣ, къ счастью не оправдались.

Главныя заботы всѣхъ сосредоточились на распредѣленіи земель между крестьянами и помѣщиками. Крестьяне энергично стояли за свой надѣлъ, добровольныя сдѣлки оказывались возможными только въ рѣдкихъ случаяхъ; крестьяне отказывались отъ всякихъ подписокъ, и большею частью приходилось вводить уставныя грамоты обязательно. Мнѣ самому очень хотѣлось устроить дѣло съ нашими крестьянами по добровольному соглашенію, но ихъ никакъ нельзя было уговорить, пришлось принять то же обязательное разграниченіе.

Затѣмъ настала эпоха новаго хозяйства, никто къ ней не былъ подготовленъ, дѣла шли плохо, помѣщики жаловались на рабочихъ, рабочіе на помѣщиковъ, и тѣ немногіе люди, которые думали серьезно взяться за дѣло хозяйства, большею частью по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ опыта бросили хозяйство при сознаніи, что ничего

не подѣлаешь. Это было тяжелое для всѣхъ время, которое вызвало необходимость обязательнаго выкупа.

Съ тѣхъ поръ прошло скоро полъ-вѣка, страсти улеглись, все такъ или иначе устроилось, и потому можно уже хладнокровно отнестись къ дѣлу Редакціонныхъ Комиссій и безпристрастно оцѣнить его, не вознося его съ одной стороны до небесъ, а съ другой стороны не порицая его абсолютно, какъ это дѣлалось въ первое время сторонниками того и другого направленія. Лучшею оцѣнкою дѣла, какія бы ни были его достоинства и недостатки, можетъ служить то обстоятельство, что со времени освобожденія крестьянъ Россія во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлала такіе успѣхи, что она стала совершенно неузнаваема; вмѣстѣ съ тѣмъ однако, выяснилось, что хотя положеніе крестьянъ тоже улучшилось, но они можетъ быть выиграли менѣе другихъ сословій, поднятіе ихъ благосостоянія въ сравненіи съ ихъ положеніемъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, не проявилось вездѣ въ той сильной мѣрѣ, какъ это можно бы было ожидать, во многихъ мѣстностяхъ можно даже замѣтить регрессъ.

Вслѣдствіе того естественно является вопросъ, не произошелъ ли переходъ ихъ отъ крѣпостного къ свободному состоянію слишкомъ быстро, заставъ ихъ къ тому неподготовленными, такъ что они не были еще въ состояніи вполнѣ воспользоваться даруемыми имъ благами свободы, не слѣдовало ли идти въ этомъ дѣлѣ медленнѣе, подготовляя ихъ постепенно къ дарованію свободы. Не слѣдовало ли начать со введеніемъ инвентарей и затѣмъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ придти къ окончательному результату.

Такіе вопросы можно возбуждать теперь, по прошествіи стольких лѣтъ съ отвлеченной точки зрѣнія, но практически при томъ возбужденіи страстей, которое неизбѣжно должно было вызывать рѣшеніе такого дѣла, о какой-либо большей постепенности не могло быть и рѣчи, нужно было разомъ разрубить гордіевъ узелъ—всякое колебаніе могло быть опасно. Тотъ же самый вопросъ возникалъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки при освобожденіи рабовъ, и точно также пришлось и тамъ рѣшиться на категорическое разрѣшеніе вопроса. При томъ же исторія показала, что даже та постепенность, которая была предусмотрѣна Положеніемъ въ смыслѣ замѣны барщинъ оброкомъ и затѣмъ добровольнаго перехода на выкупъ, не могла быть выдержана и пришлось силою вещей обратиться къ обязательному выкупу, чтобы окончательно разорвать всякую связь между помѣщиками и ихъ прежними крѣпостными.

Другой вопросъ, нужно ли было идти по тому же пути и въ дѣлѣ устройства государственныхъ крестьянъ.

Положеніе послѣднихъ до реформы было большею частью несомнѣнно лучше положенія помѣщичьихъ крестьянъ; послѣ освобожденія положеніе тѣхъ и другихъ совершенно сравнялось, и теперь уже никакъ нельзя сказать, чтобы экономическое положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ находилось на сравнительно высшей точкѣ. Побужденіе всѣхъ приравнять, всѣмъ предоставить въ равной мѣрѣ всѣ выгоды свободнаго положенія, совершенно естественное съ отвлеченной точки зрѣнія, не оправдалось однако послѣдствіями. Особенно же примѣненіе и къ гос. крестьянамъ обязательнаго выкупа оказалось безусловно ошибкой. Не лишая ихъ возможности выкупить свою землю и становиться полными собственниками ея,—это можно было предоставить личному желанію каждаго. Собственность несомнѣнно цивилизующее начало, но она теряетъ это свое значеніе, когда она навязывается всѣмъ и не вызываетъ никакого усилія, никакой жертвы для ея достиженія. Что же касается чисто финансоваго вопроса, то несомнѣнно оказывается, что мы потребляемъ капиталы вмѣстѣ съ процентами, такъ что по окончаніи выкупа окажется vacuum въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, которому не будетъ соотвѣтствовать соразмѣрное уменьшеніе расходовъ, — между тѣмъ какъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ поглощеніе ежегодными расходами выкупныхъ платежей уравновѣшивается, до нѣкоторой степени, соотвѣтственными погашеніями долговъ, заключенныхъ правительствомъ, въ видахъ вознагражденія помѣщиковъ за отчуждаемую отъ нихъ землю.

Въ началѣ 1862 года состоялось назначеніе М. Х. Рейтерна на постъ министра финансовъ. Съ его назначеніемъ настала новая эра въ нашемъ финансовомъ управленіи—обнародованіе бюджета, усиленное развитіе постройки желѣзныхъ дорогъ, опытъ введенія металлическаго обращенія и т. д.

Назначеніе Рейтерна состоялось слѣдующимъ образомъ. Въ то время вырабатывался проектъ замѣны откуповъ акцизною системою. При этомъ необходимо было прежде всего озаботиться выборомъ человѣка умнаго, энергическаго и хорошаго администратора на постъ директора департамента неокладныхъ сборовъ,—такъ какъ проведеніе реформы лежало на этомъ департаментѣ, и потому успѣхъ всего дѣла долженъ былъ, въ значительной степени, зависѣть отъ того, кто будетъ поставленъ во главѣ означеннаго департамента. Выборъ палъ на К. К. Грота, бывшаго тогда саратовскимъ губернаторомъ. По выработкѣ проекта, пришлось затѣмъ назначить соотвѣтственныхъ лицъ въ губерніи, такъ какъ на прежнихъ чиновниковъ, въ рукахъ коихъ находилось откупное дѣло, въ этомъ отношеніи нельзя было разсчитывать. По поводу этихъ назначеній, съ

самаго начала произошли размолвки между А. М. Княжевичемъ и Гротомъ. А. М. Княжевичъ, человѣкъ чрезвычайно мягкій и находившійся подъ вліяніемъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, пообѣщалъ разнымъ лицамъ мѣста акцизныхъ управляющихъ въ губерніяхъ. Гротъ находилъ, что многіе изъ кандидатовъ Княжевича не представляютъ достаточной гарантіи для удачнаго веденія дѣла, и потому не хотѣлъ согласиться на ихъ назначеніе. Княжевичу, какъ министру, очевидно трудно было не исполнить данныхъ имъ обѣщаній, и потому ни одна сторона не могла уступить въ дѣлѣ выбора новыхъ чиновниковъ. Тогда Гротъ, объявивъ, что при такомъ составѣ мѣстныхъ дѣятелей, онъ не можетъ ручаться за успѣхъ дѣла, подалъ въ отставку.

Какъ человѣкъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный, А. М. Княжевичъ хорошо понималъ, что веденіе акцизнаго дѣла, которое тогда обращало на себя всеобщее вниманіе, безъ Грота обойтись не можетъ, такъ какъ К. К. именно для этого и былъ назначенъ директоромъ департамента; онъ прямо высказалъ, что если кому слѣдуетъ выходить, то это не Гроту, а ему самому, и дѣйствительно сложилъ съ себя званіе министра финансовъ. На его мѣсто былъ назначенъ М. Х. Рейтернъ, который тогда уже былъ статсъ-секретаремъ, членомъ Комитета Финансовъ, считался хорошимъ финансистомъ и пользовался сильной поддержкой какъ Великаго Князя Константина Николаевича, такъ и графа Нессельрода, бывшаго въ то время предсѣдателемъ Комитета Финансовъ.

Вслѣдъ за своимъ назначеніемъ Михаилъ Христофоровичъ пригласилъ къ себѣ В. П. Безобразова и меня и объяснилъ намъ, что онъ желаетъ пользоваться нашимъ содѣйствіемъ. Обратившись прежде всего къ Безобразову, который тогда сотрудничалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, Рейтернъ высказалъ, что онъ желаетъ поручить ему составленіе объяснительныхъ статей для „Моск. Вѣдомостей“, по разнымъ финансовымъ вопросамъ, которые имъ будутъ возбуждаться. Мнѣ же онъ предложилъ финансовую цензуру журналовъ, т. е. слѣдить за появляющимися статьями и постоянно знакомить его со всѣмъ, что будетъ появляться въ этой области.

По этому случаю тутъ же произошла размолвка между Безобразовымъ и Рейтерномъ, которая до конца вліяла на ихъ взаимныя отношенія. Владиміръ Павловичъ сталъ третировать Рейтерна d'égal à égal и заявилъ ему, что прежде чѣмъ поддерживать его мѣропріятія въ журналистикѣ, ему необходимо знать, въ чемъ будетъ заключаться система Рейтерна, чтобы судить, на сколько онъ можетъ съ нею согласиться, и что потому необходимо бы было предварительно условиться съ нимъ въ общемъ финансовомъ планѣ.

Рейтернъ, какъ человѣкъ крайне авторитетный, разумѣется, не могъ согласиться поставить свою финансовую дѣятельность въ зависимость отъ санкціи молодого человѣка, хотя и уважаемаго имъ, и отвѣтилъ Безобразову съ большимъ тактомъ—что Влад. Пав. достаточно его знаетъ, чтобы не думать, что онъ можетъ потребовать отъ него, чтобы онъ писалъ что-либо противъ своего убѣжденія, и что общее направленіе его взглядовъ на финансы достаточно извѣстны ему, Безобразову. На этомъ разговоръ у нихъ кончился и, хотя это не помѣшало сохраненію прежнихъ хорошихъ отношеній между ними, но все же то—какимъ образомъ Безобразовъ отвѣтилъ на его приглашеніе поддержки,—оставило между ними нѣкоторую отчужденность. Впослѣдствіи Рейтернъ назначалъ Безобразова въ разныя комиссіи, давалъ ему разныя командировки въ Россіи и за границу, чтобы предоставить ему возможность изучать разные экономическіе вопросы, но собственно къ активному участію въ дѣлахъ управленія никогда уже не привлекалъ.

Сознаюсь, что мнѣ также не очень нравилась роль финансоваго цензора, которую мнѣ предлагалъ новый министръ. Хотя ознакомленіе его со всѣмъ, что происходило къ журналистикѣ по финансовой части, само по себѣ не имѣло ничего несимпатичнаго,—но такъ какъ онъ употребилъ при этомъ слово цензура, то дѣло получало другой характеръ, крайне мнѣ несимпатичный. Присутствуя при предшествующемъ разговорѣ Михаила Христофоровича съ Безобразовымъ, я нашелъ, однако, болѣе удобнымъ ничего не отвѣчать ему въ данную минуту и предварительно присмотрѣться къ тому, какъ у насъ пойдетъ дѣло. Никакою цензурою и никакими сообщеніями я пока не сталъ заниматься, а вмѣсто того занялся составленіемъ разныхъ финансовыхъ статей въ журналахъ, между прочимъ разсмотрѣніемъ нашего бюджета, который только-что былъ обнародованъ, и кромѣ того продолжалъ свои занятія по Податной Комиссіи. Затѣмъ о цензурѣ у меня съ министромъ уже не возникало болѣе вопроса, и это дѣло такъ и заснуло. Въ началѣ слѣдующаго года Михаилъ Христофоровичъ предложилъ мнѣ оставить Церемоніальную Экспедицію и совершенно перейти на службу въ Министерство Финансовъ; я принялъ его предложеніе и, согласно моему желанію, онъ назначилъ меня чиновн. по особымъ порученіямъ V класса, хотя я въ чинѣ тогда стоялъ еще гораздо ниже.

Въ числѣ главныхъ дѣлъ, совершенныхъ Рейтерномъ во время его министерства—надо указать на развитіе у насъ желѣзнодорожнаго строительства. Рейтернъ, послѣ разныхъ опытовъ, остановился на концессіонной системѣ, въ чемъ впослѣдствіи многіе его упрекали, потому что на этихъ предпріятіяхъ составились большія со-

стоянія. Такъ какъ строительная сумма назначалась обыкновенно очень высокою, то концессіонеру оставалась обыкновенно отъ постройки значительная прибыль: были даже случаи, что люди брали концессіи исключительно съ намѣреніемъ перепродать ихъ дѣйствительнымъ строителямъ, при чемъ, несмотря на это, на долю тѣхъ и другихъ приходились значительные барыши.

Если сообразить однако, какъ въ началѣ это дѣло шло туго, то нельзя не придти къ заключенію, что первымъ предпринимателямъ нужно было дать возможность реализировать значительные барыши, чтобы этимъ путемъ привлечь у насъ капиталы къ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ. Недовѣріе къ дѣлу строительства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и къ возможной доходности этихъ искусственныхъ сооруженій была такъ значительно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могла образоваться ни одна компанія. Наконецъ, рѣшились предоставить одной русско-англійской компаніи очень значительныя выгоды, при гарантіи дохода; контрактъ былъ заключенъ, подписка на акціи была открыта въ Лондонѣ и, несмотря на поддержку нѣкоторыхъ банкировъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, осталась непокрытою, компанія не состоялась.

Въ такой моментъ два инженера фонъ Меккъ и фонъ Дервизъ возымѣли мысль примѣнить совершенно новую у насъ систему по желѣзнодорожному дѣлу—образованіе капитала выпускомъ небольшого количества акцій и значительнаго количества облигацій. Такъ какъ облигаціи были гарантированы, то ихъ удалось размѣстить. Строительная сумма была назначена столь высокая, что всю дорогу (Московско-Рязанскую) удалось построить на одинъ облигаціонный капиталъ, а всѣ акціи остались чистою прибылью предпринимателей,—и такъ какъ дорога вмѣстѣ съ тѣмъ съ самаго начала стала давать хорошій доходъ, то эти акціи, по которымъ почти никакихъ взносовъ не было сдѣлано, значительно поднялись въ цѣнѣ—фонъ Меккъ и фонъ Дервизъ стали милліонерами. Съ этого момента всѣ бросились на желѣзнодорожное дѣло, началась желѣзнодорожная горячка, и постройка дорогъ, на которыя прежде никто не рѣшался идти, теперь пошла съ удивительною быстротою. При такой концессіонной системѣ, несомнѣнно, многія дороги обошлись довольно дорого, составились значительныя состоянія на этомъ дѣлѣ,—но зато, когда Михаилъ Христофоровичъ оставилъ министерство, то Россія была уже покрыта довольно значительною сѣтью жел. дорогъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя это дѣло встрѣтило въ началѣ его министерства вслѣдствіе недовѣрія капиталистовъ къ желѣзнодорожному дѣлу въ Россіи.

Другое важное предпріятіе Рейтерна, кончившееся однако не

такъ благополучно—это денежная реформа, которая была выработана при ближайшемъ участіи Е. И. Ламанскаго, только-что назначеннаго товарищемъ управляющаго вновь преобразованнаго Государственнаго банка, во главѣ котораго былъ поставленъ баронъ Штиглицъ.

Впослѣдствіи, когда дѣло не удалось, Рейтерна упрекали въ томъ, что онъ приступилъ къ денежной реформѣ, недостаточно подготовивъ это дѣло и не имѣя достаточнаго запаса золота, но эти упреки возникали со стороны лицъ, которыя не были близко знакомы съ дѣломъ. Заключивъ съ Ротшильдомъ заемъ въ сто милліоновъ рублей, Михаилъ Христофоровичъ заручился кромѣ того, какъ онъ мнѣ самъ это разсказывалъ, обѣщаніемъ Ротшильда на заключеніе еще дальнѣйшихъ займовъ, если таковые потребуются для завершенія денежной операціи. Къ несчастію, при самомъ началѣ размѣна, вспыхнуло польское возстаніе. Франція стала оказывать возстанію поддержку всякими косвенными путями, къ которымъ можно было прибѣгнуть, не доходя до совершеннаго разрыва съ Россіей. Подъ давленіемъ Наполеона, Ротшильдъ отказался отъ исполненія своего обѣщанія, новый заемъ сталъ невозможнымъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ средствахъ, на которыя Рейтернъ могъ надѣяться, ему въ послѣднюю минуту было отказано, а съ другой стороны потребовались громадные непредвидѣнные расходы по случаю польскаго возстанія. Рейтернъ былъ принужденъ вслѣдствіе того вновь выпускать изъятые изъ общенія кредитные билеты, вмѣсто ихъ уничтоженія. Такимъ образомъ тотъ же кредитный билетъ могъ представляться къ размѣну безчисленное число разъ, а такъ какъ къ размѣну была примѣнена англійская система постепеннаго пониженія цѣны золота въ сроки, впередъ опредѣленные—то спекуляція могла дѣйствовать навѣрняка, опоражнивая нашъ золотой запасъ. Оставалось одно—въ виду политическихъ обстоятельствъ прекратить размѣнъ. Между тѣмъ Высочайшимъ Указомъ было обѣщано доведеніе кредитныхъ билетовъ до нормы. Высоко ставя Царское Слово, Рейтернъ предпочелъ исполнить въ точности царское обѣщаніе, хотя это и должно было намъ стоить нѣсколько десятковъ милліоновъ (потеря золота составила около 80 милліоновъ, сколько могу припомнить). Размѣнъ по постоянно повышавшейся скалѣ былъ проведенъ до конца, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ только сроковъ повышенія, кредитные рубли были доведены до нормы, и на другой день размѣнъ былъ закрытъ. Въ послѣднія недѣли, когда съ постояннымъ возрастаніемъ требованій на золото, запасъ банка сталъ приходить къ концу, о новомъ займѣ при данныхъ обстоятельствахъ нельзя было и думать. Штиг-

Посолъ однажды от пред-
ложилъ намъ откушать курицы и очень большiя си-
гары, которыя онъ самъ ~~необыкновенно~~ обыкновенно курилъ,
и мы отправились съ нимъ курить въ садъ
при посольствѣ изъ дому. Разговоръ коснулся про-
исходившаго тогда польскаго возстанія и Бисмаркъ
сталъ высказывать мысль, что уже много много
разъ повсюду съ этими періодически
возникавшими польскими смутами, слѣдовало бы
раздѣлить царство Польское между Россіею и
Пруссіею, проведя пограничную линію
вдоль Вислы. Чтобы отчетливѣе выяснить свою
мысль, онъ подошелъ съ другимъ концомъ къ шкафу
и сталъ чертить на доскѣ, карту Польши,
съ указаніемъ границы, какъ бы онъ понималъ
ее провести. Выслушавъ съ большимъ интересомъ
его слово, содержаніе коего меня разумѣется нѣсколько удивило,
я отвѣтилъ ему, что по этому поводу я
ничего не могу сказать ему, такъ какъ этотъ
вопросъ находится совершенно внѣ сферы моего
порученія и потому входить въ разсужденія по этому
предмету я не считаю себя въ правѣ.

Факсимиле рукописи Тернера: мнѣніе Бисмарка о необходимости новаго раздѣла Польши.

лицъ сталъ снабжать кассу банка золотомъ изъ собственныхъ средствъ, употребивъ на это нѣсколько милліоновъ, чтобы только поставить Рейтерна въ возможность довести начатое дѣло по крайней мѣрѣ до формальнаго окончанія. Разумѣется, всѣ внесенныя имъ суммы были ему впослѣдствіи возвращены, однако онъ этимъ выказалъ необыкновенное довѣріе Рейтерну—такъ какъ онъ все же несъ при этомъ значительный рискъ—не выговаривая себѣ при томъ никакой прибыли. Этого Рейтернъ не забылъ ему до конца жизни, высоко цѣня оказанную ему услугу.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, собранія дворянства стали привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, такъ какъ разные подлежащіе обсужденію по этому поводу вопросы вызывали живѣйшій интересъ въ публикѣ. Собранія С.-Петербургскаго дворянства, тогда очень многочисленнаго, происходили подъ предсѣдательствомъ графа Шувалова, бывшаго тогда петербургскимъ губернскимъ предводителемъ. Преніями интересовались не только мужчины, но и дамы, которыя наполняли хоры зала, внимательно наблюдали за говорившими.

Въ одномъ изъ засѣданій былъ возбужденъ вопросъ о земскомъ кредитѣ. Въ это время изъ Варшавы пріѣхалъ г. Масковскій, предлагавшій учредить поземельный акціонерный банкъ. Между тѣмъ мнѣ было извѣстно, что въ Комитетѣ о поземельномъ кредитѣ остановились на мысли о предпочтительности учрежденій взаимнаго поземельнаго кредита, я тоже былъ сторонникомъ этой послѣдней формы кредита и потому принялъ участіе въ обсужденіи этого вопроса. До тѣхъ поръ я никогда еще не говорилъ публично и потому, когда до меня дошла очередь, и я подошелъ къ предводительскому столу, то мнѣ просто стало страшно, при мысли, что всѣ глаза на меня устремлены. Привычка и въ этомъ отношеніи играетъ большую роль. Въ настоящее время, присутствіе значительнаго числа слушателей меня нисколько не смущаетъ; напротивъ того, чѣмъ внимательнѣе слушатели слѣдятъ за моими словами, тѣмъ мнѣ говорится легче, тѣмъ это меня болѣе поощряетъ. Но тогда мнѣ приходилось первый разъ говорить публично; мнѣ стало такъ страшно, что я боялся, что у меня голосъ замретъ въ горлѣ. Но дѣлать было нечего, разъ я вышелъ, нужно было говорить. Я сдѣлалъ отчаянное надъ собою усиліе и началъ свою рѣчь. Послѣ первыхъ же фразъ, замѣчая внимательное отношеніе ко мнѣ слушателей, я однако ободрился и сталъ говорить все свободнѣе и свободнѣе—моя maiden-speech оказалась полнѣйшимъ успѣхомъ: большинство высказалось за взаимный кредитъ, предложеніе Масковскаго было устранено. Для подписки желающихъ принять участіе въ устройствѣ взаимнаго поземельнаго кредита выло-

жены листы. Но подписавшихся оказалось немного, все ограничилось ораторскимъ успѣхомъ безъ всякихъ почти практическихъ послѣдствій. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, необходимо прежде всего, чтобы нашелся какой-либо практическій дѣятель, умѣющій взяться за дѣло, устроить и повести его. Но дѣло это было тогда еще для всѣхъ совершенно новое, и потому такого дѣятеля не оказалось. Что касается до меня, то я не былъ въ положеніи вести подобное дѣло, да и вообще я никогда не былъ практическимъ человѣкомъ; имѣя способность теоретически отстаивать и развивать данную мысль, я не обладалъ необходимыми способностями для практическаго приведенія ея въ исполненіе. Когда годъ или два спустя нашелся такой дѣятель въ лицѣ Яковлева, то дѣло взаимно-земскаго кредита устроилось безъ большого труда. Ораторскій успѣхъ выдвинулъ меня въ глазахъ дворянства, многіе изъ членовъ Собранія желали со мною познакомиться, у меня спрашивали мою карточку—и я, разумѣется, этимъ общимъ вниманіемъ былъ не мало польщенъ.

Но вслѣдъ затѣмъ я имѣлъ случай убѣдиться, что вниманіе Собранія обращено преимущественно на практическую сторону каждаго дѣла, и что однѣми общими фразами его трудно увлечь. Въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, не помню въ томъ же или въ слѣдующемъ году, былъ возбужденъ вопросъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять противъ кражи лѣса крестьянами и самовольныхъ порубокъ. Разсчитывая на пріобрѣтенную мною популярность, я принялъ участіе въ обсужденіи этого вопроса. Въ виду неоднократныхъ заявленій, что крестьяне крадутъ лѣсъ, я считалъ нужнымъ протестовать противъ такого огульнаго обвиненія, я сталъ говорить въ томъ смыслѣ, что можно обвинять того или другого крестьянина, Ивана или Петра, въ кражѣ лѣса, но обвинять въ этомъ крестьянъ огульно, возводить однимъ сословіемъ такое обвиненіе на цѣлое сословіе нельзя не считать несправедливымъ и неумѣстнымъ... Хотя я въ этотъ разъ говорилъ довольно хорошо и плавно, но моя рѣчь, не имѣвшая практической подкладки, въ данномъ случаѣ не имѣла никакого эффекта. Такъ какъ вниманіе Дворянскаго Собранія все же было обращено на меня, я былъ избранъ депутатомъ отъ дворянства въ Главное выкупное учрежденіе, благодаря чему, когда по истеченіи третьяго года приведенія въ исполненіе крестьянскаго Положенія, всѣмъ участвовавшимъ въ ономъ дѣятелямъ были дарованы серебряные знаки, и я удостоился полученія такого точно отличія въ память участія въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ,—что доставило мнѣ истинное удовольствіе.

Живой интересъ, который возбуждался въ обществѣ преніями,

происходившими въ средѣ дворянскаго собранія, обусловливался между прочимъ тѣмъ, что ораторы, не ограничиваясь экономическими вопросами, затрагивали и вопросы внутренней политики. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, въ обществѣ стали много говорить о томъ, что, разъ крестьянамъ дарована свобода, справедливость слѣдуетъ допустить и дворянство къ участію въ управленіи страны, однимъ словомъ, стали высказываться конституціонныя тенденціи. Эти тенденціи нашли отголосокъ въ рѣчахъ ораторовъ, говорившихъ въ Дворянскомъ Собраніи. Интересы дворянства отстаивались постоянно очень настойчиво и очень ловко царскосельскимъ предводителемъ дворянства Платоновымъ. Платоновъ пользовался въ дворянской средѣ большою популярностью и любовью, онъ обладалъ краснорѣчивымъ даромъ слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ всегда очень осторожно и съ большимъ тактомъ, и вслѣдствіе того никогда не подвергался никакимъ непріятностямъ за свои слова. Между тѣмъ, одно изъ засѣданій, въ которомъ мысль о привлеченіи дворянства къ управленію была довольно прозрачна —вызвало со стороны Императора выраженіе сильнаго неудовольствія. Въ началѣ этого засѣданія, баронъ Ю. Ѳ. Корфъ, который былъ ко мнѣ расположенъ, подошелъ ко мнѣ и посовѣтовалъ мнѣ не принимать никакого участія въ происходившихъ по этому вопросу преніяхъ. Случайно вся тяжесть Государева неудовольствія пала въ этомъ случаѣ на сенатора Любощинскаго, который, какъ членъ петербургскаго дворянства, также участвовалъ въ собраніяхъ. Хотя именно въ этомъ засѣданіи Любощинскій, кажется, даже и не присутствовалъ, но кто-то изъ его враговъ указалъ на него, какъ на принимавшаго большое участіе въ обсужденіи поднятаго вопроса. Выразивъ, что такихъ сенаторовъ, которые возбуждаютъ конституціонные вопросы, ему не надо, Государь потребовалъ увольненія Любощинскаго изъ Сената. Несомнѣнно, въ своемъ умѣ Государь дѣлалъ различіе между дворянами неслужащими и дворянами, находящимися на службѣ и занимавшими высокій постъ въ администраціи. Недовольный тѣмъ направленіемъ, которое дѣла принимали въ Дворянскомъ Собраніи, онъ не считалъ однако умѣстнымъ подвергать неслужащихъ дворянъ какому-либо взысканію за свободу ихъ рѣчи, но на государственныхъ сановниковъ онъ смотрѣлъ, какъ на лицъ, обязанныхъ отстаивать существующіе законные порядки, и потому особенно былъ возбужденъ въ томъ, что сенаторъ, какъ главный блюститель закона, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать тому незаконному, по мнѣнію Государя, направленію, которое принимали пренія въ Дворянскомъ Собраніи, самъ говорилъ въ томъ же направленіи.

Министръ юстиціи былъ поставленъ приказаніемъ Государя въ

крайнее затрудненіе. По закону сенаторы не смѣняемы (иначе, какъ по суду) — поэтому, исполняя приказаніе Государя, пришлось бы пойти на прямое нарушеніе закона. Чтобы выйти изъ затрудненія, министръ пригласилъ къ себѣ Любощинскаго и, объявивъ ему волю Государя, просилъ его вывести его изъ затрудненія и подать прошеніе объ отставкѣ; а такъ какъ при этомъ выяснилось, что Любощинскій даже не участвовалъ въ помянутомъ засѣданіи, то министръ юстиціи посовѣтовалъ ему подать всеподданнѣйшее прошеніе, изложивъ въ немъ, что въ виду высочайшей воли онъ подаетъ въ отставку,—но что такъ какъ возведенное на него обвиненіе лишено всякаго основанія, то онъ разсчитываетъ на милость Государя. Это всеподданнѣйшее прошеніе М. Ю. посовѣтовалъ Любощинскому представить Государю чрезъ посредство всемогущаго въ то время Начальника III Отдѣленія графа Шувалова. Дѣйствительно, дѣло и получило такое разрѣшеніе. Графъ Шуваловъ, который, кажется, и доложилъ ошибочно Государю о происходившемъ въ Дворянскомъ Собраніи, согласился представить Государю прошеніе Любощинскаго и объяснить ему происшедшую ошибку въ его предшествующемъ докладѣ. Государь взялъ назадъ свое повелѣніе объ увольненіи Любощинскаго.

Вотъ еще одинъ эпизодъ изъ моихъ отношеній къ Дворянскому Собранію и одновременно къ министерству финансовъ. Какъ землевладѣлецъ и какъ чиновникъ министерства, я имѣлъ случай ознакомиться съ безпорядочнымъ веденіемъ въ то время дѣла по податному вопросу, которое вызывало невольныя недоимки, обращалось во вредъ и самихъ землевладѣльцевъ. Окладные листы, составляемые въ казенной палатѣ, разсылались черезъ полицію и получались потому землевладѣльцами довольно поздно, не рѣдко даже послѣ платежныхъ сроковъ, такъ какъ самыя разсылки производились довольно безпорядочно; никто не узналъ своевременно, сколько ему слѣдовало платить, а вслѣдствіе невольнаго опозданія во взносахъ насчитывалась пеня и т. д. Мнѣ пришла мысль, что полезно бы воспользоваться собраніемъ дворянъ для раздачи окладныхъ листовъ, которые такимъ образомъ были бы доставлены весьма своевременно, и податное дѣло было бы упорядочено. Смотря на дѣло только съ практической точки зрѣнія и не думая о политической сторонѣ вопроса, я доложилъ о моемъ предположеніи Рейтерну, который согласился сдѣлать подобный опытъ — дѣло однако кончилось полною неудачею. Подъ моимъ надзоромъ въ казенной палатѣ своевременно были составлены окладные листы по Петербургской губерніи, и я заготовилъ письмо отъ имени М. Х. Рейтерна къ графу Шувалову, въ которомъ министръ просилъ его содѣйствовать

для раздачи окладныхъ листовъ присутствующимъ въ собраніи дворянамъ-землевладѣльцамъ, съ указаніемъ на практическое удобство подобнаго образа дѣйствія.

Письмо Рейтерна я передалъ графу Шувалову въ собраніи, при чемъ тутъ же замѣтилъ, что содержаніе письма не понравилось графу Шувалову; онъ мнѣ сказалъ, что лично отвѣтитъ министру финансовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Михаилъ Христофоровичъ сказалъ мнѣ, что мой совѣтъ поставилъ его въ довольно неловкое положеніе, такъ какъ графъ Шуваловъ пріѣхалъ къ нему просить его согласія не давать ходу его письму, потому что въ настоящее время, когда по поводу крестьянскаго вопроса дворянство сильно возбуждено, и графу Шувалову безъ того уже не легко сдерживать пренія по поводу тѣхъ желаній, которыя дворяне стремятся высказать, подобное обращеніе Дворянскаго Собранія въ орудіе сбора податей можетъ произвести весьма неблагопріятное впечатлѣніе и не мало затруднить положеніе предсѣдателя. Разсказавъ мнѣ все это и прибавивъ, что онъ, разумѣется, долженъ былъ изъявить согласіе на просьбу Шувалова, Михаилъ Христофоровичъ ограничился этимъ и никакого дальнѣйшаго упрека мнѣ по этому случаю не высказалъ. Сильная авторитетность соединялась въ характерѣ Рейтерна съ большимъ благородствомъ, которое между прочимъ высказывалось въ уваженіи къ личности его подчиненныхъ. Съ одной стороны онъ можетъ быть до крайности отстаивалъ то, что считалъ сферою своей законной власти, и не допускалъ и мысли о неподчиненіи его волѣ въ дѣлахъ службы подчиненныхъ ему лицъ [1]), но съ другой стороны онъ всегда давалъ имъ возможность высказывать свое мнѣніе во всѣхъ дѣлахъ и не сердился даже, когда это мнѣніе, противное его мнѣнію, высказывалось даже съ нѣкоторою рѣзкостью. Въ данномъ случаѣ, понимая, что мною руководило исключительно желаніе добра, и причиненная ему непріятность была обусловлена только моею политическою неопытностью, онъ, по благородству своего характера, не вынесъ изъ этого никакого ко мнѣ неудовольствія.

Чтобы покончить съ моими воспоминаніями, находящимися въ связи съ дворянскимъ собраніями, приведу здѣсь еще, что въ одномъ изъ засѣданій, въ которомъ я участвовалъ, въ числѣ говорившихъ выступилъ и Д. М. Сольскій. Онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой очень обстоятельно объяснилъ, по поводу вопроса

[1]) Что между прочимъ я испыталъ на себѣ при назначеніи Качалова директоромъ Таможеннаго д—та послѣ того, какъ я почти годъ управлялъ этимъ департаментомъ.

о мѣстномъ самоуправленіи, какъ это самоуправленіе устроено въ Англіи, Германіи, Франціи и другихъ странахъ. Его рѣчь обратила на себя всеобщее вниманіе своею обстоятельностью и ясностью. Онъ тогда былъ скромнымъ чиновникомъ II Отдѣленія, а нынѣ—товарищъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Андреевскій кавалеръ и графъ.

Около этого времени начали проявляться первые признаки того возбужденнаго состоянія умовъ, которые, все болѣе и болѣе усиливаясь, привели къ столь печальнымъ послѣдствіямъ.

Стали происходить безпорядки въ университетѣ, начались пожары и, наконецъ, въ 1863 году разразилось польское возстаніе.

Въ 1862 году начались въ разныхъ мѣстахъ пожары, которые приписывались поджогамъ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся пожаровъ былъ пожаръ Апраксина двора. Я отправился на пожаръ, это было такое зрѣлище, котораго я никогда не забуду. Весь Невскій около Гостинаго Двора былъ ярко освѣщенъ пламенемъ горѣвшаго Апраксина рынка, на улицѣ лежали грудами разные товары—матеріи, платья и другія вещи, вынесенныя изъ лавокъ. Мѣстами эти груды товаровъ тоже тлѣли. Народъ толпился на пожарищѣ въ большомъ возбужденіи. искали поджигателей. Я видѣлъ, какъ народъ билъ одного бѣднаго мальчика, котораго кто-то принялъ за поджигателя только потому, что у него въ карманѣ нашлись спички.

Я не буду останавливаться здѣсь на описаніи польскаго возстанія, всѣ перипетіи котораго достаточно извѣстны и были уже описаны во всѣхъ подробностяхъ.

Въ томъ же 1863 году въ Берлинѣ былъ назначенъ статистическій конгрессъ. Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось быть на немъ, то я рѣшился просить Рейтерна, не можетъ ли онъ мнѣ дать какую-нибудь командировку за границу. Михаилъ Христофоровичъ отнесся очень благосклонно къ моему ходатайству и далъ мнѣ порученіе по таможенному дѣлу. Въ то время со стороны Пруссіи выражалось желаніе войти съ нами въ переговоры по поводу нѣкотораго пониженія таможенныхъ пошлинъ. Съ нашей же стороны проявлялось желаніе заручиться содѣйствіемъ прусскаго правительства для прекращенія контрабанды, происходившей на границѣ. Надзоръ, какъ за контрабандой, такъ и за правильнымъ образомъ дѣйствія нашихъ таможней (т. е. за такъ называемой легальной контрабандой), чрезвычайно затруднялся принятой въ Пруссіи системой публикаціи торговыхъ отчетовъ. Если по каждой таможнѣ съ точностью показывалось бы, сколько изъ нея вывезли какого товара,—то по сравненію этихъ цифръ съ тѣмъ, что показывалось очищеннымъ по нашимъ таможнямъ, лежавшимъ противъ соотвѣт-

ственной прусской таможни, можно было бы всегда опредѣлить, какая часть этого товара поступила къ намъ правильнымъ путемъ и какая проникала въ наши предѣлы контрабандой. Между тѣмъ по прусскимъ правиламъ разрѣшалось въ пограничныхъ таможняхъ выпускать товаръ безъ указанія, куда онъ направляется, и даже съ показаніемъ его качества только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, напримѣръ „мануфактурный товаръ". Очевидно, при такомъ порядкѣ всякое сопоставленіе прусскаго отпуска съ привозомъ въ нашихъ таможняхъ становилось невозможнымъ. Въ Пруссіи намѣренно держались этого порядка, такъ какъ при незначительности прусскихъ таможенныхъ пошлинъ въ то время на наше сырье, единственный эквивалентъ, который Пруссія могла предложить намъ въ случаѣ возбужденія торговыхъ переговоровъ, заключался именно въ содѣйствіи, которое могло бы быть оказано намъ съ ея стороны къ обнаруженію происходившей на прусской границѣ контрабанды. Рейтернъ поручилъ мнѣ заняться изученіемъ прусскихъ таможенныхъ порядковъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ можно бы было воспользоваться существующими въ Пруссіи порядками для усовершенствованія нашей таможенной процедуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ мнѣ войти, при участіи нашего посольства, въ предварительныя сношенія съ прусскимъ министерствомъ финансовъ, чтобы выяснить вопросъ, возможно ли какое-нибудь соглашеніе съ Пруссіей въ вышеуказанномъ смыслѣ. При этомъ Михаилъ Христофоровичъ, объясняя свою мысль, высказалъ мнѣ, что такъ какъ контрабанда имѣетъ послѣдствіемъ ослабленіе и уменьшеніе той охраны, которой промышленность пользовалась у насъ при существующихъ таможенныхъ пошлинахъ, то можно бы, безъ уменьшенія дѣйствительности этой охраны, согласиться даже на нѣкоторое пониженіе пошлинъ, если только удастся этою цѣною, при помощи прусскаго правительства, достигнуть соотвѣтственнаго уменьшенія происходившей на нашей границѣ контрабанды. Усиленіе таможенной охраны могло бы вознаградить нашу торговлю за нѣкоторое пониженіе пошлины.

Такъ какъ я былъ совершенно незнакомъ съ нашими таможенными порядками, то я прежде всего приступилъ къ изученію нашихъ таможенныхъ законовъ; подготовившись такимъ образомъ и получивъ письмо Рейтерна на имя Убри, нашего посла въ Берлинѣ, я отправился въ путь. Въ моментъ моего отправленія было распубликовано постановленіе польскаго ржонда, воспрещавшее всякій проѣздъ по Варшавской желѣзной дорогѣ. Вслѣдствіе того я спросилъ Рейтерна, какимъ путемъ мнѣ ѣхать, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: разумѣется, по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Въ вагонѣ я встрѣтился со спутникомъ, котораго я зналъ по имени, но съ которымъ не былъ лично знакомъ, это былъ извѣстный окулистъ докторъ Магавли. Онъ оказался очень милымъ и обходительнымъ человѣкомъ, и мы съ нимъ во время пути совершенно сблизились. На границѣ при просмотрѣ нашихъ паспортовъ, я какъ-то взялъ въ руки паспортъ Магавли и увидѣлъ, что его имя прописано по-нѣмецки Graf Macawly,—это меня удивило, потому что я не зналъ, что онъ графъ—и вообще графъ-докторъ очень рѣдкое явленіе. Тогда онъ объяснилъ, что онъ родомъ изъ Англіи и происходитъ изъ фамиліи лорда Macawly или Mocawly—извѣстнаго англійскаго писателя, но что, какъ молодой докторъ, онъ не считаетъ удобнымъ носить графскій титулъ. Впослѣдствіи, когда онъ былъ сдѣланъ директоромъ глазной лѣчебницы и женился, онъ принялъ свой титулъ графа и уже сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ подъ именемъ доктора графа Магавли.

Мнѣ было рекомендовано въ Берлинѣ хорошее и не очень дорогое помѣщеніе на Unter den Linden; графъ Магавли согласился помѣститься тамъ вмѣстѣ со мною. Живя на одной квартирѣ, мы часто дѣлали съ нимъ вмѣстѣ разныя экскурсіи и вообще много проводили времени вмѣстѣ. Чрезъ него я познакомился съ кружкомъ молодыхъ докторовъ и ученыхъ, и часто по вечерамъ бывалъ въ ихъ обществѣ, когда они въ какой-либо Bierhalle собирались за кружкой пива, проводя время въ веселыхъ и часто очень интересныхъ разговорахъ; иногда на этихъ вечерахъ мы вмѣстѣ играли въ кегли. Магавли познакомилъ меня также съ знаменитымъ докторомъ Вирховымъ, у котораго я даже разъ обѣдалъ. Замѣчательна была обширная дѣятельность этого ученаго. При своихъ лекціяхъ въ университетѣ и занятіяхъ въ клиникѣ, при своихъ ученыхъ работахъ онъ находилъ еще досугъ посвящать не мало времени политическимъ дѣламъ, состоялъ членомъ въ Палатѣ, гдѣ игралъ выдающуюся роль въ средѣ Fortschrittspartei.

По прибытіи въ Берлинъ, я сдѣлалъ визиты разнымъ оффиціальнымъ лицамъ: министру финансовъ фонъ-Бодельшвингу, торговли фонъ-деръ Гейзту, внутреннихъ дѣлъ графу Эйленбургу и наконецъ былъ представленъ нашимъ посломъ даже самому графу Бисмарку. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я получилъ приглашеніе на обѣды. Скажу нѣсколько словъ объ обѣдахъ у Бодельшвинга и графа Бисмарка. Ф. Бодельшвингъ вообще отнесся ко мнѣ крайне любезно, немедленно отдалъ мнѣ визитъ и пригласилъ къ обѣду. Мнѣ пришлось вести къ обѣду дочь министра, и между нами завязался немедленно живой разговоръ, но когда мы сѣли за столъ, разговоръ этотъ внезапно прекратился; я взглянулъ на мою даму и увидѣлъ, что она, сложивъ руки, говоритъ нѣмую

предобѣденную молитву,—оглянувъ весь столъ, я замѣтилъ, что также поступали почти всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ. Въ то время во многихъ аристократическихъ домахъ въ Берлинѣ сохранялся христіанскій обычай заобѣденной молитвы Tischgebet, обычай, который у насъ наблюдается только въ немногихъ домахъ; большею частью все ограничивается даже въ религіозныхъ семействахъ твореніемъ крестнаго знамени до и послѣ обѣда.

По окончаніи краткой молитвы моей сосѣдки, нашъ оживленный разговоръ опять возобновился, и затѣмъ я весьма пріятно провелъ вечеръ въ этомъ миломъ семействѣ.

Теперь еще нѣсколько словъ объ обѣдѣ у графа Бисмарка. Бисмаркъ жилъ въ то время въ министерскомъ домѣ въ Wilhelmsstrasse. Квартира его состояла изъ обширныхъ и свѣтлыхъ комнатъ, меблированныхъ довольно просто. Обѣдъ былъ сервированъ въ большой столовой, не отличавшейся тоже никакими особыми украшеніями, довольно простая ясневая (сколько помню) мебель, большой столъ посреди комнаты, буфетные столы у стѣны и т. д. Хорошій, но не особенно гастрономическій обѣдъ, отличавшійся только рѣдкими винами, особенно бѣлыми; нѣкоторые сорта вина онъ самъ очень рекомендовалъ своимъ гостямъ. Обѣдавшихъ было немного кромѣ хозяина, Убри и меня; только еще нѣсколько берлинцевъ, именъ коихъ уже не помню. Несмотря на свое выдающееся положеніе, Бисмаркъ велъ себя совершенно естественно и просто—какъ любезный хозяинъ, оживленно бесѣдуя и съ Убри и со мною. Послѣ обѣда онъ предложилъ намъ очень хорошія и очень большія сигары, которыя онъ самъ любилъ обыкновенно курить, и мы отправились съ нимъ курить въ садъ, прилегавшій къ дому. Разговоръ коснулся происходившаго тогда польскаго возстанія, и Бисмаркъ сталъ высказывать мысль, что для того, чтобы покончить разъ навсегда съ этими періодически возникавшими польскими смутами, слѣдовало бы раздѣлить царство Польское между Россіею и Пруссіею, проведя пограничную линію, кажется, вдоль Вислы. Чтобы отчетливѣе выяснить свою мысль, онъ поднялъ съ дороги какую-то палку и сталъ чертить на пескѣ карту Польши, съ указаніемъ границы, какъ бы онъ полагалъ ее провести. Выслушавъ съ большимъ интересомъ его слова, содержаніе коихъ меня, разумѣется, нѣсколько удивило, я отвѣтилъ ему, что по этому поводу я ничего не могу сказать ему, такъ какъ этотъ вопросъ находится совершенно внѣ сферы моего порученія и потому входить въ разсужденіе по этому предмету я не считаю себя въ правѣ.

Этотъ замѣчательный для меня эпизодъ показываетъ, какъ Бисмаркъ, когда его занимала какая-либо мысль, начиналъ говорить о

ней прямо и откровенно со всякимъ, съ которымъ ему случайно въ данную минуту приходилось бесѣдовать, будь это даже лицо въ довольно скромномъ положеніи, каково несомнѣнно было тогда мое положеніе,—въ совершенной противоположности съ обыкновенными привычками секретничанья дипломатовъ. И такъ онъ поступалъ всегда. Извѣстно, что въ Палатѣ, напримѣръ, онъ до того ясно и откровенно высказывалъ свои политическія воззрѣнія,—что первое время, когда еще не привыкли къ его образу дѣйствія, никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ говоритъ дѣйствительно то, что думаетъ, а думали видѣть въ его словахъ какъ бы дипломатическое прикрытіе и отводъ отъ внутренняго его замысла. Между тѣмъ, именно благодаря этой привычкѣ говорить о всякомъ дѣлѣ прямо и откровенно, онъ достигалъ гораздо большаго, чѣмъ бы могъ достигнуть самымъ тонкимъ скрытничаньемъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Берлинъ начались засѣданія Статистическаго конгресса. По этому случаю, члены конгресса удостоились представленія королю Вильгельму, впослѣдствіи императору Германіи.

Насъ собрали въ одной изъ залъ дворца, и черезъ нѣкоторое время вышелъ король, поздоровался съ нами и потомъ прочелъ намъ небольшую рѣчь, въ которой, говоря о значеніи занятій конгресса, высказалъ пожеланія успѣха нашимъ работамъ. Я стоялъ довольно близко и могъ видѣть, что рѣчь, которую онъ читалъ, была написана, несомнѣнно собственноручно имъ самимъ. Изъ этого можно было замѣтить, какъ онъ серьезно ко всему относился;—вмѣсто того, чтобы поручить кому-либо изъ министровъ представить ему готовую рѣчь, Вильгельмъ, несмотря на свое обремененіе политическими дѣлами, нашелъ время самъ вдуматься въ вопросъ и набросать то, что онъ считалъ нужнымъ сказать членамъ конгресса.

Я принималъ довольно живое участіе въ засѣданіяхъ конгресса, кромѣ меня изъ русскихъ на немъ участвовали еще фонъ-Бушенъ, Куломзинъ и Вишняковъ. Такъ какъ на конгрессѣ были и французы, а между тѣмъ рѣчи произносились большею частью на нѣмецкомъ языкѣ, то почему-то меня пригласили, въ виду моего знанія французскаго языка, переводить для французовъ нѣкоторыя изъ рѣчей по мѣрѣ того, какъ онѣ произносились. Такъ какъ содержаніе рѣчей мнѣ предварительно не было сообщаемо, то приходилось дѣлать это ехрготрto, что было не очень легко. Но, повидимому, я исполнилъ возложенное на меня порученіе довольно успѣшно, по крайней мѣрѣ послѣ одной изъ такихъ рѣчей, переведенной мной въ слѣдъ за ея произнесеніемъ на французскій языкъ, министръ

внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ комплиментъ на счетъ того, какъ мнѣ удалось точно передать сказанное.

Одновременно съ занятіями въ конгрессѣ начались и мои занятія по таможенному дѣлу. Для совѣщанія со мной былъ назначенъ статсъ-секретарь Дельбрюкъ. Дельбрюкъ былъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей министерства финансовъ, либеральный экономистъ и фритредеръ (Manchestermann). Онъ пользовался большимъ вліяніемъ на Бисмарка, который тогда еще былъ въ либеральномъ экономическомъ настроеніи [1]), преобладавшемъ вообще въ то время въ средѣ Берлинскихъ дѣятелей. У насъ было съ Дельбрюкомъ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ собственно переговоровъ не происходило, но въ которыхъ Дельбрюкъ излагалъ мнѣ тѣ измѣненія въ системѣ классификаціи нашего тарифа, которыя въ Пруссіи казались желательными, не касаясь еще пока самого вопроса о пониженіи пошлинъ. Обо всемъ, что происходило между нами, я немедленно подробно доносилъ Рейтерну. Въ Петербургѣ между тѣмъ, въ средѣ фабрикантовъ, встревоженныхъ вѣроятно моею командировкою въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что въ то время и я слылъ за фритредера,—началась усиленная агитація противъ всякихъ тарифныхъ уступокъ Пруссіи. Эта агитація очевидно встревожила Рейтерна, и потому, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы я въ переговорахъ съ Дельбрюкомъ не увлекся слишкомъ далеко и не вызвалъ бы какихъ-либо надеждъ въ прусскомъ министерствѣ, съ которыми впослѣдствіи пришлось бы считаться, Михаилъ Христофоровичъ поручилъ кн. Д. А. Оболенскому, который тогда только-что былъ назначенъ директоромъ департамента внѣшней торговли, написать мнѣ, чтобы я не выходилъ изъ границъ порученной мнѣ роли. Вмѣстѣ съ тѣмъ Убри было поручено распорядиться о помѣщеніи въ берлинскихъ газетахъ анонимной замѣтки о томъ, что моему пребыванію въ Берлинѣ не слѣдуетъ придавать того значенія, которое стало придаваться ему общественнымъ мнѣніемъ, и что мнѣ поручено не веденіе переговоровъ, а только ознакомленіе съ прусскими таможенными порядками. Хотя изъ моихъ донесеній Рейтернъ могъ усмотрѣть, что пока я никакихъ переговоровъ не велъ, а ограничивался только выслушиваніемъ прусскихъ желаній, но очевидно, что подъ вліяніемъ начавшейся агитаціи Рейтернъ рѣшилъ отказаться отъ своей первоначальной мысли, возможности допущенія небольшого

[1]) Впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ сдѣлался открытымъ протекціонистомъ, и по его иниціативѣ были установлены пошлины на провозъ русскаго хлѣба.

пониженія по нѣкоторымъ статьямъ нашего тарифа, и такъ какъ ему неудобно было открыто сдѣлать шагъ назадъ, принужденъ былъ придать дѣлу такой характеръ, какъ будто я увлекся далѣе того, что мнѣ было предписано инструкціею. Мнѣ, разумѣется, это было довольно непріятно, я отвѣтилъ князю Оболенскому, прося его доложить Рейтерну, что, какъ онъ могъ усмотрѣть изъ моихъ донесеній, я полагаю, что я изъ моей роли не выходилъ, но что, въ виду повидимому происшедшаго измѣненія во взглядѣ на дѣло, я почту долгомъ сообразоваться съ новымъ направленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и мои засѣданія съ Дельбрюкомъ.

По окончаніи засѣданій Стат. конгресса и ознакомившись достаточно съ прусскими таможенными порядками, насколько я могъ это сдѣлать въ Берлинѣ,—я поѣхалъ въ разныя пограничныя таможни для дальнѣйшаго изученія таможеннаго дѣла, снабженный рекомендательными письмами м-ра финансовъ.

Меня особенно интересовала процедура въ пограничныхъ таможняхъ, въ коихъ происходила передача вагоновъ безъ перегрузки и безъ досмотра товаровъ, при одномъ только наложеніи таможенныхъ знаковъ на вагоны, процедура, которая у насъ еще не примѣнялась. Поэтому я прежде всего поѣхалъ въ Гербестальскую таможню, находившуюся на бельгійской границѣ. Эта маленькая пограничная таможня, родъ переходнаго пункта, на которомъ почти только производится контроль вагоновъ, и на которой никто изъ пассажировъ не останавливается. Поэтому, когда я вышелъ изъ вагона и отправился къ зданію таможни, то начальство таможни, думая, что я молодой чиновникъ, прикомандированный къ таможнѣ для занятій, встрѣтили меня словами: „Sie sind wolh als Aspirant zur Zollstelle Zukomandirt“. Я ему объяснилъ, какого рода цѣль моего пріѣзда, и передалъ ему письмо министра финансовъ. Это его нисколько не сконфузило; безъ всякой застѣнчивости, онъ спокойно, но съ большимъ уваженіемъ пригласилъ меня послѣдовать за нимъ въ его кабинетъ и немедленно сталъ объяснять мнѣ существовавшіе у нихъ порядки. Хотя Гербестальская таможня, какъ я уже замѣтилъ, была небольшая таможня, въ сущности только переходный пунктъ, и потому, начальникъ ея принадлежалъ пока еще къ разряду таможенныхъ чиновниковъ, но я былъ пораженъ какъ непринужденнымъ достоинствомъ и тактичностью его обращенія, такъ и основательнымъ его знаніемъ дѣла и ясностью, съ которою онъ сталъ излагать мнѣ существующіе въ Гербесталѣ порядки—(такъ называемый Begleitscheinverfahren), снабдивъ меня всѣми необходимыми формулярами сопровождающихъ вагоны документовъ и вообще, въ какихъ-нибудь два часа времени, совершенно ознакомилъ меня съ курсомъ дѣла

Покончивъ съ дѣловою бесѣдою, такъ какъ до отхода слѣдующаго поѣзда оставалось еще много времени, онъ предложилъ мнѣ закусить запросто и выпить съ нимъ рюмку вина; я, разумѣется, согласился. Онъ принесъ изъ другой комнаты бутылку очень порядочнаго Мозельвейна и закуску, и мы провели съ нимъ въ оживленной бесѣдѣ о русскихъ и германскихъ житейскихъ дѣлахъ очень пріятно время до прихода слѣдующаго поѣзда, съ которымъ я долженъ былъ отправиться далѣе. Сожалѣю, что не сохранилъ въ памяти фамиліи этого умнаго и столь образованнаго человѣка; едвали въ одной изъ нашихъ третьеклассныхъ таможенъ пришлось бы встрѣтиться со столь развитою личностью.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I[1]).

Въ первое время по воцареніи Императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ ея семейной жизни произошла отрадная перемѣна: нравственная поддержка, оказанная ею своему супругу въ тяжелые дни мартовской катастрофы, и ея нѣжное участіе глубоко тронули Александра Павловича, и онъ сталъ относиться къ ней съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ и предупредительностью: такъ продолжалось первые три года по вступленіи на престолъ.

Въ это премя проявилась одна особенность характера молодой Императрицы: чѣмъ больше было горе, чѣмъ безвыходнѣе было положеніе, тѣмъ большій приливъ энергіи чувствовала молодая женщина, казавшаяся такой хрупкой, тѣмъ болѣе удвоивались ея душевныя силы. Ее не могъ не коснуться тотъ подъемъ духа, который ощущалъ всякій русскій при вступленіи на престолъ Александра I.

„Всей душою осуждая цареубійство, Елисавета Алексѣевна сознается, что какъ ни ужасно было преступленіе, оно неминуемо должно было случиться, потому что всеобщее недовольство доходило до полнаго ожесточенія общества на произвольныя дѣйствія покойнаго Императора“.

„Не подлежитъ сомнѣнію“, писала она матери вскорѣ послѣ кончины Павла I, „что всякое личное горе, которое можетъ посѣтить каждаго изъ насъ, усугублялось страданіемъ, что все дѣлалось вопреки здравому смыслу, что нельзя было сдѣлать ничего здравомыслящаго, не встрѣтивъ противорѣчія: поэтому теперь чувствуешь,

---

[1]) Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, т. II. Спб. 1909.

какъ будто съ сердца спала тяжесть, и мнѣ кажется даже страннымъ, что я могу довѣрить что-либо подобное почтѣ".

Перемѣна дѣйствительно была во всемъ огромная, она отразилась и на жизни двора и въ частности на домашнемъ обиходѣ молодой царственной четы. Только одна вдовствующая Императрица, любившая блескъ, пышность и церемоніи, поддерживала этикетъ, изгнанный со смертью Павла; императоръ и императрица, кромѣ обычныхъ церемоній въ праздничные дни вели самый скромный образъ жизни. Государь почти ежедневно совершалъ утромъ прогулку верхомъ или пѣшкомъ по улицамъ столицы въ сопровожденіи одного изъ генералъ-адъютантовъ, чаще другихъ съ Уваровымъ и княземъ П. М. Волконскимъ. Молодая государыня ѣздила въ экипажѣ съ фрейлиной, княжной Н. Ѳ. Шаховской, или прогуливалась съ ней же пѣшкомъ по набережной Невы и въ Лѣтнемъ саду.

„Публика, привыкшая къ грознымъ выѣздамъ Павла, любовно смотрѣла на появленіе Александра и Елисаветы и радостно привѣтствовала простоту обращенія юныхъ монарховъ. На ранніе обѣды приглашались только нѣкоторые приближенные и особенно часто графъ Н. А. Толстой, князь А. Н. Голицынъ и графъ П. А. Строгановъ съ супругой".

„Общественная жизнь Императрицы такъ же проста, какъ и жизнь ея августѣйшаго супруга", писалъ секретарь саксонскаго посланника Розенцвейгъ, „чтеніе, прогулки и занятія искусствами наполняютъ ея досугъ. Она проводитъ время исключительно со своей сестрою, принцессою Амаліею Баденскою и нѣсколькими дамами, пользующимися ея расположеніемъ. Княгиня Наталія Голицына, рожденная княжна Шаховская, графиня Толстая, рожденная княжна Барятинская, графиня Строганова и сестра ея г-жа Апраксина, рожденныя княжны Голицыны, пользуются, повидимому, искреннимъ расположеніемъ Ея Величества. Эти дамы ужинаютъ во дворцѣ и проводятъ вечеръ въ тѣсномъ кругу, состоящемъ изъ нихъ и нѣсколькихъ мужчинъ, приближенныхъ Императора, каковы, напр., князь Адамъ Чарторыйскій, князь Александръ Голицынъ, графъ Северинъ Потоцкій, графъ Павелъ Строгановъ, герцогъ Ришелье и князь Борисъ Голицынъ, братъ госпожи Строгановой, когда эти послѣдніе бываютъ въ Петербургѣ; Императоръ заходитъ почти каждый вечеръ на нѣсколько минутъ къ своей супругѣ и видится у нея съ тѣми дамами, которыя удостаиваются бывать на частныхъ аудіенціяхъ Императора и Императрицы. Аудіенціи эти имѣютъ характеръ визитовъ, отдаваемыхъ женамъ знатныхъ лицъ".

Желая сдѣлать удовольствіе своей супругѣ, Императоръ Александръ черезъ нѣсколько недѣль по восшествіи на престолъ пригласилъ

отца и мать Елисаветы, наслѣднаго маркграфа Баденскаго, Карла-Людвига и его жену, маркграфиню Амалію, рожденную принцессу Гессенъ-Дармштадскую, пріѣхать въ Россію погостить. Предложеніе Государя было принято Баденской четой съ радостью, и они прибыли въ Петербургъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, до коронаціи.

Вмѣстѣ съ родителями прибыли въ Россію двѣ сестры Императрицы, Амалія, Марія и ея братъ Карлъ.

Глубоко тронутая свиданіемъ съ родными, которыхъ она выѣхала встрѣтить въ Касково, Елисавета Алексѣевна, „обнявъ горячо любимаго отца, безмолвно припала къ его груди и долго не могла оторваться отъ него и изъ объятій нѣжно любимой ею матери. Всѣ окружающіе“, говоритъ въ своемъ дневникѣ камергеръ Гайлингъ, сопровождавшій маркграфа въ Россію, „на долю которыхъ выпало рѣдкое счастье быть свидѣтелями этого свиданія, были глубоко тронуты и во всѣхъ глазахъ можно было прочесть радостное волненіе“.

„Въ Касково состоялся семейный обѣдъ, на которомъ присутствовала юная великая княгиня Анна Ѳедоровна, и на который были приглашены и мы, лица свиты. Послѣ обѣда мы продолжали наше путешествіе на Кипень и Стрѣльну, гдѣ Императоръ Александръ встрѣтилъ своихъ высокихъ родственниковъ самымъ дружескимъ образомъ и милостиво выразилъ желаніе, чтобы ему была представлена вся ихъ свита“.

Для Баденской семьи было отведено помѣщеніе на Каменномъ островѣ, гдѣ она провела все лѣто 1801 года. Воспоминаніе объ этомъ радостномъ для нея лѣтѣ навсегда запечатлѣлось въ памяти Императрицы; къ сожалѣнію, оно было единственнымъ въ ея жизни, такъ какъ отецъ ея вскорѣ скончался, а мать не могла уѣзжать изъ Бадена и оставлять молодого сына на попеченіе постороннихъ лицъ.

Въ началѣ сентября дворъ переселился, по случаю коронаціи, въ Москву; принцесса Амалія сопровождала Императрицу, а ея родители съ принцемъ Карломъ и принцессой Маріей поѣхали въ Швецію на свиданіе съ другой дочерью Фридерикой, супругой шведскаго короля Густава IV.

Въ Москвѣ, по случаю коронаціи, происходилъ рядъ придворныхъ баловъ, обѣдовъ и ужиновъ; Елисавета Алексѣевна тяготилась этими нескончаемыми пріемами и выѣздами, которые были для нея чрезвычайно утомительны при ея нѣжной комплекціи, и за которые она платилась жестокими мигренями, „да и не мудрено“, писала она матери, „вотъ шестой день подъ-рядъ, какъ я не ложилась ранѣе 3 часовъ утра, а иной разъ и позднѣе. Балъ слѣдовалъ за баломъ,

но изъ нихъ былъ только одинъ интересный, это былъ балъ у г-жи Апраксиной, сестры графини Строгановой; публики было немного, и мы дѣйствительно много танцовали.

„Наканунѣ, въ такомъ же родѣ былъ балъ у графа Салтыкова, но онъ былъ менѣе оживленъ. Великолѣпенъ былъ балъ, данный графомъ Шереметевымъ, въ его загородномъ домѣ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы: тамъ былъ спектакль, фейерверкъ, балъ и иллюминація: блеску было много, но было довольно таки скучно".

По возвращеніи въ Петербургъ, Елисавету Алексѣевну постигло большое горе. Ея отецъ скончался въ Швеціи вслѣдствіе несчастнаго паденія изъ саней, послѣдствіемъ котораго былъ первый апоплексическій ударъ.

„Это тяжелое и столь неожиданное испытаніе, послѣ пережитыхъ волненій во время коронаціи, сильно повліяло на молодую Императрицу, но она перенесла его мужественно, заботясь только о томъ, какъ бы облегчить матери непоправимую утрату. Въ письмахъ къ маркграфинѣ выразилась вся нѣжность ея чувствъ. Особенно тягостна для Елисаветы Алексѣевны была невозможность утѣшить мать лично. О поѣздкѣ въ Баденъ нечего было и помышлять. Обѣ сестры, Елисавета и Амалія просили маркграфиню временно вернуться изъ Швеціи въ Петербургъ, но и это было немыслимо, такъ какъ присутствіе маркграфини было необходимо въ Карлсруэ".

Будучи въ траурѣ, Императрица мало выѣзжала въ свѣтъ въ теченіе зимы 1802 г., зато „въ кругу приближенныхъ проводились вечера въ пріятной бесѣдѣ. Къ обычнымъ посѣтителямъ этихъ вечеровъ прибавилось мало новыхъ лицъ, если не считать почтенныхъ братьевъ графовъ Воронцовыхъ, Александра и Семена Романовичей, изъ которыхъ первый, несмотря на свои недуги, принималъ дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а второй гостилъ въ столицѣ, пріѣхавъ изъ Англіи, чтобы лично ознакомиться съ новымъ курсомъ. За этотъ періодъ завязались тѣ дружественныя отношенія между графомъ Семеномъ Романовичемъ и Императрицей Елисаветой Алексѣевной, которыя не прекращались до конца царствованія и поддерживались перепиской.

На эти вечера и обѣды приглашался также гофмейстеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, объявленный женихомъ любимой фрейлины Императрицы, княжны Наталіи Шаховской.

Изъ женскаго персонала у Императрицы бывали съ 1803—1804 ежедневно княгиня Н. Ѳ. Голицына, графиня А. И. Толстая, графиня С. В. Строганова, а также и болѣе пожилыя дамы: графиня Литта, княгиня А. М. Прозоровская, А. С. Протасьева, графиня Е. К. Апраксина. „Первенствующее мѣсто при дворѣ занимала въ

то время сестра Императрицы, Амалія, находившая удовольствіе жить въ необычной для нея обстановкѣ при дворѣ своей сестры; общество ея, какъ единственное звено, связывавшее Елисавету Алексѣевну съ родной баденской семьей, было дорого для нея, тѣмъ болѣе, что кратковременное счастье личной жизни, улыбнувшееся было молодой женщинѣ въ началѣ царствованія, начало измѣнять ей; ея супругъ сталъ постепенно отъ нея удаляться, „все болѣе и болѣе увлекаясь красавицей Маріей Антоновной Нарышкиной, рожденной княжной Четвертинской, сумѣвшей покорить его сердце, играя то на нотахъ восторженной любви, то дѣйствуя на его самолюбіе“.

Уже въ исходѣ 1803 г. въ письмахъ Императрицы проскальзываютъ грустныя нотки, полунамеки и жалобы на какія-то грустныя предчувствія: такъ, 28 апрѣля (10 мая) она писала, „нужно терпѣніе, чтобы переносить съ извѣстнымъ равнодушіемъ нѣкоторыя вещи, которыя въ конецъ извели бы меня, если бы я не старалась постоянно mir es nicht zu Herzen zu nehmen. Какъ я благодарю Бога, Который послалъ мнѣ въ утѣшеніе Амалію. Ея пребываніе здѣсь, ея общество такъ же, какъ и общество княгини (Н. Ѳ. Голицыной), много, много разъ разсѣевали до извѣстной степени мрачныя и тяжелыя тучи, появлявшіяся на моемъ горизонтѣ. Я то и дѣло повторяю себѣ, что мы рождены на свѣтъ не для наслажденія, а для того, чтобы терпѣть; однако я невольно нахожу несправедливымъ, что мнѣ приходится одной переносить горе по поводу того, въ чемъ я, разумѣется, виновата не одна. Итакъ, будемъ терпѣть, не будемъ болѣе говорить объ этомъ“.

Но терпѣть и молчать было трудно; 10 іюня 1804 г. Императрица сообщила матери о вторичной беременности Нарышкиной и писала между прочимъ: „не знаю, правда ли это, но я болѣе не буду такъ огорчаться этимъ, какъ первый разъ. Говорила ли я вамъ, что первый разъ она имѣла нахальство сама сообщить мнѣ о своей беременности, которая была еще въ началѣ, такъ что я могла бы отлично не замѣтить ея. Я нахожу, что для этого нужно обладать невѣроятнымъ нахальствомъ, это было на балу, и ея положеніе было не такъ замѣтно, какъ теперь; я разговаривала съ ней, какъ со всѣми остальными, и освѣдомилась о ея здоровьи. Она отвѣтила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, „такъ какъ я, кажется, беременна“. Не правда ли, дорогая мама, что нужно было имѣть удивительное нахальство, чтобы сказать это, ибо она отлично знала, что мнѣ извѣстно, отъ кого она могла быть беременна. Не знаю, что будетъ дальше, и чѣмъ все это кончится; знаю одно, что я не стану портить характеръ и здоровье ради человѣка, того не стоющаго, но терпѣніе можетъ иногда превзойти человѣческія силы“.

Другой разъ, пользуясь болѣе надежной окказіей, Императрица пишетъ откровеннѣе:

„Я давно уже не могла говорить съ вами откровенно о томъ, что болѣе всего интересуетъ васъ и меня; все идетъ по-прежнему. Не знаю, сообщила ли вамъ Амалія о событіи, которое меня поразило и заставило бы меня увѣровать въ правосудіе судьбы, если бы я въ немъ сомнѣвалась. Я говорю о смерти ребенка, рожденіе котораго причинило мнѣ столько огорченія... Онъ умеръ въ августѣ, я отъ души жалѣла Императора; онъ былъ съ недѣлю очень печаленъ, но вѣроятно мать[1]) довольно скоро утѣшилась, ибо иначе онъ не утѣшился бы такъ скоро. Впрочемъ, прошлую зиму она потеряла другого ребенка и по прошествіи трехъ недѣль она уже танцовала. Дружеское участіе, которое я выказала Императору по этому поводу, не дѣлая этимъ надъ собой ни малѣйшаго насилія, такъ какъ я всегда питала и буду питать къ нему въ душѣ участіе; мое сочувствіе къ его горю было причиною, что онъ сталъ относиться ко мнѣ чуть ли не нѣжно, но это продолжалось не болѣе двухъ недѣль. Впрочемъ, когда мы остаемся одни, онъ относится ко мнѣ очень хорошо, но это бываетъ не долго и не часто. Что касается моего обхожденія съ нимъ, то объ этомъ можно судить лучше всего по отзыву его матери, которая несомнѣнно должна быть пристрастнѣе другихъ; она же постоянно говоритъ мнѣ, что я отношусь къ нему прекрасно, и высказываетъ величайшее желаніе, чтобы я ближе сошлась съ нимъ; судя по дружескимъ совѣтамъ, которые она мнѣ даетъ, я не думаю, чтобы она говорила это неискренно“.

Къ счастью Елисаветы Алексѣевны, она была вскорѣ отвлечена отъ тяжелыхъ впечатлѣній своей личной жизни событіями внѣшней политики. Россія была наканунѣ разрыва съ Франціей.

Отношенія Александра I къ Бонапарту съ момента принятія послѣднимъ пожизненнаго консульства измѣнились; Государь сталъ смотрѣть на него съ тѣхъ поръ какъ на нарушителя данной имъ присяги работать только для блага и славы своего отечества. Принятіе Наполеономъ императорскаго титула и кровавая расправа съ герцогомъ Энгіенскимъ повели къ окончательному разрыву съ Россіей, которая присоединилась къ коалиціи европейскихъ державъ противъ Наполеона. Александръ сталъ душою этой коалиціи.

9 сентября 1804 г. Императоръ отправился въ дѣйствующую армію, чтобы лично принять участіе въ кампаніи противъ Наполеона. О томъ, какъ глубоко была тронута Императрица отъѣздомъ

[1]) Марія Антоновна Нарышкина.

своего супруга, можно судить ея по письму къ матери отъ того же 9 числа:

„Я глубоко взволнована отъѣздомъ Императора, уѣхавшаго всего часа два тому назадъ, писала Елисавета Алексѣевна. Мнѣ необходимо стряхнуть съ себя это тягостное состояніе, а для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ писать вамъ, дорогая мама. Но я не въ состояніи писать въ настоящую минуту сколько-нибудь связно; простите, если мое письмо будетъ лишено здраваго смысла".

В. В. Тимощукъ.

Поправки: Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины" 1909 г. въ статьѣ „Китайскія встрѣчи" напечатано: стр. 481, 19-я строка снизу—К. К. Гротъ, слѣдуетъ читать—К. Я. Гротъ; въ статьѣ „Депутатъ отъ Россіи" напечатано: стр. 598, 15-я строка сверху hants, слѣдуетъ читать—hante; 7-я строка снизу—nonsence, слѣд. читать nonsens; стр. 599, 12-я строка снизу—lif's, слѣд.—life's; стр. 603, 16-я строка снизу—букву надо поставить впереди слова Crime, а не въ концѣ, слѣдуетъ:—буква *a* должна стоять впереди слова Crime, а не на концѣ; 10-я строка снизу—„Кинглекъ прерываетъ. Да, но Брайтъ-квакеръ, слѣдуетъ:—„Кинглекъ говоритъ: Брайтъ ничто болѣе, какъ квакеръ; 9-я строка снизу—„Я ненавижу Ваше квакерство, слѣдуетъ:—„Я ненавижу ваше ничто иное";—6-5 стр. снизу:—„Нѣтъ сомнѣнія, что эти взгляды необходимо требуются христіанскимъ просвѣщеніемъ, слѣдуетъ:—„Къ тому же эти правила требуются христіанствомъ; стр. 606, 9-я строка снизу:—проситъ отвѣта, слѣдуетъ:—рѣшаетъ вопросъ по принципу; стр. 609, 13-я строка сверху—Notel, слѣд.—Hotel; стр. 613, 1-я строка снизу и стр. 614, 11-я строка сверху—loaking yau, слѣдуетъ читать—looking you.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

подъ редакціей Барона Н. В. ДРИЗЕНЪ.

„Ежегодникъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ“ выходитъ ежемѣсячно, въ теченіе 1909 г., а также будетъ выходить и въ теченіе 1910 г. семь разъ, книжками въ 10—12 печатныхъ листовъ, формата малое in 4⁰, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника“ будетъ заключать въ себѣ записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся постановокъ въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театрахъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ дѣятельности частныхъ и заграничныхъ театровъ и т. д.

Въ видѣ приложенія будутъ даны пьесы текущаго репертуара ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, иллюстрированныя портретами дѣйствующихъ лицъ и mise-en-scène постановки.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи въ литературно-художественномъ отдѣлѣ: Профессора **Ѳ. Д. Батюшкова**, акад. **А. Ѳ. Кони**, акад. **Н. А. Котляревскаго**, **Д. С. Мережковскаго** и проф. **П. О. Морозова**; въ художественномъ отдѣлѣ: **А. Я. Головина**, **М. В. Добужинскаго**, **Е. Е. Лансере**, **К. А. Сомова**, **С. К. Маковскаго** и **К. Д. Чичагова**.

Цѣна годового экземпляра „Ежегодника“ 6 руб., съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы, а также въ Конторѣ „Ежегодника“ (Итальянская, д. 1—8, кв. 49).

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 руб. (продается также въ фойэ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ).

3—1

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый **М. М. Ковалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева** при ближайшемъ участіи:

И. В. Жилкина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. С. Посникова, Л. З. Слонимскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналѣ будутъ помѣщаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника В. И. Россинскаго, фирмой Meisenbach, Riffarth & C° въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъдоставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50 к. по 1/2 г. 7 р. 75 к., по 1/4 г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкою на годъ 16 р., по 1/2 г. 8 р., по 1/4 г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по 1/2 г. 8 р. 50 к., по 1/4 г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союза на годъ 19 р., по 1/2 г. 9 р. 50 к. по 1/4 г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою—**1 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28., К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“. Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Редакція „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32. **Главная контора журнала.** Загородный просп., 14. **Московское Отдѣленіе:** Б. Никитская. 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію безплатно. 3—1

Открыта подписка на 1910 годъ.

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы

„ВСХОДЫ".

Въ 1910 году „ВСХОДЫ" будутъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ" получатъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи и этнографіи. Постоянные отдѣлы: **Изъ науки и жизни.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.**

Въ виду распространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „ВСХОДОВЪ" составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлить на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединять въ одну книжку.

12 №№ „Библіотеки Всходовъ"—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Во „Всходахъ" и „Библіотекѣ Всходовъ" 1910 г. будетъ напечатано между прочимъ: **Безъ исхода.** Истор. пов. **А. Алтаева.—Талантъ.** Пов. **Его же.—Маленькій Павлюкъ.** Пов. **С. Гусева-Оренбургскаго.—Сказка жизни.** Пов. **А. Галагай.—Три волоса.** Пов. **А. Зарина.—Люди каменнаго вѣка.** Очерки **А. Ельницкаго.—Охота за горбачами.** Разск. **И. Инфантьева.—Изъ жизни насѣкомыхъ. Фабра.** Въ обраб. **И. Игнатьева.—По волнамъ эѳира.** Астроном. романъ **Б. Красногорскаго.—Пуурулъ.** Изъ алтайскихъ воспоминаній **А. Мирской.—Песеме новоземелецъ.** Разск. **К. Носилова.—Царица Эстеръ.** Разск. **Н. Пружанскаго.—Моряки.** Сборникъ морскихъ разсказовъ. **К. Станюковича.**

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ въ Россіи **5** р.; на 1/2 года **2** р. **50** к.; на 1/4 года **1** р. **25** к.; на 1 мѣс. **42** к.; за границу **8** р.

Плата за объявл. 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р., 1/4 стр.—10 р.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: **С.-Петербургъ. 4-я Рождественская, № 8;** въ конт. Печковской: **Москва, Петровскія линіи,**— и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-издат. *Э. Монвижъ-Монтвидъ.*

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ 1910 г.
ПОПУЛЯРНЫЙ

„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ“

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. ◆ ◆ тринадцатый годъ изданія.

Учебнымъ отдѣл. Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для Фундаментальныхъ библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.
Кромѣ популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ текущей литературѣ.

„Литературно-Медицинскій Журналъ“ выходитъ ежемѣсячно книгами журнальнаго формата по слѣдующей программѣ: I. Оригинальныя и переводныя статьи и руководства по всѣмъ отдѣламъ медицины и вспомогательнымъ ея наукамъ, съ соотвѣтственными рисунками научнаго содержанія. II. Рефераты, обзоры, біографіи медицинскихъ дѣятелей (съ портретами), некрологи, библіографія и критика медицинскихъ сочиненій и журналовъ. III. Литературный отдѣлъ и IV. Объявленія.

Подписчики **„Литературно-Медицинскаго Журнала“** получаютъ **безплатно**

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ **„ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ“** подъ редакціей д-ра ОКСА.

Въ журналѣ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.
Борьба съ болѣзнями и предупрежденіе ихъ.—Общественное здравоохраненіе.—Всевозможныя практическія указанія по медицинѣ и гигіенѣ.—Домашній лѣчебникъ.—Домашняя аптека.—Домашняя помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей,

Въ 1910 г. въ „Литературно-Медицинскомъ журналѣ“ будутъ, меж. проч., напечатаны:

I. **Научный отдѣлъ:** Проф. **Максъ Груберъ** (Мюнхенъ). **„Гигіена половой жизни“** Перев. съ 3-го нѣмец. исправленнаго изданія (7—12 тыс. экземп.). Съ рисунками.—Проф. **Г. Портъ** (Гейдельбергъ), **„Гигіена зубовъ и полости рта“** (строеніе и назначеніе полости рта; прорѣзываніе и смѣна зубовъ; уходъ за зубами и полостью рта у взрослыхъ; уходъ за полостью рта у больныхъ; костоѣда зубовъ; происхожденіе ея и послѣдствія; извлеченіе зубовъ; лѣченіе костоѣды; пломбировка; искусственные зубы; профессіональныя болѣзни зубовъ). Перев. съ нѣм. Проф. **Л. Шреттеръ** (Вѣна). **„Гигіена легкихъ въ здоровомъ и больномъ состояніи“**. Съ 17 рисунками. Пер. съ нѣм.—Проф. **А. Богинскій** (Берлинъ), **„Обязанности матери“**. Перев. съ нѣмец.—Д-ра мед. **Р. Абель** и **М. Финкеръ** (Берлинъ). **„Простѣйшіе способы бактеріологическихъ изслѣдованій“** (Перев. съ нѣм).
II. **Литературный отдѣлъ: Бріэ** (Brieux). **„Потерпѣвшіе“**. Медицинская пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ франц.—Д-ръ мед. **А. Н. Муморцевъ**. **„Психопатическія черты въ герояхъ Леонида Андреева“**.—Д-ръ мед. **А. В. Соболевскій**. **„Лермонтовъ о спиртовыхъ напиткахъ“**. **А. Бахтіаровъ**. **„Приготовленіе скелетовъ“**. . **Литературное обозрѣніе:** разборъ новыхъ книгъ и произведеній, соприкасающихся съ медициной и появляющихся въ текущей журнальной литературѣ.
III. **Общественная медицина:** отклики на общественно-медицинскія злобы дня.—**Т. П. Задера.** „Объ объединеніи всѣхъ фельдшерско-акушерскихъ организацій.
IV. **Практическая медицина:** рефераты изъ періодической медицинской печати, имѣющіе практическій интересъ. V. **Библіографія и некрологи** VI. **Двѣнадцать №-ровъ журнала «Домашній Докторъ»** съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Цѣна **„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКАГО ЖУРНАЛА“: четыре рубля** за годъ, **два рубля** за полгода и **одинъ рубль** за 3 мѣсяца съ перес. Для выписывающихъ **одновременно** оба изданія (**„Фельдшеръ“** и **„Литературно-Медицинскій Журналъ“ съ „Домашнимъ Докторомъ“**) допускается **уступка и разсрочка:** при подпискѣ **3 р.**, къ первому апрѣля **1 р., 50 к.** и къ первому іюля 1910 г. **1 р. 50 к.** За неполученіемъ взносовъ въ указанные сроки высылка **обоихъ** изданій прекращается.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журналовъ только **при непосредственной** подпискѣ черезъ контору редакціи (СПБ., Офицерская, 26).

Годовые подписчики газеты **„Фельдшеръ“ и Литературно-Медицинскаго журнала“**, внесшіе сразу всю подписную плату (6 р.), получатъ безплатно приложеніе

Медицинскій календарь „ЭСКУЛАПЪ“ на 1910 г. въ двухъ частяхъ.

(2-ая часть содержитъ: **„Краткій терапевтическій словарь по внутреннимъ болѣзн.“**).

2—1 Редакторъ-издатель д-ръ **Б. А. Оксъ.**

14-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1910 годъ

14-й годъ изданія.

на единственное въ Россіи литературное художественное иллюстрированное изданіе.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Искусства и Науки

(быв. Θ. И. Булгакова, редактора газ. „Новое Время").

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПРОГРАММА:

1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстрацій.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванію, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнотизму, магнетизму, спиритизму, окультизму и факиризму.—7) Историческіе мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обозрѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получатъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Онэ, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уальдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получатъ безплатно новое художественное изданіе

со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ

Премія **ЗАМОКЪ НЕУШВАНШТЕЙНЪ** Премія

Баварскаго короля Людовига II.

Подписная цѣна съ доставкой и съ пересылкой 6 р.

Подписка принимается въ редакціи „**Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки**"—С.-Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Издатель-редакторъ *С. Д. Новиковъ.*

3—1

Подписчикамъ „**Одесскаго Листка**“ на 1910 годъ будетъ выдана **БЕЗПЛАТНО** книга великаго писателя земли русской

Льва Николаевича ТОЛСТОГО

„КРУГЪ ЧТЕНІЯ“.

Цѣль этой книги, какъ заявляетъ великій писатель въ своемъ предисловіи къ ней, заключается въ томъ, „чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разныхъ писателей, дать большому числу читателей ежедневно кругъ чтенія, возбуждающаго лучшія мысли и чувства“.

„Я желалъ бы, говоритъ онъ, чтобы читатели испытали при ежедневномъ чтеніи этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испыталъ при ея составленіи и теперь продолжаю испытывать при ея перечитываніи“.

„Чувствую, что это моя послѣдняя работа, говоритъ Левъ Николаевичъ Толстой, и хочется придать ей характеръ тихой бесѣды послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ съ міромъ, и я радъ, если эту книгу читаютъ“.

„**КРУГЪ ЧТЕНІЯ**“, составляющій книгу около 800 страницъ, отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на хорошей большого формата бѣлой бумагѣ. Къ книгѣ приложенъ художественно исполненный фототипіей портретъ Л. Н. Толстого.

Выдача книги годовымъ подписчикамъ на 1910 годъ, внесшимъ полную подписную годовую плату (городскіе 10 руб., а иногородніе 12 руб.), будетъ производиться съ 10-го января 1910 года въ конторѣ „Одесскаго Листка“ по предъявленіи подписныхъ квитанцій. Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію по почтѣ, подъ заказной бандеролью, благоволятъ сообщить о томъ конторѣ, приложивъ поч. марокъ на 35 к. въ возмѣщеніе стоимости расходовъ по пересылкѣ. Подписчики же, получающіе газету въ разсрочку, книгу получатъ при послѣднемъ взносѣ подписной суммы.

Количество экземпляровъ очень цѣнной книги „Кругъ чтенія“ отпечатано нами ограниченное и въ отдѣльную продажу не поступитъ.

Ежедневная литературная, политическая и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

съ отдѣльн. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, выходящими при газетѣ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ по средамъ и субботамъ.

Въ 1910 году газета вступаетъ въ 37-ой годъ своей жизни и будетъ продолжать издаваться той же редакціей, подъ которой газета выходила всѣ 36 лѣтъ.

Вліяніе, которое пріобрѣла за столь продолжительное время газета, и то огромное число читателей, которое она завоевала, обязываютъ насъ стоять съ прежнею чуткостью на стражѣ интересовъ общества и въ будущемъ и съ сознаніемъ этой священной обязанности продолжать работу. Девизомъ газеты всегда было и впредь будетъ—стремленіе идти навстрѣчу интересамъ читателя-гражданина безъ различія національности и вѣроисповѣданія, неизмѣнно преслѣдуя цѣли прогресса и культуры.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

въ городѣ съ доставкой на домъ **10** р. въ годъ, **6** р. полгода, **3** р. **50** к. три мѣсяца и **1** р. **20** к. въ мѣс.; **на города** съ ежедневной высылкой по почтѣ: **12** р. въ годъ, **7** р. полгода, **3** р. **80** к. три мѣсяца, **1** р. **30** к. въ мѣс. Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи денегъ, должна быть оплачена 5 к. гер. мар. за счетъ подписчика.

Редакція и Контора въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“ В. В. Навроцкаго. 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1909 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: большая стѣнная картина „НИЧЬЯ" акад. Харламова; 12 новѣйш. ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ на раскраш. и черн. листахъ; 12 илл. книжекъ РАЗСКАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и СКАЗОКЪ; 12 вып. „ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ"; „МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ НАТУРАЛИСТЪ"; игра „СТЕПКА-РАСТРЕПКА" и мн. др.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: акварельная картина — „ПОДАЙТЕ СЛѢПОМУ"; 12 иллюстр. кн. ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для юношества, 8 вып. „КНИГИ ЗНАМЕНИТ. ЛЮДЕЙ"; 6 вып. „ГОЛУБАЯ ВОЛНА", — Л. А. Чарской; „БИБЛ. ЮНАГО НАТУРАЛИСТА"; „КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ" съ записной книж. и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ" и „ДѢТСКІЯ МОДЫ".

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ ШЕСТЬ рублей. Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

на 1910 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ".

Четвертый годъ изданія.

Взявъ своимъ лозунгомъ **независимость** и поставивъ главною цѣлью **широкую и полную освѣдомленность**, редакція «ГОЛОСА МОСКВЫ» привлекла для ближайшаго участія въ газетѣ выдающихся ученыхъ и спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и образовала обширную сѣть своихъ корреспондентовъ.

Свѣдѣнія о текущей жизни Петербурга и о **дѣятельности всѣхъ государственныхъ учрежденій** получаются ежедневно по телефону.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о московской жизни.

Газета внимательно слѣдитъ за ходомъ развитія торгово-промышленнаго дѣла въ Россіи. Ежедневно—обширная хроника, обзоры и руководящія статьи по вопросамъ этой области.

Въ каждомъ номерѣ газеты—**сатирическіе и юмористическіе фельетоны** на злобу дня.

Широкое мѣсто отводится **вопросамъ искусства** и художественной **литературѣ**. Важнѣйшія событія **иллюстрируются**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 12 мѣс.	9 р. — к.	на 6 мѣс.	4 р. 75 к.
» 11 »	8 » 50 »	» 5 »	4 » — »
» 10 »	7 » 75 »	» 4 »	3 » 25 »
» 9 »	7 » — »	» 3 »	2 » 50 »
» 8 »	6 » 25 »	» 2 »	1 » 80 »
» 7 »	5 » 50 »	» 1 »	— » 90 »

Льготная подписка для лицъ духовнаго знанія, военныхъ, учителей и студентовъ:

на 12 мѣс.	6 р. — к.	на 6 мѣс.	3 р. — к.
» 11 »	5 » 50 »	» 5 »	2 » 50 »
» 10 »	5 » — »	» 4 »	2 » — »
» 9 »	4 » 50 »	» 3 »	1 » 50 »
» 8 »	4 » — »	» 2 »	1 » 10 »
» 7 »	3 » 50 »	» 1 »	— » 60 »

Выписывающіе за границу платятъ вдвое.

Отвѣтств. редакторъ: *Л. И. Смирновъ.*

Издатель: «Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ».

2—2

14-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1910 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

Издаваемый въ Москвѣ А. А. ПЕТРОВИЧЕМЪ подъ редакціей Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Н. Э. СТРЕМОУХОВА при постоянномъ участіи извѣстнаго писателя И. ЛОДИНА и художника П. П. ИВАНОВА и др.

Тринадцатилѣтнее существованіе журнала, огромная распространенность его среди Русскаго населенія, полное удовлетвореніе подписчиковъ, даже въ то время, когда политическія событія ставили къ тому почти непереодолимыя препятствія, наконецъ лестные отзывы подписчиковъ и читателей, такова въ общ. чертахъ исторія журн. „Родная Рѣчь“.

Въ будущемъ 1910 году подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получатъ ВСЕГО ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

50 №№ ЛИТЕРАТУРНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА — свыше 300 рисунковъ и портретовъ и 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, статьи историческаго и научнаго содержанія, описанія путешествій, біографіи, смѣсь, сельскохозяйственныя замѣтки. ОПИСАНІЕ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, оригинальные рисунки, портреты, снимки съ знаменитыхъ картинъ, виды городовъ, историческихъ памятниковъ, живописныхъ мѣстностей и пр.

50 №№ ПОЛИТИЧЕСКОЙ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ, въ которой печатаются передовыя статьи по всѣмъ вопросамъ политической и общественной жизни, хроника правительственныхъ распоряженій, нововведеній, фельетоны и замѣтки на разныя темы, обсужденіе мнѣній другихъ газетъ о разныхъ вопросахъ, корреспонденціи, иностранныя новости, театръ и музыка, спортъ, мелочи, тиражи и пр.

24 КНИГИ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ Графа Е. А. САЛІАСА.

Будутъ даны слѣдующія его сочиненія: НА МОСКВѢ МОРЪ, больш. историч. романъ; ШЕМЯКИНЪ СУДЪ, историч. романъ; ПЕТРОВСКІЕ ДНИ, историч. романъ; ПОСЛАНЕЦЪ ГРАФА ГЕТМАНА, историч. романъ; СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ, историч. романъ; СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ, историч. повѣсть; ЛУРДСКАЯ БОГОМАТЕРЬ, разсказъ; ЧЕРНЫШЪ, разсказъ; ЕВРЕЙКА, разсказъ; ЗАСѢКИНСКІЙ ДОМЪ, разсказъ; ЛОВЕЛАСЪ, разсказъ; ЯБЕДА НА ЯБЕДУ, разсказъ; ПОСЛАНІЕ КЪ РОССІЯНАМЪ, историческій разсказъ.

ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ СТОЯТЪ 15 рублей

4 КНИГИ СОЧИНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АНГЛІЙСК. ПИСАТЕЛЯ **ДЖОНА ЛЕББОКЪ.**

КАКЪ НАДО ЖИТЬ РАЗУМНО И СЪ ПОЛЬЗОЙ.

Означенныя книги необходимы каждому грамотному человѣку для самообразованія.

1 КНИГА МЕЖДУЦАРСТВІЕ Написанная по источникамъ Е. И. ЗАБѢЛИНА.

СО МНОГИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ.

При первомъ № журнала будетъ приложенъ

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г.

1 БОЛЬШАЯ КНИГА ЦАРЕУБІЙСТВО

или ИСТОРІЯ СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО.

НАПИСАНА ПО ЗАПИСКАМЪ ОЧЕВИДЦА.

Долголѣтнее добросовѣстное исполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками служитъ гарантіей для будущихъ подписчиковъ, что и въ предстоящемъ году мы съ одинаковымъ рвеніемъ не только выполнимъ всѣ свои обѣщанія въ точности, но не остановимся передъ затратами на особыя не входящія въ программу приложенія, если того потребуютъ обстоятельства.

Подписная цѣна на журналъ „Родная Рѣчь“ со всѣми приложеніями съ пересылкой **на годъ 5 р.** Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 апрѣля—1 р., къ 1 іюля—1 р. и къ 1 сент.—1 р.

Съ наложеннымъ платежомъ и въ кредитъ журналъ не высылается.

Подписку адресовать въ контору журнала „РОДНАЯ РѢЧЬ“—Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер., № 4.

Открыта подписка на 1909—1910 г.

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературный журналъ

II годъ съ Окт. 1909 г. по Окт. 1910 г. „МІРЪ“ II годъ съ Окт. 1909 г. по Окт. 1810 г.

Въ журналѣ „МІРЪ“ принимаютъ участіе выдающіеся литераторы, ученые и публицисты. Въ 1909—1910 г.г. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, получатъ:

12 №№ ЖУРНАЛА большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40000 буквъ).

АЛЬБОМЪ изъ 24 **КАРТИНЪ ЗНАМ. ХУДОЖН.** въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошной папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

Живыя рѣчи Л. Н. Толстого.

Въ содержаніе живыхъ рѣчей войдутъ собранныя И. Б. Тенеромо легенды и бесѣды Л. Н. Толстого: Религія человѣчества.—Молитва.—Легенда объ Александрѣ I.—Христіане ли мы?—Послѣ отлученія.—Сборъ для голодающихъ.—Яснополянская коммуна. — Пророчества. — Шпіонъ. — Какъ Л. Н. Толстой бросилъ курить.—Новая заповѣдь.—О патріотизмѣ.—Сотрудники Л. Н. Толстого.—Легенда нищихъ.—Старушка сказочница.—Два старика.—Педагоги.—Какъ создавалась „Власть тьмы“.—Плоды просвѣщенія.—Пилатъ и истина.—Эпизодъ изъ Севастопольской войны.—Палкинъ.—Рѣпинъ.—Суворинъ. — Сенаторъ. — Вегетаріанство. — Л. Н. Толстой и П. Л. Лавровъ.—Л. Н. Толстой и его дѣти.—Какъ отняли дѣтей у Хилкова.—Пасхальное путешествіе.—Л. Н. Толстой и Крыловъ.—Голодъ.—Въ опалѣ.—Л. Н. Толстой и деньги.—Партіи.—Соціализмъ.—Пролитая кровь.—Упоеніе смертью.—Л. Н. Толстой и конституція.—М. А. Стаховичъ.—Разумъ.—Въ Ясной Полянѣ.—Посылка.—Переписка Л. Н. Толстого.—Къ слухамъ объ Л. Н. Толстомъ.—Къ обстрѣлу дома Л. Н. Толстого.—Легенда объ Александрѣ Македонскомъ.—Колонизація евреевъ.—Сіонизмъ.—Л. Н. Толстой о юдофобствѣ.—Къ юбилею Л. Н. Толстого.—Накануне юбилея.—Отказъ отъ юбилея.—Академія нравственныхъ наукъ.—Л. Н. Толтой и студенты.—Л. Н. Толстой о Государственной Думѣ.—Л. Н. Толстой и порнографія.—Л. Н. Толстой о семьѣ.—Л. Н. Толстой о дуэли.—Изъ прошлаго.—Паломницы Ясной Поляны.—Л. Н. Толстой о тайнѣ безстрашія.—О врачахъ.—О прессѣ.—О театрѣ.—О женщинахъ.—Треповъ и домъ Л. Н. Толстого.—Покосъ.—Языкъ труда.—Л. Н. Толстой въ лѣсу.—Плачъ Патріарховъ.—Легенда о языкѣ.—Служители Бога.—Легенда о Патріархѣ.—Жизнь человѣка.—Легенда о Содомѣ.—Рождественская легенда.—Учитель жизни.—Легенда о Кесарѣ Адріанѣ.

Помимо всего вышепомѣщеннаго редакція „МІРЪ“ съ Октября т. г. вводитъ:

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Главной задачей справочнаго отдѣла является желаніе придти на помощь провинціальному читателю, отдаленному отъ центра умственной и повседневной жизни. Руководясь этимъ, редакція „МІРЪ“ организовала особое справочное бюро, въ которое вошли спеціалисты—ученые по всѣмъ отраслямъ науки, сельскому хозяйству, общественной жизни и т. д.

Бюро отвѣчаетъ на вопросы подписч., даетъ совѣты, указанія и т. д.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстности Россіи: на годъ 5 р., на ½ 3 р. **Заграницу:** на годъ 8 р., на ½ г. 5 р.

Для сельскихъ священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земскихъ служащихъ допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 руб., каждые три мѣсяца по 1 руб.

При коллективной подпискѣ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждые 10 экз. 1 экз. безплатно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробный проспектъ о журналѣ и каталогъ книгоиздательства высылается безплатно.

Редакторъ *Л. Л. Богушевскій.* Издатель *В. Л. Богушевскій.*

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: **Москва**, Петровка, д. № 25, Самариной; въ **С.-Петербургѣ**—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголъ Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголъ Садовой и Мучного пер.; № 7—уголъ Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библіотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголъ Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель **Л. А. ТИХОМИРОВЪ.**

3—2

Годъ изданія сорокъ пятый

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Полные обзоры областной промышленности и торговли.

Объявленія *изъ губерній: нижегор., казанск., симбирск., самарск. и сарат. и изъ Закаспійск. Края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид. соб. д.)*, всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Мецль и К° (Москва, Мясницк., д. Сытова). *Плата за объявленія* со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ—7 руб. 50 коп., 1/2 года —3 руб. 75 коп., 3 мѣс. —2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель *В. И. Складинскій.*

3—2

Подписка на 1910 г. открыта.

„РОДНИКЪ“

XXIX г. изд. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. 12 книжекъ со многими иллюстраціями и отдѣльными картинками (до 2.000 стр.). Интересное содержаніе. Изящная внѣшность. Участвуютъ лучшіе писатели и художники. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ современ. жизни.

Каждая книжка закончена.

Цѣна съ перес. 5 р. На ½ г.—2 р. 50 к.

„Воспитаніе и Обученіе“

XXXIV г. изд. Педагогическій листокъ для родителей и педагоговъ. 12 №№. Популярныя статьи по физическ., умств. и нравств. воспитанію дѣтей, гл. обр. **дошкольнаго** возраста. Протоколы С.-Петербургскаго Родительскаго Кружка. Рецензіи о дѣтскихъ книгахъ.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

„СОЛНЫШКО“

VI г. изд. Единственный въ Россіи **дешевый** журналъ для начальныхъ школъ и для дѣтей младшаго возраста. 12 книжечекъ со многими иллюстраціями. **Приложеніе:** 40 большихъ картинъ для составленія альбомовъ. Знакомитъ дѣтей преимущественно съ роднымъ бытомъ и природой, и стремится сдѣлаться подспорьемъ при начальномъ обученіи.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

Каждая книжечка закончена. Цѣна ихъ отдѣльно—10 коп.

Редакція и Контора: Петербургъ, Таврическая, 27.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

3—2

„Запросы въ парламентъ „Будильника".

Запросъ русскому читателю о подпискѣ на 1910 г.

I. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ", перейдя въ 1908 г. въ новыя руки, РАДИКАЛЬНО ОБНОВИЛСЯ и сталъ не узнаваемъ по содержанію и по внѣшности?

II. Извѣстно ли тебѣ, что новая редакція сдѣлала изъ „БУДИЛЬНИКА" журналъ БЕЗПАРТІЙНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ?

III. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ", открывъ подписку на 1910 годъ, дастъ годовымъ подписчикамъ, въ видѣ преміи, великолѣпный, единственный въ своемъ родѣ АЛЬБОМЪ, подъ заглавіемъ „ЖЕНЩИНА ВЪ КАРРИКАТУРѢ? Что въ АЛЬБОМЪ войдетъ СВЫШЕ 100 ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫХЪ РЕПРОДУКЦІЙ съ рисунковъ такихъ мастеровъ и знатоковъ женщины, какъ БЕРДСЛЕЙ, ФОРЕНЪ, ГУЛЬБРАНСОНЪ. РЕЗНИЧЕКЪ, К. СОМОВЪ и ДР.?

IV. Извѣстно ли тебѣ, что въ „БУДИЛЬНИКѢ" участвуютъ НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ и ЛИТЕРАТУРНЫЯ СИЛЫ?

V. Извѣстно ли тебѣ что УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1910 г. остаются прежнія, т. е. иногороднимъ съ преміей безъ разсрочки 10 руб. въ годъ; безъ преміи 9 р. въ годъ, на ½ г.—5 р; городскимъ: съ преміей 9 р. въ годъ, безъ преміи 8 р., на ½ г.—4 р. 50 к.?

VI. Извѣстно ли тебѣ, что ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ „ДОБРОЕ УТРО!" съ 1910 г. выдѣляется въ самостоятельное изданіе и стоитъ по отдѣльной подпискѣ, въ годъ 2 руб.

VII. Извѣстно ли тебѣ, что ПИСЬМА и ДЕНЬГИ СЛѢДУЕТЪ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Петровка, Салтыковскій пер., д. Михайлова, журналу „Будильникъ", а для подписчиковъ на „Доброе Утро!": Москва, журналу „Доброе Утро!"?

ЕСЛИ ТЕБѢ ВСЕ ЭТО ИЗВѢСТНО, КАКІЯ МѢРЫ ДУМАЕШЬ ТЫ ПРИНЯТЬ КЪ ТОМУ, ЧТОБЫ ПОБОРОТЬ ПРИСУЩУЮ ТЕБѢ ЛѢНЬ И ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, А НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ, ПО НЕПОХВАЛЬНОЙ ПРИВЫЧКѢ, ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ, НЕ ЗАСЫПАТЬ НАСЪ ПЕРЕВОДАМИ ВЪ САМОМЪ КОНЦѢ ГОДА, КЪ УЖАСУ НАШИХЪ КОНТОРСКИХЪ СЛУЖАЩИХЪ, СБИВАЮЩИХСЯ СЪ НОГЪ ПОДЪ ГРАДОМЪ СЫПЛЮЩИХСЯ ТРЕБОВАНІЙ.

2—2 „Будильникъ".

отъ гибели и забвенія обломки древностей, занятаго историческими изслѣдованіями того провинціальнаго угла, въ которомъ онъ живетъ, пишущаго по начальству протесты при видѣ кощунственнаго отношенія къ древностямъ, статейки въ историческіе журналы, замѣтки по поводу найденныхъ архивныхъ курьезовъ прошлаго и т. п. Чуждый политики наградъ, карьеръ, одинаково спокойно „взирающій на правыхъ и виновныхъ“ тѣхъ событій, которыя проходятъ передъ нимъ по документамъ, не мечтающій, конечно, о популярности, наградахъ, почетныхъ званіяхъ, а тѣмъ болѣе о научно-литературной славѣ, часто никому невѣдомый, а еще чаще составляющій бѣльмо на глазу провинціальной администраціи, духовенства, беззаботныхъ въ отношеніи охраны древнихъ памятниковъ, нерѣдко осмѣиваемый, непонятый даже близкими окружающими, тратящій на пріобрѣтеніе старины, для умноженія своихъ коллекцій, въ ущербъ личному благополучію, скудныя сбереженія,— такой современный „Несторъ-лѣтописецъ“ вноситъ, однако, незамѣтно свой вкладъ въ общую сокровищницу отечественной исторіи. Право, жаль, что до сихъ поръ нѣтъ еще у насъ капитальнаго труда на тему о томъ, что сдѣлали вообще для родины, для общества, наши провинціальные „волонтеры“, такъ сказать, микробы, муравьи науки, искусства, археологіи, чѣмъ обогатили они столичные и губернскіе музеи, что спасли для потомства отъ неминуемаго разрушенія, гибели, на чемъ подчасъ разбили жизнь свою, свои средства, свое счастье!“... На могилу такого труженика положилъ авторъ свой вѣнокъ, вполнѣ заслуженный покойнымъ И. И. Орловскимъ, который всю свою недолгую жизнь (онъ умеръ сорока лѣтъ) посильно подвизался подвигомъ добрымъ на нивѣ родной исторіи, невзирая на весьма неблагопріятствующія условія. А каковы бываютъ послѣднія, объ этомъ негодующе разсказываетъ г. Жиркевичъ какъ въ біографіи Орловскаго, такъ и въ статьѣ о смоленскихъ архивахъ, помѣщенной въ I томѣ сборника „Смоленская Старина“, возникшаго по почину И. И. Орловскаго.

Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпуски I и II. Новгородъ, 1908 и 1909 г.г.

Эти двѣ книжки являются плодомъ дѣятельности общества, основавшагося въ апрѣлѣ 1908 г. „Оно полагаетъ“—читаемъ въ отчетѣ—„что только съ объединеніемъ ученыхъ и общественныхъ силъ можно достигнуть серьезныхъ результатовъ въ дѣлѣ изученія новгородской старины, и что, идя по этому пути, тщательно собирая матеріалы по изученію прошлыхъ судебъ Великаго Новгорода, изучая сохранившіеся памятники его гражданской и церковной жизни, розыскивая хранилища частныхъ лицъ и этимъ оберегая ихъ отъ того гибельнаго расхищенія, которому они подвергаются, и изслѣдуя разбросанные по всему лицу новгородской земли могильники, гдѣ погребены ея древніе насельники, оно служитъ дѣлу русской исторической науки, для которой должно быть дорого все то, что переноситъ насъ въ прошлое“. Новгородъ и обширный прилегающій къ древнѣйшему русскому городу край представляютъ намѣченной обществомъ дѣятельности богатое поприще, и участникамъ молодого общества, проявившимъ горячій интересъ къ дѣлу, нетрудно было сразу прочно поставить на ноги свое дѣтище и, между прочимъ, ознаменовать первые полтора года его существованія двумя книжками очень цѣнныхъ историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, сообщеній и изслѣдованій. Въ первомъ выпускѣ особенно цѣнны докладъ М. В. Муравьева „Святая Софія, новгородскій Пантеонъ“ и 3-е дополненіе къ извѣстному библіографическому словарю В. Ласковскаго „Новгородика“, посвященному сочиненіямъ о новгородской землѣ. Изъ состава второго выпуска нужно отмѣтить интересное разъясненіе П. Л. Гусева „О лунѣ подъ крестомъ на куполахъ русскихъ церквей“, составленное М. В. Муравьевымъ родословіе угасшаго дворянскаго рода Базанищихъ, десять писемъ „духовной дщери“ архим. Фотія графини А. А. Орловой-Чесменской, а въ особенности—мемуары извѣстнаго военнаго и гражданскаго дѣятеля и писателя, Ник. Назар. Муравьева, отца графовъ Виленскаго, Карсскаго и Амурскаго, „Припоминанія мои съ 1778 г.“, которыя с общилъ внукъ автора, графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій, владѣющій всѣми бумагами своего дѣда. Эти „Припоминанія“, которыя Н. Н. Муравьевъ сталъ писать на 65-мъ году (и, къ сожалѣнію, не окончилъ), при всей своей отрывочности, необработанности, цѣнны не только какъ высокаго значенія историческій матеріалъ, не только какъ рѣдкое по отчетливости запечатлѣніе исчезнувшаго помѣстнаго и дворянскаго быта, но и какъ замѣчательный „человѣческій документъ“. Рѣдко гдѣ такъ полно и ясно выразился русскій человѣкъ второй половины XVIII вѣка, какимъ въ своей внутренней сущности остался Н. Н. Муравьевъ и въ XIX-мъ. Деистическая, спокойная вѣра въ Être Suprême и наивная, жадная привязанность къ наслажденіямъ жизни (стоитъ привести признаніе: „ласкать женщину для меня всегда было величайшее и, можетъ быть, единственное наслажденіе“), преклоненіе передъ „естественной“ вольностью человѣка и въ то же время признаніе всего существующаго уклада жизни, съ выработаннымъ вѣками соціальнымъ строемъ,—вся эта удивительная амальгама, изъ которой созданъ былъ русскій вольтерьянецъ, раскрывается въ „Припоминаніяхъ“, иныя страницы которыхъ, особенно сохранившія вкусъ и запахъ эпохи, просто просятся въ историческую хрестоматію. Въ „Припоминаніяхъ“ фигурируютъ Екатерина, Павелъ, Александръ I, Аракчеевъ. Графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій обѣщаетъ напечатать письма Н. Н. Муравьева къ Александру I, по поводу убійства любовницы Аракчеева, Настасьи Минкиной. Нѣтъ сомнѣнія, что новгородское общество найдетъ въ родномъ краю множество мѣстныхъ темъ для изслѣдованія и матеріаловъ и, вдохновляемое окружающими памятниками старины и воспоминаніями богатаго прошлаго Господина Великаго Новгорода, еще шире разовьетъ свою благородную дѣятельность. Отъ души желаемъ послѣдней и научнаго расцвѣта, и общественнаго сочувствія, безъ котораго заглохло въ провинціи уже не одно подобное начинаніе. *Н. Т.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старику"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118415311